

СМОНО

Люричес Блю Смарт в медовом месяце

Ольга Чайковская. Принцесса

С турфирмой

"Флегреан Турист Сервис"
на остров

ИСКЬЯ

в Неаполитанском заливе

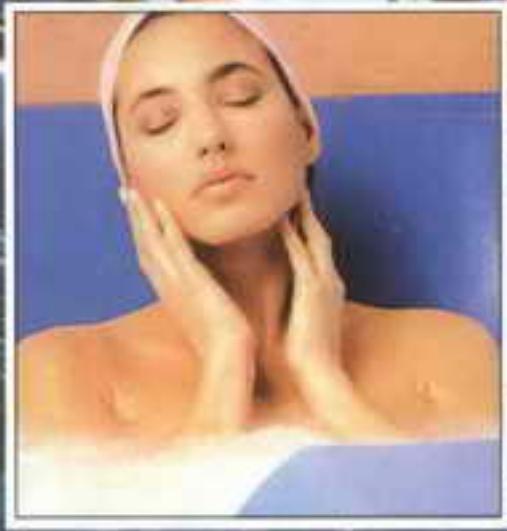
ОТДЫХ И ЛЕЧЕНИЕ

Целебные грязи и термальные источники

Лечение ревматизм, полиартрит, ожирение, экземы

Специализация: простатит и псориаз, гинекология

и косметика

тел. 912-7360, 912-39

СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ НИЗИЛОВ

Редколлегия:
ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

оформление
ВАЛЕНТИН ДАВЫДОВ
худ.-технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 21.08.97.
Подписано в печать 02.10.97.
Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр. отт. 17,64.
Учред. л. 23.10.
Тираж 53445
Знак № 2407
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумянский проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег. № 014832

Учредитель — коллектива
редакции журнала
«Смена».

Русланы, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и
цветоделение — «Институт
новых информационных
технологий».

Отпечатано в типографии
издательства
«Пресса»,
125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.
В случае полиграфического
брока обращаться
в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

11 (1597) НОЯБРЬ

© «Смена», 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

- 44
когда
**ФИЛИПП ДИН
ПЛАНЕТА
СУМАСШЕДШИХ**
Фантастический рассказ
- 150
**НАТАЛЬЯ ПОРОШИНА
МИССИЯ**
Рассказ
- 216
**ЛОУРЕНС БЛОК
СМЕРТЬ
В МЕДОВОМ
МЕСЯЦЕ**
Детектив
- 174
когда
**ВЯЧЕСЛАВ СЫСОЕВ
ВИКТОР ШИРОНОВ**
- 4
время и мир
**МИХАИЛ ОСИН:
“МЫ ДУМАЛИ,
ЧТО ПОЛЕТИМ
НА МАРС”**
- 32
**ОЛЕГ ПАРНОВ
“КРЫША”**
- 74
**СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ
СУПЕР-ЗВЕЗДА –
“МИШКА
КОСОЛАПЫЙ”**
- 82
**ИГОРЬ ГАМАЮНОВ
МЕСТЬ**
- 110
**ЛЕОНID КУЗНЕЦОВ
ФИЛИППИНСКИЙ
ФЕНОМЕН**
- 200
**НАТАЛЬЯ ПОТОЦНАЯ
КОШАЧЬИ
СТРАСТИ**
- 14
история и культура
**ЭЛЛА МАТОНИНА
ВСПОМИНАЯ
СМОЛТУНОВСКОГО**
- 90
**ЛЕВ КАНЕВСКИЙ
ПОСЛЕДНЯЯ
ЛЮБОВЬ
БАЙРОНА**

122

ЛЮСЬЕН ПИССАРРО
РОССЕТТИ

134

ОЛЬГА ЧАЙНОВСКАЯ
ПРИНЦЕССА

176

ЛЮБОВЬ РУСЕВА
ЯРКАЯ КОМЕТА

На 1-й обложке

фотограф ВЛАДИМИР ЧЕЙШВИЛИ

**НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ
СТЕРВЯТНИКИ**

Гуровым. На этот раз задача перед ним стоит чрезвычайной сложности. В столице орудует преступная группировка несовершеннолетних бандитов. Ее необходимо обезвредить...

И вновь — встреча со знаменитым полновноком Львом Ивановичем

**ЛЕВ ИАНЕВСКИЙ
ВЕНОК
ЛАВРОВЫЙ -
ЗНАК СТРАДАНИЯ**

Его звали Торнавато Тассо. Страдания и опасности стягивали его на сушу и на море... И хотя его прен-

де ясный рассудок в конце жизни помутился, он сумел добиться такой славы, о которой другие поэты не смеливались даже мечтать.

Академик МИХАИЛ ОСИН:

"МЫ ДУМАЛИ, ЧТО ПОЛЕТИМ НА МАРС"

Приземление в... ЦПКО

— Михаил Иванович, "Буран" ведь в свое время создавался как альтернатива американским космическим "четыркам"?

— Да, программа "Энергия-Буран" по своим задачам похожа на "Спейс-Шаттл" — фактически это был наш ответ американцам. Но в процессе работы мы поняли, что нужно делать систему более мобильную, которая не требует космодромов: с любой точки Земли стартуешь, в любом направлении, на любую орбиту. А автоматической посадки на аэродром не было и в Штатах.

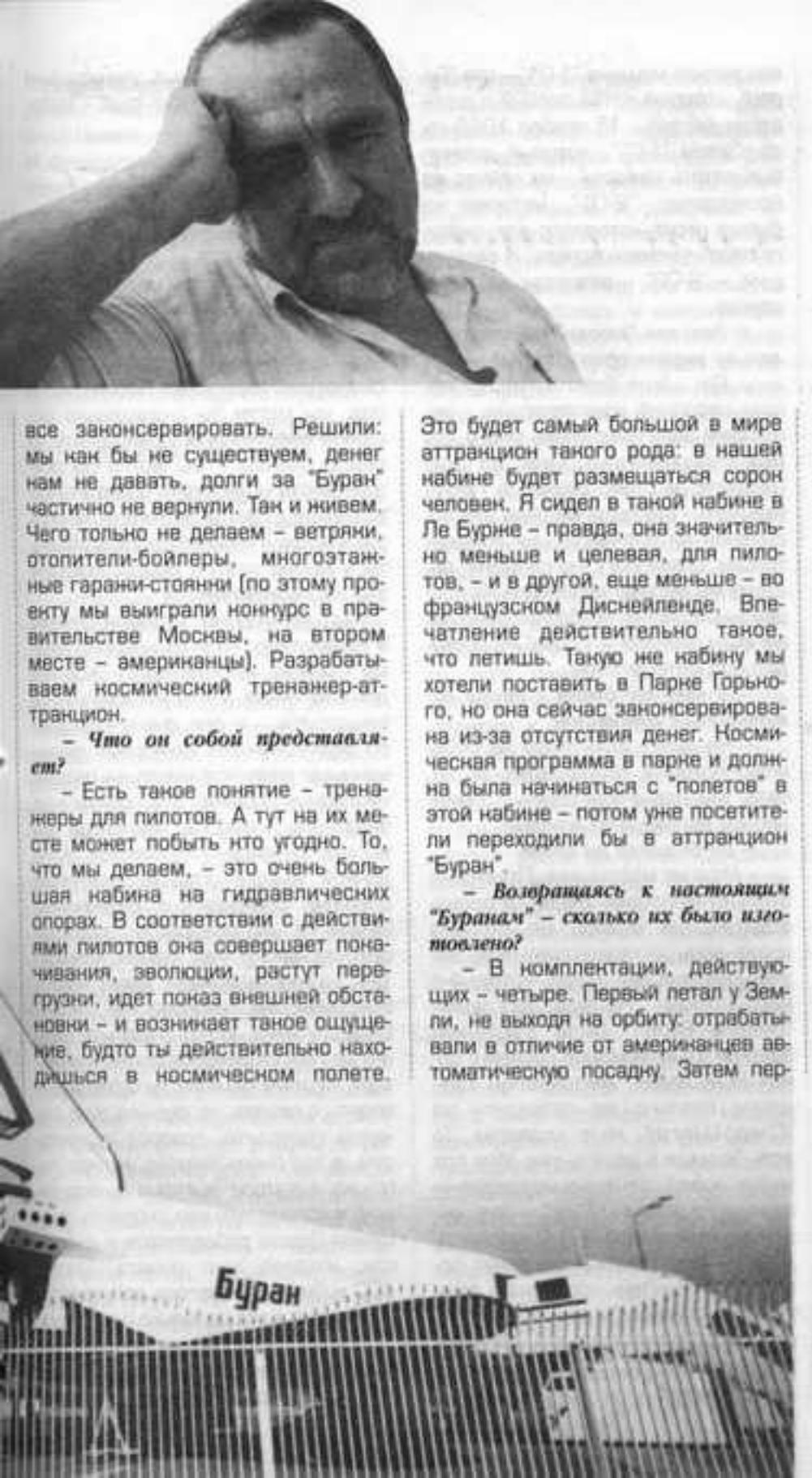
— Но что-то дано не летали "Бураны"...

— По "Бурану" тема не закрыта, до сих пор еще не выпущено постановление, официально ее закрывающее. Потому что выпустить такое постановление — это значит дать какие-то деньги на то, чтобы

Массивная "голова"
мертвого "Бурана"
с разбитыми иллюминаторами
и ободранными плитками
защиты — зрелище тягостное
даже для человека со стороны.
Что уж говорить
о чувствах моего собеседника,
который был одним
из участников разработки
этого уникального
орбитального корабля...

Представляю его:

Михаил Осин,
заместитель генерального директора
НПО "Молния"
по науке и инновациям,
директор комплекса
проектного поиска,
академик Академии космонавтики,
доктор технических наук.

все законсервировать. Решили: мы как бы не существуем, денег нам не давать, долги за "Буран" частично не вернули. Так и живем. Чего только не делаем — ветряки, отопители-бойлеры, многоэтажные гарантии-стоянки (по этому проекту мы выиграли конкурс в правительстве Москвы, на втором месте — американцы). Разрабатываем космический тренажер-аттракцион.

— Что он собой представляет?

— Есть такое понятие — тренажеры для пилотов. А тут на их месте может лобить что угодно. То, что мы делаем, — это очень большая кабина на гидравлических опорах. В соответствии с действиями пилотов она совершает покачивания, зеволюции, растут перегрузки, идет поназ внешней обстановки — и возникает такое ощущение, будто ты действительно находишься в космическом полете.

Это будет самый большой в мире аттракцион такого рода: в нашей кабине будет размещаться сорок человек. Я сидел в такой кабине в Ле Бурже — правда, она значительно меньше и целевая, для пилотов, — и в другой, еще меньше — во французском Диснейленде. Впечатление действительно такое, что летишь. Такую же кабину мы хотели поставить в Парке Горького, но она сейчас законсервирована из-за отсутствия денег. Космическая программа в парке и должна была начинаться с "полетов" в этой кабине — потом уже посетители переходили бы в аттракцион "Буран".

— Возвращаясь к настоящим "Буранам" — сколько их было изготовлено?

— В комплектации, действующих — четыре. Первый летал у Земли, не выходя на орбиту: отрабатывали в отличие от американцев автоматическую посадку. Затем пер-

Буран

вая летная машина "1-01" – это "Буран", который летал первый и единственный раз – 15 ноября 1988 года. Затем "1-02", который должен был лететь следом, – он сейчас на космодроме. "2-01", который на фирме стоит, готовился для первого пилотируемого полета. И следующий – "2-02" – разрезан на переплавку.

– Это его "холову" вы показали мне на территории фирмы?

– Да... Еще было штук 20 машин неполной комплектации – испытаний ведь было очень много, самых разнообразных. Один из этих "Буранов" и стоит сейчас в Парке Горького – это была машина для испытаний на прочность. Ее ломали, трясли, слава Богу, не сломали, поэтому мы ее туда перевезли на специальной барже. В Москве-реке даже воду слипали – "Буран" не проходил под мостом.

– А что же будет с двумя оставшимися летовыми?

– Не знаю. Есть люди за рубежом, которые вроде хотят их купить. Мы назначили цену – 15 миллионов долларов за каждый.

– Не большая ли цена?

– Но и не маленькая. Примерно столько же стоил "Буран" в производстве, но отнюдь не столько стоит весь интеллектуальный, научно-технический задел, который в него вложен. На всю программу "Энергия-Буран" было затрачено больше 14 миллионов рублей в ценах 80-х годов. Американцы примерно столько же затратили на "Спейс-Шаттл", но в долларах. То есть больше в десять раз. Или вот наша новая авиационно-космическая программа МАКС – ее мы сейчас оцениваем в 3,9 миллиарда долларов (треть этих денег освоена). Такая же программа американская, если бы они ее делали, стоила бы опять-таки в 10 раз дороже.

– Почему?

– У нас ведь пока значительно дешевле труд и – пока еще – материалы.

Система МАКС

– Чем интересна эта новая программа МАКС?

– МАКС – это многоцелевая авиационно-космическая система. Если бы мы ее делали, то, во-первых, обеспечили бы безусловное космическое лидерство России. Второе: мы могли бы значительно дешевле выводить грузы на орбиту. И самое главное – мы могли бы осуществлять мониторинг орбитальных объектов с Земли значительно проще и эффективнее. Выводить объекты в любую точку с любого места – это же голубая мечта!

Тот космодром, который сейчас в Казахстане, – он на некое-то время – думаю, не навсегда, – все же для нас чужой. У нас нет южных космодромов – а они очень выгодны по двум причинам. Во-первых, очень ценные являются места на геостационарных орбитах. Это орбиты над экватором, которые находятся на высоте 39 тысяч километров. И на данной высоте угловое движение спутника совпадает с движением Земли, с ее поворотом, поэтому спутник висит над одной точкой. Там, на геостационаре, висят наши, американские, европейские, японские спутники. И вот выводить объект на геостационар выгодно с экватора. Потому что если ты будешь выводить с севера, то должен еще рангой совершать поворот траектории, а это очень тяжело. Кроме того, на экваторе выгодно выводить еще и потому, что там скорость вращения Земли добавляется к скорости, которую дает ракета. Около 400 м/сек. на экваторе получаются даровыми, а это довольно прилично.

У американцев космодромы находятся значительно южнее. Наш – на широте около 50 градусов, у них –

порядка 30. А самые южные космодромы – европейские, во Французской Гвиане, почти возле экватора. И французы считают, что если создадут ракету "Ариан-5", то на рынке космических услуг всех потопчут – и русских, и американцев. Американцы этого испугались – но, как их радости, у французов первый запуск был неудачным.

А наша система МАНС позволяет выводить объекты оттуда, где удобно: прилетел на экватор – и стреляй.

Кто кого "обсекал"?

– Как-то по-бурачики получилось с "Бураном": работали-работали – и сделали, получается, перешку для Парка Горького.

– Можно было бы "Буран" эксплуатировать так же, как американцы эксплуатируют "Шаттл". Глупо – взять и остановить программу, но еще глупее необъявленно ее остановить. Сказали бы: спасибо, ребята, вы отработали, но это слишком дорогая цена для России, не по зубам. И давайте честно скажем, что мы закончили эту работу. Она ведь официально не закончена, подход непонятный – ни да, ни нет.

Но ничего не проходит бесследно – даже в такой унылой патовой ситуации, как у нас. В России родилось целое взроносмическое направление, индустрия, лаборатории, коллективы. Ведь это уникальная вещь. Европейцы до сих пор заглядывают нам в глаза и пытаются по дешевле нас купить. Мы можем внутри отменять что угодно, но рынок космических услуг – он всегда будет. На сегодня в космосе есть вещи – самые выгодные среди всех вложений в технику – например, спутники связи, навигации, зондирования Земли. Тут на каждый доллар получается в год доллар возврата – это очень много. Богатейшие фирмы в Америке выросли на этом. При том, что космические

программы у них тоже сокращаются, фирма "Хьюз" получает колоссальный заказ от правительства США на создание глобальной системы спутниковой связи – 28 орбит по 28 спутников. И, допустим, человек с сотовым телефоном всегда сможет с ним работать, потому что в любой момент над ним окажется один-два спутника. У американцев до 85-го года вся программа была примерно на 350 спутников, а с заезжим фирмой "Хьюз" они получили плюс еще 800. А их не надо чем-то выводить. И вот эти хьюзовцы начали, в частности, зондажи дальше сюда. Сейчас мы с ними начали слабенькие переговоры – может быть, используют какие-то наши средства.

То есть я хочу сказать, что активность в космосе, как это ни странно звучит, растет, несмотря на то, что сейчас противостояние уменьшилось и перестали брать оружием и новейшими технологиями. Хотя пилотируемые аппараты – та же орбитальная станция "Мир" – долго еще не будут приносить такого ощущения выигрыша: доллар на доллар, рубль на рубль. Слишком большие затраты идут на их создание, вывод на орбиту. А вот, повторяю, спутники связи, навигации и зондирования Земли – они выгодны, поскольку там полная коммерция.

– Американцы в космосе нас обошли?

– Обошли они нас давно. Но это понятие – "обошли"... Все-таки помы с ними остаемся... ну, как бы одного ранга. Вот как они нас на последней Олимпиаде – обсекали? Обсекали, вроде... Наличество медалей больше. Но наше второе место говорит о том, что держава обладает определенным потенциалом. И здесь то же самое: у нас есть определенный научно-технический потенциал, и мы можем также, как и американцы, решать сходные задачи. Несомненно, этот

потенциал теряется буквально на глазах.

— Когда мы или по территории фирмы, у меня возникло странное впечатление: это прямо-таки небольшой город, но словно бы вымерший...

— Впечатление правильное... Если программа не финансируется государством, иначе и быть не может. А те маленькие вливания, что есть, они не позволяют сохранить ни людей, ни технику.

— И уникальные станки по производству плиток защиты для "Бурана" ржавеют в буряне...

— И так не только у нас. Я был сегодня в ЦАГИ — впечатление тягостное: никого нет, пусто, огромные установки бездействуют... А наши бывшие сотрудники работают в научных центрах Америки, Израиля, Европы:

— Этак нас, чего доброго, и европейцы обгонят.

— Перед ними-то у нас сегодня значительное превосходство. Пока еще. То есть если европейцы умеют создавать ракеты (хотя была неудача с их большой ракетой "Ариан-5") и здесь нас догоняют, то в области космических аппаратов, пилотируемого космоса и особенно в области возврата на Землю они еще как бы в подготовительном классе. По возвращению мы как бы в седьмом классе, американцы в десятом, а европейцы — еще даже не в первом. Мы уже 30 лет спускаемся с орбиты — и уже 10 лет назад спустились "в крылатом варианте" с автоматической посадкой на аэродром (чего еще не было в Штатах). Поэтому здесь у нас явное, ощущение превосходства перед Европой. И тем более обидно, что у нас в стране этот колоссальный потенциал не используется.

— В таких мрачных обстоятельствах у вас не возникало побуждения уехать куда-нибудь за границу?

— Откровенно говоря, вопрос довольно сложный... Первое — языковая среда. Второе — и это я очень хорошо понял из нескольких своих контактов с европейцами — там очень ценятся рабочие места. Если я туда приезжаю, максимум того, что они мне могут дать, это должность консультанта. А по своему уровню — я это чувствую — я мог бы работать там по крайней мере в руководящем составе какой-то фирмы. Но этот путь для меня закрыт. А танто они принимают меня с распластанными обьятиями: "Да-да-да, очень хорошо, приезжай — будешь у нас консультантом".

Нарочь, здесь я — "первый парень на деревне", а там должен буду расталкивать многих других. И если здесь, приходя на новую фирму, мне не раз приходилось расталкивать всех и доказывать среди равных, что я все-таки стою чего-то большего, то там я не смогу это сделать. Кроме того: пенсия на носу — значит там на нее я уже не заработаю. Да и жизнь там не сахар. Сначала все прекрасно, все великолепно, но очень скоро начинается гонка: обязательно у тебя престижность квартиры должна повышаться, престижность машины, ты должен повышать свой общественный статус, завязывать новые знакомства. Тяжело вступать в этот гоночный круг, причем там игра будет идти по новым правилам, она необычна. К тому же для меня не пустыми остаются прежние главные понятия: Родина, держава...

Государственный неинтерес

— Здесь-то достаточно спокойно вообще без собственной машины обходиться...

— Но и здесь — своя гонка. От которой я на сегодня, признаюсь, устал. Я пытаюсь в нынешних условиях если не спасти фирму, то

хоть на-то исправить положение, но сталкивавшись с жутким совершенно неприятием нас в нашей же стране. То есть правительство нас бросило, заназчики традиционные – я не буду их называть – на словах нас поддерживают, а на самом деле помоши очень мало.

– А что же конверсия?

– Оказалось, что у нас очень большие накладные расходы и в продаже продукта грандансского назначения мы не можем конкурировать с предприятиями, которые годами делают выключатели, нагреватели, очистители и прочее, – здесь мы проигрываем. Мы можем выигрывать только в высоконтеллектуальном продукте. Вот мы создали семейство самолетов-триплексов – пять моделей. Первенец наш "Молния-1" уже летает. Уникальный самолет – он устойчив в болтанке, не сваливается на крыло, доступен пилоту невысокой квалификации. Машина массового применения, но в России покупателей не просматривается. Мы возили его на авиа-салон в Ле Бурже, и он туда своим ходом летал – это большая редкость. На "Молнию-1" у нас есть потенциальные заказчики за рубежом, но пока тех денег, что они способны нам заплатить, мало для того, чтобы наладить серийное производство.

– А космическая наука?

– Загибается, к сожалению. Раньше наука поддерживалась государством, но было много хлама, псевдоученых. Сейчас сор повышеняло, но отсутствие государственного интереса к науке привело к тому, что погибают лучшие кадры. Вот вам пример насчет "раньше" и "теперь". В те времена мы были обязаны ходить на овощные базы. И однажды возле агрегата по сортовнике картошки мы обнаружили, что у ленты транспортера стоят два доктора наук и три кандидата.

И я сейчас вспоминаю: один из этих докторов – я, другой – работает теперь в Америке. Один кандидат сейчас охраняет палатки в Тушино, другой работает в Израиле, следы третьего утерялись; но он тоже где-то не по делу. То есть из всей этой компании остался я один – и то потому, что не теряю надежды. Вот: было так – стало этак. Как лучше? Истина, наверное, где-то посередине.

– И прижок молодых, вероятно, стал слабее?

– Его нет вообще!

– И остались только "зубры" броде вас?

– Ногда мы в 76-м это дело начинали, средний возраст работников фирмы, несмотря на то, что имелись и старички, был около 30 лет. Сейчас – 50.

В те годы...

– Я знаю, что в 60-х после института вы добились распределения на единственную тогда в стране ракетно-космическую фирму – "королевскую".

– Да, причем мне повезло – я попал в новый, только что организованный отдел, который занимался спускаемыми аппаратами "Союза". И ведь мало кто знает, что он делался сначала для облета Луны, а не для полетов по орбите. И беспилотный "Союз" три раза облетал Луну и возвращался на Землю – раньше американцев. А в газетах для конспирации его называли зондом. И уже готовился пилотируемый облет, и планировалась лунная экспедиция, но Политбюро решило это дело прекратить, поскольку американцы вот-вот должны были запустить на Луну свой "Аполлон". Тогда мы думали, что и на Марс будем летать, шла разработка марс-проектов...

– Я понимаю ваше сожаление... Но зато позднее, уже на

"Молнии", вы принимали участие в создании совершенно уникальной экспериментальной базы для "Буранов".

— Да, это именно так. В чем была одна из идеологических — в технике тоже есть своя идеология — ошибок Норолева? Нельзя возлагать все на летную отработку. У него было так: ребята, делаем — и сразу начинаем облет! Идея погречная. Поэтому все три пуска гигантской ракеты Н-1 были неудачными. И ракета "семерна", которая сейчас выводит "Союзы", — у нее было больше 20 неудачных пусков, но об этом все молчат. Зачем же сразу пулять? По программе "Энергия-Буран" на специальном стенде было сделано более 1600 виртуальных полетов, и все штатные и нештатные аварийные ситуации были разыграны. Оттого в этой программе и не было осечек.

Среди прочих уникальных вещей у нас была и такая: безбумажная технология — без чертежей выпустили документацию. Если бы не это — на каждую плитку защиты "Бурана" пришлось бы выпускать чертеж, карты кодирования информации, пришлось бы нанять 700 конструкторов и технологов. А так работу сделали 70 компьютерщиков. Но была занависка бюрократическая: ГОСТ — значит нужен чертеж. А у нас их нет. И главному конструктору Потопалову — своеобразный был такой мужик, с крестьянской сметной — говорят: "Александр Васильевич, вот Осин хочет без ГОСТа делать. А у нас несоблюдение ГОСТа преследуется по закону. Как быть?" А он улыбается: "Слушайте, давайте не будем его трогать и дадим возможность сделать. Если не сделает — выгоним его с работы, а вот если сделает — тогда мы его посадим в тюрьму. Но если у него получится, то я изувенчания сяду рядом с ним и обязую-

юсь выносить парашют". Риснули — сделали.

— Нынче душит отсутствие финансирования, но и прежде были всяческие препоны, дуралачства — правда, такого толка. Вы с ними сталкивались?

— Еще бы... Был случай в 74-м — я тогда работал в головном НИИ отрасли. В те времена начинался постепенный заким, который охватывал не только гуманитарные интеллектуальные сферы, но и технические: все перспективные разработки начали сворачивать. А у нас с друзьями была хорошая традиция еще со времен фирмой Норолева — выпускать новогоднюю стенгазету, очень смешную и злую. Норолев ее рвал, ругался, но до партномера дело не доходило. Порорет — и все, никого не называл. И вот мы пошли в цех, сварили из прутьев наркис, обклеили бумагой — и получилась огромная бутылка шампанского. И на этой бутылке была уйма злых заметок, карикатур, насавшихся дел института — занимавшие критики, отставания от Америки. И начальство начало нас топтать. И дотопталось до того, что стенгазета "уехала" сначала в министерство, а потом и на Старую площадь — из ЦН специально "Чайну" прислали. А момент был такой — Солненицын, прочее... И стали нас на полном серьезе делать "врагами народа". Гебисты нас кололи поодиночке: "Слушай, ты хороший парень, ты попал под влияние — назови того, кто руководил. Из вас один — враг, может быть, шпион, — назови его". Нас было шестеро — и ни один не оказался дешевкой. Мы понимали: стоит только одному расколоться — и все.

А бутылка наша тем временем попала уже на стол к Устинову — он еще не был министром обороны, но отвечал в Политбюро за все оборонные отрасли. Нам его референт рассказывал — целый

час ходил Устинов вокруг нашей бутылки молча, а потом говорит: "Да, если мальчишни-инженеры такие ваши себе позволяют - у нас в стране не все хорошо. Намые приметы меры?" Ему донлады-вакт отдел разогнали, с должностей отстранили, степени сняли, из партии исключили, готовится по-известительный уголовный процесс. А он: "Вам что - нужна сварка типа Солнечицна в оборонне? Хотите 37-я возродить? Не надо. Потихоньку всех накажите, разгоните, но без шухера". И пошел откат. Конечно, должностей нам не вернули, и диссертацию я защищал в другом месте:

- Вот бредятина!

- Полная. Сейчас это смотрится гротеском - и мне иногда и самому не верится, когда вспоминаю, как это было... Кстати, злые языни-острословы утверждали, что спустя неделю Устинов снова изучил нашу газету и сказал: "А что там у нас в пину "Шаттлу" готовится? Давайте посмотрим". А еще более злые языни говорили, что Осин-де нарочно заварил нашу со стенгазетой - и в результате было принято решение об "Энергии-Буран", была образована фирма "Молния", нуда Осин тут же и перебенжал... Но это все смех, конечно.

А недавно было 50-летие того института, где я работал. И я в застолье сказал речь, и когда стал вспоминать ту стенгазету - все засмеялись...

Почти как у Стругацких...

- Я знаю, что одну из своих книг вы хотели когда-то оснастить эпиграфами из повести Стругацких "Понедельник начинается в субботу".

- Было дело. Но издательство "Машиностроение" в этом смысле было очень идеологически выдержанное, и мне сказали, что эпигра-

фы - это шалости и я должен их убрать. При этом пригрозили, что могут вообще книгу не издать. Я убрал. Книгу издали.

- Как она называлась?

- "Методы автоматизированного проектирования летательных аппаратов". После этого я писал большую такую монографию "Применение компьютерного проектирования в машиностроении" - там вся конверсия наша. И тут тоже взял великолепные эпиграфы из Стругацких - они там, может, лучше, чем все остальное. В издательстве сказали: знаете, времена сейчас тяжелые, нладите 30 тысяч на стол - и книга выходит. Я говорю: в договоре то такое не предусмотрено. Нет, платите. Ну хорошо, наскреб я 30 тысяч - "Носмофлот" помог, на фирме взял. Книгу подготовили к печати - и отложили выпуск на год. Потом цены стали расти - сейчас они требуют с меня 30 миллионов для того, чтобы книга вышла. А судиться мне с ними никогда. Такие интересные книги сейчас все заморожены, а вместо этого выпускают красивые буклеты на финской бумаге - "Носмонастырь в России"...

- Да, не везет вашим эпиграфам.. Я почему о них вспомнил - в той повести Стругацких действие происходит в НИИ чародейства и волшебства (НИИЧАВО), где царит веселая атмосфера энтузиазма и работают фанатики своего дела. Вероятно, было что-то схожее в вашей биографии?

- Вообще я Стругацких очень люблю - от "Малыша" до сих пор чуть не плачу. Но "Понедельник..." - эту книгу мы просто боготворили. Потому что у нас был тот же настрой, та же увлеченность, как в НИИЧАВО, и у нас понедельник действительно начинался в субботу. Был такой период - года три, - когда мы не только все субботы рабо-

тали – это уж безусловно, но и воскресенья тоже прихватывали. Были случаи, когда по трое суток вообще с фирмы не уходили по собственной инициативе.

Особенно интересно было на полигоне. Условия были, конечно, ужасные. Мы сами себе готовили – воду давали утром и вечером. Но я брал с собой нарзан и на нем готовил, потому что местная вода там жуткая. Делали ее лабораторный анализ – а она там на 30 процентов из Сырдарьи, – и никаких только элементов там не было. Я пил верблюжью колючку, но все равно через неделю начинался колоссальный, пардон, понос. А в самый тяжелый год перед пуском рена – гуляет же русло – подмыла старое мусульманское кладбище, причем тот угол, где хоронили прораненных. И все это в воду пошло – представляете, никак у нас было состояния...

Но несмотря ни на что, я эти времена вспоминаю прямо как какую-то сказку, как счастливый сон. Сейчас, конечно, такого уже быть не может. И энтузиазм наш был – не из-под пальки. Интересной работой занимались – как в этом НИИЧДВО у Стругацких, атмосфера которого была сродни всем нашим делам.

И все уйдет?

– А на досуге, например, ваш друг, коллега и тезка Булычев разрабатывает проект махолета, при помощи которого человек мог бы летать на матер Икара...

– Да он и до сих пор этой идеи не забросил. Вот у меня на столе его статья о махолете – хотим опубликовать в нашем журнале "Пант". А сейчас Булычев пишет воспоминания о марспроектах, разработчиком которых был. Он тогда стихи дане об этом сочинял:

*Азита, Азита,
Горы Митчелла видели,
Иней, море лимонита,
Вездеход застрял в пыли...*
Нынче мы все предпенсионного возраста – грустно, конечно, это...

– Чего вам жаль больше всего – что не состоялись лунная или марсанская экспедиции? Что не слетали в космос сами?

– Ничто, что все разваливается и гибнет. Мы, наше поколение, умрем – и с нами все уйдет. Пытаемся выпустить сборник, изложить в нем то, что мы знаем, чтобы это хоть как-то осталось. Мы понимаем, что нельзя возвратить нашу счастливую, сказочную интеллектуальную деятельность. Но нельзя же дать погибнуть ключевым авиационно-космическим технологиям. Вот и бьемся как рыба об лед...

Беседовал АЛЕКСЕЙ ЕРОХИН.
Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

==

Ты вновь не согласен с судьбою,
И ищешь картошку в зале.
Мы так задержались с тобою
На этой веселой земле!
Пусть ночь бесконечная длится,
Я выпью с тобой и сама
За тающий снег на ресницах..
В Империи снова — зима.

==

Пройти бы с сумой обветшалой
Пустынный и горестный путь,
Тому — улыбнуться устало,
Другому — надежду вернуть.
Исчезнуть в осеннюю слакоть
У ночи глухой на краю,
И общую участь оплакать,
И радость земную свою.

==

Рассыпаны маски. Кончается ночь,
Светильник чадит среди зала.
Вновалку тела — так хранят, что неамочь!
Приходит конец карнавала.

Рассвет сералицкий нетвердо бредет,
Комета проносится мимо,
И мать одинокая сына зовет,
И век до падения Рима.

Все ходит старуха, все плачет навзрыд,
И эхо роняет на плиты,
А сын под разорванный шторой лежит,
Для чьей-то забавы убитый.

Конец карнавала. Кружится листва.
Хрустит под подошвою лира,
Как уголь, черны за окном дерева,
И миг до падения мира.

==

За птичьим исчезнувшим клином
Как занавес падает ночь,
И век мой мне видится сыном,
Отчизна похожа на дочь.
Вдали от безверья и славы
Молитву шенчу у огня.
Подвижника лик худощавый
С портрета глядит на меня.

Вспоминая Смоленского

Шестидесятые годы — время отшепели, свежего ветра, романтической горячки во всем. Все куда-то едут, что-то перестраивают, изменяют, открывают в себе и окружающем. У всех непомерная тяга к общению — на улицах, площадях, стадионах, малометражных кухнях, где на стенах графическое лицо Маяковского и портрет Хемингуэя в толстом свитере, спор физиков и лириков, в компаниях — песни Окуджавы, разговор о "новой волне" во французском кино, признания в любви к Кубе и молодому американцу Джону Кеннеди, к целине, которую "мы поднимали, а она поднимала нас" и ... к актеру Иннокентию Смоктуновскому.

Он жил в Ленинграде и был уже знаменит, сыграв в БДТ князя Мишкина в "Идиоте" Достоевского. Но эта его слава была не "про всех". Цеховая, элитарная, для "ограниченного контингента".

Молодежь же дружно ахнула, увидев Смоктуновского в "Девяти днях одного года" в роли своего брата — молодого физика Ильи Куликова. Ахнула и со страстью, с широким свободным вздохом заспорила о своем кумире.

Сам Смоктуновский о Куликове говорил по-разному, но всегда с симпатией.

"Избалованность, уверенность в себе, барчук, с округлыми жестами, не хорохорящийся, не эксцентричный, простой, мягкий, ироничный, бесконечно добрый. И умный..."

"Куликов — мой современник, человек со сложным мировоззрением, проявляющимся в поединке ума и остроумия, в скептицизме, иронии по отношению к жизни, к ее проблемам..."

Михаил Ромм в Карловых Варах сказал Смоктуновскому, что, несмотря на ошеломляющий успех образа Ильи Куликова, надеяться на премию за лучшую мужскую роль – извините, глупо, ибо двух премий фильму не дадут.

Смоктуновского наградила жизнь, превратив кинематографическое мифотворчество в реальность. Куликовы-шестидесятники, первое поколение, любящее не идею, а жизнь, оставило по себе не худшую память.

Каких только суждений не удостаивался Смоктуновский при одном неизменном – “очень талантлив!” В остальном же – чудик, позер, неискренний, притворщик, ломака, не от мира сего, подозрительный, странный. Ярлычки закреплялись и сыгранными им странными персонажами – князь Мышиkin, Деточкин, Гамлет, Иудушка, Иванов... Он как бы срастался с ними... Впрочем, он говорит об этом убедительнее: “Бывают такие времена в работе и самочувствии актеров, когда знание огромных текстов наизусть – ни что или, если хотите, просто отдых по сравнению со все время усекользающим правом на произнесение этого текста. Чтобы он, этот текст, произносился не вами, но тем персонажем, которого вы обязаны найти в себе, чтобы он, персонаж этот, был единственным и живым. Вот груз. Вот гранит, алмаз, глыба...”

Лицедействуя, он так был жизненно правдив, что легко было думать – не себя ли играет? Но смею сказать – не себя!

Лукавая сила действительно заносила Смоктуновского в область кокетства, легкой вседозволенности, сознательной бесстыдности, сомнительных реплик. Он мог попросить сигарету (хотя почти не курил) и вместо благодарности сказать: “ну и сволочь вы”, и после паузы, весело: “хорошая”. Мог, принимая кокетливое восхищение от дамы не первой молодости, в старой линялой шубе, с милым укором вздохнуть: “а еще женщиной ей хочется быть”. Мог на весь бульвар закричать, привлекая внимание прохожих к толстяку: “вы худеете, Иван Иванович?” Мог без подходов, обиняков, с доморощенной хитростью, порой смахивающей на “досадно-перезревшую глупость” (его слова), заявить М. Ромму, что, может, получит квартиру за удавшуюся роль, и тут же смутиться от холодных слов мэтра, что не стоит получение квартиры ставить в зависимость от успеха, так как это различные вещи.

Что же касается странностей, в которых его подозревали, то ему была свойственна, на мой взгляд, лишь одна. Умение быть счастливым. Счастье было его второй натурой. Он купался в нем, светился им, готов был к нему каждую минуту. Это-то и казалось странным – жизнь тяжелая, проблемы неразрешимые, дети болеют, старость приближается, – а здесь “ох, ах, дружочек, так славно, так хорошо на земле, так радостно у нее в гостях!”

Славным он находил многое, стараясь запомнить, сохранить, удержать в себе – и солнечный свет, и сугробы на бульваре, и шепот дочки: “у моря я буду, наверное, совсем маленькая!”, и это море, у которого он прыгал как ребенок на одной ноге, “чтобы вернуть, восстановить связь, прерванную с миром, и выплыть из ушей морскую воду, согретую собственным телом”, и свою работу, на которую порой не хотелось идти, а хотелось отлежаться, передохнуть.

Интересно, что за двадцать лет деловой дружбы с ним я не помню ни по какому, даже очень торжественному, официальному случаю, твердокаменных от него слов. Его словарный запас был предназначен для чувств. Помните, американцы высадились на Луне? Многие ли из нас ощутили событие так счастливо, как он:

"Не имея своего телевизора, я впился в него у друзей на соседней даче. Изображение хоть и не четкое, но захватывающее – это точно. Мы (заметьте, "мы") – на Луне! Взволнованный, бежал домой, делая большие прыжки, медленно, как бы зависая в незначительном притяжении Луны. Это была радость, все люди были лучше, добре, заборы стали вроде бы пониже, все просматривалось, все улыбалось, все кругом было мое, и я принадлежал всем и всему. И, наверное, поэтому мою несколько необычную манеру двигаться по дачным дорожкам в тот день никто не принял ни за сумасбродство, ни за сумасшествие".

Прорвались эти слова...

Но смею уверить, что его "дружочки" всегда все понимали правильно. "Дружочками" Смоктуновский называл знакомых и незнакомых, кто его любил, признавал, ценил, поддерживал, просто ему симпатизировал, так как в нем самом было неистребимое желание быть любимым, счастливым и добрым.

Окуджава красиво призывал нас взаимно восхищаться и комплименты друг другу говорить. Смоктуновский так и поступал. Он выдал нам нашу стыдливую тайну – мы все хотим быть любимыми.

Я принесла ему завизировать гранки. Он открыл дверь в квартире на Суворовском бульваре. В холле на тумбочке лежал зеленый том Михаила Булгакова. Пока шел ритуал раздевания, он молчал. Потом вдруг сказал: "Хотите покажу, как распинали Иисуса Христа?" И показал, как был, в халате, похожем на тунику, с поясом-веревкой. Тут же, в прихожей.

Это было великое умение, во сто крат больше его самого. Он все знал о смертном томлении еще на войне, которую прошел.

Не это ли печальное знание заставляло его жить любовью к людям и истово играть эту любовь?

В ту пору, когда фотографии Смоктуновского стали появляться на газетных и журнальных страницах, на них он чаще всего был не один, а в кругу семьи или с сыном Филиппом, а семейность всякого рода тогда не приветствовалась. Говорить о личном считалось неуместным ни по какому поводу. Можно утверждать, что Смоктуновский был первым из знаменитостей, особенно в актерском цехе, кто в своих интервью ввел в оборот слово "семья". Однажды по просьбе редактора Святослава Котенко он должен был опиять три рабочих творческих дня актера Смоктуновского, то есть три дня из собственной жизни. "Ты занят, загружен, перегружен, дальше так истязать себя нельзя, пора не столько работать, сколько рассказывать, как ты работаешь" – что-то подобное сказал Котенко. Спустя время, Смоктуновский показал выполненное им задание. "Ты же о работе обещал мне писать, а это все, может быть, ничего, но о работе было нужно", – возопил заказчик, наткнувшись на пассажи о семье, детях, жене, школе, первом сентябре...

И что же Смоктуновский? "Для меня все это и есть работа, это моя жизнь, семья, время. Я слышу, я смотрю. И все кругом есть жизнь..."

Мог ли лучше сказать актер, который всякую житейскую мечту, как Плюшкин, складывает в копилку, потом сортирует и на самом дорогом и любимом задерживается взглядом и мыслью. Котенко все понял...

"Но не всем это было дано", — грустно замечал Смоктуновский. Он рассказал о стереотипном новогоднем интервью с таким же стереотипным вопросом:

— Какое событие уходящего года вы считаете самым ярким, важным для вас?

— Самым ярким, запомнившимся? Летом мне удалось быть на юге, и я с дочкой входил в воду. Кругом было так тихо, безлюдно. Море — и мы с ней. Она еще совсем крошечка и не умела плавать, боялась и хотела. Я держал ее за ручку, потом приподнял за руку, и она ножками колотила меня, было больно и вместе с тем здорово. Вот, должно быть, это...

— Вы серьезно?

— А почему бы нет?

— Мне хотелось бы услышать, что важного случилось именно у вас.

— Понимаю. Одну минутку. Событие, год... Извините, я прав".

"Журналист ушел скисшим, — писал Смоктуновский. — Ему нужны были разные "бандай-ура-авиваты" и, главное, на политические темы".

А может, он просто не знал, какую цену заплатил актер за эту детскую радость общения с морем, которое помнил "зловещим, мертвым, несущим смерть, как это бывает на войне..."

Время шло, бежало, тянулось. Имя Смоктуновского "бронзовело", стало классикой, он вошел в историю культуры, а Смоктуновский-человек, сколько помню, тревожно, чутко и трепетно оглядывался на своих детей. "Филипп сыграл первую роль — посмотрите, это интересно". Машенька с балетными ножками в нарядном платье для гостей. И о чем бы ни шла речь с этими деловыми гостями, помню взгляд отца, скользивший по комнате вслед за любимой дочерью. Помню толстое, пятнистое, с усами и мягкой шкуркой существо, сидящее в клетке — "для Машеньки, мне теперь нужно будет много газет для этого зверя, редакция поможет?"

И потом, значительно позже, надпись на фотографии: "Это моя дочь Мария! Самый дорогой для меня на земле человек. Сейчас она уже закончила хореографическое училище и танцует в Большом театре. Счастья ей".

Его все время волновала тайна похожести (по сути) детей на родителей. Бессмертия он, видимо, искал не в славе, а в любви к себе любимых. "Быть может, дети, и правда, живут в нас значительно в большей степени, чем мы чувствуем сами?" — и грустно добавил: — В последнее время часто приходит мысль о смерти..."

...Мне открыла дверь женщина, пригласила войти и передала конверт, на котором было написано: "Соломка, передай гранки Э. Е. Целую". Об этой женщине, своей жене, Соломее Михайловне, Смоктуновский писал: "Мне помогла эта худенькая скромная женщина, но совсем не простая, что прошла по квартире. Увидев меня на просмотре в Театре Ленинского комсомола, она поверила в меня, бросив все свои душевые силы и самое себя на помощь увиден-

ному ею во мне, на борьбу со стеной глухоты, рутины, глупости, тупости, инертности..."

Тогда я этих слов не знала. Но постоянно слышала от него это ласковое имя — Соломка, и похвалы в ее адрес, удивление перед ее умом, тактом, вкусом. Все собственные успехи он приписывал ей и говорил, что для нее весь мир движим лишь детьми, честностью, добротой. Она и создала их красивый дом на Суворовском бульваре с настоящим вкусом профессионального художника. Потом он напишет о ее понимании цветов, об умении накрыть стол под знаком того или иного цвета, о ее любви загадывать цветные загадки и с тихой лаской добавит: "Я люблю эти ее минуты и ее в них". Он звонил ей со всех гастролей и потом перечислял: "Филипп болен, но обычная простуда. С Машей, слава Богу, все хорошо. Соломка... бодро пеклась о детях, но дома, и голос... звучал вроде бы радостно, не в пример многим предыдущим звонкам. Даже поблагодарила за звонок... Трижды кричала, что целует!"

В этой семье, казалось, все были настроены на чуткую волну понимания и чувствования друг друга. Помню, я сказала, что Иннокентий Михайлович безусловно литературно одаренный человек. Соломея Михайловна этому нашла спокойное объяснение: "Галантливый человек все делает галантливо. А он даже обои клеит галантливо".

Тихое достоинство — вот впечатление от этой женщины. Никакой амбиции, самоуверенности, болтливости, суетливого всезнайства, свойственного женам великих мужей. В ту пору нашего знакомства она была очень хороша собой. Утонченность, тепло белой кожи, мягкий взгляд томных глаз. Она была одинаково ровна при встречах в доме, магазине, троллейбусе. Квартиру одолевали поклонники мужа. Помню, как она, устав от звонков и открывания дверей, очередных гостей попросила отнести цветы к памятнику Пушкина. И, смягчая ситуацию, сказала: "Пушкин для него Бог".

"Чуждая ревности к поклонению, окружавшему мужа, она никогда не становилась между ним и его призванием. Цена всего этого известна только ей.

Смоктуновский переехал из Ленинграда в Москву. В обойме имен его имя стояло первым. Он в это время потрясал Москву своим царем Федором в спектакле "Царь Федор Иоаннович", и снова слагались легенды о его игре, о жаждущих ее видеть, о конной милиции, охраняющей театр и актера.

Связаться со Смоктуновским цивилизованным путем не представлялось возможным: театр телефонов не дает, ВТО — ничего не знает, 09 отвечает — "такого нет".

Оставалось одно — идти к служебному подъезду Малого театра.

Толпа видна была издалека. С бессовестным детским любопытством рассматривался каждый актер, но все ждали одного. Он появился в легком плаще, с термосом в руках. Казался слегка отяженевшим и кротким, как бы с налетом судьбы, которую проживал в этот сезон на сцене. Дарили цветы, просили билеты, запомнился народ, приехавший издалека, назывались города Абакан, Кемерово, Челябинск, Кустанай... И все утверждали, что они земляки, из тех же мест, что и он.

Когда эмоции склынули и толпа поредела, настала очередь служебных домогательств. "Иннокентий Михайлович... наш журнал..."

У него были очень ласковые глаза, но в этот раз слегка затравленные. Он с тоской смотрел на диктофон, появившийся из сумки: "Не сегодня, прошу вас, тяжелый спектакль. Позвоните, вот телефон..." И ушел со своим термосом страдать страданиями тех, кто когда-то жил на этом свете...

Звонки продолжались год. Мы уже были хорошо знакомы, но я слышала одно и то же: "Дорогая, нет времени, хочу, но не могу". Потом умоляющее (умоляли все время друг друга): "Вы — человек тонкий, поймете, не заношусь, цену не набиваю". Потом он уезжал, где-то в Сибири болела тетка, брат разводился с женой — мирил.

Терпение иссякало. Но вдруг — Случай, тот господин, которого очень ценил Иннокентий Михайлович.

Встреча с Еленой Александровной Кузьминой, легендарной актрисой советского кино, женой, тогда уже вдовой, великого Михаила Ильича Ромма, никак не связана с моей проблемой. Предполагалось найти в архивах Ромма его записки-размышления об образе Ленина в кино. Это были по тем временам острые суждения: Ромм не говорил плохо о мертвом, он замечал, что лакейская пошлость способна сделать смешным, нежизненным, а это значит плохим, любого мертвого человека, все равно — великого или обычного... Мы прощались с Еленой Александровной. "Спасибо, с вами так было легко работать". И я не сдержалась: "Не то, что со Смоктуновским".

Она улыбнулась: "Не говорите об этом человеке даже с легким осуждением. Он Богом отмечен. Помню его голодного, с баюром на брюках, театр держал его на выходах. А когда он заменил заболевшего актера в пьесе Горького "Последние", все пришли в ужас и говорили, что он какой-то странный и всю сцену развалил. На самом же деле играл и тогда лучше других. Но вот режиссера не замечал, за что тот ему и отплатил. На мою просьбу взять Смоктуновского на роль молодого любовника в пьесе Шоу алопамятно нашел причину для отказа: "Длинный очень". Но кто-то из товарищей поддержал меня: "Если дама просит..." Елена Александровна грустно улыбнулась: "Бедное начало гения... Кстати, заставьте его самого сочинительством заняться, у него получится прекрасно. Впрочем, он и сапоги тачать прекрасно будет — в круговую одарен".

Совет Кузьминой неожиданно восстановил в памяти впечатление от небольшой статьи Смоктуновского, опубликованной в "Известиях". Она была посвящена Евгению Урбанскому, но по ходу изложения вспоминались военное детство и отец, уходивший на фронт. Строки о том, как долго виднелась в строю высокая фигура отца и его рыжая голова, полыхавшая на солнце, были щемящие выразительными...

И я снова звонила ему, просьбы уже звучали иначе. И однажды — молчание, раздумье и, наконец (!): "Приезжайте ко мне на Суворовский бульвар, я вам кое-что покажу..."

Мне хотелось еще в троллейбусе заглянуть в рукопись. Но я терпела. И какое же это было счастливое терпение с ожиданием чуда! Как играло самолюбие от уверенности в профессиональной удаче!

В редакции текст с ходу отпечатался в голове. В два печатных листа рукопись. Начиналась с эпиграфа из поэмы "Однокая роза"

Пабло Неруды: "Прощай, всеочищающая роза, ...мы возвращаемся к своим занятиям, к своим печальным службам и ремеслам..."

Статья была о поездке в Чили, о встрече с Сальвадором Альенде, о премьере фильма "Чайковский" (собственно, почему Смоктуновского и пригласили в Чили). В остальном — то, что мы привыкли называть "зарубежными впечатлениями", которые чередовались с мыслями о доме, жене, детях, работе. Но все было так напряжено в этом тексте, так было красочно и страстно, что к концу чтения начиналось сердцебиение. Автор что-то предсказывал, пророчил и, как это бывает с художниками, чутьем и душой не ошибся — в Чили пролилось много крови...

Дальше случилось то, что, видимо, всегда случается вокруг Смоктуновского или того, что он делает. Тема, стиль, интонация, обнаженность мысли и слова нашли среди начальства своих сторонников и противников. "Графомания!" — сказал ответственный секретарь А. Афанасьев, прогрессивный литератор тогда из молодых. "Бегите, звоните, благодарите, прекрасно! Берем! — волнилась номенклатурная единица, главный редактор Володя Токмань. — Все беру на себя!" Последнее слово должна была сказать редколлегия. Ее представляли профессора, поэты, писатели, министры, комсомольские деятели и даже космонавт. Активно никто не возражал, но все требовали сократить, подчистить, убрать острые моменты, в политику не вдаваться и т.д., короче, произвести "зачистку" по нынешнему чеченскому образцу. Только на бумаге.

Спас положение доктор технических наук, дважды Герой Советского Союза, летавший на "Союзе-5", "Союзе-8", "Союзе-10", принимавший участие в стыковке с орбитальной станцией, космонавт Алексей Станиславович Елисеев.

Человек, профессионально далекий от театра и литературы, он в силу неординарных отношений с миром легко воспринимал то, от чего бежали его редакционные коллеги с традиционным мышлением, имеющим свойство застывать, грубеть, автоматизироваться.

Елисеев сказал какие-то простые, хорошие слова и акцент сделал на строчках о семье, жене, детях, о чувстве вины, любви и тоски, вечных, подсознательных спутниках тех, кто не может принадлежать только кругу близких людей.

Володя Токмань был доволен, и текст заслали под заголовком: "Цвет красный, белый, желтый, зеленый". Смоктуновский придумал другое: "Мокрый асфальт Вальнарансо". И все поняли, что так лучше. Он часто стал бывать в редакции. Приходил в затрапезном виде. Запомнился зеленый свитер с маленькой дырочкой на рукаве. Эта демократическая дырочка на фоне его положения и величия придавала что-то домашнее и милое его облику.

— А вы много мне заплатите? — спрашивал он не очень серьезно, но заинтересованно.

— По высшей ставке, как Каверину и Тендрикову.

— Приятно быть в такой компании и, знаете, деньги нужны. А, кажется, работаю так много, а? — и глянул Деточкиным.

Журнал со статьей Смоктуновского вышел в свет, и театральный мир заштормило...

А тем временем пришло время летних отпусков. В Майори "средь белых платьев и панам" повстречался Алексей Николаевич Арбузов.

Алексей Николаевич был среднего роста, с большой круглой головой. Лицо показалось красивым: серые глаза, копия седеющих волос, крупные правильные черты. Но была и особенность в лице, да и в фигуре. В лице — что-то детское, разбойничье, веселое; в фигуре — «мешковатое», медвежье изящество. Он что-то ворчал под нос и был беспокоен. Позже выяснилось, что его беспокойство — это род любопытства к миру.

Мы шли по белой полосе прибалтийского песка и говорили о «Старомодной комедии». Арбузов вспоминал, как Бабанова предрекала ему слезливый спектакль для седых и лысых зрителей, и потому, сочиняя пьесу, он увлекся стихией комедийности. Но вот Игорь Владимиров так ее поставил, что все происходящее на сцене приобрело драматический оттенок. Теперь Арбузов мечтал о фильме по пьесе. Вдруг он остановился:

— А что это вы там натворили в своем журнале? Борис Иванович Равенских в бешенстве, обещает убить Смоктуновского. Дуэль по всем правилам. Вся Москва трубит об этом.

— Но трубить-то не о чем! Речь шла у Смоктуновского о Чили. О «Царе Федоре» — вскользь!

— Не скажите...

Сказать могу лишь следующее. Причин ажиотажа вокруг спектакля «Царь Федор», на мой взгляд, было несколько. Сама пьеса, затрагивающая больную для русского человека тему, — утверждение или отрицание плодотворности участия личности в истории, личности, ощущившей свое предназначение в мире, свое назначение. Это раз. Два — режиссура Б. Равенских, известного своим жестким и интересным обращением с материалом. Три — изумительная музыка Георгия Свиридова и, конечно, игра Смоктуновского. Смею утверждать, что шли все-таки «на него». Только он мог сыграть человека, который «страдал уже от того, что в мире есть страдание и оно приходится на долю большинства». Да в самом его облике, в его индивидуальности были и кротость, и ласковость, и покорность, и боль, и детскость.

Рецензий на спектакль было с избытком. В основном хвалебные. Хотя зрители жаловались на тихий голос — «в последних рядах не слышно». И в тех же рядах неясным прочерком воспринималась очень тонкая, детальная игра наследственной болезни царя, рефлекции характера. Но что делать — мимика, глаза такого актера, как Смоктуновский, всегда требуют крупного плана. Учитывал это, быть может, только Товстоногов...

И все же весь строй спектакля был высоким и напряженным, как это и бывает, когда речь идет о крайних вопросах бытия.

Но что же Смоктуновский при таком успехе? Неужели кокетничал, когда сознавался в «творческой немощи/и безобразии»? Вспоминается его усталое лицо, тусклый голос уныния в ответ на поздравления с успехом.

— Какой успех, дружочек? Его нет ни в душе, ни у служебного входа — где не сыщешь ни людей, ни зверей. Где толпы, ожидающие потрясшего души артиста?! И в зале слышу — кресла скрипят, конфеты шуршат...

В гримерной, ожидая выхода, как-то странно шепнул: «Ну вот, свиридовская Богородица отыграла, лучшего ничего не будет,

можно и домой идти". Его что-то не устраивало в Шуйском – Е. Са-мойлове: "Стонет, как кучер, – ворчал, – а еще воин за идеал и идею". Жаловался, что нет ансамбля, в то время как рецензенты с похвалой отмечали: "Смоктуновский не сливается с остальными людьми на сцене, даже по стилистике... Он явный гость из другого мира". А гость из другого мира, кроткий и ласковый, в крайнюю минуту так ударял царской печатью по столу, что казалось, земной шар раскалывается и возвращается прошлое, чтобы в слабом Федоре проснулся дух Ивана Грозного. Сохранилось предание, что Смоктуновский эту сцену сам придумал, хотя могли монополист Равенских, "внедривший спектакль в форму музыкальной сюи-ты", пойти на это – неясно.

Но ясно одно, что разногласия были уже в процессе работы. Вот свидетельство – тех времен – из статьи Н. Велиховой: "Равенских хотел видеть в Федоре человека знающего, в чем спасение. Смоктуновский – человека, ищущего спасения. Обе концепции сохранились, но не просто, они дали своеобразный синтез, ощущимый в лучших сценах... но противоречивый в некоторых эпизодах". Эту противоречивость гениально тонкая натура Смоктуновского не могла не ощутить. Этим он и болел, когда, отнюдь не позируя и не кокетничая, написал свои скандальные строки:

"Общее настроение солнечного утра исподволь подтачивалось чем-то, от чего хотелось побыстрее уйти, не думать, освободить себя..."

Спектакль? Федор? Ленинградцы, видевшие меня в мудром Достоевском... Их отношение к Федору? Может быть, это? Но я уже давно уговорил себя не вламываться в открытую дверь. Полгода назад, когда стало уже совсем ясно, что спектакль не получается, да и не может получиться с иллюстративным внедрением его в подобную форму и такое прочтение, прямо на сцене призывал Бориса Ивановича признать свою несостоятельность, сам сознавался в своей полной творческой немощи и настаивал на горьком, но честном и высоком шаге – закрыть все это безобразие, списать за счет требовательности творческого подхода к пьесе, теме и тем самым не только сохранить имя добруму старому театру, но и подобным актом еще и поднять его – де, мол, знай наших, мы столь сильны, что отдаляем себе отчет в этой самой силе и поэтому и в слабости, и не скрываем этого. Это у нас не получилось так, как того требует время, сегодняшний, выросший и высоко образованный зритель, перед которым мы, разумеется, всегда в долгу. Так будем же и впрямь верны этой обязанности быть достойными внимания такого зрителя и не станем довольствоваться показом жалких полумер и полумыслей.

Борис Иванович настолько не ожидал такого откровенного вы-плеска, он был так увлечен процессом режиссурования, что перестал замечать то, что понятно было с первого взгляда непосвященному. Он переработал. Его было жаль. Но, впрочем, так же, как переработал и я, и рассчитывать на сострадание и жалость ко мне моих зрителей я не только не хотел, но не мог. Это было бы полным падением, провалом, позором. Я высказал все то, что думаю об всей этой затее, о себе, о режиссуре, о товарищах своих в трагическом этом походе. Борис Иванович на некоторое время онемел от неожиданности, но, впрочем, довольно быстро пришел в себя, и по лицу его было видно, что принято какое-то конкретное решение.

— Да, закроем, конечно, но закроем двадцать третьего — прогоним раз и закроем. Тогда уж совершенно будет видно, что не получилось. Без прогона же невозможно будет мотивировать.

Я все же, должно быть, произвожу впечатление глупого человека, если меня так просто без труда можно считать идиотом. Спектакль давно идет, и в Киеве, и в Ленинграде уже около двадцати раз. Успокоенности это не принесло".

В моем архиве хранится много фотографий Смоктуновского. Одни подписаны — сдержанно, немного официально. Другие — перечеркнуты карандашом или надорваны, знак того, что он против их публикации. Третья — с подписями просто для самого себя...

Трудно сказать, отчего так придирчиво относился Смоктуновский к собственным фотографиям. То ли, как это свойственно актеру, хотелось "сохранить" себя на память в лучшем виде, то ли обычна для него требовательность ко всякой работе. Во всяком случае, зная, что предстоит съемка, он старался одеться пониаряднее и быть в особом душевном состоянии. Определить это состояние можно так: все, что сейчас происходит, весьма серьезно, но вместе с тем нелепо и смешно.

Он сидит у себя дома на диване, покрытом пушистым кремовым пледом. На низком журнальном столике — шахматы. Одет он в тональную белую, очень красивую рубашку, с изящной маленькой королевской короной, кажется, на кирмане. От него не отходит в бантах, в платье для праздника маленькая дочь. "Наряжайся, нас придут снимать", — видимо, сказал он девочке, превращая по своей манере мероприятие в маленькую семейную радость.

Белый свет жарких ламп высвечивает лицо, шею и становится видно, как он постарел. Что-то угадав глазами, он досадливо говорит:

— Видите, я стар, и я поздно все начал. — И тут же, сменив интонацию: — Но рожу я могу склонить любую. Какая вам нужна?

— Иннокентий Михайлович, рожу не надо, — говорит фотокор Виталий Засеев. — Нам надо естественное веселье. Почти счастье. Расскажите что-нибудь смешное.

— Извольте. Мне сейчас 51 год, а я играю тургеневского юношу.

Потом рассматривал снимки, на которых не было счастья, мрачнел и ворчал: мешки под глазами, щеки висят, шея в складках. И надрывал одну за другой фотографии:

— Простите, голубчик. Не годится, в корзину. В следующий раз, может, повезет. Не вам, а мне: помолодею...

Они, эти снимки, надорванные сверху, лежат, как игральные карты, веером, в моем архивном альбоме.

В другой раз снимали на улице у старого здания МХАТа в Камергерском переулке. У него закончилась репетиция, он очень молодо прыгнул со ступенек в снег, на едва протоптанную дорожку. Светлая дубленка и в то ей меховая ушанка очень были к лицу, подчеркивали такие известные светлые большие глаза.

— Начнем?!

Мимо забко, путаясь в снежном заносе, бежал народ. И как это бывает в Москве, мало кто обращал внимание на съемочную суету у театрального подъезда. Но тот, кто бросал взгляд, останавливался, подходил, протягивал что-то извлеченнное из сумки, портфеля,

кармана и просил автограф. Смоктуновский не отказал никому. И, выслушав благодарность, благодарили сам: "Спасибо, что помните".

— Отчего маленьких людей тянет на автографы? Времени в обрез... — проворчал кто-то из снимающих.

— Напрасно вы так. Жизнь и работа того, кого считают маленьким, и того, кого считают большим, одинаковы, они подобны всходам посевов на одном поле.

Озадачив таким серьезным подходом к теме автографов, он засмеялся:

— Это не я сказал. Древний китаец. Я только согласен.

Съемка получилась. Но Засеев хотел что-то иное, из ряда вон... Пришлось напрашиваться на репетицию в театр. Смоктуновский встретил в прекрасном холле нового МХАТа на Тверском. Помог повесить на вешалку пальто. Моя гордость — меховая шляпа с большими полями — осталась на голове. Еще и шагу не было сделано, как строгий звучный голос: — Кто это там в театре в шляпе? — заставил вздрогнуть.

— Это Зуева, — клянусь, что со страхом шепнул великий актер. — Пойдемте скорее.

— А шляпа?

— Несите в руке.

— Не буду.

— Ну как хотите, только идемте скорее.

С тем мы и прибыли в репетиционный зал. Я в шляпе. Он в небольшом волнении, смущении, отчего мне было неприятно.

Репетировали "Иванова". Сидели Киндинов, Попова. Что-то объяснял Ефремов. Что именно, не помнится, помнится только, что захотелось эту, на мой взгляд, самую страшную пьесу Чехова перечитать.

Фотокор снимал мхатовцев, которые то тихо и спокойно обменивались репликами, то, загораясь, переходили на повышенный тон. И снова долго, при полном молчании других, говорил Ефремов. В тот день я записала: "Смоктуновский после репетиции "Иванова" сказал, что Товстоногов больше постановщик, а Ефремов режиссер, который поднимает пласти сердца и души, чувствует психологию каждого героя. И вместе с тем — крутая воля во множестве лиц. Интересный человек".

Как бы там ни было, в тот день Смоктуновский весь светился, душевно был весел и энергичен. Он все повторял: "Я уже знаю, почему я Иванов, а не Иванов, я знаю тайну этого удара. Ну и хитер Чехов!"

Фотограф торопился. Он тоже знал свою волшебную минуту. Высматрив в зале массивное старинное кресло с высокой "рыцарской" спинкой, он усадил Смоктуновского прямо. И заставил его "уйти" в себя. На этом, смею утверждать, самом лучшем снимке актера простирали царственная сила его личности. На вас смотрит не князь Мышкин, не Деточкин, не Гамлет, не Иванов, не Моцарт, не Маргаритов, не Геккерен, не царь Федор, не Чайковский... На этом снимке один, только один Иннокентий Смоктуновский, которому достало какой-то фаустовской силы и магии создать, продлить, вернуть, повторить им всем жизнь.

— А у меня в память о том дне остался снимок: репетиционный зал МХАТа, дама у рояля в шляпе с большими полями.

...Последняя фотография, которую я видела... находилась на Новодевичьем кладбище на его могиле, еще не возвеличенной и не увраченной памятником.

Никогда я не видела на его живом лице такой печали.

— Я написал что-то хорошее, — сказал он гордо по телефону. — Приезжайте.

Хотелось всех обрадовать в редакции: "Сам предложил публикацию, а в стране есть и покруче журналы". Но люди, живя минутой, бывают неблагодарными в своем пресыщении: "Мы же не можем только его печатать. Конечно, поезжайте, а дальше, как в песенке Вертинаского — "пусть он ждет".

Это были прелестные, с юмором и блеском воспоминания о Михаиле Ромме, вернее, о работе с ним в фильме "Девять дней одного года". Написанное было еще интересно тем, что Смоктуновский, рассказывая преимущественно о себе, каким-то диковинным способом возвышал, выдвигал Ромма, корректируя и комментируя самого себя присутствием режиссера.

Трудно сказать, как это получилось, но факт остается фактом. Смоктуновский предъявил читателям, оставаясь главным действующим лицом, все же не себя. Внешность, характер, повадка, манера работать, общаться, шутить, болеть — все было о Ромме. Редакция, тихо охнув, все же выждала время и, наконец, отправила рукопись в набор.

Смоктуновский готовил статью для книги воспоминаний о режиссере и поэтому писал широко, не сообразуясь с журнальными возможностями. Он скромно пометил куски для сокращения. Любопытна направленность этих сокращений — убирал грустное прошлое, которого, возможно, теперь стеснялся или не хотел вспоминать. Например: "Праздника не было. Ощущение пустой, холодной невежности, никчемности провожало меня со студии, смотрело долго мне в спину, в душу, причитало, сутулило, стирало меня прочь с земли. Шел пешком и молча, обо всем этом никому нельзя было сказать, жена была далеко, в Ленинграде". Убрал строчки Пушкина, не потому, что цитату не жаль, был в ней какой-то ключ, смущающий его:

"Глубокие пленительные тайны,

"Не бросил ли я все, что прежде знал?

"Что так любил? Чему так жарко верил?"

Но редакция сделала широкий жест — ничего сокращать не будем, все великолепно. Да так оно и было.

Когда пришли гранки, Смоктуновский попросил показать их ему, что, впрочем, делал всегда. Начиналась работа по второму кругу.

— Но, Иппокентий Михайлович, в рукописи было именно так!

— Плохо было.

— Но не вам, а мне в редакцию возвращаться. Нельзя же столько правки вносить: типография деньги дерет!

— Ничего, поймут, народ там умный, интеллигентный, — заявляет безапелляционно.

Гранки, исчерканные красной ручкой, хранятся до сего дня: совершенствовал, улучшал, менял, вычеркивал.

Но к этому взрыву творчества в редакции отнеслись прохладно: обычные выверты автора в последний момент. И мало что изменили и учили.

Пришла верстка. Смоктуновский ждал редактора у себя дома — он был нездоров, не поехал на репетицию. Встретил в коротком халате, на голых, худых ногах болтались тапочки. Уму непостижимо, как он запомнил всю свою правку. Потрясая персткой, он кричал:

— Где она, моя правка?! Я спрашиваю!

— Иннокентий Михайлович, но там было много вкусонщины. Не сердитесь...

— Не сердитесь? “Мы трудились честно, с верой в то, что делали нужное, доброе... дело”. Я же зачеркнул “дело”. “Трудились, делали, дело” — не слышите, как отвратительно?

“Ромм хотел, плакал, уходил вдали от реального”. От какого “реального?” — если он смотрел, как я играю. Потому я и исправил: “Уходил и возвращался”. Просто, как в жизни.

Дальше, очень прошу восстановить мое убеждение в том, что “если бы Михаил Ильич был на фронте, он был бы прекрасным сапером и запросто обезвреживал любые мины и всякие проволочные хитросплетения”. Это о его характере, о выдержке, а не просто так. Лучше уберите мой самовлюбленный и бес tactный вопль “с этого момента мы были дружны”. Я готов был дружить, а он — не знаю, не смею за него судить, решать.

Мы сидели за столом, покрытым чем-то чистым и ярким. Стол стоял в коридоре, ставшим частью большой комнаты — снесли перегородку. Уютно горела настольная лампа. Но было не до уюта с зампой под золотистым бунинским абажуром. Оказалось здесь булгаковские кремовые шторы, и они бы не внесли покоя. Покой бы внесла Соломея Михайловна, но ее дома не было.

Разбушевавшийся Смоктуновский бегал по комнате, по комнатаю коридору, вдруг сел и закричал:

— Все, хватит. Материал снимаю. Запрещаю. Разве мог деликатный Ромм в лоб произнести этот лозунг. Читайте!

Заглядываю через плечо.

— Нет, попрошу вслух...

Всех не читаю, пробегаю глазами: “Капитализм ведет человечество к гибели. Это античеловеческая система, и материальный мир и мир духовный в опасности”.

Смотрю на автора. Он сидит на стуле в своем халате, как Меншиков на картине Сурикова. Мрачный, убитый и злой.

— Снимаю материал, — говорит важно и тихо.

Бросаюсь к телефону: “Иннокентий Михайлович просит восстановить правку в верстке. Правка большая”.

Вальяжный голос заместителя редактора Станислава Самсонова звучит совсем рядом:

— Да что он в самом деле? Уговорить надо. Я подожду.

Уговариваю. Но Смоктуновский-Меншиков стал еще выше на своем стуле и впрямь встанет — крышу пробьет. Мы опять кричим друг на друга, потом приходится хитрить, извиняться, унижаться. Телефонная трубка в руке, длинный шнур хлопает хвостом во-

след беготне. Последнее, что удалось крикнуть начальству, что материал летит из номера, поговорите с автором сами — и тут шнур натянулся и с корнем вылетело из стены все телефонное хозяйство.

Мы со Смоктуновским оказались отрезанными от мира. И за молчали. Я с ужасом от нанесенного еще одного ущерба. Он — и знаю от чего.

— Иннокентий Михайлович, разрешите взять материал, — начала я снова. — Все будет хорошо. А иначе неприятности...

— Зальем их чаем.

Чай пили вздыхая, каждый о своем. А он все ворчал: не станут вами дело иметь, хоть вы и человечек ничего себе...

Правку внесли, воспоминания о Ромме вышли. Но повод для раздумий остался. Конечно, он не мог смириться с халатностью в деле, в которое вложил душу. Но когда его обвиняли в занудстве, привередливости, в противной манере переписывать за авторов материалы — это было несправедливо. Во-первых, он сам хорошо писал и, естественно, ревниво относился к написанному другими, да еще о себе. А во-вторых, не его вина, что он все видел, в отличие от авторов, и боковым, и внутренним, и множественным зреием человека, которого природа обрекла на безграничность. "Меня много в самом себе", — жаловался он.

Стоял июль 87-го года. Москва, засыпанная тополиным пухом, пеклась на солнце. В моде были белые пиджаки и голубой цвет. Стабильная, почти в целый век, советская жизнь должна была обновиться, подлечиться и начать честное восхождение к своей идее. Общество по-хорошему лихорадило, и даже закупки исчезнувших товаров не казались чем-то катастрофическим.

В обеденный перерыв семейный долг погнал в магазин. На Фрунзенской улице он еще хранил хорошую репутацию.

— Ага, все за товаром! Худеть никак не желаете?!

Знакомый голос с теми интонациями, от которых кружится голова, где бы он ни звучал: в театре, кино, по телефону. Сколько раз просила: "Не говорите так без важных на то причин". Смеялся и дразнил. Он был высокий, легкий, сильный, в чем-то светлом.

— Я за мясом для семьи. — Улыбнулся. Рот без зубов. Махнул в сторону стиринного здания: — Там!

— Вас навещать не надо? — спросила осторожно, вспоминая с ужасом посещение в этом же здании больного Валентина Расputина. Весь в белых бинтах, он бешено смотрел черными огромными глазами на непрошеных гостей, готовый их вышвырнуть вон. "Я не в форме", — все повторял, а они-то думали, что одинок их автор в московской больнице и скучно ему. Потом гнев сменил на милость, уловив сердечность и искренность в медвежьей услуге.

— Да нет, — весело успокоил Смоктуновский. — Я приезжаю на машине. — И принял очень знакомую позу у светлой машины, стоявшей у обочины.

Это был Деточкин в реальной жизни.

— У кого угнали? — не мог не возникнуть дурашливый вопрос.

— Не угнал, а пригнал, приобрел за собственные рубли. А я еще конфету хотел ей дать.

Он давно уже рылся в черной огромной сумке и, наконец, нашел "Золотой ключик" подозрительного вида.

— Это — ириска. Берете?

Как знакома его привычка приукрасить мгновение, в котором присутствует он...

— Я написал девять листов воспоминаний о войне. Кажется, получилось. И фотография есть. Прислали ее из Польши, на ней деревня. Под которой воевал. Но не знаю, где все это пристроить.

Познакомила Андрею Дементьеву в "Юность".

— Девять листов много, возьмем два, — сказал он.

А жаль: война глазами художественной натуры — совсем особое батальное полотно...

У этой летней встречи было колдовское завершение. Звоню сообщить о "двуих листах" для "Юности".

— Оставим "Юность" юным. Пристроил в журнале "Театр".

И без всякой паузы:

— А у меня горе. Машину угнали. Угнали и разбили. Теперь чиню.

...У Деточкина угнать машину! Бред какой-то. Впрочем, начались новый передел собственности без всякой нежности к трепетным Деточкинным, наяву они или на экране.

Казалось, что за двадцать лет знакомства он внешне очень мало менялся. Немного худел, немного поправился, редели волосы, все больше открывая лоб, виски, но теми же светлыми кудрями падали на плечи. Все так же "плескалась" в светло-ви ноградных глазах ласковая детскость. Неотразимо улыбался, а смеялся так, словно заигрывал с ребенком, очень любил поклонничать своим знаменитым, легко узнаваемым голосом. Высокий, сильный, несмотря на большой тяжелый костяк, очень легкий и мягкий в походке и движениях. У него была манера, вздыхая, приподнимать плечи и часто подносить ко лбу руку с длинными тонкими пальцами, которые как бы росли из запястья, и было их не пять, а четыре. Она напоминала узкое крыло птицы.

Это была трагическая рука.

МХАТ, царственный и огромный, рухнул под напором новых живых страстей и разделился. Ошибочно полагая, что он представляет дурий синтез противоречивых тенденций.

Смоктуновский ушел с Ефремовым.

Мы никогда на эту тему с ним не говорили. Но вот однажды меня подозвали к телефону, и я услышала вздрюченный, нервный, разухабисто-раздраженный голос человека, у которого душевное равновесие было даже не на шаткой основе, а много хуже.

— Ухожу на пенсию — и все! — кричал Смоктуновский. — Акт смешной и гражданский. Возражать станете?

— Да нет, гражданский, — медленно начала я. — Но спешить исполнять его так уж надо?..

— А что же делать, скажите, дружочек, ни раздыхов, ни накопления сил, словно счетчик работает. Где это чувство, когда шел в спектакль, как на праздник? Теперь даже лицо не гримируется — всякие приметы мешают. Устал.

— Ну, конечно, это усталость. Посмотрите на календарь. Конец сезона. Апрель, весна, истощение всяких сил.

— Апрель, капель — ничему не могу радоваться. Это профессия наша такая, где, как на пляже, очень важно все, и ничего не звучит следующий миг. Я работаю, работаю честно. Не умею подхалимничать и делать что-то спустя рукава. Высокие завоевания должны быть и высоко отмечены. Нет, чтобы порадовать человека...

Не знала, что он имел в виду и не знаю. Но кто-то ведь знает ему будут ясны эти обиды... Я пыталась сбить лишь эмоциональную, стрессовую волну, понимая, что некуда деваться человеку, избравшему столь уязвимую профессию.

— За месяц надо сделать "Дядю Ваню". Но у нас что ни спектакль — что это такое?! — все еще кричал он. — И "Дядя Ваня" — ужас! Прекрасная пьеса — и ни одной удачи. М. — ужас, ему мэнэсов играть. В. — только играние. Не знает Ефремов XIX века. Но так сказал: знает, но не чувствует. Да. Не чувствует.

— А молодые?

— Молодых должны готовить талантливые люди. А в ГИТИСе школы нет, духа нет, анархия. Чему научит Э.? Глаза таращить? Ну есть Алла Березанцева...

Да, в этот раз все было плохо. Это был душевный сбой. Что-то заставило его изменить поведенческий стиль, потерять беззаботность элитарной фигуры, спокойствие театрального бога. Спокойствие потерял. Но богом и рабом театра остался.

— Приехал английский театр! Посмотрите обязательно! Шекспировская "Зимняя сказка" — чудо. А уж "В бурю" — театральное чудо!

Смоктуновский философствовал: "Время, этот бесстрастный блюститель одного лишь — циклов, ритмов — продолжает свой мерный путь, жонглируя мирами в бескрайности Вселенной".

Его друг обещал: "Актер будет жить долго и работать хорошо, он, уцелевший в страшной войне, сбереженный судьбою, удивительный художник".

Но Смоктуновского не стало. Он закончил утомительное и блестящее земное странствие. Как явление крупное, он будет изучен и рассмотрен всеми мыслимыми способами в искусстве и истории.

Но сегодня иные, родные люди ему по цеху, не знают, где похоронен их великий сподвижник.

Есть ли театральные школы, курсы, где изучают его мастерство?

И часто ли его вспоминают..

Молодой актер из театра, где когда-то работал Смоктуновский, мне говорит:

— Я человек верующий. Считаю, что с истечением отпущеного времени Бог положил нам уходить из жизни. Смоктуновский

умер, потому что его время истекло. Все рвется, что слишком на-
тагиваешь, и зияют жалкие стыдные жадные дыры. Коротка ли
его жизнь – не знаю. Но поэты говорят, что "чем вещь конечней,
тем более заражена жизнью, эмоциями, радостью, сострадани-
ем". И еще. Представьте, играет сегодня Смоктуновский своих
странных героев. Сегодня?! Для нового менталитета они уже не
странные, а странненькие, синоним убогости, не Идиоты, а идио-
тики. Он пытался играть современных дельцов, каких-то мафиози.
Плохо играл? Спина по-графски слишком прямая – в такую
стреляют...

Он думал о смерти. "...Довольно часто приходит мысль о смер-
ти, без особого страха, но не без тоски... Пожить бы, отдыхая, где-
нибудь в природе. Как было бы хорошо.

Бессмертие... Если его нет в биологическом смысле, то оно
есть, существует в другом. И это зримо ощущаешь, взирая на по-
слов человеческих устремлений и труда, эту преемственность со-
девшего".

В содеинии – бессмертие и Смоктуновского.

✓
Какое величие является собою человек! Какое благород-
ство в его уме, беспечность в способностях, прелесть в
формах! Это дух небесный, украшение света, образчик
истинной природы!

В. Шекспир

"КРЫША"

ОЛЕГ
ПАРНОВ

Этого человека я знаю никак не меньше тридцати лет...

На заре нашей пурпурной юности мы учились в одном из московских технических вузов. И тогда он уже был институтской легендой. Он считался первым лабухом вуза, к тому же умудрился три года учиться на втором курсе, ни одна более или менее заметная пьянка не обходила его стороной. Ни он, ни я этот технический

институт так и не закончили. Позже я пришел работать мальчиком на побегушках на телевидение, и наши пути опять плотно пересеклись — он и на телевидении, в определенных его кругах, числился одной из самых коротких фигур...

Потом я сделался юридическим чиновником. Но раз в месяц что-то такое накатывало на меня, я шел в магазин, брал лист и встречался с ним, отводя душу и напоминая самому себе, что в этом мире существуют не только министры, партийное бюро, скуча и серость... В восемидесятых я потерял его из виду. Доходили слухи, что он окончательно слился. И я верил этим слухам. Он должен был с неизбежностью повторить судьбу тысяч своих собратьев-лабухов...

Но как-то он пришел ко мне. Я был в полном порядке: заграницу и дорого одет, обут, на одеколонен, курил американские сигареты (раньше-то он всех нас правил ядовитыми газами, испещающими "Дымком"), а под окнами мерцала его "Тойота". Он еще несколько раз забегал ко мне. И как-то

обмолвился, что его ждет "стреляка", что исход ее неясен, что все может быть. Он жил "под бандитами". По их правилам. Я потребовал объяснений, мне надо было знать причины потрясшего меня превращения лабуха в нового русского. И я такие объяснения получил. Мы сели друг против друга. Как в молодости. Только вместо водки я купил торт. Но мы к нему так и не притронулись...

ПЕОНИД ШАРОВ

"Не жди меня, мама"...

Первое, настоящее мое соприкосновение с бандитами запросто могло стать и последним. Я тогда только раскручивался. Решил заняться автосервисом. Познакомился с одним предпринимателем, и тот с барского своего плеча сдал мне небольшую мастерскую.

И вот на второй день этого моего бизнеса синку я в кабинете, разбираюсь в документации... Вдруг въезжают два "БМВ", из них, точно как в американских фильмах, выходят шесть амбалов в спортивных костюмах и требуют управляющего. Я выхожу к ним во двор. Один из них толкает меня к стенке. И чувствую я, как мне в живот упирается что-то очень твердое и холодное. "Ну все, — говорит амбал, — ты, козел, свое отбегал". Вину, и вправду — все. Амбал явно отвязанный. Перегаром от него не несет. Стало быть, наглотался колес или ширнулся. Сейчас пальчиком пошевелит. И дня через два меня на кладбище будут лабать как жмура. (Я-то знаю, я сам жмуров лабал, когда с бабами было трудно. Гнилое дело. Приходилось играть по нотам, а я этого страсти как не люблю...)

Нет, о загубленной своей жизни я ту секунду не вспомнил. Просто посетило меня знакомое, грустное чувство... Это когда меня выгнали с телевидения. Только тогда это чувство растянулось на несколько месяцев. А тут свалилось все сразу.

"Эй, дураки, наденьте ордена!"

С телевидения меня выгнали так... Был апрель 1985 года. Я приехал в Питер. В Питере я звонко учился в институте кинематографии и телевидения. И хоть был этот институт сугубо техническим, поскольку готовили в нем инженеров, тамошняя публика не чуралась всяко-

го рода приколов и горбушек, свойственных нашей исключительно творческой интеллигенции. Праздновали первое апреля. Всюду выленивались по-своему. Что физиономию распирывали под папуса. Что цепляя фальшивую бороду. Что передавался женщины. А я навесил себе на грудь мулек советских орденов — их приволон один мой тамошний знакомый с киностудии. Орденов было много. Я стал дважды Героем Соцтруда, кавалером орденов Ленина, Дружбы народов, Октябрьской революции и даже Матерью-героиней. Нацепил, слегка освежился станчиною и пошел танцевать с девушками. Не успел отплясать второй танец, как передо мной возник человек в сером костюме и с серьми же глазами. Вознущавший, велел следовать за собой. Ведомственная принадлежность сероностюмного товарища не вызывала сомнений. По дороге я, как опытный вор-карманник, исхитрился "бросить" весь свой иконостас. Но это мне не помогло. Среди комсомольцев-активистов нашлись свидетели, которые изобличили меня.

Ночь я провел на Литейном — там располагался местный филиал "конторы глубокого бурения". Меня не били, но оказывали психологическое давление на предмет подписания протоколов. Однажды я деркался молодцом и ничего не подписал. По возвращении в Москву меня вызвали к начальству. Обвинили в идеологической диверсии, и я написал "по собственному".

Но уходить с телевидения было стремно. Наняли шестнадцать лет, лучшие годы, друзья, воспоминания... С другой стороны, я еще легко отделался. И был даже готов к этому. Ну да хуже пришлось одному моему приятелю. Он работал на программе "Время". И как-то обслучивал съемки торжественного мероприятия, в нем принимал участие напрочь забытый член Политбюро.

Мероприятие пришлось под вечер. А винный магазин около телецентра работал до восьми. И до него надо было еще пилить через пол-Москвы. И тогда мой приятель направил в президиум, члену Политбюро, записку с вопросом — можно ли сворачивать телевизионные причиндалы, поскольку съемка занончена? Записка пошла по рукам и добралась-таки до члена. Тот прочитал и величественно няннул. Телевизионщики упорнули радостными весенними птицами. Но на проходной в Останкино моего приятеля уже ждала его трудовая книжка. [В магазин мы, правда, успели...]

Но еще хуже пришлось тем редакторам и режиссерам, которые имели неосторожность выдать в эфир бородатых и длинноволосых людей. Тогдашний председатель ТВ Лапин издал приказ о недопущении появления на экранах вышеозначенной категории. В те дни все редакции лихорадочно вымарывали из ума записанных и смонтированных материалов бородачей и волосатиков. Ослушавшихся и невнимательных изгоняли в считанные минуты. Но ведь и исключения были. Теперь-то все знают, что произошло в те годы с Юрием Николаевым. Работал он диктором. Приняли его кандидатом в партию. Он перед эфиrom искал моральный облик строителя коммунизма путем употребления. Так искаженным и вышел в эфир — под светлы очи Сергея Георгиевича Лапина. По идеи его ждала немедленная казнь. Но все кончилось недолгим отстранением от эфира, и вскоре Юра лябал свою "Утреннюю почту". Но мало кто знает, что тот трагический вечер Юра начинал в нашем цеху. Мы ему плеснули чуть-чуть: наняли ему надо было читать программу передач. Но, видно, по дороге в студию [с первого на шестой этаж] он усугубил свое моральное испанение еще с нем-то.

Впрочем, это не моя тайна...

"Работай, учись и живи для бандитов"...

Так вот – стою я у стенки и прощаюсь с жизнью. Но тут выдвигается из-за спины отвязанного амбала некая личность в более солидном principe и говорит, чтобы амбал меня не слишком спешил пускать в расход – не время еще. И будто я не тот, кто им нужен. Оказалось, что они приехали разбираться с человеком, который гоношился тут до меня. И что имел он неосторожную насталь скрыться вместе с оставленной ему для ремонта бандитской тачкой. А со мной у них пока базара нет. Мне даже принесли извинения. Хорохориться я считал излишним.

Работать с бандитами, нан выяснилось, можно. Но именно – работать. Они привозили в мою мастерскую побитые свои тачки и спрашивали, можно ли их починить, во сколько обойдется ремонт и сколько на это потребуется времени. Я звал работающих у меня мунинов. Мукини ревизовали тачку и ставили диагноз. Если они не могли отремонтировать, то я так и говорил бандитам. Они не спорили и не начали права. Уезжали в другую мастерскую, где таиной ремонт был возможен, или покупали новую машину. Но если я соглашался на ремонт, то Боже меня избавь что-то не так сделать или просрочить его хотя бы на час. Я знал, что меня ждет... Нет, не горячий утюг на животе, не пуля в затылок и даже не мордвой. В этом случае братва могла бросить мне в рону ключи от непочиненной машины и требовать ее стоимость. Два таких пропала, и о дальнейшем бизнесе можно было не беспокоиться. Но система представлялась мне справедливой. Потому как если все оказывалось в порядке, то братва платила, не торгуясь. Немедленно платила. Разумеется, наличными. Разумеет-

ся, баксами. При этом никаких нанцаний и прочей нанцеляршины. "Ты сказал" – для заключения сделки более ничего не требовалось. И все это нутко противоречило всему тому, что было в прошлой моей жизни...

"Что было, то было"...

Н моменту моих авторемонтных приключений я уже не пил. Непьющий лабух – разве такое может быть?..

Лабухом я стал еще в школе. Был там у нас свой динсиленд. Я играл на кларнете и саксофоне. Наградил Господь слухом и прочими музыкальными способностями. Для лабуха – вполне достаточно. Музыка тогда была нивая. Магнитофоны – редкость, роскошь. Только-только появлялись первые электрогитары. Битломания еще не началась.

В тот самый технический вуз я поступил потому, что его окончил отец. Н тому же половина моего школьного выпускна подалась в него. Помню, что в анноте была графа "На каком музыкальном инструменте играете?". И еще был у этого вуза шинарный по тем временам Дворец культуры. Я специально не называю ни своего имени, ни прочих координат, могущих определить мои истории. Излишняя откровенность может повредить нынешнему моему бытию. Но все мои приятели и подружки тех лет немедленно поймут, о каком институте идет речь... Славный институт. Не знаю, дал ли он миру знаменитых инженеров, но множество его выпускников стало знаменитыми артистами, телевизионщиками, драматургами... Первый курс я еще кое-как отучился.

Но этот чертов Дворец культуры! Каждую весну в нем проходило грандиозное соревнование фанульетов. Надо было обязательно своими силами поставить спектакль. А

весь стояли шестидесятые. Жизнь бурлила. Нечто можно было себе позволить. И мы позволяли. Нааждом факультете были люди, которые только этим и жили. Некоторым по странной прихоти судьбы удавалось получить диплом. Но и после состоявшегося своего инженерства они продолжали приходить в ДН. Я рухнул в эту не слишком реальную жизнь. Мало того, что я помогал ставить спектакли и писал к ним музыку. Я мотался по всей Москве с институтским дипломом. Я каждую неделю играл в ДН на танцах, став преемником того самого "Нозла", который в пьесе Славинина "Взрослая дочь молодого человека" дудел на саксофон.

Был ли я шестидесятником? Нет... Я не пытался осмысливать он-ружающую действительность. Мне это было не интересно. Но кто-то из моего поколения стал шестидесятником. Кто-то ушел в функционеры, пристроившись к государственной нормушке. Кто-то сделался теневиком. Большинство состарилось и продолжает стариться просто так, отбыв номер. А я - лабух. Лабух - не обязательно музыкант. Это, наверно, диагноз Модус виененди - способ жизни. Точнее, способ ее восприятия - такой, как она есть. И радоваться жизни - такой, как она есть. Потому как где ее взять то - другую? А поскольку особых радостей жизнь не сутила, то приходилось... Сказал же Омар Хайям:

Вода? Я пил ее однажды...

Она не утоляет жажды.

Разумеется, можно было спиться. И спивались. Мне повезло: я спился не сразу. А когда спился, то поменялись времена.

И я спросил себя - зачем пью? И не получил ответа. Принялся долго нюхать СССР. А во мне умер лабух. Впрочем, я дален от того, чтобы проводить параллель между этими двумя событиями... Опять-таки не будем спешить со всячного рода утвержде-

ниями. Иной раз думаешь: НН умер, а потом встречаешь его в пивной - с бодуна, но живого...

В 92-м году я остался без работы. Конструкторское бюро, которое пригрело меня сразу после телевидения [и это несмотря на мою выявленную антисоветскую сущность], разваливалось. А сидевший во мне лабух уступил место комбинатору. Я и не знал, что такое возможно. До этого я даже мелкой фарцой не баловался.

"Птица счастья прошлых лет моих"

В прошлой-то моей жизни самый большой проклятий имел место, когда я носил в институтском стационаре, чтобы получить академический отпуск, и когда я сразу после состоявшегося-таки изгнания из альма-матер примерно полгода перебивался рабочим сцены в театре Станиславского и Немировича, сами понимаете, Данченко.

Носил я под гипертоника, благо многие духовники от постоянного наяненного дудения могут обзавестись кое-чем и похуже. Перед утренним обходом на лестничной клетке делал тридцать-сорок глубоких затяжек беломориной и двадцать не менее глубоких приседаний. После чего забирался в нойку. Приходил врач и пугался: морда у меня зеленела, а сердце стучало отбойным молотком. В самых крайних случаях ребята приносили мне эфедрин, который тогда можно было купить в любой аптеке в любом количестве и за сущие копейки. Эфедрин давал стойкий гипертонический эффект, но мог и вправду превратить тебя в инвалида. Два года я так пронантовался, но в конце концов надоело губить и мучить молодой еще организм.

Пошел в армию. Служил я недалеко от Москвы. И ничего со мной в

армии страшного не стряслось. Более того. Благодаря армии я понял, что такое счастье. И не задним числом, в в тот самый момент, когда оно возникло, когда оно было во мне и со мной. Дело было так. Отслужил я полгода. Закончил учебку. Перевели меня в батальон. И вот сажу я в батальоне, жду, когда деды из караула вернутся и начнут меня шпынать. Тоска. Но тут звонят из штаба полка и велят мне явиться к замполиту. Являюсь. А он знал, что я из лубухов и что в армию загремел из-за самодеятельности. И велит мне замполит ехать в Москву, в родной мой ДН и провести там переговоры на предмет привоза к нам в честь студенческого нашего театра, чтобы, значит, в ноябрьские праздники сыграли они патриотический спектакль "Соловьиная ночь". Срок командировки три дня. И я поехал. Ребята на НПП сразу поймали мне машину, которая прямиком шла в Москву. На ней я доехал до первой станции метро. Потом еще на трамвае. Выходу. Уже вечер. Под ногами осенние лужи. До Дворца культуры от трамвайной остановки надо идти метров четыреста. ДН виден издалека. В нем освещены окна репетиционного зала на третьем этаже. И я знаю, что в эти минуты там, за этими окнами, собрались все мои тогдашние друзья. Все, что был мне дорог, кому был дорог я. У них генеральная репетиция. Завтра спектакль. Та самая "Соловьиная ночь". И вот я то бегу, то застываю на месте и не могу шагнуть дальше. Вот оно, счастье! Я его ощущал. Я его понял. Я был счастлив. Как выражаются теперешние мои знаномцы — конкретно. Вот когда надо было орать "Остановись, мгновенье, ты прекрасен!" Потом, когда я все-таки добрел до своих, было все. Меня начали на руках. Девушки целовали меня взасос. Кто-то уже бежал за водкой. Но это уже не было счастьем...

А в оперно-балетный театр я попал сразу после армии, потому как решил устроиться на телевидение, а это было не слишком просто. Как же: идеологическая цитадель, хоть шел я туда простым работягой. Надевали изучали мою подноготную. Зато в театре никто меня ни о чем не спрашивал и велели немедленно приступать к работе.

Не знаю, как сейчас, а тогда в этом храме искусства существовало самое настоящее горьковское дно. И жили на этом дне мы — рабочие сцены. Один его обитатель, например, так вообще никогда не понимал театр — ему не в чем было выйти на улицу. При мне он ухитрился пропить ganze немалое наследство, неонайденно свалившееся к нему от какой-то дальней тетушки. По этому поводу его приодели, он сходил, нуда надо, вернулся с деньгами, большую часть которых успел по дороге поменять на металлические рубли. Ему так было проще оценить размеры наследства: каждый рубль равнялся стакану водки. Он так их все и выпил столбиками по десять рублей... То есть стаканов. Жил на дне и человек, которого все почему-то считали опальным министром путей сообщения — в любую погоду он ходил в железнодорожной шинели, застегнутой на все пуговицы, и ни с кем никогда не разговаривал. Еще одного тамошнего обитателя застигли у метро "Проспект Маркса". Он волок на себе гигантский тюк. Размеры тюка и вызвали подозрение у блюстителей порядка. В окопотне выяснилось, что это не тюк, а бархатный театральный занавес. На вопрос: "Зачем ты упер занавес?" человек спокойно ответил: "Да заплыл я, вот я и думал, что жена постирает". Был там умелец, который делал балеринам криминальные аборты посредством обычных ножниц. Но вспоминая всех этих историй стал случай с неким машинистом башенного крана. Он всего

лишь подрабатывал в театре. По престольным праздникам в те годы в этом театре шла опера "Виринея" — о становлении советской власти в деревне. Машинист в этой опере должен был перед последним актом выстроить на сцене избу с надписью "Сельсовет". Так он и сделал. Выстроил. Но с собой у него была ченушка и нехитрая занусь в авоське. Он угнездился в избе, вынукал водочни, занушил репчатым луком и уснул. А в это время пошел занавес. На сценусыпали нулани с обрезами. И принялись под грохочущий трагически нотами оркестр звать геройскую женщину Виринею: "Выходи!!!". И так нескользко раз — по нарастающей. Машинист башенных кранов проснулся и вышел. С авоськой, в которой поблескивала опорожненная ченушка и перенатывались еще не съеденные луковые головки. Он хмуро посмотрел на нуланов и молча удалился в правую нулису. В зале долго не стихала овация.

Вот и весь мой криминал, не считая двух-трех дран окон московских ресторанов и многочисленных случаев распития спиртных напитков в рабочее время и в неподожженых местах.

"Под крышей дома моего"

Мое автомобильное общение с бандитами — всего лишь эпизод. Вокруг меня бурлило криминальное варево. И не я изобретал для него рецепты. Многие люди, с которыми я был знаком, с которыми имел разнообразные дела, время от времени исчезали:ного сажали в тюрьму,ного находили в каком-нибудь пустынном месте с простреленной головой, а кто исчезал без каких-либо материальных следов. Я же научился давать взятки, обналичивать деньги, составлять финансовые договоры. Главное — я научился чувствовать опасность. Нау-

чился кое-что понимать в людях и про людей.

Пришлось осваивать некоторые приемы. Например, "начать Офелию". Если разобраться, то это своеобразный психологический тест. Беседуешь с человеком, который нужен тебе или которому ты сам нужен. И постоянно подбрасываешь ему вопросы. Чаще всего эти вопросы никакого отношения к делу не имеют. Среди них попадаются совсем уж идиотские — про цветочки-василечки, про детские мультфильмы... Но вопросы эти задаются в строгой последовательности, по системе. Потом начинаешь анализировать полученные ответы. И по ним можно, если есть голова на плечах, получить довольно точное представление о собеседнике: вот здесь он врет, здесь ни то ни се, а здесь — правда. При этом не исключено, что и твой собеседник "начнет Офелию". Ничего особенного — имеет право. Пришлось также изучить азы юриспруденции и финансового права. Накупил заграничных учебников. Честно их прочитал. Все понял. Одно плохо: российский бизнес никакого отношения к праву, которое содержится в принятых государством законах, не имеет. Весьма возможно, что происходит это из-за того, что у нас государства как такового не было и нет. Ну да глубже понял я другое. Для того чтобы российский бизнесмен средней руки хоть как-то сводил концы с концами, ему надо иметь крышу.

Я ее получил сравнительно безболезненно...

Но до этого я долго решал, чем мне заняться — из автомобильного бизнеса я благополучно уполз. В конце концов сменил: строительство — вот, что мне нужно. Дело конкретное и сравнительно чистое. Нетому же Москва начала строиться и перестраиваться. В строительстве я смыслил с гулькин нос, но, как оказалось, до всего можно дойти, еже-

ли привлечет и виноват сам того хочешь. Только этого мало. Надо найти заначину...

Есть в Москве некая научно-исследовательская шарашка. Во времена советской власти она включила полное существование. Считалось, что научные ее потуги в части жилищного строительства никому не нужны... Но наступили девяностые. И выяснилось, что шарашка сидит на золотом дне. В ней сосредоточена вся документация по всем московским зданиям — с их подвалами и чердаками. Тут тебе и коммуникации с подводками, тут тебе и поэтажные планы... Нлад! В считанные недели шарашка расцвела. Народу в ней резко поубавилось — лишние рты никому не нужны. А тот народ, что остался, в те же нескользко недель сделался другим. Мужчины стали привозить на работу в "Фордах" и "Вольвах", а женщины стали вести себя нагло и нахраписто. Через эту шарашку я и получил свои первые заказы. Как? Вопрос, конечно, интересный, но ответ на него опущу. В силу его кондовой российской банальности.

Мы переоборудовали подвал одного очень крутого, круче не бывает, магазина в центре города. Всё шло нормально. Загнанный столетиями подвал превратился в конфетную. Оставалось сделать немного. Но тут в магазине стали пропадать вещи. То роликовые коньки, то паяльник... И я понял: кончается тем, что пропадет дорогостоящий магазинный товар. Пропажу спишут на нас. После этого нам головы не сносить. За магазином стояли суровые люди. Пришлось потерять кое-что в деньгах, но ноги мы унесли. И правильно сделали. Предчувствия меня не обманули. Потом вокруг этого магазина много чего происходило. Летального...

Со следующим заказом нам крупно повезло. Принялись мы строить для одной государственной зрелищно-развлекательной конторы,

Объем работ был велик — на нескользко лет. Директор конторы регулярно пробивал в столичной администрации деньги. Мы ему за эту регулярность наезды разнесли симпатичный таковой и похрустывающий конвертин.

Повезло мне и с компаньоном. Во-первых, несмотря на отсутствие половины школьного образования, он оказался строительным асом. Во-вторых, имел близкого родича, который не на последних ролях вращался в нругах, способных радикально и без лишних проволочек решить любую проблему посредством специфических, сканем так, средств. Собственно, это и была наша крыша. Ее услуги понадобились быстро...

Нан-то сидим мы с компаньоном в подсобке. Все у нас хорошо. Город платит. Мужчины работают и не пьют. Заначин доволен. Заварили мы чай. Торт по случаю купили. Но тут вваливаются в подсобку четверо и спрашивают главного. Славись компаньону — старшим назывался он. "Ну, значит, так, — говорят гости. — Будете теперь платить нам тридцать процентов". "С прибыли?" — спрашивает компаньон. "Нет, — отвечают, — с оборота". "Не выйдет, — подводит черту компаньон. — Я вам и с прибыли не ничего платить не буду". "Ну, ты, мужик, даешь в натуре! Да мы тебя сейчас..." "И сейчас тоже не выйдет, — гнет свою линию компаньон. — Вопрос сложный. Его с вами наша крыша будет решать".

И вскоре была назначена "стрелка". От наехавшей на нас братвы пришло целых семь человек. От нас — один. Но через пять минут все семеро приносили нам свои искренние извинения — дескать, с кем не бывает. Мы, люди мирные, ответили, что именно так и поняли. Разошлись. Через некоторое время эти ребята приехали снова. Неукротимо, думаем, решили отвязаться... Нет. Скромно попросили сварить им оградку на могилку без

временно усопшего коллеги. Я тут же набросал чертежи – согласно данным размерам. И даже с некоторыми архитектурными излишествами в виде завитушек. Завитушки братве очень понравились. "Когда будет готово?" "Завтра", – отвечаю. Братва приятно удивилась... Наутро оградку наш сварщик сделал. "Онлько мы должны?", – спросили бандиты. "Ничего, разве только сварщика бутылку поставьте". "Спасибо тебе, брат. Ты того... Зачем вам солидных людей из своей крыши по пустякам беспокоить? Если что или кто, вы к нам обращайтесь напрямую. Места здесь наши. Мы тут же нарисуемся".

Идиллия с директором зреющимого комплекса закончилась, как и положено, скандалом. Мы возвели ему очередной объект, но за то, чтобы перевести нам заработанные деньги, он потребовал куда большую, нежели обычно, мзду. "Старин, – сказали мы ему, – ты обозрел. Ведь мы тебе, помимо всего прочего, еще и дачу бесплатно построили". Но директор уперся. Пришлось обращаться за помощью к нашей крыше. Директор вызвал на подмогу свою. Крыши встретились. Был внимательно осмотрен и сам объект, и вся полагающаяся документация. Заслушали нас и директора. И был вынесен вердикт, согласно которому директору предлагалось в строго обусловленный срок произвести с нами все расчеты. В противном случае директора ставили на счетчин, что могло привести к самым печальным для него последствиям. Так что даваться обозревшему должнику было некуда. За возвращение долга крыша взяла с нас двадцать процентов от причитающейся нам суммы. Очень бонанская цена. С нами поступили по-свойски.

Ну правильно... Раз нет государства, кто-то должен был взять на себя его функции. Этот кто-то дол-

жен обладать реальной силой. Сегодня реальная сила – у бандитов. Ним можно относиться по-разному, но эту свою – судебную – функцию они выполняют четко и эффективно.

Однажды мой компаньон был приглашен экспертом на такой вот черный суд. Речь шла о недавно построенном особняке для одного крутого нового русского. Особняк вышел с четырех этажах. В нем можно было разместить полк. Но вот незадача – лопнула кирпичная стена. Новый русский, уверенный в своей крутизне, наехал на строителей. Строители своей вины не признавали. Спор должен был разрешить судья, которым был заслуженный человек – вор в законе. Суд проходил по месту расположения ущербного особняка. Эксперт оценил характер разрушения и задал всего два вопроса. И получил от строителей два документально подтвержденных ответа. И складывалось, что новый русский при всей его немыслимой крутизне решил сэкономить. Потому отказался от требований предложенной ему строителями технологии – и те не стали бурить сваи и оснащать стену арматурой. Процесс проходил в обстановке полнейшей гласности и на глазах у всех заинтересованных лиц. Компаньон дополнил свои выводы. Вор в законе их внимательно выслушал. Полностью с ними согласился и велел крутому оставить строителей в покое. На все про все ушло ровно двадцать минут. И все было решено справедливо. И не просто так, а с привлечением независимой экспертизы. Приговор вступал в силу немедленно.

Теперь представим, что такое вот дело слушалось бы в суде... Мало того, что на это ушли бы годы. Крутой бы непременно наехал на судью... Вот и вся справедливость. А тут попробуй хоть слово скажи поправки "судьи в законе".

"Когда б имел златые горы и реки, полные вина"

Хорошо-то оно, может, и хорошо... Да не так, чтобы очень.

Приходишь домой. Думаешь: вот сейчас отпустит дневное напрение, превращусь я опять, хотя бы до утра, в беззаботного лабуха. Не отпускает. Перед глазами виденные за день морды. В ушах скрежет — это я тан воспринимаю услышанные слова: бабки, телки, тачки... Заметьте: не деньги, женщины, машины. Плохий мир. Тупой. Опасный в этой своей тупости. Неужто я в него влился? Неужто он стал моим?

Черт знает, наиве иной раз мысли лезут в голову. Кажется мне, что меня выгнали из Эдема... В том, моме Эдеме, жили замечательные люди. Станислав Леонид Чинин и Юра Чугунов — классики отечественного драмы. Мне остается только поблагодарить судьбу, что она сподобилась пусты на короткое время свести меня с ними. Жил в этом мире и Виталий Песков — гений нарикатуры. В мою телевизионную бытность он делал мультфильм "Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчин погулять" — уморительную пародию на театральные жанры. Фильм рождался на моих глазах. И чуть ли не каждый его кадр сопровождался походами в магазин и горячими дискуссиями вокруг поставленного на попа кабельного барабана в чаклы зарослях близ чугунки — железнодорожной магистрали Москва-Ленинград.

Жили мои институтские друзья, с которыми я в 74-м году спел свою победину песню — написал сценарий и поставил опять-таки пародию на "Семнадцать мгновений весны". Спонтанно хотели запретить. В нем фигурировала вьетнамская комсомолка по имени Тхи, которая бродила по сцене с гранатометом... В последнюю минуту разрешение все-таки было получено. Спонтанно прошел с триумфом. Но накое-то время

друзья звали меня не иначе как литературным власовцем. Можно гордиться: этот ярлык в тот год прилепили Солженицыну.

А наш подвал на Никитских воротах! Его снимал наш общий приятель — художник, который рисовал плакаты. Там стоял роскошный кожаный диван, выброшенный на свалку наим-то суровым ведомством. Художник приволок его в свое пристанище. Диван отогрелся, отошел своей заскорузлой душой... Мы собирались в подвале холодными зимними вечерами. Заваривался крепчайший чай. Было здорово... Иногда мы брали с собой своих девушек...

Беззаботность — вот ключевое слово. У нас никогда не было денег. И мы знали, что их никогда не будет. Не будет иностранных машин, особняков, офисов, заграничных турне. Никогда. Терять было нечего. Эдем назался незыбленным.

"Этот мир придуман не мною"

Сегодня меня окружают люди, которым есть, что терять. И еще меня окружают люди, которые все потеряли...

За вход в этот "потерянный" мир я заплатил копейку. Выход из него — данка не рубль. Наверно, и не миллион долларов. Ничего не поделаешь: никто меня на аренде не тащил — сам пошел. И теперь я сам говорю: бабки, телки, тачки... Привык. Совсем перестал читать. В этом мире другие ценности. И никакая красота этот мир не спасет. Потому как красоту можно нулю.

А братве я нужен. Ну, может, не конкретно я — свет на мне клином не сошелся. Но такие, как я. Займись я предпринимательством в конце восемидесятых, наверняка не дали бы вынуть. Пара наездов, и все мое предпринимательство пошло бы поту под хвост. Могли и самого зарыть в неком-нибудь живописном месте. Я

и тане, как я, возникли в то время, когда братва посолиднела и остыла. Братве хочется жить легально. Вот и приходят ко мне братиши с предложенными. Дескать, возьми бензоколонку, магазин, дилерскую контору — работай. Я отвечаю: какой из меня торговец, пробовал уче, не понимаю я в этом... И не надо, — возражают мне братиши. — Дело-то верное, налаженное. Оно само крутиться будет. Но я все равно не соглашаюсь. Во всяком случае — пока. При этом я знаю: это не подстава. Для подставы они ищут лохов, у которых нет своей крыши, которых можно запугать. Их сажают во главе фирм, через которые отмываются деньги. Отмыли — лоха в тюрьму, отдуваться. Но это в лучшем случае. Я — не лох. Я пришел в бизнес очень немолодым человеком. И вел себя честно. Братва это знает. И, смею вас уверить, ценит. К тому же я могу показать то, что мною сделано. Гарантии, коттеджи, офисы... Рунами потрогать можно.

И еще: я знаю свое место. И я знаю два-три имени, употребление которых, ссылка на которые с необыкновенной точностью определяют мое место в столичной криминально-предпринимательской иерархии. Употребление таких имен всевечевато. Поэтому мне приходится тщательно дозировать информацию: вот это мне знать нужно обязательно, остальное меня не касается. Пусть всей информацией владеют те, кто хочет владеть миром. Этих мировых владык хватает. Особенно на кладбище. Тех, о которых можно сказать: он слишком много знал.

Однако порой и не в этом собана зарыта... Повторю: этот мир плоский. Чуть из плоскости высунувшись — укоротят. Не зря же воры в законе продолжают держать масть — блодут ровность. Но есть те, кто из нонни вон лезет, чтобы показать себя, объявить почтеннейшей публике: я — из другого теста. На какое-то время по-

казушник становится популярным. Нашего брата-телеизионщика понимают, чтобы гонор свой втиснуть в экран. Понимаю, хочется ему обворовать пуповину, которая его привязывает к криминалам. В политику лезут, в депутаты. Да не тут-то было. И понязывают нам в "Доронином патруле" очередное бездыханное и дырявое в нескользких местах тело — знай свое место.

Смучный мир, двухмерный, болотистый...

Наметилась тут одна тенденция. Стали появляться в Москве люди с российских онрайн. Там у себя они достигли всего, чего только можно понаполнять. Денег у них немерено. Кое-кто из них может дать немало очков вперед московским мафиози. А вот разворота, размаха нет. Они понимают: в Москве их не ждут. А если и ждут, то лишь для того, чтобы отправить восвояси без штанов, а то и деревянной бандеролью. Поэтому ведут себя эти люди осторожно. На самый верх сразу не лезут. Ищут пути-подходы. Связи нащупывают, себя при этом не афишируя и даже не обозначая. Работают в основном через среднее звено. Через таких, как я.

Три-четыре человека таким вот образом вышли на меня. Предлагают заманчивые проекты. С деньгами обещают не скупиться. Они осторожны, ну да и я осторожен. Я для них — нанивна. Нацепят они меня на крючок и забросят в болото. А я на этом крючне буду суетиться. Проведу их по своим связям, которые мне в свое время нелегко дались. Я, к примеру, могу за день провести расстамонивание. И не за такие уж большие деньги. Не знаю, может, кто и покупается на предложения стать нанивной. Во мне же постоянно что-то попискивает: не лезь, берегись... Я не лезу и берегусь.

Одно ясно: "пришельцев" в Москве становится все больше и больше. Не дай Бог, достигнут они своей критической массы, и начнется в столице новый передел. А это не есть хорошо. При всех издергах сейчас в Москве - равновесие. Разборки сошли на нет. Устраниют только тех, кто имел неосторожность высунуться. И не понял, не исправил этой своей ошибки. Вообще не стоит думать, что в профессиональной криминальной среде смертные приговоры выносятся направо и налево, с nondancha. Происходит это только в крайнем случае, когда все прочие средства исчерпаны. За немалым числом пресловутых заказных убийств стоят непрофессионалы. Допустим, заместитель хочет занять место начальника. Или, наоборот, начальник хочет избавиться от подпирающего его заместителя. Серьезная братва к такого рода разборкам отношения, как правило, не имеет.

Хорошо... А нужна ли братва мне? Предпринимателю? Можно сказать, что среднестатистическому - не крупному, но и не так чтобы уж очень мелкому? Если честно, то - да. Хотя бы потому, что не в милицию же мне за защитой своих прав бежать. Не в суд. Не к чиновникам. Побегу - так они меня первыми и сожрут. Им плевать, что я могу оказаться курицей, несущей золотые яйца. Им меня разорить - удовольствие. Бретва разорить не станет - я братве выгоден...

"Там, за горизонтом"...

Был у меня знакомый. Лысенкий, весь такой порывистый. Славился умением стрельнуть чирин до получки. Стрельнув, немедленно уходил с нами к чугунке - через винный магазин. Там начинал выступать. Бывало, мы его даже привязывали к дереву, чтобы не мешал постоянным размахиванием рук. Привязанный, он

кричал: "Ностер Днордано Бруно еще теплится" и "Судебный процесс будет продолжен". Так вот у этого человека была мечта: донести до 2000 года, выпить рюмку ноньяну и умереть. Я давно потерял его из виду. Даёт Бог, осуществляется его мечта... А вспомнил я его затем, что время от времени ощущаю в себе потребность увидеть - а что там будет дальше? Насчет того, чтобы умереть - судьбу гневить не собираюсь: всему свой срок. Зачем его торопить? Поэтому я не жалею о том, что пришлось мне бежать из Эдема, что приказал этот общий наш детский сад долго жить.

Случившиеся в стране натализмы я воспринял как данность. И нет проку гадать, что было бы, если бы... И нет никакого смысла терзать себя ностальгией по ушедшим годам.

Недавно один мой приятель по ДН, человек уже в летах, приспал мне пригласительный билет на встречу ветеранов институтской сцены. Понесяла пахнуло родным. Пожалея я поймал себя на раздражении. Зачем тормошить перенитое? Зачем смотреть в постаревшие, потускневшие лица? Не лучше ли остаться друг для друга молодыми - не отягощенными заботами, детьми, разводами, разочарованиями... Нельзя жить во времени, которого уже нет. Я сам себе нужен. Я сам себе интересен - пусть и живу я в плохом мире. И подчиняюсь его правилам. Мой отец, которому стукнуло семьдесят шесть, сказал мне так: "Эх, сбросить бы мне годков пятнадцать, я бы сейчас развернулся". И я порадовался за родителя...

Нет, не умер во мне лабух. Уполз он в глубь души, уступил место комбинатору. Или предпринимателю. Наблюдает за ним. И потихоньку подливывает его своей психологией. А, может быть, даже и философией вперемешку с иронией. И хочет лабух донести до 2000 года, выпить рюмку ноньяну и посмотреть, что там дальше будет.

ФИЛИПП ДИН

ПЛАНЕТА

СУМАСШЕДШИХ

1

45

Перед тем как войти в зал Высшего Совета, Габриэль Байнес послал биоробота, чтобы удостовериться, нет ли засады. Сконструированный изобретательными Маниакалами, робот был подобием Байнса и мог выполнять множество функций. Однако он использовал его исключительно для самозащиты, ибо безопасность была его жизненной потребностью — как, впрочем, и остальных Парапондов, обитавших в поселении Адольфвилл неподалеку от Северного полюса Психо.

Биоробот вернулся и доложил скрипучим голосом:

— Паралитических газов и взрывных устройств не обнаружено. Вода в графине не отравлена, радиация в норме. Можете входить.

Байнес приоткрыл дверь и увидел, как какой-то гебефреник старательно водит метлой по полу с идиотски-счастливым выражением на лице. Казалось, работа доставляет ему несказанное удовольствие.

“В такой простоте есть свои преимущества”, — подумал Байнес. Одно время его впечатляли проповеди известного сектанта-гебефреника Игнатия Ледебура, который кочевал по городам, распространяя бесхитростную умиротворенность своей философией. Гебефреники добивались лишь одного — покоя и умиротворенности, приближаясь, по мнению Байнса, к простому растительному состоянию.

Дверь открылась, и появилась полненькая, аппетитная Аннет Голдинг, делегат общины Полиморфных Шизоидов. Под мышкой она держала сумочку, на щеках играл румянец.

— Жарко, — проговорила Аннет, запыхавшись. — Я думала, что опаздываю, и бежала вверх по лестнице.

— Аннет, — начал Бэйнс, — вы такая милая девушка и до сих пор не замужем. Вот если бы вы вышли за меня... — он осекся, заметив, что появился представитель общины Депрессивных.

Деп стоял в дверях; его неподвижный взгляд, лицо со впалыми щеками и отпечатком страха, казалось, доставали Бэйнса до самых печенок.

— Входите, пожалуйста, — мягко предложила Аннет.

— Будет ли польза от этой встречи? — вымолвил Деп и медленно вошел, с усилием переставляя ноги. — Зачем мы рвем друг друга на части? Не вижу никакого смысла в этих сборищах и скандалах.

Завершив свою небольшую речь, он все же сел, опустив голову на грудь и крепко скжав дрожащие пальцы.

Через высокую дверь в зал прошла тощая пожилая дама в сером пальто. Это была Ингрид Хибллер, представительницы Навязчивых. Бубня себе под нос "счастливые числа", она обследовала зал, постукивая костяшками пальцев по спинкам стульев, пока не обнаружила стул, номер которого ее удовлетворил.

— На стоянке я наткнулась на Говарда Строу, — сообщила она и сосчитала несколько раз про себя. — Представителя манов. Ужасный человек, чуть не наехал на меня. Мне пришлось...

— Если в этом году от шизов опять будет Манфредти, — перевела ее Аннет, — он, вероятно, войдет сюда через окно, а не через дверь. — Она весело рассмеялась. — И, конечно, нам осталось дождаться представителя гебов.

— Я делег-гат от Гандитауна, — отрекомендовался геб Якоб Симион, продолжая подметать пол. — Я и-просто решил не-много и-прибраться, пока ждал остальных.

— А зачем мы вообще собрались? — спросила госпожа Хибллер и начала быстро считать, перебирая пальцами. — Раз, два... Раз, два...

— Разнесся слух, — начала объяснять Аннет, — что к Психо приближается странный корабль. Явно не торговец с Альфа II.

— Корабль, — пробормотал депрессивный, возвращаясь к жизни. — Возможно, он поможет нам выбраться из нашей дыры.

“Это серьезно, — подумал Бэйнс. — Строу, вероятно, знает, в чем дело. На Высотах да Винчи у манов есть хитроумные приборы для наблюдения за космосом — возможно, весть пришла оттуда... Если, конечно, шизы не обнаружили корабль в своих видениях”.

Дверь открылась, и в зал стремительно вошел Говард Строу. Высокий, мускулистый, он нагло усмехнулся. Появление вражеского корабля на их маленькой планете, казалось, не волновало его.

Оставалось дождаться делегата от Шизоидов.

"Во всяком случае, можно устраиваться поудобнее, — решил Бэйнс, — насколько это возможно, конечно, в присутствии Строу, а также Ингрид Хиблер".

Представитель Шизоидов Омар Даймонд, только что прибывший в Адольфвилл, неподвижно смотрел на расстилавшийся перед ним пейзаж.

"Мне надо идти к шестистороннему зданию, — напомнил он себе. — Они там, этот Совет. Варвар Говард Строу, полоумная Ингрид Хиблер, Аннет Голдинг, так называемое "олицетворение жизненности", параноид Габриэль Бэйнс, пытающийся защитить себя в мире, который ему ничем не угрожает, простак со шваброй — вот он-то и находится ближе всех к Богу. И еще один, печальный, позабывший свое имя, Дино Уттерс. Мечтает о смерти, не ведая, что даже смерть не в силах спасти его от самого себя".

Омар зашел в зал, занял свое место и проговорил:

— Боже, благослови собрание. Пусть мы услышим слова, произнесенные Жизнью, а не сентенции дракона Зла. — Он повернулся к Строу. — Что нового, Говард?

— Вооруженный корабль, — промолвил Строу с плотоядной ухмылкой. — Не торговец с Альфа II, а пришелец из другойзвездной системы. Мы использовали телепата, чтобы прочесть их мысли. Это не торговая миссия, а... — Строу на мереенно остановился. Ему хотелось посмаковать тревогу собравшихся.

— Нам придется защищаться, — проговорил Бэйнс.

2

Едва окинув взглядом комнату, Чак Риттерс сказал: "Сойдет". Его единственная жизнь только началась: прошлую ночь он провел в гостинице, а в понедельник завершилась "шестилетняя война" — совместная жизнь с Мэри.

Внимательно посмотрев на Чака, домовладелица вернула ему удостоверение личности, взяла чек и вышла. Риттерс закрыл дверь, подошел к окну и посмотрел вниз на улицу, заполненную реактивными прыгунами, экранопланами и пешеходами. Скоро надо будет звонить своему адвокату Нэтту Уилдеру...

В их разрыве присутствовало слишком много иронии. Ведь специальность жены Чака состояла в том, чтобы предотвращать разводы: Мэри была семейным психологом. Она пользовалась большим авторитетом в калифорнийском городке Марии Каунти, однако не сумела побороть возросшее с годами презрение к собственному мужу.

Его работа, которую он очень любил, заключалась в составлении речевых текстов для биороботов Центрального Развивающего Управления. Работы широко применялись ЦРУ

в пропагандистских целях на планетах с тоталитарными режимами. Чак верил в полезность такой работы, однако она никак не могла быть названа ни высокооплачиваемой, ни почетной. Мэри пеяла ему за это много раз.

Кризис начался год назад. Один из клиентов Мэри был известным телепродюсером. Джеральд Фелл выпускал популярную в стране юмористическую передачу — "Банни Хент-мэн Шоу". Как-то раз Мэри дала Фелду тексты, которые Чак в свое время написал для ЦРУ. Фелл прочитал, и тексты его заинтересовали, потому что содержали большую долю юмора.

Для Мэри вопрос был ясен, как день божий: есть возможность получить хорошую работу — и ею нужно воспользоваться. Фелл будет хорошо платить, и, кроме того, это чрезвычайно престижно. А работать в ЦРУ считалось дурным тоном в состоятельных и богемных кругах, где вращалась Мэри.

Чак ничего не мог противопоставить такой логике, но тем не менее стоял на своем: он не хочет менять работу.

На улице под окном приземлился белый шикарный "шевроле". Чак рассеянно разглядывал машину, пока не узнал в ней свое собственное летающее колесо. Прилетела Мэри. Быстро же она его нашла!

Чак открыл дверь.

— Послушай, Чак, — начала Мэри, даже не поздоровавшись. — Я больше так не могу. Я распорядилась, чтобы твои вещи перевезли в камеру хранения. А сюда пришла потому, что мне нужен чек — все деньги, какие есть у тебя в банке. Они необходимы мне для оплаты счетов. Я говорила с Бобом Альфсоном, моим адвокатом. Передала ему документы относительно раздела нашего дома.

— Что? — пробормотал Чак. — Какого раздела?

— Тебе нужно только подписать свою часть дома на меня.

— Зачем?

— Для того, чтобы я могла выставить ее на продажу. Мне не нужен такой большой дом, а деньги пригодятся.

— Позволь сначала поговорить с Нэтом Уилдером, — тихо проговорил Чак.

— Чек мне нужен сейчас. Между прочим, после нашего развода я смогу принять предложение об участии в экспедиции.

— Какой еще экспедиции?

— Я как-то говорила тебе, что для межпланетной правительственный программы требуются психологи. Я прошла по конкурсу.

— Да-да. — Чак смутно припоминал. Благотворительная программа, отголосок отгремевшей восемь лет назад земно-альянской войны. Маленькая планета в системе Альфа, заселенная землянами, которая была заброшена лет двадцать назад по причине войны.

— Тебе будут платить за эту работу? — спросил Чак.

— Нет, — отрешенно ответила Мэри.

— Я не могу дать тебе больше того, что имею.

— Запомни: твоя первая забота — это мы: я и дети.

Когда Мари ушла, унося чек, Чак подошел к двустворчатому окну, чувствуя, как в нем просыпается одно осознанное желание. Дальнейшая борьба бессмыслицы, и, что бы там ни говорили церковь и закон, самоубийство оставалось для него единственным выходом.

Отворив створку, Чак прислушался к жужжанию реактивного прыгуна, садившегося на крышу соседнего здания. Вскоре жужжение затихло. Подождав немного, он перекинул ногу через подоконник и завис над уличным потоком...

Внезапно в голове возник чей-то голос: "Пожалуйста, скажите мне, как вас зовут. Независимо от того, намереваетесь ли вы прыгать или нет".

Обернувшись, Чак увидел ганимедианина — желтую липкую плесень, которая, очевидно, бесшумно просочилась под дверь и теперь медленно собирала себя в кучу небольших шаров, представлявших физическую форму ее существования.

— Я снимаю комнату напротив, — объявила плесень.

— Среди землян принято стучаться, — сказал Чак.

— У меня нет конечностей, следовательно, мне нечем стучать. К тому же я хотел войти до того, как вы удалитесь в мир иной.

Плесень притекла поближе к Чаку.

— Понимаете, как у большинства земных людей мужского пола, чувство самоуважения строится у вас на способности зарабатывать деньги. В этой области, как я ощущаю телепатически, у вас развились серьезные сомнения. Могу кое-что сказать для вас... В настоящий момент я покидаю Землю и возвращаюсь домой. Предположим, я дам вам пятьсот долларов — для того, чтобы вы поехали со мной.

— А что, интересно, я буду делать на Ганимеде? — раздраженно произнес Чак. — Что вы привязались? Работа у меня есть, и бросать ее я не собираюсь.

— Но подсознательно...

— Не надо пересказывать мне мое подсознание. Выходите отсюда и оставьте меня в покое. — Чак повернулся к липкой плесени спиной.

— Боюсь, что желание покончить счеты с жизнью вернется — возможно, даже очень скоро.

— Ну и пусть.

— Существует только одна вещь, которая может вам помочь, — задумчиво излучила плесень телепатическую волну.

— Какая же?

— Женщина, которая заменит вашу жену.

— Слушайте, это уж слишком.

— Погодите. Данное предложение имеет под собой не физическую основу, оно чисто теоретическое. Вам надо найти женщину, которая примет и полюбит вас таким, какой вы есть. В противном случае вы пропадете. Позвольте позаботиться об этом. Дайте мне два часа, а пока успокойтесь и никуда не ходите. — Ганимедианин медленно вытек обратно в коридор.

Дрожащими руками Чак прикурил сигарету. Потом отошел подальше от окна, присел на диван и стал ждать.

Через час раздался стук в дверь. Чак широко распахнул ее. На пороге стояла земная девушка.

3

Стоящая в дверях девушка нерешительно произнесла:

— Здравствуйте. Меня зовут Джоанна Триест. Ранинг Клам сказал, что вы поселились здесь. Еще не перевезли вещи? Давайте я помогу вам.

— Спасибо. У меня все в порядке.

— Ранинг Клам — с Ганимеда. Он живет в комнате напротив. — Девушка слегка улыбнулась, и Чак залился ею: волосы заплетены в косу, стройность фигуры подчеркивали облегающие джинсы, а улыбка была почти голливудской.

— Да, — произнес он. — Просочился ко мне под дверь. А потом сказал, что пришлет кого-нибудь. Ему показалось...

— Вы действительно хотели убить себя?

— Ганимедианин так подумал, — пожал плечами Чак.

— Хорошо. — Девушка прошла мимо него в комнату. — Я... вы, наверно, знаете пси...

— Какого рода пси? — Чак оставил дверь открытой, подошел к столу и взял сигарету из пачки. — Есть много разных пси: одни могут двигать горы, другие...

— Мои возможности невелики, — перебила его Джоанна. — Понимаете, я могу заставить время течь в обратном направлении. Но только в ограниченной области пространства, скажем, три на четыре метра — чуть поменьше вашей комнаты. И только на пять минут. Я работаю в местном отделении полиции. Меня перебрасывают в места транспортных аварий, я — вы не поверите — возвращаю время к началу аварии и стараюсь предотвратить ее, а если опаздываю, то так или иначе возвращаю к жизни человека, который только что умер. Понимаете?

— Понимаю, — кивнул Чак.

— Но нужно быть наготове круглые сутки. Мне сообщают о месте происшествия, и я мчусь туда на суперскоростном прыгуне.

— Здорово, — сказал Чак. — Может быть, вы когда-нибудь спасете и мою жизнь.

— А чем вы занимаетесь?

Чак неохотно обрисовал свою работу в ЦРУ.

— Так это же замечательно! Вы помогаете нашему правительству! — Девушка внезапно замолчала и внимательно посмотрела на него. — Пожалуйста, не убивайте себя из-за того, что расстались с женой. За несколько недель вы обязательно придете в норму.

— Да, наверно...

Внезапно дверь открылась. Чак обернулся и увидел своих коллег из ЦРУ — шефа Джека Элвуда и напарника по составлению текстов Пита Петри. При виде Чака оба облегченно вздохнули.

— Мы разыскивали тебя, Чак, — сказал Элвуд. — Так вот где устроился. Не мог найти комнату поприличней?

— Это только на время, — смутился Чак.

— Ты совсем испортился, — проговорил Петри. — На работе зияющая ... А в Управлении накопилась уйма дел. Попиши с нами?

— Спасибо, но у меня тоже уйма дел. В четыре я встречаюсь со своим адвокатом.

Взглянув на часы, Элвуд произнес:

— Мы отвезем тебя к адвокату. Пошли.

— Может быть, еще увидимся. — Чак попрощался с Джоаной. — Спасибо вам.

Они летели на колесе в Сан-Франциско, направляясь в юридическую контору Иэта Уилдера.

— Насчет этой "Операции Пятьдесят Минут"... Мы запросили разрешение включить своего человека в состав экспедиции. Стандартный запрос, который был удовлетворен. Думаю, в этом деле нам придется использовать биоробота, — говорил Элвуд.

Чак рассеянно кивнул. В такого рода проектах ЦРУ всегда применяло роботов.

— Робот уже готов, — продолжал Элвуд, — и находится у нас в Управлении. Его изготовил филиал "Дженерал Дайнэмикс" из Пало Альто. Если хочешь, можешь взглянуть на него. — Он достал листок бумаги. — Даниэль Мэйджбум, двадцати шести лет, окончил Стенфордский университет. Затем в течение года учился в Сан-Хосе, после чего был принят в ЦРУ. Это его легенда. Никто не будет знать, что этот участник экспедиции — робот. Только мы еще не решили, кого посадить за пульт управления Дэном ... — Припарковав колесо на крыше здания, где находилась юридическая контора Уилдера, он добавил: — Может, хочешь заняться этой работой?

— Это же не мой профиль, — удивился Чак.

— Мы решили сделать тебе подарок, — медленно проговорил Элвуд, наблюдая за интенсивным вечерним движением летательных аппаратов, которые, подобно облаку, окутывали город. — Ты сможешь быть рядом с женой, она ведь тоже участвует в экспедиции.

Помолчав, Чак ответил:

— Я против.

— Давай посмотрим правде в глаза. Психологи из Управления прекрасно знают, что ты ее любишь. А для работы с Дэном вам нужен постоянный оператор.

— Нет, — повторил Чак. Открыв дверцу машины, он сошел на посадочную площадку на крыше. — Спасибо за доставку.

Петри включил двигатель, и машина поднялась в небо. Чак проводил ее взглядом и машинально вошел в кабину лифта, погруженный в раздумья.

"В таких необычных обстоятельствах ... Робот-агент рядом с Мэри на удаленной планете другой звездной системы ...

Среди психопатов... И я буду управлять этим роботом. В таких исключительных обстоятельствах что-то ведь может произойти... С помощью умной машинки, которую изгото- вила фирма "Дженерал Дэйзимикс", и без труда организует убийство Мэри и сумею оправдаться в суде. Биоробот, которым управляют с такого дальнего расстояния, иногда действует самостоятельно — его электронный мозг берет верх на управляющим сигналом. Игра явно стоит свеч... В суде я смогу заявить, что робот действовал сам, представлю кучу технической документации, доказывающей, что биороботы сплошь и рядом вытворяют подобные вещи... И пусть только следствие попробует доказать, что это я выдал работу коман- ду на убийство.

Землю и Альянскую звездную систему разделяет более трех световых лет — слишком большая дистанция, чтобы при обычных обстоятельствах совершить хорошо продуманное убийство. Кроме того, значительное смещение сигнала при входе и выходе из гиперпространства может вполне спокойно рассматриваться, как постоянно действующий фактор.

Защитник, будучи хорошим адвокатом, сделает чертовски громкое дело на одном этом моменте.

А Нэт Уилдер — как раз такой адвокат".

4

В тот же вечер Чак позвонил домой Джеку Элвуду.

— Хочу взглянуть на создание, которое вы назвали Даниэлем Мэйджбумом, — осторожно сказал он.

Лицо шефа на небольшом экране сморщилось в улыбку.

— Отлично. Это легко сделать — Дэн сам приедет к тебе. А что заставило тебя решиться?

— Да так, особой причины нет, — ответил Чак и повесил трубку.

Через некоторое время в комнату вошел пожилой мужчина в вышедшем из моды костюме с заметным животиком.

— Это вы Риттерс? — сердито произнес он, вытирая красное потное лицо носовым платком. — Ох, что за дыра! Здесь полно всяких странных тварей. Я Банин Хентмэн. Вы ведь писатель, не так ли?

— Я пишу речевые тексты для роботов, — объяснил Чак.

“Конечно, это дело рук Мэри. Хочет, чтобы я побольше заработал — для нее, понятно”.

— Вы что, не узнали меня? — продолжал Хентмэн. — Наверное, не смотрите телевизор. Итак, хотите работать на меня или нет?

“Видимо, от него так просто не отделаться, — подумал Чак. — Ну и пусть: устроим небольшую проверку для Мэйджбума”.

Хентмэн с ужасом оглядел комнату.

— Боже! Напоминает мое ищущее детство в Бронксе. Вот это и есть настоящая бедность. Что случилось? Неужели жена обобрала вас до нитки через суд? — Его глаза подрагивали, выражая сочувствие. — А ваша жена привлекательная, однако... — Хентмэн сделал неопределенный жест рукой, — не знаю. Она

холодна — понимаете, что я имею в виду? Из тех, кто высчитывает все наперед. Не завидую вам.

В дверь постучали.

— Извините, — перебил Чак Хентмэна и направился к двери.

Симпатичный молодой человек, одетый в модный костюм от "Братьев Хардинг", увидев Чака, произнес:

— Господин Риттерс? Я Даниэль Мэйджбум. Господин Эл-вуд просил зайти к вам.

"Великолепная работа. Ни за что бы не признал в нем робота". Чак был в восторге.

— Здравствуйте, заходите. Познакомьтесь, Мэйджбум. Это знаменитый комик Банни Хентмэн.

— Очень, очень рад, — воскликнул Мэйджбум, протягивая руку. — Смотрел ваше шоу много раз и просто умирал со смеху.

— Здравствуйте, — пробормотал Хентмэн.

— Дэн — наш новый сотрудник, — объяснил Чак. — Мы будем вместе работать.

— Нет, — энергично возразил Хентмэн, — вы будете работать со мной. Я уже принес готовый контракт. — Он полез в карман пиджака, сердито глядя на Чака.

— Я, наверное, не вовремя. Могу зайти позже, — вежливо произнес Мэйджбум.

Хентмэн развернул контракт.

— Глядите, сколько я буду платить вам. Видите? — Он потыкал в бумагу пальцами с зажатой в них сигарой. — Разве ваша работа по изготовлению шпионов даст вам столько?

Вдруг в голове Чака сформировались слова липкой плесени: "Та красивая девушка входит в здание. Я уже сообщил ей, что вы дома".

Банни Хентмэн тоже, очевидно, уловил мысли ганимедиина, так как в отчаянии произнес:

— Черт возьми, здесь вообще можно поговорить спокойно или нет? Что это еще за наваждение?

— Госпожа Триест не помешает нашему разговору, господин Хентмэн, — выпалил Мэйджбум, и Чак посмотрел на робота, пораженный тем, что тот знал о существовании Джоанны. Потом догадался: "Он управляет дистанционно. Ясно, что это не программа. Петри руководит им из Сан-Франциско".

Дверь открылась. На пороге стояла Джоанна в сером свитере и джинсовой юбке.

— Я отвлекаю вас, Чак? Господин Хентмэн! — Джоанна зарделась от радости. — Я сотни раз видела вас на экране! Вы мне кажетесь величайшим из живущих ныне комиков! Вы что, друг Банни Хентмэна? — с завистью спросила она у Чака.

— Пытаемся прийти к соглашению, — проворчал Хентмэн. — Итак, на чем мы остановились?

Тут все увидели, как, колыхаясь, в открытую дверь вползла липкая плесень.

"Господин Риттерс, — дошла до Чака тепловая волна. — Мне необходимо поговорить с вами наедине. Сейчас же. Не могли бы вы на минуточку зайти ко мне?"

Чак в замешательстве последовал за липкой плесенью.

— Я настаиваю, чтобы вы прямо сейчас приняли предложение Хентмэна, — сказал ганимедианин, когда они оказались в его комнате.

— А как быть с моей работой в ЦРУ?

— Вам не нужно увольняться, вы сможете работать в двух местах одновременно. Днем — в ЦРУ, а ночью — писать сценарии для Хентмэна. Для этого вам потребуются стимуляторы гекса-амфетамина класса, применение которых на Земле запрещено. Однако я обеспечу вас ими в необходимом количестве через свои связи на других планетах. Таким образом, у вас вообще отпадет потребность во сне, так как ...

В дверь постучали, и в комнату заглянул Банни Хентмэн. Он выглядел очень сердитым.

— Мне надо идти, Риттерс. Каков будет ваш ответ? Да или нет?

Липкая плесень активно излучила:

— Он принимает ваше предложение, господин Хентмэн.

— Кто вы? Его менеджер?

— Я коллега господина Риттерса, — заявил ганимедианин.

— О'кей. — Хентмэн протянул Чаку контракт. — Срок — два месяца, обязанности — каждую неделю выдавать часовую пьесу. Гонорар — 2000 долларов в неделю.

Это было гораздо больше того, что ожидал Чак. Он взял контракт и подписал его.

— Я засвидетельствую вашу подпись, — сказала Джоанна, она тоже вошла в комнату и стояла рядом.

— Теперь надо отметить это событие, — излучил ганимедианин.

— Я — пас, — пробормотал Банни Хентмэн. — Мне надо бежать. Пока, Риттерс. Буду поддерживать с вами связь. Установите видеофон в вашу гнилую келью или перебирайтесь в помещение получше. — Дверь за ним закрылась.

— Отпразднуем втроем, — сказал ганимедианин. — Я знаю бар, где обслуживают неземных существ.

Открыв дверь, они, к всеобщему удивлению, обнаружили в коридоре Даниэля Мэйджбума.

— Простите меня, — произнес Чак. — Совсем о вас забыл.

— Мы идем в бар отмечать одно маленькое событие, — объяснил ганимедианин, вытекая из комнаты. — Вы тоже приглашены, несмотря на то, что у вас нет мозгов, а только оболочка, набитая микросхемами.

Джоанна удивленно посмотрела на Мэйджбума, затем на Чака.

— Мэйджбум — робот, принадлежащий ЦРУ, — объяснил Чак. — Его действиями управляют на расстоянии, из нашего отделения в Сан-Франциско. Кто это? Петри?

Улыбаясь, Мэйджбум ответил:

— В данный момент я управляюсь собственной автономной системой. Господин Петри отключился, когда вы вышли из комнаты. Я ведь неплохо справляюсь сам, не так ли? — Биоробот был очень доволен собой.

"Итак, вот инструмент, — думал Чак, пока они шли к лифту, — с помощью которого я расквитаюсь с женой".

5

С высоких полок, расположенных над головой святого прощателя Игнатия Ледебура, запрыгали кошки. На полу к кошкам присоединился пес, и вся компания, сгрудившись у ног Игнатия, сильно замедлила его продвижение к двери хижины.

Игнатий вышел во двор и подошел к большой куче древесного лома. Ему нужно было растопить печь. Переломив доску, он вернулся в хижину, затем присел на корточки перед чугунной печуркой и начал разводить огонь.

На кухонном столе под грудой одеял спала его жена Элси. Она обычно не вставала до тех пор, пока Игнатий не растопит печь и не приготовит кофе. Игнатий не обвинял ее за это: в такое холодное утро никому не хотелось подниматься. Да и весь Гандитаун просыпался поздно, за исключением, конечно, тех гебефренников, которые блуждали всю ночь.

Наконец густой кофейный аромат наполнил хижину. Игнатий с удовольствием вдыхал его, глядя на огонь и прислушиваясь к потрескиванию досок в печке.

— Эй, — сонно пробормотала Элси. — Кофе готов?

— Подожди, — ответил Игнатий.

— Я чувствую запах кофе, черт возьми. Где же он?

Элси с трудом переместилась в сидячее положение и откинула одеяла, обнажив голое тело со свисающими грудями.

— Мне плохо. Чего это ты так застыл? Опять задумался?

— Помолчи.

— Что значит "помолчи"? Сам предложил мне жить здесь. Я не хотела уходить от Фрэнка! Приготовь мне яичницу и вымой сковородку. Я оставила ее вчера в раковине.

Игнатий открыл холодную воду и начал тереть сковородку скомканным куском газеты.

Элси натягивала на себя одежду, которую носила уже месяц, и Игнатий с радостью наблюдал, как она превращалась в настоящую гебефренничку — для этого не требовалось ничего более.

А быть гебом — хорошо. Потому что гебы нашли Путь Очищения, освободившись от всего наносного. Открыв дверь хижины, Игнатий вышел на холодный утренний воздух.

— Куда собрался? — крикнула Элси ему вслед.

— На совет, — сказал Игнатий. Закрыв за собой дверь, он двинулся, преследуемый котами, на поиски Омара Даймонда, своего духовного коллеги среди шизоидов.

С помощью своей сверхъестественной способности к телепортации Игнатий Ледебур стал перемещаться по планете, материализуясь то здесь, то там, пока наконец не обнаружил

Омара Даймонда, заседавшего в зале Верховного Совета вместе с председателями Семи Общин. Игнатий завис на уровне шестого этажа, подлетел поближе к окну и стал барабанить по стеклу, пока ему не открыли.

Делегат от Параноидов Габриэль Бэйнс проговорил:

— Какова цель данного вторжения, скажите на милость? Мы же заседаем.

Игнатий Ледебур мысленно сообщил Омару Даймонду о необходимости их незамедлительной встречи наедине. Омар принял его, согласился, и сразу же, объединив свои телепортационные способности, оба покинули зал заседаний.

— Они собираются высадиться в Гандитавне, — сказал Игнатий.

Омар прикрыл глаза и произнес:

— Вызовите Сару Апостлс. Втроем мы сможем отобразить такой реальный образ захватчиков, что они материализуются на наших глазах, и мы проследим за их высадкой.

Направив мысленную волну, Игнатий вошел в контакт со святой прорицательницей Сарой Апостлс, мирно дремавшей в своей хижине в Гандитавне. Игнатий и Омар напряженно ждали, пока перед ними не возникла Сара, одетая в мужской пиджак, брюки и старые кроссовки.

— Прошлой ночью, — сказала Сара, — я видела сон. Какие-то существа вертятся поблизости. Они собираются заявить о себе.

— Мы должны заставить их появиться сейчас, — решительно произнес Омар. — Здесь, в этом месте. Начнем.

Он склонил голову. Гебефренники последовали его примеру, и все трое пустили в ход свои многократно усиленные парапсихологические способности — пока наконец то, что они ждали, не набухло поблизости гигантской почкой.

— Вот они, — произнес Игнатий и открыл глаза. Сара и Омар посмотрели на небо и увидели опускающийся корабль, который приземлился в сотне метров от них.

— Заставьте их приблизиться, — проговорил Омар.

Игнатий сразу же присоединил к нему свою энергию, переведенная Сара Апостлс помогала мужчинам.

Из корабля выдвинулся трап. Показались две фигуры, которые стали спускаться на землю.

Сара с надеждой спросила у Омара:

— Должны ли мы сотворить чудо? Почему бы не поразить их призраком вселенского паука, предущего паутину судьбы, которая ограничивает нашу жизнь?

— Согласен, — Игнатий стал концентрировать мысленную энергию для вызова паука.

Перед двумя фигурами, преграждая им путь, возникло сверкающее многообразие гигантских придней — мгновенное творение неутомимого Паука Судьбы. Фигуры застыли на месте, и Сара расхохоталась.

— Если вы позволите им смешить вас, — сурово проговорил Омар Даймонд, — то мы потеряем над ними власть.

Но было уже поздно: сверкающие остатки паутины растворились в воздухе, а вместе с ними, к ужасу Игнатия, растворились Омар Даймонд и Сара Апостлс.

Игнатий обнаружил, что сидит на кучке мусора, лежащей на его собственном дворе в центре Гандитауна. Поднявшись на ноги, Игнатий увидел захватчиков с корабля, которые стояли, неуверенно озираясь вокруг.

Осознав то, что произошло, Игнатий расхохотался; а когда он начинал смеяться, его уже ничем нельзя было остановить. В таком состоянии он и представал перед двумя захватчиками.

— Что вы находите таким смешным? — поинтересовался один из них, оказавшийся женщиной.

Игнатий, вытирая слезы, проговорил:

— Вы что, не помните, как приземлились дважды? Не помните вселенского паука? Нет?

Ему было смешно: захватчики оказались абсолютно нечувствительны к объединенным парapsихологическим усилиям трех святых. Игнатий все смеялся и смеялся, а тем временем к двум захватчикам присоединился третий, затем четвертый.

Один из мужчин-захватчиков, огляделвшись, вздохнул:

— Боже, что за мусорная свалка! Чистая помойка. Неужели везде будет так?

— Но вы можете помочь нам, — сказал Игнатий.

— Конечно, конечно, — быстро отреагировал захватчик. — Мы уж точно очистим это место.

— Заходите в дом, — пригласил их Игнатий. — Я угощу вас кофе. — Он направился к двери хижины; после некоторой паузы трое мужчин и женщина неохотно отправились за ним.

— Должен принести свои извинения за тесноту моего жилища и за некоторый беспорядок.

Захватчики неуверенно прошли внутрь хижины и, озираясь, остановились.

— Садитесь, — предложила Элси, стараясь соблюсти законы гостеприимства. Она налила в чайник воды и поставила его на плиту. — Освободите скамейку, — посоветовала она гостям. — Сбросьте куда-нибудь барабанло. Можете на пол, если хотите.

— Не могли бы вы... как-то очистить ваш дом? Я хочу сказать... Как вы можете жить в таком... — Женщина-захватчик махнула рукой и замолчала.

Игнатий чувствовал раскаяние. Но... у него было так много важных дел. А времени так не хватает.

Из-под одеяла выползли ребятишки и молча уставились на пришельцев.

Чак Риттерс переключил биоробота Даниэля Мэйджбума на автоматическое управление, отключив гиперпространственный канал связи, устало поднялся из-за пульта. В Калифорнии было девять часов вечера.

На далекой планете Альфа III робот будет продолжать заниматься своим делом; манера его поведения не изменится. Если произойдет непредвиденное, Пит Петри возьмет управление на себя.

А ему пора решать свои проблемы. Настало время для ночной работы — нужно писать сценарий для Хентмэна. Стимуляторами, отбивающими сон, его обеспечили — утром липкая плесень передала пакет, и теперь он сможет работать всю ночь.

Чак зашел в кабину видеофона, установленную в просторном холле здания ЦРУ, и набрал номер, которым снабдила его фирма Хентмэна.

— Риттерс! — воскликнул Хентмэн. — Где вы? Срочно садитесь сочинять диалоги для нового сценария. У меня блестящая идея!

Чаку было непросто перейти от заваленного мусором поселения гебов на Альфа III к энергичным проектам Бании Хентмэна.

— В чем же она заключается?

Понизив голос до шепота, Хентмэн вплотную приблизил лицо к видеосканеру. Экран заполнил многократно увеличенный нос.

— Собираюсь ввести в свой сериал новый персонаж. Его зовут Джордж Флайб. Как только услышите, кто он по профессии, то сразу поймете, почему я вас нанял. Так вот, Флайб — агент ЦРУ. Кроме того, он скрывается под маской семейного психолога для сбора стратегически важной информации. Ну как? Что скажете?

После долгой паузы Чак произнес:

— Ничего ужаснее я не слышал.

— Вы не разбираетесь в шоу-бизнесе. Это будет крупнейший персонаж со времен Фредди-Грузовика Рэда Скелтона. Вы единственный, кто может правдиво изобразить то, что я задумал. Мы уже начали прорабатывать сериал. Решено! Срочно высылаю экспресс-почтой то, что мы уже сделали. У меня нет времени на переговоры.

— Ладно, как скажете. Жду. — Чак повесил трубку.

Пробираясь по плохо освещенному коридору к своей убогой комнатушке, он обнаружил перед дверью липкую плесень.

— Вас дожидаются двое людей, — сказал Ранинг Клам. — Один из них Джек Элвуд, а второй — его начальник, Роджер Лондон.

— Что случилось? — Чак повесил пальто в кладовку.

— Это и есть Риттерс? — спросил Лондон — высокий, сутуловатый мужчина в годах; Чак несколько раз встречался с ним.

— Чак, мы не успели поймать тебя в Управлении после твоего разговора с Хентмэном из нашей кабины. Так вот, есть факты, касающиеся Хентмэна, о которых ты не знаешь. Мы в курсе трудной ситуации, в которой ты оказался после разрыва с женой. Знаем, что тебе нужны деньги, и все же ... — Элвуд раскрыл дипломат.

— Вот его досье. Настоящее имя Самуэль Литтл. Во время войны был осужден за нарушение закона о торговле с нейтральными планетами. То есть он занимался поставками стратегических товаров нашему врагу через третьи руки. В тюрьме, однако, пробыл всего лишь год, так как имел очень неплохую команду адвокатов. Мне продолжать?

— Но не могу же я расторгнуть контракт на том основании...

— Хорошо. — Элвуд обменялся взглядом с шефом. — После войны Литтл проживал в Альянской системе. Чем он там занимался — нам не известно. Около шести лет назад вернулся на Землю и начал выступать в качестве комика в ночных заведениях. Затем получил финансовую поддержку от компании "Пабтранс", в руководстве которой есть альфанды... — Элвуд протянул Чаку досье. — Читай.

Чак начал просматривать страницы с грифом "секретно". Из того, что там говорилось, было ясно, что ЦРУ считало Хентмэна альфандским агентом.

— Хентмэн нанял тебя не потому, что ему нужен новый автор. У него их уже и так пять человек. Наши соображения таковы: здесь замешана твоя жена.

Чак не отвечал, продолжая просматривать досье.

— Понимаешь, альфанды хотят восстановить юрисдикцию над планетой Альфа III. А единственный легальный путь к этому — вынудить землян покинуть ее. Альфанды не в состоянии заставить поселенцев уйти, однако пристально наблюдают за ними. Они прекрасно знают, что это бывшие пациенты психиатрического госпиталя Гарри Салливена, который был организован на планете перед войной. Поэтому, если земная экспедиция даст рекомендацию об эвакуации бывших пациентов госпиталя, планета освободится для альфандов.

Чак кивнул — все это было похоже на правду. Хотя главное осталось неясным: каким образом он может повлиять на решения, принимаемые Мэри? Однако... Если альфанды знают, что именно он управляет биороботом Даниэлем Мэйджбумом...

— У нас есть гипотеза на этот счет, — перебил его мысли Элвуд. — Мы думаем, что альфанды знают...

— Не продолжайте, — сказал Чак. — Если им известно о Мэйджбуме, значит, они проникли в ЦРУ.

— А может, просто знают о твоих отношениях с женой, — мягко добавил Элвуд.

— И какую же пользу они собираются из этого извлечь?

— Здесь наш прогноз становится весьма мрачным. Хотя мы можем ошибаться, однако нам кажется, что они спровоцируют тебя на убийство Мэри.

Чак не ответил, стараясь оставаться спокойным; Элвуд и Лондон пристально смотрели на него.

— Мы будем с вами предельно откровенны, Риттерс, — заговорил наконец Лондон. — У нас есть информатор в окружении Хентмэна. Он сообщил об идее сценария, которая обсуждалась во Флориде и уже, вероятно, выслана вам. Сюжет этой так на-

зываемой "постановки" призван внушить вам мысль об убийстве Мэри Риттерс при помощи робота. Если с госпожой Риттерс что-нибудь случится, учтите: в первую очередь подозрение падет на вас.

— Понимаю, — бесстрастно ответил Чак. — Но каким образом убийство Мэри может повлиять на судьбу поселенцев Альфа III? Если она погибнет, на ее место пришлют другого психолога.

— Мне кажется, — задумчиво произнес Элнуд, — что мы имеем дело не с убийством, а с его угрозой, чтобы склонить доктора Риттерс к сотрудничеству.

Все это показалось Чаку несколько странным, однако один очевидный вывод напрашивался сам: в ЦРУ работал человек Хентмэна.

Но Чак не собирался отступать от своих планов. Не просто поиграть в угрозу, а пойти до конца и убить Мэри. Почему? Он этого не понимал.

Чак остался один. Было очень тихо; иногда с улицы доносился шум пролетавшего экраноплана. Он немного постоял у окна, затем спустился на первый этаж. Пакет от Хентмэна был уже здесь.

"Любопытно", — подумал Чак, бегло просматривая листки сценария. Идея постановки действительно показалась ему странной: Джордж Флайб, сотрудник межпланетного отдела ЦРУ, дурак и зануда, хочет расплатиться с нелюбимой женой, которая его все время "пилит". Ему на глаза попадается новенький биоробот, который говорит скрипучим голосом: "Хозяин, что прикажешь?"

Отхлебнув кофе из чашки и чувствуя себя непосредственным участником событий, Чак сел за пишущую машинку и, тщательно обдумав начальную сцену, начал печатать.

Он работал несколько часов подряд, восхищаясь изумительным действием стимулятора, благодаря которому не ощущалось никаких признаков усталости. В семь утра, когда в комнату заглянул первый солнечный луч, Чак прошел на кухню и приготовил завтрак.

"Итак, снова за работу. За пульт к Даниэлю Мэджбуму".

По дороге Чак отправил рукопись ракетной экспресс-почтой на адрес конторы Хентмэна. Доехав до здания ЦРУ, он вошел в знакомые стеклянные двери.

— Риттерс, — окликнул его чей-то голос. Перед ним стоял Роджер Лондон. — Пройдемте ко мне в кабинет.

"Опять душеспасительная беседа?" — думал Чак, поднимаясь по широким ступеням вслед за начальником.

— Господин Риттерс, — сказал Лондон, закрывая дверь, — мы установили в вашей комнате спецаппаратуру и знаем, чем вы занимались после нашего ухода.

— А чем я занимался?

— Вы не спали всю ночь. Работали. А это невозможно без возбуждающих наркотических веществ, которые запрещены

х применению на Земле. В связи с этим ... — Лондон сделал паузу. — Я отстранию вас от работы. На неопределенный срок.

Чак ошеломленно произнес:

— Но работа в двух местах необходима мне ...

— Любой сотрудник Управления, если он настолько глуп, что употребляет неземные стимулирующие вещества, не в состоянии выполнять свою задачу. Кстати, мы уже обнаружили стимуляторы в вашей комнате. Это ГБ-40. С его помощью вы можете прескокойно работать 24 часа в сутки. Мэйджбумом займется другая бригада, а вы можете всецело посвятить себя писательскому труду ... Если вас не выгонят и оттуда.

— Как это — выгонят? — Чак ничего не понимал.

— Если наша теория верна, вы будете не нужны Хентмэну, как только он узнает, что у вас больше нет доступа к биороботу. Потому, как мне кажется, через несколько часов ... — Лондон посмотрел на часы. — Где-то около трех часов пополудни вам придется столкнуться с тем фактом, что у вас не осталось никакой работы. Тогда вы образумитесь и будете рады вернуться к работе у нас.

— Хентмэн не уволит меня, — возбужденно проговорил Чак. — Прощайте.

7

В двадцать минут третьего, когда Чак брался в ванной, раздался звонок видеофона. На экране возникло лицо девушки — ошеломляющее красивое лицо с ирландскими чертами.

— Господин Риттерс, я Патриция Бивер; Банни Хентмэн собирался дать мне роль в сериале, который вы пишете.

— Так вы знаете, как он оценил мои диалоги? — спросил Чак.

— Я позвонила Банни, чтобы узнать о том, как продвигается сценарий, — проговорила девушка. — Банни дал мне ваш номер и попросил передать, что ваша идея ему абсолютно не понравилась, и он больше не хочет тратить на нее время.

— Моя идея?

— Да, ваша рукопись. Он прочитал отправленные вами страницы и нашел их ужасными.

Чак почувствовал, как у него запылали уши.

— Спасибо, — сказал он и бросил трубку. Экран погас.

Чтобы немного расслабиться, Чак вышел на улицу, купил газету и развернул ее. Увидев первую полосу, он почувствовал, как у него похолодело внутри.

ПОПЫТКА АРЕСТА БАННИ ХЕНТМЭНА ОКОНЧИЛАСЬ НЕУДАЧЕЙ. АГЕНТ ВНЕЗЕМНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПОСЛЕ ПЕРЕСТРЕЛКИ СКРЫЛСЯ.

Чак дважды перечитал заголовок. Итак, вот что случилось на самом деле: через сложную сеть сбора информации ЦРУ выяснило, что Банни Хентмэн уволил своего нового автора Чака Риттерса. Это подтвердило теорию ЦРУ о том, что Чак был нужен Хентмэну только из-за его причастности к "Опера-

ции Пятьдесят Минут" на Альфа III. ЦРУ немедленно отреагировало, однако комику удалось скрыться. Вероятно, он был предупрежден своим человеком из Управления. Все было просто и вместе с тем страшно. Чак по инерции продолжал смотреть в газету, руки его дрожали.

Значит, Хентмэн убежал. Несмотря на быстрые, отложенные действия ЦРУ. Улетел на реактивном прыгуне из своего нью-йоркского офиса во время лазерной перестрелки с группой захвата. Где же он сейчас? Вероятно, на пути в Альфансскую систему. А где Чак Риттерс? На пути в никуда.

Открыв дверь, Чак увидел, что в комнате горит свет. Расположившись в кресле, его ждала Джоанна.

— Слава Богу. Я так волновалась за тебя. — Она подобрала с пола "Сан-Франциско Кроникл". — Ты видел газеты? Что теперь будет? Могут тебя задержать, как сообщника Хентмэна?

— Не знаю. — Чак закрыл за собой дверь. Он не думал, что ЦРУ станет его арестовывать, однако Джоанна была права: есть над чем поразмыслить. Чак прошел на кухню, чтобы сварить кофе. Девушка последовала за ним.

— Чак, мне кажется, тебе лучше позвонить в ЦРУ. Поговори с кем-нибудь из своих бывших коллег. Хорошо? По радио сообщили, что некоторые сотрудники фирмы Хентмэна арестованы или находятся в розыске...

— Ради Бога, оставьте меня в покое. — Чак положил в чашку три ложки растворимого кофе. — Ты, наверное, впервые видишь перед собой человека, потерявшего работу в двух местах за один день?

— Что собираешься предпринять?

— Наверное... эмигрирую в Альфансскую систему.

"А именно — на Альфа III, — подумал он. — Если бы мне удалось найти Хентмэна..."

— Значит, сообщение ЦРУ было верным, — сказала Джоанна, блеснув глазами. — Организация Хентмэна финансируется внеземной разведкой!

— Послушай! — воскликнул Чак. — Война закончилась восемь лет назад. Терпеть не могу эту идиотскую логику рыцарей плаща и кинжала! Того, что я наслушался за эти годы, хватит до конца моих дней. Я сыт по горло.

Джоанна вздохнула.

— Ты даже не пытаешься бороться с обстоятельствами, ты... — Она замолчала и удивленно посмотрела на дверь. Чак тоже услышал мысли липкой плесени:

— Господин Риттерс, по коридору в направлении вашей двери идет человек. Он вооружен. Не знаю, что ему надо. У него на голове специальная сетка для защиты от телепатов, поэтому, мне кажется, он либо военный, либо агент секретной разведки...

— Не двигаться, Риттерс! Иначе я убью ее.

Человек закрыл входную дверь и вошел на кухню. Лазерный пистолет в его руке был направлен в сторону Джоанны.

— Пойдем, Риттерс. Женщина может оставаться на месте — она мне не нужна.

— Я пытался связаться с Хентмэном, — сказал Чак, выходя в коридор.

— Лучше помолчи. У тебя и так слишком длинный язык. Когда зайдем в лифт, нажми верхний этаж — мой корабль на крыше, на посадочной площадке.

Чак повиновался, с трудом передвигая негнувшиеся ноги. Через минуту они вышли на крышу, в холодный и туманный вечной воздух.

— Ну что, давай дружить, Риттерс, — сказал человек, подталкивая Чака к припаркованному реактивному прыгуну с включенными огнями и работающим двигателем. — Меня зовут Альф Шериган. — Он уселся за пульт управления. — Что ты молчишь? Это нехорошо, нам придется побывать вместе, пока мы не прилетим на Луну, в Брэйх-сити. — Он включил курсопрокладчик и дал газ. Аппарат дернулся, но не взлетел.

— Сиди смирно, — приказал Шериган. Открыв нижний люк, он высунул голову и стал вглядываться в темноту. Потом внезапно втянул голову в кабину, направил пистолет в люк и выстрелил. В то же мгновение из люка, параллельно его лучу, возник другой луч и уперся ему в грудь. Шериган выпустил оружие и задергался в конвульсиях на полу кабине, затем его тело изогнулось, а изо рта вырвался хрип.

Подобрав пистолет, Чак посмотрел наружу. На крыше стояла Джоанна с лазерным пистолетом в руке. Она, очевидно, воспользовалась аварийным лифтом. Шериган допустил ошибку — он не знал, что Джоанна была сотрудником полиции.

— Ты собираешься вылезать или нет? Я не задела тебя?

— Нет, все в порядке, — ответил Чак.

Они спустились на лифте и вошли в комнату. Чак нервно закурил.

— Что ты задумал? — озабоченно спросила девушка.

— Понимаешь, если мафия Хентмэна послала за мной кого-то и тот не вернулся ...

— Они пошлют другого, — договорила за него Джоанна. — Ты прав: нужно как можно скорее покинуть Землю. Но каким образом? У тебя остался какой-нибудь счет в банке?

— Нет, Мэри забрала все, — Чак опустился в кресло. — Есть одна идея. Мне надо позвонить. Извини, но я бы не хотел, чтобы ты слышала этот разговор. Для твоей же пользы.

— Хорошо, — задумчиво произнесла девушка. — Звони, а я пойду займусь гостем.

Чак набрал домашний номер Джека Элвуда. Тот был явно недоволен поздним звонком и стал еще более недовольным, увидев Чака.

— Я хочу заключить с вами соглашение, — начал Чак.

— Соглашение? Мы знаем, что ты, прямо или косвенно, подсказал Хентмэну о готовящейся против него операции, и ему удалось скрыться. Разве не так? Мы даже знаем, через кого ты работал — через смализовую аристочку из Санта-Моники, ко-

торая была его последней любовницей. — Элвуд бросил на Чака хмурый взгляд.

— Дело в том, — продолжал Чак, — что я знаю, где Хентмэн.

— Почему же ты хочешь рассказать нам об этом? Что, не прижился в счастливой хентмэнской семье?

Чак покачал головой:

— Они уже посыпали за мной человека. Его удалось остановить, но вскоре появятся новые. Рано или поздно они достанут меня. Я скажу вам, где скрывается Хентмэн, в обмен на корабль. Мне нужен один из небольших межзвездных перехватчиков, которые имеются в ЦРУ.

— Кажется, ты действительно попал в переделку, — заметил Элвуд. — Что ж, я поверю тебе, почему нет? Скажи мне, где Хентмэн, и я в течение пяти часов предоставлю тебе корабль.

— Хентмэн на Луне, в Брэйх-сити.

— Жди у себя дома. Корабль будет около двух часов ночи.

Повесив трубку, Чак сел на диван. Итак, если корабль не появится, для него все будет кончено. Джоанна может защитить еще раз, может даже вернуть к жизни, если люди Хентмэна убьют его ... Но если он останется на Земле, его рано или поздно найдут и прикончат. Только Альфа III дарила надежду на спасение. Имея в своем распоряжении сверхсветовой перехватчик ЦРУ, он сможет достичь ее в считанные дни.

Открыв дверь в коридор, Чак позвал Джоанну:

— Заходи, я уже позвонил.

— Ты покидаешь Землю?

— Может быть.

Несколько часов спустя, когда полицейские убрали с крыши мертвого человека, а Джоанна покинула его, Чак понял, что проиграл. Альф Шериган оказался прав — Чак действительно продал Хентмэна ЦРУ. Но дело было сделано.

Чак продолжал неподвижно сидеть и ждать сигнала о прибытии корабля. Однако верил в него все меньше и меньше.

8

Слегка поклонившись, Габриэль Бэйнс произнес:

— Мы, делегаты Семи Общин, представляем Высший Совет — верховную власть, которой обязаны подчиняться все в этом мире.

С холодным, застывшим выражением на лице он жестом предложил земному психологу сесть. Доктор Мэри Риттерс приняла приглашение, вежливо улыбнувшись. Остальные члены совета начали поочередно представляться.

— Говард Стру. Ман.

— Як-коб Симион. — Симион не смог подавить идиотской улыбки. — От гебов, из Гандитауна, где вы обосновались.

— Аннет Голдинг, поли. — В глазах Аннет отражалась тревога, она напряженно вглядывалась в женщину-психолога, наглым образом нарушившую их спокойную жизнь.

— Омар Даймонд. Сейчас вы поймете, к какой общине я принадлежу. — Он отрешенно посмотрел прямо перед собой, впадая в прострацию.

Глухим, полным отчаяния голосом заговорил деп:

— Динно Уоттерс. — Он попытался добавить что-то еще, но вес безысходности и пессимизма был слишком тяжел для него.

— А меня вы уже знаете, доктор Риттерс, — сказал Бэйнс, зашуршав документом, который лежал перед ним на столе. Документ являлся плодом совместных усилий Совета, их манифестом.

— Вы спрашиваете разрешения посетить другие, кроме Гандитавна, поселения. В особенности Высоты Да Винчи. Мы обсудили этот вопрос и решили отклонить вашу просьбу.

— Скажите ей, почему, — произнес Говард Стру. Он не отводил взгляда от земной женщины-психолога, и его неприкрытая ненависть к ней придавала атмосфере зловещий оттенок.

Подняв руку, доктор Риттерс проговорила:

— Погодите. Вы еще успеете зачитать мне ваш документ.

— Тем не менее, — наставлял Габриэль Бэйнс, — вы должны знать, что ваш корабль обязан покинуть Гандитавн в течение сорока восьми земных часов. Если вы не согласитесь с нашим предложением ... — Бэйнс посмотрел на Стру, тот кивнул. — В этом случае мы начнем против вас военные действия, на основании того, что вы являетесь вооруженными захватчиками.

Немного понизив голос, доктор Риттерс произнесла:

— Я понимаю вашу позицию. Ведь вы так долго жили здесь в полной изоляции. Однако должна сказать следующее ... — Она обвела взглядом присутствующих. — Вы все психически больные.

В зале установилось напряженное молчание.

— Черт побери, — прервал тишину Говард Стру. — Мы уже много лет живем свободно. Без так называемого "госпиталя", который на самом деле является концентрационным лагерем.

— А не кажется ли вам, доктор, — заговорил Бэйнс, — что за двадцать лет нам удалось подняться над нашими проблемами межличностной несовместимости и ... — он сделал жест рукой, — приспособиться? Ведь мы способны к адекватным групповым взаимоотношениям, которые, например, вы можете наблюдать в этом зале. Если мы в состоянии выполнить совместную работу, то, вне всякого сомнения, не являемся больными.

Доктор Риттерс заговорила, тщательно подбирая слова:

— Да, должна признать, что в данный момент вы объединились против общего врага ... то есть против нас. Однако после того, как мы улетим, вы снова превратитесь в разрозненных индивидуумов, озабоченных враждой и недоверием.

“Докторша, конечно, права, — подумал Бэйнс. — Общины редко действуют сообща... Однако она все-таки ошибается. Ведь именно земляне первыми начали свои угрожающие действия, первыми продемонстрировали недоверие — они одни несут ответственность за то, что отношения не складываются”.

— Если вы появитесь на Высотах Да Винчи, — заявил Говард Стру, — мы убьем вас. Любой новый корабль, который попы-

тается приземлиться, будет уничтожен. Это наш мир, и мы хотим сохранить его свободным, пока живы. Господин Бэйнс может обрисовать детали нашего прежнего тюремного режима — все они содержатся в нашем манифесте, который мы подготовили для вас. Зачитайте манифест, господин Бэйнс.

— Двадцать лет назад, — начал Бэйнс, — на планете была создана колония ...

Доктор Риттерс тяжело вздохнула и проговорила:

— Послушайте меня. Причина вашей воинственности может быть найдена в поселении манов — маниакально-депрессивных личностей. Через четыре часа мы покинем город гебеффеников Гандитаун и высадимся на Высотах Да Винчи. Если вы попытаетесь атаковать нас, мы вызовем земные военные корабли, которые находятся за полчаса лета отсюда.

В зале установилось напряженное молчание. Потом Аннет Голдинг едва слышно произнесла:

— Все-таки зачитайте наш манифест, Габриэль.

Бэйнс возобновил чтение манифеста. Голос у него дрожал. Теперь это занятие казалось ему пустой бравадой, потому что практически ничего не могло их спасти.

9

Невеселые мысли вертелись в голове Аннет, пока она сосредоточенно рассматривала ленту дороги на Гамлет-Гамлет, выхватываемую из темноты автомобильными фарами. Аннет ехала домой с заседания Совета, засвидетельствовавшего окончание ультиматума и высадку врага на Высотах Да Винчи.

Внезапно она заметила на темном небе пламя реактивного выхлопа. Корабль опускался рядом с Гамлет-Гамлетом. Если она не будет никака сворачивать, то приедет прямо к кораблю.

Однако, когда Аннет была уже совсем близко от корабля, страх все же победил — она сбросила скорость, свернула с дороги и выключила зажигание, сидя в темноте и прислушиваясь к ночным звукам.

Чужой корабль смутно вырисовывался неподалеку; рядом с ним временами вспыхивал фонарик, кто-то двигался, однако голосов не было слышно, да и сам корабль не казался большим. Аннет осторожно выскользнула из машины и стала пролазить сквозь кусты поближе к кораблю.

Какой-то человек рыл лопатой яму. Внезапно он бросил лопату и поспешил обратно к кораблю. Затем быстро вернулся с большой картонной коробкой в руках. Свет фонарика проник в коробку, и Аннет увидела пульсирующую сферу, похожую на грейпфрут. Сфера была живая. Она догадалась, что видит перед собой мысленную липкую плесень с Ганимеда — Аннет помнила это по учебным видеолентам. Мужчина, конечно, спешил зарыть ее во влажную почву: там она должна была, очевидно, набрать потерянную влагу и подрасти. Аннет знала, что человек торопился не зря — сфера могла погибнуть.

— Вы не успеете зарыть ее вовремя, — сказала Аннет, удивившись собственной смелости. Сфера действительно уже потемнела и стала на глазах оседать.

— Принесите воды с корабля. Она в большой цистерне, — сказал человек. Он вынул почериевшую сферу из коробки и опустил в яму, потом стал посыпать кусочками влажной почвы.

Аннет вошла в корабль, нашла кран и пустое пластмассовое ведро.

— Спасибо, — произнес мужчина, поливая водой засыпанную землей сферу. — Мой друг стал засыхать во время полета, но у меня не было достаточно почвы.

Сфера уже, очевидно, начала расти: в свете фонарика Аннет увидела, как почва дрожит и выпучивается. Это было забавное зрелище, и Аннет рассмеялась.

— Удивительно! Пожалуйста, скажите, как вас зовут?

— Чак Риттерс.

— А вы не родственник доктора Риттерса, женщины-психолога с первого земного корабля? Да, наверное, вы ее муж.

Вдруг за ее спиной что-то зашевелилось. Обернувшись, Аннет увидела, как из земли поднимается желтая студенистая масса, а в голове у нее раздался чей-то голос:

“Я очень вам признателен, господин Риттерс. Я знал, чем рискую, отправляясь с вами в длительное путешествие. Но я не ошибся: у меня такое чувство, что я буду жить и успешно размножаться на этой планете — атмосфера, влажность и гравитация кажутся благоприятными. Вы, господин Риттерс, помогли нам расширить зону обитания; перенесли нас на три световых года от родной планеты. Спасибо вам. Боюсь, однако, что ваш корабль сейчас будет атакован. Возможно, вам следует как можно быстрее взлететь”.

— Атакован кем? — спросил Чак Риттерс, хватая Аннет за руку и потянув ее к входному люку корабля.

— Как мне удалось выяснить, — Аннет продолжала слышать Раннинга Клама, который поспешил за ними, — здесь замешана группа местных жителей, которые в мыслях называют себя манами. Очевидно, им только что удалось взорвать какой-то другой корабль, потому что...

— Боже, — хрипло произнес Чак Риттерс, — это корабль Мэри.

— Да, — согласилась липкая плесень, — я отчетливо слышу, как приближающиеся в нам маны поздравляют друг друга; они переполнены гордостью, что разрушили корабль доктора Риттерса. Однако те, кто находился на корабле, убежали; они скрываются где-то поблизости, и маны охотятся за ними.

— А что они думают о земных кораблях? — спросил Риттерс.

— Маны накрыли свое поселение каким-то защитным экраном. Поэтому в настоящий момент они в безопасности. Но в глубине души они понимают, что долго не продержатся — агрессивность в их характере длится только определенный период. Но сейчас маны в высшей степени счастливы, видя, как

эккрайнированные линейные корабли с Земли летают вокруг Высот Да Винчи, не в силах ничего предпринять.

Они были уже внутри корабля, и Чак нажал кнопку закрытия входного люка. Усевшись за пульт, он начал готовить корабль к старту.

Приближаясь к Гамлет-Гамлету на своем турбоавтомобиле, Габриэль Бэйнс заметил в ночном небе яркое пламя ракетного выхлопа и понял, что опоздал: небольшой провидческий дар подсказал ему, что Аннет находилась внутри корабля или же люди с корабля причинили ей какой-то вред. Бэйнс в отчаянии сбросил скорость.

Когда он стал разворачивать машину, что-то прогрохотало мимо него. Это было ползущее по земле железное чудовище, изготовленное из закаленного металла. Стальной зверь озарял равнину мощными прожекторами.

"Скорее всего, маны пытаются атаковать маленький земной корабль. Но они опоздали, так же как и я", — подумал Бэйнс.

Машина, сделав круг, остановилась рядом с автомобилем Бэйнса, и на башне открылся люк.

— Привет! — закричал ман из люка, широко улыбаясь.

Бэйнс поприветствовал его и добавил:

— Корабль-то улетел. Вашим людям не удалось уничтожить его.

— Он не уйдет от нас. — Ман оставался таким же радостным. — Смотри внимательней, приятель, за нашей ракетой.

Через секунду над головой что-то вспыхнуло, посыпались сверкающие точки, Габриэль Бэйнс понял, что земной корабль подбит, и повернул автомобиль по направлению к упавшему кораблю. Манский танк последовал за ним, наполняя ночь лязгом и скрежетом.

Бэйнс первым приблизился к поврежденному кораблю. Тормозное аварийное устройство в виде гигантского газового облака, вырвавшегося из хвостовой части судна, позволило ему приземлиться более или менее мягко; корабль лежал, на половину зарынчившись носом в почву.

Выпрыгнув из машины, Бэйнс бросился к нему. Не успел он приблизиться, как люк открылся, и из него, неуверенно озираясь, вылез землянин, вслед за ним показалась Аннет Голдинг; потом из отверстия с большим трудом выбралась желтая однородная масса. Она вытекла наружу и сплюнулась на землю, на мгновение сплющившись.

— Гэйб, — быстро заговорила Аннет, — не дайте манам убить этого человека — он очень хороший.

Со скрежетом к кораблю подкатил танк; люк открылся, и показалась голова мана; в руке он держал лазерный пистолет. Наставив его на землянина и Аннет, ман с ухмылкой проговорил:

— Все! Наконец-то мы вас поймали.

— Послушайте! — крикнул Бэйнс. — Оставьте их в покое; эта женщина — из Гамлет-Гамлета, она наша.

— Наша? — эхом отозвался ман. — Если она из Гамлет-Гамлета, то она не наша.

— Вы что, так увлеклись атакой на землян, что забыли о священном братстве Семи Общин? Опустите пистолет. Я доложу про вас Говарду Строу! Я его коллега — депутат Высшего Совета от Парапоидов.

Внезапно в голове Бэйнса проскочила невесть откуда взявшаяся мысль: «Господин Риттерс, ваша жена находится где-то поблизости. Я ощущаю деятельность ее головного мозга, поэтому советую вам лечь на землю».

Землянин, а вместе с ним и Аннет Голдинг, сразу же упали, ман на танке вздрогнул и отвел пистолет в сторону, неуверенно глядываясь в ночь.

В то же мгновение темноту прочертил тонкий луч лазера; пройдя над головой землянина, он уперся в металлический корпус поврежденного корабля. Ман прыгнул, чуть не скатившись с танка, и инстинктивно сжал пистолет в руке, однако не стрелял. Ни он, ни Габриэль Бэйнс не понимали, что происходит.

Бэйнс крикнул Аннет:

— Быстро в машину!

Аннет и землянин бросились к автомобилю.

Тем временем ман начал стрелять, но не в землянина и Аннет, а куда-то в темноту, в ту сторону, откуда сверкнул луч лазера. Затем он скрылся в танке, захлопнув крышку люка; из жерла танка вырвалась ракета; она полетела над полем, но неожиданно сдетонировала. Габриэль Бэйнс, который пытался развернуть машину, и находившиеся на заднем сиденье Аннет с землянином почувствовали, как равнина взорвалась и подпрыгнула. Машина перевернулась, окна выбило взрывной волной, кусочки пластика вонзились в тело Бэйнса. Он почувствовал запах гарни и увидел, что машина загорелась.

— На помощь, — слабо позвал Бэйнс.

Чья-то рука схватила Бэйнса за воротник, вытащила из машины, отбросила в сторону. Таким же способом ман выудил из машины Аннет.

«Спасите господина Риттерса!» — донесся до Бэйнса отчаянный призыв липкой плесени.

С присущим ему полным пренебрежением к опасности, ман скрылся в пламени. Через минуту он появился, волоча за собой землянина.

— Спасибо вам, — с благодарностью отозвалась липкая плесень. — В обмен на ваш мужественный поступок я сообщу полезную информацию: выпущенная вами ракета не задела доктора Риттерса. Сейчас она вместе с биороботом ЦРУ, господином Маджбумом, скрывается поблизости — они стараются улучить момент, чтобы снова стрелять в вас. Вам лучше поскорее вернуться в танк.

Ман со всех ног бросился к танку. Но добежать не успел — из темноты сверкнул лазерный луч, и ман упал лицом вниз.

— Почему докторша охотится за нами? — выдохнула Аннет.

— Она знает, зачем я прилетел, — сказал Риттерс. — Я хочу убить ее. — Он казался совершенно спокойным. — На рассвете один из нас будет мертв. Она или я.

Яркая вспышка озарила небо, и неподалеку стал приземляться огромный межпланетный корабль.

— Военный корабль с Земли? — пробормотала Аннет Голдинг.

— Нет, это не кто иной, как Банни Хентмэн, — зазвучали из голове Бэйнса мысли липкой плесени. — Он покинул Брайх-сити через некоторое время после вашего отлета с Земли и теперь ищет вас.

10

Из темноты до Риттерса донеслись мысли липкой плесени:

— Я только что услышал крайне неправильную трактовку недавних событий. Из мыслей, исходящих с корабля, я сделал вывод, что Хентмэн и его окружение — в особенности несколько альфянцев — считают вас главным заговорщиком. — Плесень затихла, потом проговорила: — Они спускают челнок. Вас захватят — это неизбежно.

Поднявшись на ноги, Чак сказал Аннет Голдинг:

— Попытаюсь уйти. А вы оставайтесь здесь.

Он бросился в темноту, подальше от освещенного места. Виезиппо над его головой что-то зажужжало, и раздался усиленный динамиком голос:

— Риттерс, остановись! Иначе будешь мертв.

Над полем висел ракетный челнок. Чак остановился, тяжело дыша. Челнок снизился, и из него со стуком опустилась складная лестница. Голос приказал:

— Поднимайся. И не вадумай валять дурака.

Через несколько минут Чак оказался в тесной рубке челнока, где его встретили двое землян с лазерными пистолетами. Одним из них был Джерри Фелд. Челнок на полной скорости помчался к кораблю, где их ждал Хентмэн, с озабоченным видом прикладывавший носовой платок к покрытому испариной лбу.

— Пойдемте со мной, Риттерс. — Хентмэн взял Чака под руку. — Мне нужно серьезно поговорить с вами. В последнее время мы слегка перестали понимать друг друга, верно?

Комик направился по узкому коридору, Чак молча последовал за ним.

— Сюда. — Комик открыл дверь и пропустил Чака в небольшую, почти пустую комнату. Заперев дверь изнутри, Хентмэн заходил взад и вперед, погруженный в собственные мысли.

— Риттерс, — наконец заговорил он. — У меня нет выбора, я вынужден... эмигрировать в альфянскую империю. На Земле мне больше делать нечего... Да. Еле унес ноги из Брайх-сити. Хорошо, что меня успели предупредить вовремя. Альфяне примут меня только в том случае, если я помогу им вернуть Альфу III. Что вы скажете по этому поводу? А, Риттерс?

— Если вы думаете, что я смогу как-то повлиять на Мэри ...
— Нет, — прервал его Хентмэн. — Это исключено. Мы наблюдали, как вы охотились друг за другом, словно истинные обитатели этой планеты. Вы убили моего шурина Шеринга, а теперь горите желанием прикончить жену... Что за жизнь вы ведете, скажите на милость? И в довершение всего вы раскрыли мое местонахождение ЦРУ... Не ожидал от вас такого, мой дорогой.

Чак молчал.

— Слушайте, а что это за пышнотелая девица, которая лежала рядом с вами? Через нее нельзя связаться с местной властью? С Верховным Советом, или как там его?

— Можно.

— Вот именно это мы и должны сделать, — заявил комик. — Совет должен собраться и выслушать ваше предложение. Они должны попросить альфанцев защитить их от землян. Тогда Альфа III станет альфансской территорией на законном основании, согласно межпланетному соглашению. А взамен ... — Немигающие глаза комика с вызовом смотрели на Чака. — А взамен альфанцы гарантируют общим соблюдение всех гражданских прав. Никакой госпитализации. Никакого принудительного лечения. Вы не будете считаться недоумками, а станете полноправными поселенцами: владеть землей, производить товары, заниматься коммерцией ...

— Не надо говорить "вы", — сказал Чак. — Я не член местной общины.

— Как вы считаете, Риттерс, они согласятся?

— Не знаю.

— Но вы должны разбираться в ситуации. Вы же были здесь в образе биоробота — наш человек в ЦРУ докладывал о каждом вашем шаге. Не смотрите на меня так, Риттерс. Когда он сообщил, что вы отстранены от работы, мы не стали тратить на вас время ...

— А ЦРУ через своего агента в вашей организации ...

— Да, в ЦРУ пронюхали, что я вас выгнал, и сразу пришли за мной. Но я-то уже знал, что мышеловка должна захлопнуться, — и мне удалось уйти. Осведомитель из моего штаба был в курсе того, что я покинул Землю, но он не знал, где именно я скрывался. Об этом знали только Шериган и Фелд... Может быть, я никогда не узнаю, кто из моих работает на ЦРУ, — философски добавил Хентмэн. — Теперь это не имеет значения. Я сохранил в тайне мои дела с альфанцами, потому что подозревал с самого начала, что мне подкинут стукача. — Он покачал головой. — Не жизнь, а сплошной бардак!

— Так кто же в ЦРУ работает на вас?

— Джек Элвуд. — Хентмэн обескураживающе улыбнулся. — А как вы думали, мой дорогой, почему Элвуд вот так, просто, предоставил вам новенький межзвездный перехватчик? Я приказал ему. Вы мне нужны здесь, Риттерс. Вспомните, как Элвуд уговаривал вас заняться управлением Мэйджбума? Это была моя стратегия с самого начала, мой дорогой. Вот так-то.

Ну ладно, скажите, что вы знаете об этих общинах и что они вообще хотят?

— Я видел только поселение гебов, по которому нельзя судить об остальных. Мне не приходилось общаться ни с парами, ни с манами, которые всем заправляют здесь.

— Ну так что, поможете мне? — Хентмэн пристально посмотрел на Чака. — Они должны принять такое выгодное предложение — я уверен. А я могу, например, взять на себя ваши заботы по убийству Мэри Риттерс.

Чак долго не отвечал, потом произнес:

— А с чего вы взяли, что я хочу ее смерти?

— Мы видели, с какой яростью вы стреляли друг в друга.

— Я только защищался.

— Да-да, конечно, — с наигранной серьезностью закивал комик, достал носовой платок и стал вытираять пот со лба. — Ужас, что творится. Не кажется ли вам, Риттерс, что вы со своими семейными проблемами расстраиваете планы двух космических империй — земной и альфансской?

— Понимаете, — ответил Чак, — когда я думаю о том, что придется провести остаток жизни на планете, населенной психопатами ...

— А как, скажите на милость, вы жили раньше? Разве ваши отношения с женой не были психопатичными? Все образуется, не переживайте...

— Ладно, я соберу делегатов в Адольфвилле, — согласился Чак, — и выскажу им ваше предложение. Можете перекрыть гиперпространственный канал связи Земли с роботом Даниэлем Мэйджбумом? Я пошлю робота в Адольфвилл, а сам буду управлять им отсюда, с пульта.

“Вы приняли весьма мудрое решение, господин Риттерс, — зазвучали мысли липкой плесени. — Сначала позволили оставить в живых вашу жену, теперь поступаете столь же гуманно. Не знаю, что предпримут земляне, но уверен в одном: при альфанцах мы сможем выжить”.

Услышав это, Хентмэн улыбнулся.

— Ну что, Риттерс, по рукам?

11

Когда Игнатий Ледебур вытряс из кастрюли кучу слежавшихся макарон перед мордами двух черных овец, он поднял голову вверх и посмотрел на ракетный членок, который садился на дорогу рядом с хижиной. Игнатий лениво побредил к хижине с кастрюлей в руке.

Из членока показались две фигуры: одна человеческая, другая студенистая и желтая. Фигуры стали пробираться через заваленный мусором двор ему навстречу.

— Вы, наверное, будете рады узнать, — проговорил Ледебур вместо приветствия, — что альфанские корабли уже готовятся к высадке на наш маленький мир. — Игнатий улыбнулся, однако человек, который пристально смотрел ему в лицо, не

улыбнулся в ответ. Желтому пузырю улыбаться было просто нечем.

— Где Мэри Риттерс? — крикнул Чак. — Где моя жена?

— А-а, вы ищете свою жену, — спокойно проговорил святой. — Она натворила многое неприятного: убила манского солдата и даже ...

Затем Ледебур отключился. Очнувшись, он обнаружил, что лежит на земле; в ушах звенело, в висках пульсировала кровь. Святой с трудом сел.

— Господин Риттерс ударили вас, — объяснила плесень. — Скольящий удар пришелся чуть повыше скулы.

— Достаточно, — хрюкло проговорил Игнатий. — Она там, в хижине.

Перешагнув через святого, Чак рывком открыл дверь хижины и увидел женщину, которая спала под грудой грязных одеял на деревянных досках, представлявших собой обеденный стол.

— Мэри, проснись! — Чак схватил руку женщины, свисавшую со стола, и сильно дернул за нее.

Женщина, лежавшая в кровати святого прорицателя Игнатья Ледебура и заменившая ему жену Элси, постепенно открыла глаза и сощурилась, стараясь рассмотреть лицо Чака. Затем резко села, схватила одеяло и обернула его вокруг себя, прикрывая маленькие упругие груди.

Липкая плесень предусмотрительно осталась дожидаться развязки на дворе.

— Чак, — проговорила Мэри Риттерс, зевая, — я пришла сюда сама, по доброй воле. И не надо ...

Чак схватил Мэри за руку и рывком сдернул свою жену со стола. Грязные одеяла отлетели в сторону, по полу запрыгала металлическая кружка, разбрзгивая остывший кофе.

— Милый ... — Мэри всхлипнула и прижалась к Чаку. — Прости меня!

Чак прижал к себе обнаженную женщину, которая тысячу лет назад была его женой.

— Мне страшно, — проговорила Мэри дрожащим голосом. — Что с нами теперь будет?

— Одевайся, — сказал Чак. — Я подожду тебя во дворе.

Выйдя из хижины, он посмотрел на небо. Уже почти стемнело. На горизонте виднелось множество сверкающих точек. Альфанские корабли начали высадку.

На пороге появилась Мэри в своем потрепанном комбинезоне, подошла к Чаку и прижалась к нему.

— Ты любишь меня? — прошептала она, приблизив губы к его уху.

— Да. — Чак постарался поверить в то, что сказал. — Ой! — невольно вырвалось у него. Потому что Мэри внезапно укусила его за ухо.

“На этот счет есть какая-то примета,” — подумал Чак. Одноко плохая или хорошая, он никак не мог вспомнить.

Спор был долгим. Точкой в конце длившейся долгие десятилетия тяжбы стал маленький кусочек бумаги – простой конфетный фантик, который удалось отыскать в хранилищах Российской государственной библиотеки, бывшей Ленинки, где он мирно пролежал без малого сто лет. "Конфектъ "Мишка косолапый". Товарищество Эйнем", – напечатано на том "вещественном доказательстве", здесь же оттиснут двуглавый коронованный орел – герб царской России.

Любимец всех, кто понимает толк в сладком, и украшение любого праздничного стола – "конфектъ "Мишка косолапый" родился не в

СУПЕР- ЗВЕЗДА- "М ишка косолапый"

начале двадцатых годов, а до Октябрьской революции и именно на фабрике Эйнема, как в ту досоциалистическую пору называлась "Красный Октябрь".

В этом году "Красный Октябрь" отметил свой 130-летний юбилей. А в будущем году юбилей будет у его директора Анатолия Николаевича ДАУРСКОГО: сорок лет назад он, выпускник московского вуза, получил сюда распределение. Начинал инженером-конструктором, был помощником механика цеха, главным механиком, главным инженером... Как сказал он сам, "нет на фабрике закутка, который мне не известен; планы всех чертежей и подвалов по памяти могу нарисовать".

— **А**натолий Николаевич, значит, всеми уважаемый "Мишка" — это самая старая марка краснооктябрьского шоколада?

— "Мишка носолапый" — конфета. А вот наш "Золотой ярлык" — шоколад, и он не молоне "Мишни". То же можно сказать и о нарамели "Ранняя шейка". Пробовали, наверное?

— Да есть ли в России человек, который бы ее не пробовал..

— Так вот, все эти наши изделия имеют еще дореволюционный дизайн, рецептуру, технологию приготовления.

— И — вкус, качество?.. Они тоже "как до революции"?

— Знаете, как в народе говорят: "Вот раньше конфеточна была — да! А потом испортилась: не тот укус у нее..."

— Это что, консерватизм человеческой психологии, когда с возрастом люди склонны идеализировать все, что осталось в прошлом?

— Отнюдь! Вот, к примеру, появилась в самом начале шестидесятых новая конфета "Масна" и вмиг покорила рынок: великолепные вкусовые качества и при этом гораздо дешевле дорогих шоколадных конфет. Бешеная популярность! А с годами авторитет — или, говоря современно, рейтинг — конфеты все более снижался. В чем дело? Да просто чем дальше, тем больше кондитерских фабрик осваивали ее выпуск.

Сегодня "Масны" делают все кому не лень. Но кто-то делает неважно, нарушает исходную рецептуру, меняет ее почти до неузнаваемости... Дело в том, что технический прогресс подталкивает изготовителей-кондитеров к упрощению технологического процесса, к замене одних рецептурных компонентов другими, более дешевыми. Мы на такое не идем. Не можем себе позволить уронить марку. Что насасывает "Мишни" и остальной продукции, исконно нашей, выпускаемой "Красным Октябрем", — сохраняя традиционную рецептуру. Очень строго следим за этим! Стремимся, чтобы "было, как раньше" — вкус, качество. И, думаю, нам это удается.

— А положа руку на сердце, Анатолий Николаевич, можете сказать, кто из отечественных производителей делает лучший в России шоколад?

— Мне неловко отвечать на такой вопрос: некорректно будет, если я скажу, что наш шоколад самый лучший. А с другой стороны... если отвечу по-другому — получится неискренне. Лучше уж на других сошлись: понаплатили говорят, что шоколад "Красного Октября" внушнее всех других.

— Я также говорю, что ваш шоколад самый лучший. Ему, как мне кажется, и в подметки не годятся никакие "клубфи" или "сникерсы". Это даже Президент России отметил в одном из своих радиообращений.

— Я думаю, мы помогли Президенту в этом определиться. Когда была инаугурация Бориса Николаевича, мы выпустили первые 800 плиток шоколада "Президентский"...

— И поставили ко двору?

— И поставили во двор. Я был на инаугурации и видел реакцию на "Президентский" гостей: плитки шоколада буквально смели... А потом одна газет написала, что появился шоколад "Президентский", однако после торжественной церемонии в

магазинах его где-то не нашли. Сегодня мы уже поставили "Президентский" на производство. Так что теперь каждый может купить тот самый шоколад, что был на инаугурации российского Президента.

— Вы, говорят, и Клинтону шоколад "Красного Октября" дарите. И как — понравился он президенту Америки?

— Понравился. Билл Клинтон потом письмо данное нам приспал.

— Разве мы упомянули эти факты высоких президентских оценок российского шоколада, объясните, Анатолий Николаевич, изъясняйте, как оказалось возможным такое спрекциальное завоевание нашего отечественного рынка зарубежными фирмами? Вся эта продолжающаяся уже года три шоколадная экспансия "Марсов", "Сникерсов", "райских наслаждений" — "баунти" и прочих "милковьев"? Ей-Богу, просто за державу обидно! Разве можно их сравнивать с "Аленкой", скажем, или со "Сказками Пушкина", "Вдохновением", "Коньком-горбунком"??

— Да их и нельзя сравнивать уж хотя бы потому, что эти отечественные наименования и импортные шоколадные батончики с добавками начинки, изюма, орехов и прочих наполнителей — изделия разного класса. Если же говорить о шоколадах — российских и зарубежных... Мне, к примеру, известно, что во всех европейских странах при изготовлении шоколада широко используются заменители какао-масла, процент этих более дешевых ингредиентов высок. А в одной тонне наших шоколадов содержится до 900 миллиграммов какао-продуктов, мы не применяем дешевых заменителей.

— Но если отечественный шоколад лучше, "натуральное" западное, почему их фирмы проникают на российский рынок, а не наоборот? Может, все дело в их финансовых возможностях, позволяю-

и им вести такую рекламную кампанию, которая нашим производителям и присниться в пору общего экономического кризиса не может?

- Ну, во-первых, "наоборот" тоже идет процесс: в прошлом году только "Красный Октябрь" из 58 тысяч тонн произведенной продукции 3 тысячи продал за рубеж: в Германию, США, Израиль и Монголию. А во-вторых, все лучшие производители кондитерских изделий пришли к нам в Россию, такая мощная рекламная поддержка, столько шума! В прошлом году было продано около 160 тысяч тонн импортных изделий. Но для отечественного потребителя, в яркой упаковке, расхваливаемых на все лады рекламой — ну, как удержаться и не попробовать самому? А нас, россиян, почти 150 миллионов! Нет, этот "пробный этап" в последний год заметно пошел на спад; люди уже "напробовались", и чаша весов в покупательском спросе все более стала склоняться в сторону российских изделий — шоколада, карамели.

Что касается рекламы, вы правы, такого размаха, как наши западные фирмы-полиграфы, мы себе позволить пока не можем. Да и нужна ли нам именно такая рекламная тактика? Мы считаем, что наша маркетинговая задача все же иная. Например, сообщать соотечественникам о существовании в России фабрики "Красный Октябрь", согласитесь, просто излишне. Наша марка, качество изделий и практически все их наименования россиянам хорошо известны. Репутация "Красного Октября" на внутреннем рынке и на сегодняшний день остается очень высокой. Однако в условиях конкурентной борьбы — и прежде всего, монет быть, даже не с западными, а с нашими же, российскими производителями — хорошая рекламная кампания, конечно, необходима. И мы ее уже начали: специалисты одной из

известных фирм сейчас разрабатывают для нас ее стратегию и тактику, профессионалы из "Премьер-СВ" займутся изготовлением рекламы и ее размещением. Думаю, в сентябре-октябре начнем.

— У каждой западной фирмы, чью рекламу мы по многу раз за вечер видим по телевизору, есть определенный рекламный штамп — слоган. Народ их все наперечет уже знает: "Баунти" — "райское наслаждение", "Сникерс" — "сыт и порядок". А с чем станут ассоциироваться изделия "Красного Октября"?

— Вообще, наш принцип: "Традиции и современность". Мы хотим и будем производить истинно российскую продукцию. Известную и любимую нашими соотечественниками. Вот привык наш народ, что, раз обертка конфетки "уголком" завернута — это самый высокий класс. А если фантик "вперенругочку" — уже понима [ну, кроме разве что таких, как на "Трюфеле"]. Наш менталитет, никуда нам не деться от него. И, естественно, мы наши российские традиции продолжаем. А у нашей продукции совершенно отличия от западной идеологии. Мы не производим "фаст фуд" — "быструю" еду, еду на ходу, между делом. В России хорошая, дорогая конфетка — под праздничное чаепитие, под задушевный, неторопливый разговор пополнена. А не для того, чтобы пустой желудок набить — "сыт и порядок!"

Традиции — наша первая принципиальная позиция. А вторая — современность. Что означает прогрессивные технологии, перевооружение производства, увеличение объемов продукции при сохранении российских традиций качества.

— Но современное оборудование — это же огромные деньги, хватает ли?

— Сегодня часть прибыли уже удается инвестировать в производство. А несколько лет вкладывали только в оборотный фонд — только в

нега! Нас ведь, как и других вкладчиков, обокрали. Единицы и сразу! У нас не стало оборотных фондов – вот мы три с половиной года их и зарабатывали. Тот, кто об этих фондах не позабылся – прогорел. Зато мы сегодня уже монтируем очень мощную швейцарскую линию по производству шоколадной массы. Дорогая, конечно, но лучшая в мире. Самая лучшая! На три такие линии у нас 25 миллионов долларов. Но они того стоят: полностью компьютеризированное управление, никакого ручного труда! Планируем и перевооружение нашего конфетного цеха, будем больше выпускать таких конфет, как "Суфле", "Стратосфера"...

– Они, однако, – не из демесовых...

– Потому и дороги, что в полуручном режиме их производим. Избавимся от ручного труда, за счет автоматизации увеличим объем производства – упадут и цены. Как с "Мишкой" произошло. Два года назад мы выпустили в сутки всего три тонны этих конфет. Потом исследовали рынок – мало! Убедились, что "Мишка косолапый" – очень известен и популярен. Нулили супероборудование и теперь производим не три, а пятнадцать тонн. Естественно, снизилась цена. Но мы все равно виниладе не остались: очень рентабельный сорт конфет. Теперь наш "Мишка" есть практически в любом московском магазине.

– Анатолий Николаевич, после проведенной несколько лет назад приватизации ваше производство стало открытых акционерным обществом "Московская кондитерская фабрика "Красный Октябрь". Мне кажется, великий передел собственности в России очень многими гражданами еще до конца так и не осмыщен. Все происходило, как это в нашем Отечестве принято, по-революционному быстро. И ныне живущие попросту не в состоянии вполне осознать все реальные последствия "большой" приватиза-

ции и допущенных в ней, скажем так, ошибок для последующих российских поколений. Недавно я побывал в Самаре, попробовал тамошние конфеты: очень вкусные. Да и по своему детству память еще, что конфеты Куйбышевской фабрики всегда славились. И другу узнаю: контрольный пакет фаброчных акций там нынче принадлежит иностранцам...

– Да, этим производством теперь практически полностью владеет швейцарская фирма "Нестле"...

– Не может ли так случиться, что и наше национальное достояние – "Красный Октябрь" перестанет быть российским?

– Нет. В наши планы такое не входит. Стратегия "Красного Октября" – всегда оставаться чисто российским предприятием. Сегодня контрольный пакет акций принадлежит российским физическим и юридическим лицам. Это примерно 70 процентов собственности "Красного Октября". Лишь около 30 процентов находится у наших европейских партнеров. Это преимущественно инвестиционные фонды.

Так что политика наша проста. Во-первых, всегда быть чисто российским производителем. И во-вторых, – что является своего рода страховкой первой позиции, – сохранить контроль со стороны сегодняшней управленческой команды. Потому мы ведем наши дела на фондовом рынке таким образом, чтобы не допустить сосредоточения акций в чьих-либо одних руках.

– А что, были подобные попытки захватить "Красный Октябрь"?

– В 1995 году нас пытались купить крупный банк. Он объявил тогда на нас "take-over" – то есть предпринял попытку "недружественного поглощения". Хотел выкупить 51 процент наших акций, однако у него ничего не вышло. Мы сумели отстоять свою независимость.

Нас многому научил 1994 год, когда, еще не вполне оправившись от потери оборотных фондов, мы стремились найти стратегического инвестора, продав 20 процентов акций "Красного Октября" и 51 процент акций нашей новостройки – новой фабрики в подмосковной Ноломне, ее строительство только начиналось. Мы вели переговоры, к которым проявляли интерес крупные фирмы. Но из всех переговоров мы поняли только одно: никого не интересуют 20 процентов, они воспринимаются серьезным стратегическим инвестором лишь как ступенька к его дальнейшему интересу в 50 и более процентов. Все в конечном итоге имеют в виду получение контрольного пакета. Торг на тех условиях не состоялся. И слава Богу, что не состоялся! Свои 20 процентов мы тогда все же продали – их купило московское правительство. Фабрику в Ноломне достроили своими силами. В этом году, в сентябре, она должна начать свою работу. А в своей политике на фондовый рынке мы перенеслись на западных, так называемых "портфельных инвесторов" – инвестиционные фонды.

– А какой их интерес?

– Самый прямой и выгодный им. Очевидно они купили наши акции по 6 долларов за штуку. Через год акция "Красного Октября" стоила уже 12 долларов, а еще через год – 18. Эти фонды получают хорошие деньги. Растут наши акции – растут антицы фондов. Нет, их управляющие получают за то от своих акционеров очень хорошие премии.

– А сейчас сколько стоит акция?

– В июне цена покупки была 22,1 доллара.

– Работники "Красного Октября", конечно, являются и акционерами-собственниками. По какой же цене они приобретали в свое время акции?

– Они при приватизации покупали акции за 1700 рублей. Причем расплачивались при этом не из своего кармана. Был организован специальный приватизационный фонд, куда отчислялись деньги из прибыли. Нанды имел свой лицевой счет.

– Фабрика в Каламне – ваше dochнее предприятие?

– Это наш цех. Дело в том, что мы уже несколько лет формируем специальную группу предприятий. В группу входит и Рязанская кондитерская фабрика, контрольный пакет которой мы купили в 1995 году, и сегодня 97 процентов их акций принадлежит нам. Она, как и Ноломенская, теперь работает уже как цех – это удобнее и с точки зрения налогового законодательства. Поскольку между двумя юридическими лицами, даже если они являются материнскими и дочерними, все равно идет стопроцентный расчет по всем встречным налогам. А сейчас счет у нас общий, наши финансовые потоки идут между головным "Красным Октябрьем" и его цехами централизованно и непрерывно: сырье передается по себестоимости, поставка в цехи полуфабрикатов налогами не облагается... И еще у нас есть пакет акций тульской фабрики "Ясная поляна". И в Тамбове имеется интерес. Пока эти производства действуют самостоятельно. Но опыт с Рязанью убеждает, что "цеховая модель" все же более удачна. Ну посудите сами: лишь за первое полугодие наш рязанский цех увеличил объемы производства в два раза!

– А за счет чего произошел такой резкий рост, как вы думаете?

– Тут и особых раздумий не требуется: заработало имя "Красного Октября". Рязанская продукция стала выходить с его маркой. И, значит, – с гарантией качества. (Гарантия эта, к слову, нами обеспечивается и тем, что рязанцы проходили переобучение, повышали профессиональную квалификацию у нас в Москве.) Се-

годня отсутствие известного имени – проблема многих мелких предприятий. Вот почему сейчас в России идет консолидация многих малых производств вокруг больших предприятий.

– Анатолий Николаевич, вы с большим уважением говорите об управляемой команде "Красного Октября". Она действительно "лучшая из лучших"? Вы, производители, любите приводить производственные показатели...

– Ну а чем не прекрасные показатели: "Красный Октябрь" сохранен как чисто российское производство; акции его непрерывно растут; производство расширяется; качество продукции по-прежнему высокое. Есть и вполне объективные, сторонние оценки профессионализма нашей управляемой команды. Журнал "Эксперт" провел опрос ста директоров крупных предприятий, и в рейтинге успешности управляемой деятельности мы заняли первое место, опередив в этом многие известные бани и фирмы.

– Слышал, эта ваша замечательная команда сложилась еще в советские времена?

– Да, первый опыт работы в рыночных условиях получили еще в 1988 году, когда был организован кооператив. Эта уникальная в то время форма была придумана еще при плановой экономике. Все наше предприятие в полном своем рабочем составе выходило в субботу и работало как кооператив. В пятницу люди уходили, снимали остатки, поскольку было два баланса, две бухгалтерии, раздельные кладовые. А вернувшись в субботу, принимались за "параллельное" производство. То есть фактически работало два предприятия. Продукция кооператива продавалась по госценам. Мы не могли поступать иначе, потому что сырье закупали по государственным ценам. Но то, что в кооперативе не было никаких ограниче-

ний по заработной плате, позволило нам платить людям 35 рублей за нанесенную отработанную субботу. У нас очередь стояла на работу в кооператив.

Появился всплеск самостоятельности. Мы сами продавали нашу продукцию. Сами планировали производственную программу. Очень помог нам в ту пору Юрий Михайлович Луннов. Он активно нас поддерживал: сам талантливый производственный и управленец, он прекрасно понимал общественную выгоду такой организации производства – в условиях тотального дефицита мы, работая в субботу, выпускаем дополнительную продукцию, которую продаем по госценам. Потому и теперь у нас с московским правительством хорошие отношения, и потому город сегодня – наш клиент. История, за счет того кооператива мы смогли увеличить объем производства на 7–8 процентов:

– То есть вы учились рынку вместе со всеми, проходили его "университеты" вместе со всей страной... А скажите, пожалуйста, вы сейчас ставите новую линию – это означает, что в магазинах появятся совершенно новые сорта конфет с маркой "Красного Октября"?

– С новым оборудованием прежде всего связываем планы увеличить выпуск наиболее известных конфет высшего качества. Традиционно наших, краснооктябрьских. Например, "Суфле" – его, кроме нас, практически никто не делает. Это – наша собственная, официально зарегистрированная торговая марка. Вообще, мы уже около 90 процентов всего нашего ассортимента защищили.

– А "Мишку"?

– И "Мишку" тоже. Правда, в случаях, подобных этому, не все так просто: очень трудно дается защита авторского права на те сорта, рецептура которых была свободно опубликована и широко использовалась практически всеми. С "Миш-

кой" то ведь работали многие фабрики. Причем даже его этикетка являлась единой для всех производителей. Было время такое — всеобщей унификации. Требовали, чтобы все работали одинаково.

— «Красный Октябрь», часам, не собирается сменить свое боевое, давнее ему революционное имя?

— Нет. Это нецелесообразно даже с коммерческой точки зрения. Когда в 1922 году эту фабрику назвали «Красным Октябрем», то до 30-х годов покупатели по-прежнему называли ее Эйнемовской. Так что долгое время даже на конфетных обертках (хотели того большевистские власти или нет — с рынком не поспоришь!) после слов «Красный Октябрь» приходилось в скобках добавлять «бывшая фабрика Эйнема».

Менять название — это очень дорогое удовольствие. Это же надо по новому «раскручивать» имя, марку. Или писать в скобках — бывший «Красный Октябрь». Спрашивается,

зачем?.. Да сейчас, пожалуй, ни у одного российского человека название известной кондитерской фабрики уже и не вызывает ассоциаций с чем-то революционным. Ну а иностранцы и вовсе очень положительно воспринимают наше имя. Когда на нас шла «банковская охота», вся западная пресса щупила на эту тему: «Идет охота за «Красным Октябрем»..

— Анатолий Николаевич, вы сами-то сладкое любите? Когда были ребенком, наоефное, как и все дети, хотели стать директором шоколадной фабрики?

— Нет, не было у меня в ту пору такой мечты. А сладкое любил всегда. Я ведь ребенок военных лет: сладкого детям немного тогда перепадало. Только по большим праздникам. Давали нарамельки или подушечки, обсыпанные сахаром. По две-три, по одной...

Беседу вели СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ.
Фото ИГОРА ЯКОВЛЕВА

✓
Лицем человек тот, кто больше всех старается совершенствоваться, и счастливейшим является тот, кто всего сильнее чувствует, что он действительно совершенствуется.

Сократ

ИГОРЬ ГАМАЮНОВ

Семейные разборки с битым, как и домашнее пьянство, у нас не принято осуждать всерьез. Но сейчас, когда выстрелы в подъездах и взрывы в автомобилях становятся жутковатой обыденностью, поневоле задумаешься: а не прорастают ли вначале семена этого тотального насилия именно в семье?

Из диктофонной записи:

„Мы познакомились в нашем курортном городке, на дискотеке, когда все мои подружки уже повесили замок. Мама тогда твердила: ‘Смотри, сейчас мужа не найдешь, потом труднее будет’ Всехухой оставаться не хотелось, и я подумала: ну и пусть он простоватый парень, зато оторвал жизни. Да и у меня ведь педагогическое образование, дома много книг – подтяну его до своего уровня. Вот так и выскошла замуж”

Первый раз он чуть не убил ее зимой, когда младшему не было и года.

В тот вечер Петр привел домой друзей, таких же водителей-дальнобойщиков. Много пил. Хвастался женой, играющей на пианино. Потребовал сбрасывать что-нибудь плясовое. Она села играть.

Петр топал посреди комнаты, изображая четвертую, в серванте звенела посуда, отяжелевшие приятели, не вставая, осоловело подбадривали: “Давай-давай!” В конце концов Ирина не выдержала – ушла в соседнюю комнату, к сыновьям. Муж распахивал дверь, звал, но ей тошно было видеть пьяные лица. И гости постепенно разбрелись.

Она мыла посуду на кухне. Петр сидел тут же, курял, давя очурки в тарелки с салатом – злился.

– Ишь, гордая! – говорил с ненавистью, встряхивая крупной головой с нечесанными кудрями. – Брезгуюшь нами, значит.

– Устала я, – вяло отговаривалась Ирина, зная – спорить с ним сейчас бесполезно.

– А я не устал? – повышал голос Петр. – Потрясишь с мое за баранкой, да еще ночью, когда того и гляди пристрелят, чтоб машину угнать.

– И тебе отдохнуть надо, – соглашалась Ирина, – возьми неделю

за свой счет, повдем к маме, на море, всего-то два часа езды.

- Да пропади она пропадом, твоя мамаша, вместе со своим морем, - нанялся Петр, - опять стечет в нас книжки тыкать, будто я малограмотный.

- Не будет, я ей скажу. Ты же знаешь, она вела в школе младшие классы, и сейчас, на пенсии, делает это по привычке. Ты там с ребятами в море покупаешься, в дендрарий съездишь.

- Конечно, с твоей мамашей съездишь, - язвительно продолжал Петр, теперь уже ненавидя жену вместе с тещей. - Пристанет: здесь газда вбей, тут почини, там иран потен... Чинилышка на халву нашли!. Никакого отдыха! Я, что, мало работаю, да? Мало денег притаскиваю?

- Не мало, Петя, - пыталась успокоить его Ирина и по привычке добавила: - Только трати не осмотрительно.

- А? Трачу? - Он вскочил, заметившись по тесной кухне от окна к двери. - А на чьи рубли ты вчера себе духи купила? Неужель на свои, библиотечные?

- Духи самые дешевые, и фланон пробный, как детский мизинец, - оправдывалась Ирина. - Потом, я ведь женщина...

- Меня упрекать вздумала - с друзьями пью, - не слушая ее, кричал Петр. - Да ты без меня с пациентами загнулась бы! Кому ты со своими книжками нужна. Сонратят, будешь полы мыть, если вообще концы не отдашь!

В его голосе слышалось злорадство, и тут Ирина не выдержала.

- Наной же ты хам! - вырвалось у нее. - Бесчувственный, тупой хам.

Тарелка высокользнула из ее рук, разлетевшись на полу вдребезги.

- А? Хам? - Петр остановился возле жены, словно запнувшись. - И потому ты мою посуду бьешь?!

Он ударила ее по щеке так, что она отскочила, чуть не упав.

- Хам! - снова крикнула Ирина, уже не помня себя.

И Петр, вцепившись в горло, стал душить ее.

Она хрюкала, пытаясь разнять его руки, синела лицом, конвульсии пробегали по ее щуплому телу, когда в кухню вбежал их старший, девятилетний Вадим, с хрустальной вазой в руках и тянуть тянул ее отца в затылок. Петр медленно осел на пол, мотая головой, будто его укусила оса.

Второй раз это случилось летом.

Они были одни - старший гулял с младшим во дворе, когда возникла ссора, и в открытое окно вырвался на улицу пронзительный крик Ирины. Дверь была не заперта, к ним вбежала соседка, увидевшая, как дергается под массивными нулаками Петра ее хрупкое тело, распластанное на диване.

На этот раз пришлось звонить в "скорую" - Ирина была без сознания. Врачи сказали, что она упала с подоконника, протирая стекла. Тот дал ей понюхать нашатыря, остановил носовое кровотечение, велев менять на лице влажное полотенце, и уехал.

Милицию соседка вызывать не стала, Петр, опомнившись, уговорил ее - дело, мол, семейное. Но разговоры по их небольшому городку все-таки пошли. "Бывает, значит любит", - говорили одни. "...Если бывает не до смерти", - резонно дополняли другие. Но никому и в голову не пришло вмешаться - ведь до сих пор семейное битье у нас считается делом обыденным...

Третьего раза Ирина ждать не стала - подала на развод.

Из dictaphonной записи:

"...Спохватилась я, когда первого родила. Вначале глаза застилала влюбленность, не все замечали...

парень он был видный — кудрявый, словоохотливый, это сейчас раздался, живот опустился. Так вот, после рождения первого трезвым он домой не приходил. Всегда находился. И нет, чтоб ребенком или хозяйством заняться. Приведет компанию и давай бражничать.

Мызначале здесь, у моря, жили, потом в его городок перебрались, когда там квартира освободилась: ее занимала мать Петра, разведенка, торговавшая в ларьке; она вдруг вышла замуж, переехала к супругу на соседнюю улицу, а нам свою жилплощадь оставила...

Петр, я думаю, стал таким, потому что рос без отца. Его мать, женщина бесцеремонная и вспыльчивая, в детстве била его. Рука у нее, как он сам признавался, была тяжелой...

Разводить их с двумя детьми не торопились. Судья, женщина пониная, осундающе начала головой, увещевая Ирину в предварительной беседе:

— Потерпите, он с возрастом изменится. Все-таки двое детей.

— Я тоже так думала, — отвечала Ирина, — пока не родила второго. Он не любит детей. А меня временами ненавидит. Я его раздраю, особенно, когда мы долго вместе. Думаю, мое присутствие он воспринимает как упрек в собственной неразвитости.

— И нам же столько лет вместе? Неужели постель вас не примиряла?

— Нет. Оказалось, он сам пьяный признался, его идеал — полная женщина, а я, видите, худая. Но разводиться не торопился, потому что ездил в длительные командировки, ему, по его словам, и так было хорошо.

Им дали два месяца на размышление, и когда Ирина пришла на суд, то обнаружила: та судья, с ко-

торой она так сердечно беседовала, сейчас в отпуске.

Разводил их мужчина, нудист постоянно спаивший, путавший имена и адреса. Он, как выяснилось, был завален судебными делами. И еще — сюрприз: квартира, в которой они жили, оказалась приватизированной мужем только на его имя, а временная прописка Ирины (она не хотела насовсем выписываться из родительского дома) не имела никакого значения.

Словом, их развели, и она осталась ни с чем в чужой квартире, которую муж с помощью матери, разбирающейся в этих делах, быстро продал. Потом, уже оненчатые, переехав к маме, в свой курортный городок, Ирина узнала через знакомых: ее бывший муж на пьяной гулянке дал ниятву собутыльнику, что не заплатит "этой фифе" ни рубля алиментов.

И в самом деле, прописавшись у матери, он жил то в Краснодаре, то в какой-то станице, где засел себе зазнобу. Постоянно менял место работы, ссыкаясь от путешествующего по его следам исполнительного листа. По-прежнему гонял по российским дорогам тяжелые машины с различными грузами. Но время от времени появлялся на рынке города, где жили его бывшая жена и два сына.

Оставив машину напарнику, Петр на маршрутном автобусе добирался до окраинных пятитысячников, лепившихся на крутом склоне, и, подбрав кудри под надвинутую на глаза блинообразную кепку, находил нунечный подъезд. Подсаниваясь к подслеповатой старушке, сидевшей там на скамье чуть ли не в любую погоду, высматривал об Ирине и мальчишках.

— Тяжело живут, — вздыхала старуха, — Ирина на трех работах: воспитательшей в доме отдыха матери

и ребенка, краюн музыкальный ведет в доме культуры, да, говорят, там не еще и полы моет. А денег нет третий месяц нигде не дают. Да не пособия детские — и те где-то держат, тут у нас матери-одиночки испанались все...

— Значит, все-таки моет?.. — уточнял Петр, торжествующе улыбаясь — Ну что ж, спасибо!.. ба-бах, за информацию.

И вставал, прощаясь:

— Да ты сам-то кто будешь?

— Я? — откликался уходивший Петр. — Да так, приятель бывшего Ирининого мужа. Просил привет передать.

Старуха встремленно подымалась, семенила за ним, ирича вслед:

— Забыла сказаться: Иринину мать, Веру Федоровну, паралич разбил, речь потеряла, второй год уж жон не встает.

— Это ты мне еще в прошлый раз сказала, — нивал ей Петр, быстро сворачивая за угол.

Там, в кафе-стенляшне, давали на разлив спиртное. Он заназывал фильтр коньяка "Арагви", садился, сняв кепку, опрокидывал в себя золотистую жидкость и, зевая пиджаком, бормотал, по-прежнему улыбаясь: "Значит, полы моет". И мотая кудрявой головой, тихо смеялся.

Выходил он оттуда в приподнятом настроении. Шел по круто спускающейся к морю улице, мимо чугунных изгородей и запущенных савров, окружавших здания здравниц, в последние годы полупустые даже в летний сезон и потому влавчившие нищеское существование. Не замечал Петр, как, прячась за прохожими, нрадется следом подросток в надвинутой на лицо кепке с длинным нозырном, в потертом тесноватом пиджаке, так что руки, торчавшие из коротких рукавов, ему приходилось держать в нармаках.

Преследователь незаметно втихомодействовал в автобус, на котором приезжал Петр, затаившись среди пассажиров на задней площадке. Затем выходил за ним у местного рынка, и, подойдя к рефрижератору, где Петр окликал своего напарника, тут же торговавшего яблокаами, внимательно осматривал всю машину, заглядывая зачем-то под нее.

Из dictaphonной записи:

...Когда я поняла, каким нелепым оказалось мое замужество, то постаралась разгадать: и он, Петр, зачем на мне женился?. Спросила как-то его, вышившего, он в таком состоянии почти всегда откровенен. И услышала: из любопытства! Оказывается, я ни на одну из его прежних знакомых не была похожа. И, смеясь таким, знаете, нутряным смехом, когда все тело трясется, добавил: "А потом понял, что в тебе только кожа да кости, которыми ты бренчиши на пианино". Так он шутил.

По наивности я надеялась, что вернется из очередной командировки, соскучившись по дому и сыну, и все пойдет по-другому. Он действительно приезжал как-то освеженный, на меня иначе смотрел, будто с кем-то сравнивал, и я в конце концов догадалась: во всех его поездках у него были разные женщины. В основном — сельские. Очень доверчивые и, видимо, как он сам выражался, "крупногабаритные". Я, надо полагать, рамообразила его интимные приключения своей "малогабаритностью". Может, поэтому он не торопился разводиться, хотя я после его возвращения из очередной командировки довольно быстро ему надоедала, а потом начинала все больше раздражать.

У некоторых женщин, как я потом узнала, он останавливался на

несколько дней. Пил, гулял, обещал жениться. Даже детей заводил. Тут как-то из одной станицы темка с ребенком приехала — через милицию разыскала. Пыталась в суд на алименты подать... Вот стыд был! А ему хоть бы хны.

Только сейчас я окончательно поняла: он несчастнейший человек! Вырос без отца, при властной матери, которую, видимо, боялся. Вырос без любви к своему дому. Понимаете, он болен бездомием! Он неспособен создать семью, и, отправляясь в свои дальние рейсы, плодит таких же, обреченных на безотцовщину, детей... Он как бы запрограммирован уже на это — увеличивать на земле число таких же неприкаянных и несчастных, как он сам, способных самоутверждаться только в сексуальных подвигах. Поэтому он вокруг бывает мелочен, обидчив, зол...

Вы, конечно, спросите, зачем я от него второго сына родила... Знаете — случайно... Вернулся он из поездки — веселый, доброжелательный... Ну, думаю, наконец-то... Недело был ласков. А потом опять поскучнел, приидти стал, пить... И опять уехал. Я поняла, что в положении, решила: сделаю аборт. Тут он возвращается — снова веселый, кудрями трясет, улыбается... Я опять понадеялась, что все изменится. Ну и — сроки пропустила. Пришлось рожать...

Он же подумал, что я вторым сыном решила его привязать к себе — навеки. И стал еще больше на меня злиться... Привязать его детьми невозможно, он к ним равнодушен настолько, что, я уверена, лиц их не запоминает. У него много детей растет по станицам, он их даже не проводывал, хотя при случае, пьяным, похвастаться их числом любил... Называл — 12, то ли 14.

И вот вам пример: каждый год он приезжал к нам в город, ходил к нашему подъезду высматривать,

достаточно ли тяжело я живу, даже не пытался посмотреть на лица своих детей!. Он мстил мне за все: за свое траумированное детство, за свою несостоявшую жизнь, за то, что я не такая, как он сам. Он был одержим этой жестостью, а про детей не помнил. Они могли бы встретиться ему на улице — он их наверняка не узнал бы.

...В тот год ноябрь на побережье стоял такой же теплый, как начало сентября. Но отдыхающих по прененному было мало, здравницы пустовали, их сотрудников отправляли до весны в неоплаченные отпуска.

Ирину не отправляли, жалели — двое детей, парализованная мать. Но и денег не платили. Никаких зарплат, никаких пособий. Банк не выдавал. Директор их дома отдыха выписал ей из каких-то "левых" материальную помощь — 55 тысяч рублей — с тяжелым вздохом: "Все, что могу".

В доме культуры, где она вела платный музыкальный кружок, ей сказали: "Родители предлагают или работай в долг — потом отдадут, или они забирают детей, и кружок закроется". Она предпочла работать в долг. За мытье полов ей тоже обещали заплатить попозже, но тут было легче: половину работы делал сын Вадим, крепкий паренек которому завтра должно было исполниться 13 лет.

Его день рождения был для Ирины и праздничном, и муной. Денег не хватало ни на сиромый подарок, ни на угощение гостей. Но высматривая из загашников последние рубли, занимая у соседей, она отмечала этот день всегда, с фанатизмом человека, верившего, что именно такие, домашние праздники растят в детях чувство дома.

Накануне этого дня, получив грошовую материальную помощь, она решила сходить на рынок за зе-

льно. Но вначале позвонила дочь. Вадик снял трубку.

- Бабушку понормил?

- Да. И простыни сменил.

- Ну, мог бы меня дондаться.

- Ничего, бабушка легкая, мы ее с Оленной запросто двигаем.

- Где сейчас Олег?

- Во дворе, с ребятами.

- А хмурый ты почему?

Пауза. Его тягостное молчание Ирина легко разгадывала.

- Что, опять отец наведывался?

- Да. У бабы Анюты про тебя расспрашивал, я в окно видел.

- Подумаешь! - с деланным смешком сказала Ирина. - Соскучился.

- Не соскучился, - упрямко возразил Вадик. - Его интересует, можешь ли ты полы, так баба Анюта сказала. Он радуется этому, понимаешь?! Он потом даже в стенляшке конык пил - праздновал. Я сам видел...

- Бог ему судья, сынок.

- ...Он опять машину яблон на рынок привез.

- Ну вот, я как раз туда собралась принести чегонибудь.

- Не ходи. Увидит - подумает, будто ты пришла деньги просить.

Ирина пообещала зайти только в магазин, но ноги сами привели ее на городской рынок.

Она увидела толпу покупателей у длинной машины, ящики с крупными сочными яблонами, бывшего мужа - у весов. Он балагурил, отпуская товар, окидывая всех насмешливым взглядом. Остановил глаза на ней, что-то сказал напарнику. Подошел. Был он явно навеселе.

- Соскучилась? - встремившаяся кружкой головой с нечесанными кудрями, спросил Ирину.

- У Вадима завтра день рождения, - тихо произнесла она.

- Ха! Ну и что? - Петр засмеялся.

- У меня таких Вадимов пол-России! Хочешь, я ему яблочно подарио?

Она повернулась, пошла, слыша за спиной его смех.

Дома, упав на диван лицом в подушку, Ирина давилась от рыданий, и Вадим, тряся ее за плечо, бормотал:

- Мам, я же говорил - не ходи на рынок!

А к вечеру он исчез.

Рынок пустел и заныпался примерно в шесть часов, но машина с яблонами стояла за его воротами, и потому толпа покупателей не редела.

- Видно, сегодня занончим, - сказал напарник Петру.

- И отчалим, - немедленно отозвался улыбчивый Петр. - Тут, за перевалом, в станице, меня подруга ждет. У нее заночуем.

- А что там за пацан у набины вертится? Не твое ли отродье?

Петр прошел вдоль машины, увидел вылезающего из кабинки паренька в надвинутой на лицо кепке с длинным нозырьком и криннул:

- А ну стой, говорить будем! Зачем в кабину лазил?

Но подросток метнулся в незакрытые ворота рынка. Гнаться за ним не хотелось, и Петр ограничился тем, что проверил, все ли в кабине на месте. Захлопнув дверцы, вернулся.

- Хулиганья развелось, - пожаловался напарнику. И тут же покупателям: - Ну, бабоньки, понивей, без сдачи, нам ехать надо.

Они ехали уже в сумерках, петляя по серпантину в гору, мимо пятиэтажек, где жила Ирина со своими сыновьями и парализованной матерью, оставляя за собой беспристрастно-молчаливую, тускнеющую громаду моря, а внизу - горсточку городских огней, когда в кабине раздался грохот. Взрывом разворотило левое сиденье, поноренило руль, выбило стекло.

Петру, сидевшему за рулём, оторвало ногу и рассенено нижнюю часть туловища - по мнению врачей

он скончался почти сразу от болевого шока. Его напарнику повезло больше – ему повредило лишь легкую руку, и он пришел в себя только в реанимации.

Специалисты по взрывам пришли к выводу, что безоболочковое взрывное устройство, подложенное под сиденье водителя, равнялось по силе 200 граммам тротила и приводилось в действие, по-видимому, радиосигналом.

Следственная группа, обследуя сползший в кювет полуобгоревший рефрижератор, среди множества мелких обломков обнаружила в кабине прогнувшуюся металлическую авторучку с аннуратно выцарапанным на ней именем и фамилией: "Вадим Нойда".

Следователям не составило труда установить, что у погибшего Петра Нойда в этом городке живет сын, которому на следующий день после взрыва исполнилось 13 лет, что он лучший ученик в классе, больше всего любит химию и физику, увлечен радиотехникой и даже ходит в любительский кружок в ДН, и что постоянная его игра, которой он пристрастил младшего брата Олега – это движущиеся радиоуправляемые предметы.

Но ни чертежей со взрывными устройствами, действующими по радиосигналу, ни соответствующих материалов, из которых эти устройства монтируются, обнаружить не удалось. Ни у него в доме, ни в номнате ДН, где занимался кружок.

На вопрос, как могла его авторучка оказаться в кабине водителей, Вадим отвечал просто и четко, будто заучил слова наизусть:

- Я ее там нечаянно выронил.
- Но как ты оказался в кабине?
- Я думал, что отец дернит в ней свой кошелек с выручкой, и хотел взять, так как за четыре года он задолжал нам много денег. Но кошелек оказался у него на поясе.
- А ручку зачем с собой брал?

– Хотел оставить записку о том, что я, его сын Вадим Петрович Нойда, конфисковал выручку в счет долгов. Только начал писать, а тут шаги. Гляну – он идет. Нинуся и набины и ручку уронил...

С Вадимом беседовали в инспекции по делам несовершеннолетних, куда я заходил в дни своей командировки, интересуясь подростковой преступностью. Беседовали и в прокуратуре. Причем всегда присутствии матери и психолога криминалиста, как, впрочем, и положено.

Но ни разу у Вадима не дрогнул голос, ни разу он не опустил взгляда.

Он очень похож на отца, которого я видел на цветной фотографии: такая же круглая голова, темные вьющиеся волосы, серые, почти голубые глаза, короткий ровный нос, слегка припухшие, обещающие быть чувственными, губы, снятые сейчас волевым усилием в наполовину ровную линию...

Из dictaphonной записи:

"Я не хотела бы, чтобы из моего сына вырос человек, восстанавливающий справедливость силы. Потому что соразмерить силу бывает трудно, и то и невозможно. И тогда начинается произвол. Очень не хотела бы!.. Ведь и так в нашей жизни сейчас много насилия..."

...Ее старший сын по-прежнему учится в школе курортного города, который я не называю по просьбе Ирины, рассказавшей мне на dictaphon семейные подробности своей жизни (таким было ее условие). Вадим играет с младшим братом, помогает маме ухаживать за парализованной бабушкой и моет вместо мамы полы в соседнем доме культуры.

Но на учет в инспекции по делам несовершеннолетних его взятки поставили. На всякий случай.

Когда молния в темноте врезается желтом божьим,
Успевашь отметить, что пахнет паленым – спорим?
Эта молния входит в тебя, как в ножны,
А когда выходит, ты пускай изнутри и черен.
Как чужой сигаретой в шутку промаженный шарик,
Осадаешь на землю, в которой напрасно копни
Молния ищет, при выходе к деревьям. Шпарит
Дождь по пятам – тоже кажется черным.
Больше ведь ничего на свете не изменилось.
Ты обнаружишь это сразу, как только встанешь.
Станут глаза твои черными, как чернила,
Котофьмы, может быть, ты след по себе оставишь.
Будут от этих глаз матери прятать младенцев.
Ты им не объяснишь, что гроза уже миновала,
Что в той же мере зрачки принадлежат владельцу,
Как после бомбардировки на месте домов – провалы.
Ты притешишься вскоре, что пахнет горячим мясом,
Что к утру под ногтями всегда выступает копоть,
Что до самой смерти ты не был живым ни часу.
Но когда ты умрешь, у тебя уже будет опыт.

Овраг, по горло заросший
Татарником и пальмами.
Внизу – дубовая роща
И кленов хвостины пальмы.
Ворон, несомый ветром,
Битый дождем и градом,
На тысячу километров
Зовет эту местность адом.
Зачем-то она измата,
Как старый кусок атласа.
Без сапог и без мати
Не выйдешь из этой массы
Холмов и озер наволных,
Переходящих в реки,
Коровников каматовых,
Буряна в рост человека.
Стадо ушло. Лишь некий
Дохлый теленок в луже
С конечностями калеки.
Но могло быть и хуже.
...Как опальные храмы –
Длинные крыши, сваи –
Устроив пейзажу раму,
Остовы стоят по краю
Обрыва с шелковым склоном,
С белыми черепачами
Дождевиков, шампиньонов –
И с другими грибами.
Я их собираю. В поле
Полно росы и колочек.
Нам правду твердили в школе,
Что все-таки это – лучше.

ПОСЛЕДНЯЯ
ЛЮБОВЬ

ДАЙР

ЛЕВ НАНЕВСКИЙ

Байрон не принес счастья ни одной женщине, и сам никогда не был счастлив в любви. И не мог быть. Любовь для него всегда была, казалось, воплощением зла, общественным скандалом, который выставлял его в глазах всех "отчаянным глупцом". Он часто прилавался, что в переменчивости, непостоянстве, ветрености виновата сама любовь, так как "она постоянно наводит на него скучу". Конечно, как поэт, он иногда испытывал искренние, сентиментальные чувства к обожаемой им на время женщины, но всегда в такой момент напускал на себя холдок дендизма, чтобы не раскрыться до конца, уйти подальше от неудобных для его натуры возвышенных чувств.

Этим частично объясняется его ненасытная жаждда активной деятельности, стремление к кочевой, биувачной жизни. Зачастую он использовал это лишь в качестве предлога, чтобы покинуть женщину, которая вызывала у него лишь откровенную зевоту и типичный английский сплюх. Он причинил женщинам много зла, но никогда не винил себя в этом.

Вот два изречения, которые характеризуют его как волокиту, Дон Жуана и женоменавистника. Одно из них принадлежит Анри Стендalu, который однажды случайно оказался в одной ложе с Байроном в миланском театре *Ла-Скала*. Вот как описывает он английского поэта, слушающего божественную итальянскую классику: "Меня прежде всего поразили глаза лорда Байрона. Мне никогда прежде не приходилось видеть более прекрасных глаз.

Стояло любой неприступной красавице увидеть его в этот момент, ее наверняка тут же охватила бы воспоглощающая, клокочущая страсть".

Автор второго — знаменитая женевская "сочетская львица" и писательница мадам де Сталь, которая

ОНА

Драмы великих сердец

в ответ на издевательские подиачки со стороны Байрона воскликнула: "У этого человека как раз столько чувственности, чтобы навсегда лишить счастья любую женщину!"

До сих пор литераторы спорят, каковы же были причины настоящей бури в общественном мнении пуританской Великобритании, заставившей поэта навсегда покинуть родину. Одни винили коварную супругу Байрона Аннабель, другие упрекали его в преступном инцесте с двоюродной сестрой Огастой (разве не от него у нее родилась дочь Медора?), третьи ставили ему в вину неукротимый, математический, свойственный всем великим поэтам дух, постаянную, терзающую душу между свободы... Но как бы там ни было, Англия стала для него чужой страной. После короткого пребывания во Франции и Швейцарии, он нашел, наконец, приют в прекрасной Италии.

"Моя судьба — возвращение на Восток, — писал он через несколько лет после своего первого визита в Италию. — Да, я просто должен вернуться, чтобы там умереть. Тяжела моя судьба..."

Он был суеверен, и будущее для него определялось расположением звезд, различными предзнаменованиями, как добрыми, так и дурными. Он всю жизнь помнил слова известной предсказательницы мисс Уильямс, которая предрекла, что 27-е и 37-е годы жизни будут непременно фатальными для него. Она не ошиблась. Позже женился в возрасте 27 лет, и этот брак принес ему множество страданий, а в 37 умер в Греции от лихорадки.

Венчание было уготовано самой судьбой стать тем местом, где возник последний любовный роман великого поэта. После стольких недостойных шалостей и интрижек поэта, наконец, познакомился с женщиной широкой души и горячего сердца. Она долгое время оказывала на поэта влияние. Но, как и все предыдущие женщины Байрона, она была связана узами брака...

ЮНАЯ ТЕРЕЗА

Как все девочки из знатных семей, графиня Тереза Гамба воспитывалась в монастырских стенах. Когда ей исполнилось 16, родители подыскали дочери жениха на сорок лет старше ее — графа Гиччиоли.

После заключения брака "молодожены" с первого дня спали в разных постелях, а Тереза, обращаясь к своему супругу, называла его "monsеньор".

Граф Гиччиоли был приятным на вид, культурным и образованным стариком. К тому же отличался неиссякаемым остроумием, водил дружбу со знаменитым итальянским поэтом и драматургом Витторио Альфьери и слыл большим поклонником и патроном театра. Злые языки поговаривали, что этот милый и обаятельный человек отправил в лучший мир свою первую жену и убил конкурента Манциони, но ведь у любого человека есть "недостатки", тем более у самого богатого в Романье предпринимателя.

Его вторая супруга, взбалмошная, непоседливая, с изрядной долей тщеславия девочка получила по тем временам солидное образование. За годы обучения в монастыре она неплохо изучила красноречие и риторику, могла вести продолжительные ученые беседы о творчестве великих итальянских поэтов Данте и Петrarки, знала наизусть множество стихов, цитировала на память

большие отрывки из сочинений латинских историков, к тому же не плохо рисовала и отличалась, если судить по ее письмам, изящным, зрелым литературным слогом.

Первые месяцы взаимоотношения между "молодоженами" не были омрачены ни единым пасмурным облачком.

Ее письма к супругу пропитаны пусть и притворной, но отлично замаскированной нежностью и любовью — не придется! Но вскоре в ее корреспонденции появляются совершение иные нотки: граф Гиччиоли оказался "жалким, скаредшим старцем, который постоянно выслушивает ее перед слугами".

Их брачный союз стал давать первые заметные трещины, и Терезу теперь удивляли некоторые "экзентричности" и его "странные привычки".

Короче говоря, хотя юная графиня могла с полным правом похвастаться годичным "стажем" верности, — что убаюкивало графа, заставляло постепенно утрачивать зоркую бдительность, — Тереза понимала, близится время, когда ей придется взять любовника. Но... Одно дело выскочить, не раздумывая, замуж ради обретения свободы, и совершенно другое — выбор любовника. Здесь недопустимы ни суета, ни торопливость — такая задача требуетзвешенного, здравого размышления. И вот в эту "историческую" минуту на ее горизонте появился лорд Байрон, которому его "Чайльд Гарольд" уже принес широкую известность...

БРИТАНСКИЙ ЛОРД СРЕДИ ВЕНЕЦИАНЦЕВ

Год 1818-й. Второй год пребывания лорда Байрона в Венеции. Он уже давно не "заморское чудище" в высшем венецианском обществе, но тем не менее ни один день не переставал быть "горячей новостью", как сказали бы современные журналисты. Стоило ему только где-нибудь появиться, как своим дерзким поведением вызывал либо неприятие, либо прямую враждебность к себе со стороны консервативно настроенных граждан. Сколько разговоров, пересудов, слухов, различных пикантных историй о "милорде с ангельским лицом", о красивце, щедром богаче, распутнике и неотразимом ловеласе. Подумать только! Стоило одной знатной леди чуть покритиковать его стихи, как лорд громогласно заявил, что на первый раз он ей прощает, но в следующий обязательно утопит в лагуне. Когда какой-то смельчак позволил себе посмеяться над его странной манерой верховой езды, лорд влепил ему пощечину.

О нем говорили неустанно, взахлеб, не оставляя ни на минуту столь соблазнительно-пикантную тему. В Венеции, как и в любом другом городе, он становился для местных жителей экзотическим животным из зоопарка, вырвавшимся по недосмотру из клетки. Когда он выезжал верхом на прогулку, то на

бережной возле еврейского кладбища его постоянно поджидала толпа зевак. Из уст в уста передавались все новые, поразительные подробности его личной жизни. "Знаете, он терпеть не может, когда у него на глазах есть женщина, будь она хоть трижды красавица!" "Говорят, лорд отращивает усы, так как кто-то заметил, что он внешним обликом сильно смахивает на провинциала-музыканта!" "Знаете, почему его до сих пор не видели на площади Сан-Марко? Лорд не желает демонстрировать свою хромоту!"

Все с большой охотой судачили о Байроне, не смущаясь любой нелепицы. Эти невероятные слухи и рассказы о поэте собрал и издал в своей "Хронике" предпримчивый литератор-любитель граф Франческо Раджоне, самый неистощимый сплетник из Феррары. Через несколько лет граф выпустил еще один довольно увесистый том всевозможных побасенок об английском поэте со странным, завлекательным названием "Книга для желающих посмотреть через замочную скважину на очень культурного, очень богатого, но весьма своеобразного милорда..."

Несмотря на то, что в Венеции Байрон постоянно находился в центре всеобщего внимания, что многие горели желанием стать его другом или приятелем, он постоянно чувствовал себя "чужаком". Сколько раз предпринимал попытки жить так же весело и беззаботно, как живут легкомысленные итальянцы, но холодная британская разочарованность во всем лишь усиливала его чувство изоляции среди праздной, ликующей, неистовой толпы. Часто уезжал на Лидо, любил разговаривать с армянскими монахами (усердно изучал армянский язык из-за любви к Востоку), занимался любовью в кустах, прямо на пляже с первой приглянувшейся ему черноокой венецианкой. Но и такие развлечения не помогали ему, не могли извести щемящую тоску. Что могло скрасить одиночество поэта, кроме исключительной привязанности или любви красивой женщины? Но сколько их было у него в прошлом! Разве исцелили они его страдающую душу?

В Венеции чаще всего ему приходилось бывать в доме графини Марии Керины Бенциони, шестидесятилетней красавицы, которая, несмотря на свои годы, отличалась необычайной жизнью, веселостью и права, а неугасимый любовный пыл, по свидетельству ее молодых партнеров, отличался какой-то первозданной терпкостью и негой. Однажды на вечере у графини Бенциони Байрон увидел красавицу, достойную полотна Тициана — юную Терезу Гиччиоли. Их взгляды встретились, и это краткое мгновение решило все. Хозяйка подвела его к скромной, покрасневшей графине Гиччиоли и представила как "изра Англии и самого известного поэта". Вот как Тереза сама описывает эту памятную для обоих встречу в книге "Жизнь Байрона", написанную ею от третьего лица: "Такие лестные слова вызвали на губах у Байрона очаровательную улыбку. Он, присев рядом, стал непринужденно болтать о Венеции, о ее родной Равенне — особый энтузиазм и одушевление у него вызвал завязшийся между ними разговор о Данте и Петрарке. Но пред-

мет их дискуссии очень скоро стал чистой формальностью, и когда граф Гиччиоли, войдя в комнату, напомнил ей, что пора ехать домой, она поднялась со своего места, словно во сне и, идя к дверям, уже ясно отдавала себе отчет в том, что впредь не сможет оставаться такой спокойной, какой была до прихода сюда. Как разрушительны эти таинственные влечения, какой они вселяют в душу страх!"

За первой встречей последовали другие: в театре, за ужином, во время продолжительных прогулок в гондоле по лагуне, во время любования солнечными закатами на Лидо. Такие ежедневные встречи становились частью самого их существования, вполне естественной необходимостью. Роковой шаг все же был сделан, о чем свидетельствует один любопытный документ. Хотя трудно сказать, подлинный ли он. Речь идет о "признании в своем грехе" Терезы супругу. Вот оно: "В тот момент я почувствовала, что меня неудержимо влечет к нему какая-то непреодолимая сила. Я была настолько безрассудна, что согласилась встретиться с ним только при условии, что моей женской чести не будет нанесен урон; он дал обещание, и мы договорились о встрече на послеобеденный час, когда вы обычно спите. Прибыл старик-гондольер с запиской от него и отвез меня к гондоле милорда. Оттуда мы вместе отправились в его сельский домик. У меня достало силказать ему сопротивление при первой нашей встрече. Но, увы, я оказалась настолько легкомысленной, что решилась все повторить на следующий день. Под его напором силы оставили меня, а лорд Байрон не такой человек, который может довольствоваться лишь показными эмоциями. После того, как был сделан первый роковой шаг, все препятствия на нашем пути рухнули..."

(Некоторые исследователи утверждают, что такое откровенное письмо написано под диктовку самого графа, который с помощью этого документа хотел опровергнуть выдвигаемые против него обвинения со стороны семьи Гамбы во время бракоразводного процесса.)

Но Тереза в то время была счастлива бесконечно. Как она радовалась, что сумела завладеть самым знаменитым человеком во всей Европе, как ей хотелось удержать "превосходного знатока человеческих чувств" рядом с собой. Она не скрывала своих эмоций. Сколько раз на "вечерах" у Бенциони у нее вырывались радостные, полные искренней любви слова: "Мой Байрон!", что повергало в сильнейший шок гостей и державшегося все время в тени ее скромника мужа. Даже Байрон, давно привыкший к легким победам над светскими красавицами, чувствовал себя крайне неволовко от такой "рекламы" его скромного завоевания. Для чего ему "паблизити"? — сокрушался раздосадованный поэт. Ведь в руках медоточивого Гиччиоли может оказаться и смертоносный стилет! Он хорошо знал о преступном прошлом графа.

Как известно, "земной рай" не вечен — в отличие от небесного. Муж Терезы лишь через месяц начал отдавать себе отчет об истинных отношениях его жены с Байроном. Проявляя

обычное благоразумие, решил одним ударом разорвать порядающую его связь. Он неожиданно сообщил Терезе, что уезжает на несколько дней в свои поместья на реке По, и она, разумеется, отправится вместе с ним. Это оказалось для нее таким ударом, что она помчалась сломя голову в театр, где давали (дурное предзнаменование?) "Отелло" России. Не отдавая отчета в своем поступке, она ворвалась в "мужскую" ложу поэта, куда вход лицам женского пола был строго запрещен. Все зрители, забыв о спектакле, вытянули шеи в направлении "запретного места", по рядам пробежало легкое возмущение.

Испуганно оглядываясь по сторонам, Тереза сообщила Байрону о предстоящей разлуке. Господи, какая тяжкая утрата грозит им обоим! Но поэта поразило не ее сообщение, а внезапное появление в ложе самого графа. Впрочем, он не проявил ни малейших признаков ревности. Более того, граф пригласил "чинчив беи" своей жены погостить у них в Равенне. Лорд вежливо отказался.

После приезда в Равенну Тереза неожиданно слегла в постель. По ее словам, во всем виновато трудное путешествие по узким каменистым дорогам. Но причина заключалась в другом. У Терезы случился выкидыши. Именно это слово в письме к Байрону она старательно, несколько раз зачеркнула, поставив над ним другое, нейтральное — "болезнь", но хитроумный лорд, разгадав ее уловку, не на шутку всполошился. Тереза умоляла поскорее приехать, обещала устроить его в собственном доме. Даже видавший виды английский повеса, отлично изучивший все разнообразие женских благоглупостей, оробел от такой вызывающей смелости со стороны "верной супруги".

Байрону никогда недоставало сил сопротивляться своеестественному женщинам. Он велел слугам готовиться к отъезду. Но вновь перед глазами всплыл знакомый образ обезумевшего от ревности мужа со стилетом в руках. Он был суеверен, начал медлить с отъездом, несмотря на слезные мольбы Терезы и ее ревность. Она с полным правом опасалась, как бы ее возлюбленный не оказался в жарких объятиях какой-нибудь страстью венецианки.

Наконец 1 июня 1819 года лорд Байрон все же решился. "Жребий брошен, — писал он своему другу Хобхаузу, — и я должен не в переносном, а в прямом смысле перейти Рубикон. Нужно рисковать всем ради любимой женщины".

ИЗ РАВЕННЫ ОБРАТНО В БОЛОНЬЮ

Ему понравилась Равенна, маленький, дышащий средневековой тайной городок, на узких зеленых улочках которого хранилось немало реликвий со времен империи варваров. Байрон ушился здешней первозданной тишиной, которую нарушал лишь звонкий стрекот невидимок-цикад. Вот она — благословенная Романья...

...В 1797 году наполеоновская армия захватила Равенну, и вслед за нею туда проникли революционные идеи из соседней Франции. В общественно-политической жизни провинции все более заметную роль играл граф Гиччиоли, будущий супруг юной Терезы. Многие из патрициев Равенны, и среди них граф Руттеро Гамба, отец Терезы, быстро превратились в сторонников необузданных якобинцев. На главной площади они посадили Древо Свободы, напялили на себя республиканские колпаки и торжественно сожгли на костре "Золотую книгу", в которую были занесены все их благородные звания и важные дарованные титулы. Граф Гиччиоли стал их вождем. Со свойственным ему остроумием, отлично разбираясь в создавшейся политической ситуации, он однажды записал в дневнике: "Единственная альтернатива для настоящего сеньора в наши дни — либо позволить этим канальям отрубить себе голову, либо стать их вождем". Через семью Гиччиоли лорд Байрон впоследствии установил тесные связи с движением итальянских карбонариев...

Утром 11 июня 1819 года громадная, аляповато раскрашенная карета с изображением герба поэта подкатила к лучшей гостинице на Вила де Порта Сизи в Равенне. Неожиданный приезд знаменитой личности переполошил весь город. Вскоре к нему в номер постучал сам граф Гиччиоли и пригласил посетить его больную жену, состояние которой, по его словам, было весьма и весьма серьезным.

Граф лично проводил Байрона до кровати Терезы, которая лежала с сильнейшим приступом лихорадки, она постоянно кашляла, сплевывая кровь. Устроившись у ее изголовья, Байрон превратился в заботливую сиделку. Он был счастлив от своего нового положения. Самое главное, чтобы не умерла Тереза. Он вызвал из Венеции одного из лучших врачей в Европе, своего друга профессора Альиетти.

Он усердно посещал ее по два раза в день, что "дозволилось итальянскими обычаями" и само по себе не вызывало особых подозрений. Однако посещения проходили в присутствии бдительных родственников, и они не могли ни обменяться нежными словами, ни обнять друг друга... Когда он писал ей дивные, полные любовных восторгов письма, он, не стыдясь, обливался слезами: "Ты клянешься мне в своей верности, но я не стану давать тебе никаких торжественных клятв, — увидим, кто из нас двоих окажется сильнее привязанным к верности. Ты мне часто говоришь, что я — твоя первая, НАСТОЯЩАЯ любовь. Могу заверить тебя, что ты будешь моей последней страстью. Я уже не надеюсь больше ни в кого влюбиться, — вот до какой степени все женщины стали для меня безразличны. Теперь, когда я люблю тебя, других женщин в этом мире для меня нет. Твой светлый образ я постоянно ношу в своем сердце — он влился в мою жизнь, стал ее неотъемлемой частью, частью моей души. И если существует другая жизнь после этой, то и там ты будешь принадлежать только мне".

Конечно, все его рассуждения о жертвенности и любви — лишь дань хлесткой поэтической метафоре. Он был, как и все по-

эты, обидчив, неуверен в себе, постоянно предавался меланхолии. Его постоянно мучил один и тот же вопрос: что же ему теперь делать? Уехать или оставаться? Чем в конечном итоге закончится их любовь? В одном из писем он предложил ей бежать вместе с ним из Италии: "Я чужак в этой стране и еще куда более чужестранец здесь, в Равенне..."

Ее ответ был длинным, поэтически витиеватым, наводящим тень на плетень. Она приводила множество причин, делающих такой побег невозможным. В глазах Терезы наставить рога супругу — ее святая обязанность, но бросить мужа — преступление.

Но время шло. Тереза чувствовала себя значительно лучше. И вот 16 июня вечером она впервые после болезни сошла с лестницы своего "палаццо" в сад, опираясь на руку Байрона. Выздоровление протекало настолько успешно, что она даже смогла снова исполнить роль любовницы. Они занимались любовью прямо во дворце, а их интимные встречи оберегали, обеспечивая безопасность, горничная, юный негр-паж и лучшая подружка.

Однажды внезапно появившийся у покоя Терезы граф страшно удивился, убедившись, что дверь закрыта на задвижку изнутри. Не пора ли на самом деле вытаскивать острый стилет, который, как привидение, постоянно возникал в богатом воображении счастливого любовника? Но граф Гиччиоли всегда был человеком-тайной, человеком-загадкой. Он продолжал наносить вежливые визиты в номер лорда Байрона и даже предоставил ему с Терезой отдельную закрытую карету для прогулок в сосном бору, а сам с друзьями следовал за ними в другой на некотором расстоянии.

Когда они выезжали из дома на прогулку, то возле церкви, заслышав колокольный звон, призывающий верующих к утренней мессе, Тереза просила Байрона остановиться и принималась истово молиться. Она была простодушна, наивна и благочестива.

Они были постоянно вместе и после утомительного дня ненадолго расставались, чтобы скоро встретиться вновь: в театре, на светском вечере, званом обеде. Им было абсолютно все равно, где встречаться, главное — видеть друг друга, дышать одним воздухом. Такое поведение, вполне естественно, не могло не вызывать подозрений. Хотя граф Гиччиоли и был самым богатым человеком в Романье, но отнюдь не самым популярным. По городу ползли грязные сплетни, а граф получил первое анонимное письмо. После чего объявили жене, что они немедленно уезжают в его поместье в Болонью. Если он таким шагом намеревался покончить с обидными, порочащими его достоинство слухами, то это, конечно, был напрасный труд. Ведь он даже не подумал указать на дверь сластолюбивому английскому лорду!

Тереза через надежную горничную получила от Байрона записку: "Прощай, мое единственное сокровище, моя единственная Надежда. Я всю тебя целую, целую неустанно и пылко. Навек твой".

Спустя три дня разлука кончилась. Любовники встретились вновь в Болонье...

ЛЮБОВНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Когда Байрон приехал в Болонью, граф, все еще не утративший к нему своего расположения, предоставил лорду весь первый этаж в своем дворце. Часто совершая поездки по своим многочисленным имениям, граф постоянно увозил с собой жену. Чтобы каким-то образом скрасить одиночество, Байрон вызывал к себе свою маленькую дочь Аллегру, которую родила бывшая любовница англичанка Клэр. Байрон очень любил и лелеял этотежный цветок, постоянно заботился о дочери, как утверждают, самом красивом ребенке в Болонье.

Поэт начинал уставать от своей незавидной роли "чичисбэя". Ему уже "стукнуло" 31, и чего же он в результате достиг? Апогей любви? Начата третья глава "Дон Жуана". Не мало ли? "Увы! Я всегда был праздным бездельником, и передо мной все отчетливее вырисовывается перспектива стремительного упадка, мне так и не удалось ухватить ни одного мгновения столь краткой земной жизни..." — давал он волю мрачному настроению.

Однажды граф Гиччиоли был вынужден по неотложным делам отлучиться в Равенну. Воспользовавшись благоприятным моментом, графиня сообщила супругу, что здоровье ее вновь ухудшается, ей просто необходим мягкий приморский климат Венеции. Если супруг не сможет сопровождать ее в поездке, то она готова обратиться к лорду Байрону, чтобы он оказал ей такую услугу. Неожиданно для любовников граф принял это предложение жены.

(Многие до сих пор гадают о причине такого странного решения графа. Одни уверяют, что ему надоело быть всеобщим посмешищем в Болонье, а другие предполагают, что Байрон одолжил графу крупную сумму денег, и тот, не имея возможности вернуть долг, тем самым попытался умиротворить поэта. Правда, Тереза решительно отмечает подобные догадки в своей книге "Жизнь Байрона". Но она ведь заинтересованное лицо!)

Какими бы мотивами ни руководствовался старый граф, факт остался фактом: пара возлюбленных теперь официально была предоставлена самим себе. 15 сентября 1819 года они вместе уехали в Венецию.

"Мы часто делали остановки, — вспоминала Тереза, — ночевали в одном отеле, совершили даже паломничество в Аркуату (возле Падуи), где находится могила Петрарки..."

В Венеции врачи посоветовали Байрону отвезти возлюбленную куда-нибудь в сельскую глушь, где нет шума и влажности. Байрон увез Терезу на свою виллу "Фоскарилья" в Ла Мире, расположенную на берегу красивой и полноводной реки Бренты, впадающей в Венецианский залив. Большая вилла, километрах в пятидесяти от Венеции, была окружена прекрасным, разбитым в типично английском стиле садом-парком, с крошечными, почти игрушечными озерцами с переброшенными через них ажурными легкими мостиками, широкими аллеями с могучими платанами по обеим сторонам.

Здесь впервые Тереза с Байроном жили в полном одиночестве, вдалеке от любопытных, подозрительных глаз. Только здесь, по их признаниям, в этом первозданном уголке они были по-настоящему счастливы. Он сочинял третью главу "Дон Жуана", но это, по словам Терезы, "для него не было никакой особой работой, а просто развлечением". По вечерам они читали вслух книги, потом Тереза играла на фортепиано, которое он велел доставить сюда специально для нее. Она даже иногда заставляла его петь вместе с ней дуэтом. Все, казалось, было хорошо, ничто не омрачало их уединенного счастья. Но стоило неопытной Терезе быть хоть немножко повнимательней, она, несомненно, заметила бы первые, еще незрелые, но угрожающие для себя признаки в поведении Байрона. Прежде он не был таким нервным, беспокойным, теперь же не находил себе места в ожидании писем от друзей из Англии и никогда так не сердился, если почта запаздывала. Он все чаще казался рассеянным, его все реже увлекало ее нежное щебетание. Своему другу, известному английскому поэту Томасу Муру он жаловался, что "вечера в компании Терезы ему кажутся куда длиннее, чем проводимые с ней ночи". Постоянное, подчас навязчивое обожание, демонстрируемое даже горячо любимой женщиной, пресыщает. Удовольствия, доставляемые столь желанным адюльтером, по его словам, частенько вызывали у него зевоту. Но дело скорее всего было не в самой Терезе. Просто им снова овладевали скуча и хандра. По свидетельству того же Мура, и то, и другое обычно выражалось в единой, неизменной форме, "в желании будоражащей непоседливости, в стремлении к кочевому, скитальческому духу".

Еще в 1818-м, а потом и в 1823-м "скитальческий дух" уносил его в мыслях к свободолюбивой Элладе. В 1820 году, когда он вновь оказался в Равенне, ему вдруг в голову пришла идея уехать в Неаполь, чтобы принять участие в неаполитанском восстании. Теперь, скучая по вечерам со своей возлюбленной, он загорелся "южноамериканским проектом"; вдруг захотелось отправиться в далекую, таинственную Венесуэлу, но не с верной Терезой, а с крошкой-дочерью Аллегрой и "остаться там в своем шатре навсегда".

Дела в "земном раю" шли все хуже. Граф Гиччиоли, казалось, мирился с любовной связью своей жены. Но однажды ему в руки случайно попало письмо графа Гамбы, отца Терезы, в котором тот давал советы дочери, как следует вести себя в столь накантной ситуации, называя при этом вещи своими именами. Граф Гиччиоли, впав в дикую ярость, отправился в Венецию.

Там, обнаружив, что его супруга отнюдь не находится на грани смерти, а, напротив, пышет молодостью и здоровьем, закатил дикую сцену, поставив ее перед решительным выбором: либо он, либо любовник. Она предпочла любовника, и теперь сама настойчиво уговаривала Байрона "бежать вместе с ней куда глаза глядят". Этой затеи лорд воспротивился. "Будь мне двадцать, как ей, а не тридцать один, как мие, я, возможно, решился бы на такую авантюру. Но сейчас это причинило бы непоправимый

вред не только ей самой, но и самым пагубным образом отразился бы на репутации ее пятерых сестер; мне с большим трудом удалось убедить ее вернуться с мужем в Равенну. Я твердо пообещал забыть о ней, если только она намерена меня бросить", — писал он своему другу Хобхаузу.

Не зная о такой реакции Байрона, граф имел с ним скандальное, на повышенных тонах объяснение, а от Терезы потребовал строгого соблюдения светских приличий, для чего составил "Свод правил образцового поведения супруги" из семнадцати пунктов.

В конце концов все шумные препирательства закончились тем, что граф Гиччиоли увез неверную жену обратно в Равенну...

Снова Байрон оказался в полном одиночестве в своем мрачном венецианском дворце, "несчастным в прошлом, несчастным в будущем". Через две недели он принял решение уехать из страны. Правда, пока не знал, куда податься — то ли в Швейцарию, то ли вернуться на родину, в Англию.

Однако всемогущий рок, продолжая с ним смертельную игру, разрушил все планы. В "палаццо" началась настоящая эпидемия лихорадки. Вначале переболел сам поэт, потом его дочь Аллегра, за ней и няня, гондольер, горничная. Пришло отъезд отложить. И постылое одиночество все сильнее подтачивало больную душу Байрона. Он все чаще думал об Англии, о своем возвращении туда, но кто мог поручиться, какой прием его ожидает. Друзья, казалось, забыли о нем. В последней почте из Англии никакой корреспонденции вообще не оказалось, кроме присланного каким-то недоброжелателем экземпляра журнала "Эдинберг мэгэзин", в котором неизвестный критик, прочитавший две первые главы "Дон Жуана", этой, по его словам, "грязной и нечестивой поэмы", поливал щедрой струей площадных оскорблений самого поэта и его "разнузданную личную жизнь". Прочитав литературную пакость, Байрон взорвался: "Вот опять взметнулась эта грязная пена ненависти. Для чего возвращаться в страну, которая мне не нравится и которой не правлюсь я сам?" Вновь его пали одолевать сомнения. Пока он пребывал в нерешительности, Тереза разыграла свою козырную карту. Снова, словно по заказу, заболела. "Если рядом не будет Байрона, мне конец!" — путала она мужа. На сей раз приступ оказался на самом деле весьма тяжелым. Все члены ее семьи не на шутку растревожились. К из головью больной дочери поспешил любящий отец.

Хитроумная Тереза сумела убедить графа Гамбу, что истинная причина ее страданий — не обострение туберкулеза, а предстоящий отъезд из страны лорда Байрона, чего она никогда не переживет. Призвав на помощь все свое красноречие, чем всегда отличалась, она убедительно доказала легковерному расстроенному старику, что их взаимоотношения с поэтом носят чисто платонический характер, основываются на общей любви к поэзии, что она хранит как зеницу ока верность своему супругу, и у того нет никаких причин противиться приезду в Равенну английского лорда.

Тронутый стенаниями дочери отец принялся уговаривать ее мужа. Поразительно, но и на сей раз тот ответил согласием. Оба

графа обратились к Байрону с вежливым письмом, в котором просили оказать им честь и пожаловать в Равенну, чтобы своим присутствием облегчить "невыразимые страдания их дочери и супруги".

И Байрон вновь приехал в Равенну.

ПРОШЛОЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Тереза приняла его с наивной радостью ребенка, которому вдруг строгие родители позволили повидаться с любимой подружкой только ради того, чтобы их ненаглядное чадо поскорее выздоровело. Сам граф вел себя сдержанно, не проявляя открытого враждебности к лорду.

Байрон приехал в Равенну с Аллегрой, жить в гостинице с маленьким ребенком было неудобно, и он принял за поиски удобного жилища. И вновь граф Гиччиоли предложил ему занять весь первый этаж своего "палаццо". С благодарностью принял приглашение, Байрон поселился под одной крышей со своей любовницей.

Приезд любимого человека оказал благотворное воздействие на состояние здоровья молодой женщины. Через несколько дней она опять начала посещать аристократические салоны и светские рауты. Графиня, испытывая невероятную гордость за своего любовника, знаменитого англичанина и поэта, старалась продемонстрировать их любовную связь всему местному бомонду. Через неделю после выздоровления она, заставив его облачиться в мундир золотого шитья с позументами и пристегнуть к поясу шпагу, вошла с ним в зал дома ее дяди маркиза Кавалли, где в разгаре был веселый бал-маскарад. Ее беспашное безрассудство, откровенный вызов светскому обществу не могли не нравиться презиравшему все условности света поэту.

Однако жизнь любовников в "палаццо" Гиччиоли не была столь безоблачной, простой и удобной. Привязанность Байрона к Терезе постепенно утрачивала то волнующее, непреодолимое притяжение, как бывало в первые дни их страстной любви. Байрон стал заметно капризным. Он искал душевного покоя в долгих прогулках верхом и в работе. Закончив поэму "Пророчество Данте" и перевод "Франчески да Римини", принял за трагедию "Марино Фальеро, дож Венеции". "Она написана возле тебя, — писал он Терезе, — и иногда мне кажется более трагической, как мужчине, а не как писателю, мужчине, переживающему за твою судьбу, за те опасности, которые тебя поджидают еще впереди..."

Поэтическое чутье не подвело Байрона и на этот раз. Как-то лорд получил изволованную записку от Терезы: "Сегодня рано утром, — сообщала она, — когда я еще лежала в постели, муж бесцеремонно открыл ящик моего секретера и прочитал все твои письма. К счастью, в них не было ничего такого, за что он мог бы вызвать тебя на дуэль. Ну а я скорее умру, чем брошу своего преданного друга!"

Обстановка во дворце накалялась. Байрону, постоянно мечтавшему о героических подвигах и славе, все меньше нравилась роль "чичисбэя" при графине, которой как раз очень нравилось выставлять его повсюду на показ. Он понимал, что от такого, лишенного живинки азарта и риска существования, его поэтический талант мог поблекнуть, захиреть, а это равносильно физической смерти. И неожиданно бурная политическая жизнь Италии предоставила ему счастливый случай воспрять духом, она внесла в повседневную жизнь острое, будоражащее чувство опасности, дала возможность испытать трепетное "упоение в бою и близны мрачной на краю".

Он принял участие в итальянском политическом движении. Был готов отдать жизнь за свободу Италии, главным образом, не только потому, что любил эту страну и превыше всего ценил свободу, но и потому, что ему вообще не очень нравилось жить. Еще в Болонье он вступил в тайное общество карбонариев, и здесь, в Равенне, ему предложили возглавить одно из его отделений "Американские охотники".

Теперь он представлял угрозу как для монархического режима, так и для всевластия римского папы. В его доме (вернее, в доме графа) стали появляться заговорщики, устраивались тайные собрания, хранились порох и оружие. Это было уж слишком для графа Гиччиоли, богатого человека, законопослушного гражданина и сторонника правительства. Мало, что он терпел в своем дворце любовника жены, теперь тот стал еще и опасным революционером!

Граф учинил очередной семейный скандал, потребовав от жены сделать окончательный выбор — либо он, законный супруг, либо мятущийся поэт, борец за свободу чужой страны. Тереза возмутилась: "Я остаюсь с ним, и теперь зависит только от него, останетесь ли вы со мной. Могу ли я стать единственной женщиной в Равенне, у которой нет своего дружка? Это просто невероятно!" Вся Равенна, конечно, встала на ее сторону. Какая же это жизнь без любовника? Кошмар!

Оскорбленная в лучших чувствах, графиня попросила у графа Гамба, своего отца, разрешения вернуться под родительский кров. Но граф Гиччиоли, закусив удила, не унимался. Он устроил истерическую сцену и лорду Байрону, потребовав немедленно покинуть его дворец и больше никогда не появляться. Лорд с присущим ему высокомерием наотрез отказался выехать из графского "палаццо". Вдруг вся эта затяжная история приняла совершенно неожиданный оборот. Граф Гамба, уважаемый всеми, респектабельный сеньор, отлично знающий, какие отношения связывают его замужнюю дочь и лорда Байрона, согласился с дочерью и принял решение направить личное прошение папе Пию VIII о ее разводе "с таким неугомонным и придиличным мужем".

Вся Равенна, затянув дыхание, увлеченно следила за громким судебным разбирательством под председательством самого понтифика. Еще бы! Такого бракоразводного процесса в их провинции не происходило целых два столетия. Весь комизм создавшейся ситуации заключался в том, что граф Гиччиоли противился разводу, несмотря на нанесенное его чести чувствительное ос-

корбление. Ларчик открывался просто, и все знали об этом: графу не хотелось возвращать семейству Гамба полученное за Терезу приданое — весьма внушительную сумму.

По словам Терезы, они не виделись в Байроном более двух месяцев, но постоянно обменивались письмами. Однажды она, осмелев, написала ему на листе бумаги одну строчку: "Обещай!!! быть моим мужем!" Под этой строчкой, написанной ее дрожащей от нервного возбуждения рукой, он составил такое послание: "...Я значительно старше тебя годами и на столетия по своему печальному жизненному опыту. Я предвижу все наши будущие несчастья, жертвы, которые придется нам принести, но я готов на них. — моя любовь к тебе, мой долг перед тобой, моя честь, наконец, требуют от меня и впредь оставаться тем, кем я являюсь сейчас — твоим любовником, другом и (когда позволят обстоятельства) ТВОИМ МУЖЕМ".

12 июля 1820 года в Равенне пришла радостная весть из Рима. Ввиду того, что в Италии развод официально запрещен, папа своим эдиктом провозгласил "раздельное проживание бывших супружеских". По папскому эдикту она должна жить только в родительском доме "как это и подобает уважаемой в обществе знатной сеньоре, разъединенной со своим мужем". В противном случае ей грозил монастырь. Таким образом, этим решением намеревались "разъединить" и любовников, но граф Гамба, как и его младший сын Пьетро, любил Байрона. Они разделяли политические взгляды лорда и охотно оберегали его любовь к Терезе. "Она возвращается к отцу, — печально сообщал Байрон своему другу, — теперь я смогу видеть ее редко и лишь при самых стеснительных для нас обоих обстоятельствах". Они действительно виделись всего несколько раз за все лето, но осенью, когда Тереза вернулась в отчий дом, любовники встречались почти каждый вечер. Возникшая ситуация лишь добавляла пикантности в их жизнь. На людях они продолжали играть привычную роль светской леди и ее "чичисбей". Но в нем более ничего не вызывало живых эмоций. Он не принимал всерьез итальянского образа жизни, а Англия по-прежнему оставалась далекой мечтой. Да и годы шли. 22 января 1821 года ему исполнилось тридцать три, до смерти, если верить гадалке Уильямс, оставалось четыре года.

...С начала нового, 1821 года революция все увереннее набирала силу в Неаполитанском королевстве. С ней теперь Байрон связывал все светлые мечты. Вместе с Пьетро Гамба, братом Терезы, Байрон принимал участие в подпольной борьбе, оказывал помощь "Американским охотникам" своей неуемной энергией и денежными средствами. Но молодое революционное движение в Италии еще не окрепло и не могло оказывать должного сопротивления Австрии. В марте австрийцы наголову разгромили отряды неаполитанского сопротивления в долине Риети. Было подавлено восстание в Пьемонте. Но итальянцы не сдавались. 2 июня в Неаполе вспыхнуло восстание карбонариев, они требовали от своего короля Фердинанда I восстановления в стране попранный чужеземцами конституции. Известие о событиях в Неаполе вскоре достигло и Равенны, где заговорщики во главе с Байро-

ком, отцом и сыном Гамба приступили к осуществлению своих революционных планов.

Но и здесь выступления патриотов жестоко подавили. Огорченный поражением, Байрон предложил друзьям-заговорщикам не ждать неминуемого ареста, а действовать решительно и дерзко. Он предлагал деньги для приобретения оружия и пороха, всего необходимого для продолжения борьбы. Но герои-карбонари растерялись, пали духом. Они отказались от помощи поэта. Байрон сообщил эту печальную весть Терезе. Заливаясь слезами, она воскликнула: "Ах, итальянцам лучше сочинять оперы!" На что Байрон с сарказмом заметил: "Их сильная сторона — приготовление спагетти, хотя среди них и встречаются люди высокого духа!"

Папская полиция составила списки подозреваемых в заговоре. Она, конечно, не осмелилась принять карательных мер против знаменитого поэта, тем более английского подданного, но, чтобы "достать" лорда, местные власти приняли решение выслать из Равенны всех членов семьи Гамба, включая и Терезу. Графиню не пугала высылка из родного города, больше всего она боялась насильтвенной разлуки с Байроном. Куда же теперь направиться любовникам? Тереза предложила выбрать в качестве временного политического убежища Швейцарию. Лорд Байрон отказался — там слишком много англичан, и они, конечно, не дадут ему покоя, постоянно наводя свои презрительные лорнетки. После долгих прений выбрали Пизу. В это время он получил письмо от друга Шелли, в котором тот сообщал о своем приезде в Италию в августе. Байрон попросил друга подыскать ему удобное жилище в Пизе. Этим занялась подруга Шелли — Мэри. Она сняла для Байрона и Терезы античный дворец на живописном берегу реки Арио, "палаццо" Ланфранчи.

В конце августа стало ясно, что надежды карбонариев на достижение независимости страны и ее воссоединение рухнули. Разбилась и мечта поэта о свободе.

Тогда впервые ему пришла в голову мысль отправиться с отважным Пьетро Гамба в Грецию, чтобы продолжать борьбу за освобождение славной Эллады от турецкого колониального ига. Но этому решению тогда не суждено было сбыться — помешала Тереза, умолявшая не покидать ее, несчастную изгнаниницу. Байрон писал Томасу Муру: "Что за тяжкая зависимость — любовь! Она противится всем переменам, торжеству славы. На днях я собирался уехать в Грецию... Но слезы женщины, бросившей своего мужа ради меня, и слабость собственного сердца оказались сильнее и крепче любых прожектов. Итак, моим не суждено осуществиться..."

Но роскошному "палаццо" Ланфранчи пришлось еще долгих три месяца дожидаться приезда английского хозяина. Байрон под различными предлогами тянул с отъездом. Ему нравилась Равенна. Здесь так легко дышалось и легко писалось.

Но он даже на расстоянии чувствовал, как раздражает его медлительность терпящую терпение любовницу. Наконец, отдав дочь Аллегру на воспитание в один из монастырей Равенны, он 29 октября выехал из дворца бывшего мужа Терезы и отпра-

вился в другой, где его ждала возлюбленная и "чета" Шелли. Через несколько дней он прибыл в Пизу. Привез с собой несколько новых стихотворений, на которые, как он легко убедил Терезу, его вдохновила именно она. Какая бы женщина после этого не простила столь долгое отсутствие!..

РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Пизанцы, оказавшиеся в то утро возле "палаццо" Ланфранчи, немало удивились странному каравану, приближавшемуся к высокой мраморной лестнице дворца. Пять экипажей, по десять лошадей в упряжках, семеро слуг, потешная обезьянка на цепи, свирепый бульдог, угрюмый английский сторожевой пес, две кошки, три павлина и целое семейство кур. За ними следовало несколько повозок с громоздкой мебелью и громадной библиотекой Байрона.

Гомон многочисленной челяди, крики животных и экзотических птиц подтверждали правоту поражающих воображение легенд о странностях английского лорда.

В "палаццо", в котором поселились Байрон с Терезой и все сосланные родственники Гамбы, мог запросто разместиться гарнизон военнослужащих, и по нему "бродило столько призраков", что верный слуга Байрона Флетчер постоянно дрожал от страха, умоляя хозяина сменить жилище. Но Байрону дворец нравился, он вполне соответствовал его теперешнему образу жизни. Как утверждала Тереза, после "длительного заточения" в Равенне Байрон чувствовал себя свободно, пребывал в приятном, располагающем к общению духе. Как и в Равенне, поэт обычно работал до трех утра, вставал поздно, завтракал лишь чашкой горького зеленого чая. После сна часто гулял с Терезой по большому саду, густо усеянному лимонными и апельсиновыми деревьями.

Словно предчувствуя близкую смерть, Байрон поражал окружающих своей литературной активностью. В феврале 1822 года всего за двадцать восемь дней написал пятиактную драму "Вернер", причем один акт — за несколько часов. Шелли восхищался его двумя песнями "Дон Жуана", и, вероятно, не без его участия Тереза, пожалев о наложенном когда-то "запрете" на продолжение поэмы, заверила Байрона, что больше не будет чинить препятствий в работе. "Я получил разрешение от Диктаторши на продолжение "Дон Жуана", — писал он своему издателю Мюррею 8 июля 1822 года, — но при этом должен быть более осмотрительным и сдержанным, более условным и сентиментальным, чем вначале... Эмбарго снимается на таких условиях..."

Через месяц он сообщил Мюррею, что завершил шестую, седьмую и восьмую песню, и что сомневается, стоит ли браться за девятую (всего он задумал 24). Ему прежде хотелось переделать и дополнить описание осады и взятие Измаила русскими войсками во главе с А.В. Суворовым. Поэт не мог пожаловаться на недостаток фантазии. Он намеревался послать своего героя в

Россию, затем в Англию и Францию, где тот умрет на гильотине во время Великого террора.

— Твое перо просто летает над листком бумаги, — однажды заметила я ему. — Со стороны можно подумать, что ты пишешь под чью-то диктовку.

— Да, — согласился он, — скорее всего это злой дух, дьявол, который иногда даже заставляет меня писать то, что мне вовсе не хочется. Вот, например, я только что закончил отрывок, в котором осуждаю любовь.

— Почему же ты не зачеркнул написанное? — поинтересовалась я.

— Что написано пером, не вырубишь топором, — усмехнулся он в ответ, — только испортишь строчку".

Спокойная жизнь Байрона и графини продолжалась недолго, словно висевший над его головой злой рок не хотел оставить в покое избранную им талантливую жертву. Смерть, близкое присутствие которой он постоянно ощущал еще с юности, уносила (пока насмешливо оберегая его самого) дорогих ему людей.

В апреле 1822 года маленькая Аллегра, заботу о которой он поручил монахиням в Баникавелью, внезапно умерла. Смерть любимого ребенка разорвала последнюю прочную нить, связывавшую его до сих пор с этим миром. В Англии, правда, оставалась его незаконнорожденная дочь Ада, но мать запретила в ее присутствии даже упоминать имя отца.

Но даже этого,казалось, было мало для разгулявшегося аппетита Зла. В начале июля из-за разразившейся в Генуэзском заливе евиреопой бури пошел на дно корабль, на борту которого находился Шелли. Близкий друг утонул, его тело волны вынесли на берег только через несколько дней после шторма. Байрону пришлось выполнить завещание поэта, который просил похоронить его, в случае смерти, в Риме, на протестантском кладбище рядом с пирамидой римского риторика Кайя Цестия. Байрон, разведя прямо на морском берегу костер, сжег тело друга. Прах Шелли вместе с его сердцем, которое отказалось подчиняться огню, отправили в Рим, где предали земле в красивейшем месте: "Здесь так красиво, — мрачно замечал Байрон, — что он наверняка полюбил бы смерть..."

После гибели Шелли, единственного, очень близкого ему человека, Байрон все сильнее привязывался к Терезе Гиччиоли, с которой теперь проводил почти все свободное от работы время.

"Теперь они постоянно вместе, — писал Медвин, — он не выходит без нее из дома. Он ласково называет ее "Пиччинина" (крошка) и придумывает для нее различные уменьшительные эпитеты, которые так сладко звучат на итальянском. Их трехлетнее постоянство говорит о том, что умной и рассудительной женщине не так уж трудно удержать возле себя поэта..."

Однако Байрон чувствовал себя не в своей тарелке. Он прекрасно понимал, что от него, великого поэта, гражданина мира, борца за свободу, требовалось гораздо больше того, что он давал в этой размеренной, монотонной жизни. Конечно, он был счастлив с графиней Гиччиоли, но ему постоянно казалось, что окру-

жающие находят эту продолжительную связь "застойной и смешной".

Дело, живое, активное дело — вот она, панацея от всех его переживаний, невзгод, от упадка физических и моральных сил.

Все чаще и чаще нетерпеливое воображение уносило его в далекую Южную Америку. Он мечтал приобрести там участок земли и остаться навсегда. Теперь он только и говорил о своем "проекте", словно вот-вот отправится туда. У Терезы, всегда разделявшей свободолюбивые идеи Байрона, не возникало и тени сомнения, что она последует за ним.

"Я все думаю, думаю о Южной Америке, — писал он Томасу Муру, — но все еще колеблюсь, не зная, на чем остановить выбор, — на ней или Греции. Если бы только не моя продолжительная связь с Т.Г., я бы давно куда-нибудь уехал..."

Не поставив в известность Терезу, Байрон начал переписываться с Лондонским комитетом по оказанию помощи борющейся за независимость Греции и предложил через него услуги этой стране. В свои планы он посвятил только молодого Пьетро Гамба и попросил графа оказать ему небольшую услугу — сообщить Терезе о его предстоящем отъезде. Выслушав брата, Тереза, с трудом сдерживая рыдания, сказала: "Я знаю, что больше мы никогда не увидим друг друга..."

Душераздирающие сцены следовали одна за другой. Байрон впал в бешенство. О его настроении в это время свидетельствует письмо к его другу Киннейру: "Если бы я бросил одну женщину ради другой, то у нее действительно могли появиться основания для жалоб и стенаний. Но если человек вознамерился уехать ради исполнения великого долга, ради торжества великого дела, то этот женский эгоизм становится просто невыносимым".

Любил ли Байрон свою Терезу так же самозабвенно и страстно, как когда-то в Венеции и Равенне? Вряд ли. Просто он соблюдал приличия. Теперь уже не женщины привлекали его. Маннила, соблазнила поэта одна-единственная любовница — Слава! Но его давно занимало болезненное предчувствие, что погоня за Славой обернется для него смертельный исходом. Однажды он мрачно спросил Терезу: "Ты напишешь о моей жизни в Италии, а?" "Кто же станет писать о жизни живого человека!" — воскликнула она. С леди Блессинг, которая написала книгу "Беседы с лордом Байроном", он был более откровенен: "Он сказал мне: убежден, что никогда не вернется из Греции, не раз мечтал, чтобы умереть именно там..."

Летом 1823 года от властей Равенны пришло разрешение на возвращение из ссылки графа Гамбы, но при условии, что вместе с ним приедет и его дочь. Муж Терезы, граф Гиччиоли, по слухам, был готов простить на определенных условиях супругу и пригласить ее в свой дом. Ее примирения с графом желали все — отец, брат, любовник... Теперь из-за предстоящего отъезда лорда в Грецию эта проблема решалась сама по себе.

С равнодушным видом, не проявляя особого энтузиазма, Байрон занимался неотложными делами — укладывал багаж, просматривал счета, приводил в порядок рукописи.

— Однажды, — рассказывает Тереза в "Жизни Байрона", — он вошел к ней со связкой рукописей в руках.

— Здесь я кое-что нацарапал, — спокойным тоном сказал он. — Все это — плод моего ума. Мне их вернул Мюррей...

(Его издатель после грандиозного скандала, связанного с изданием продолжения "Дон Жуана", опасаясь ареста за посягательство на общественную нравственность, ударился в бега и не желал иметь ничего общего с развратным поэтом.)

— Я сохранию их до твоего возвращения.

— Делай с ними, что хочешь, — ответил он с напускным равнодушием, — можешь даже сжечь! А вообще-то, когда-нибудь их можно продать на аукционе..."

На следующий день Байрон попытался поговорить с Терезой о своем завещании в ее пользу, но она закатила такую истерику, что кандидату в мертвецы пришлось отступить.

В начале июля Терезу, всю в слезах, отец увез в Равенну. Теперь Байрона никто и ничто больше не удерживало, и он поторопился с отъездом.

В июле 1823 года Байрон вошел на корабль. Но в этот несчастливый день задул сильный ветер, не дававший кораблю выйти из гавани. Кое-как добрались до Ливорно. Здесь Байрону пришлось ожидать еще несколько дней. Только 23 июля он пересел на корабль "Геркулес" и благополучно прибыл на Кефалонию, самый крупный остров в Ионическом море...

За день до отплытия Байрон написал Терезе сдержанное прощальное письмо: "Моя дорогая Тереза, у меня в распоряжении всего несколько мгновений. У нас все в порядке, и мы уже в пути, ведущем к Леванту. Хочу заверить тебя, что люблю тебя по-прежнему и что самые яркие слова не смогут лучше этого выразить."

Всегда нежный к тебе, твой Д.Г.Б."

22 января 1824 года он вошел в комнату, в которой сидели его друзья — Стенхупп, Пьетро Гамба и несколько "братьев"-греков.

— На днях вы упрекали меня в том, что я больше не пишу стихов, — обратился он к ним. — Сегодня — день моего рождения, и я по такому случаю кое-что здесь набросал. Думаю, стихи удались...

Он прочитал бойцам свои стихи, которые заканчивались такими строфами:

Жалея молодость, не стоит жить!
Здесь та страна, где смерть почетна, —
В бою, и только там, ты удостоен быть,
Ступай и жизнь отдай ты безответно.

Пойди, найди свою солдатскую могилу,
Такое место, где почтят красота,
И там в гробнице — всем на диво —
Изведешь покой ты до конца...

В этот день ему исполнялся тридцать седьмой год, тот самый, который, если верить гадалке, должен стать последним в его жизни. Прорицание сбылось. Он обрел вечный покой возле живописной греческой деревни Миссолуниги...

ФИЛІП ПІДСКОДІ

ФЕНОМЕН

ЛЕОНІД КУЗНЕЦОВ

"Однажды во сне... я впал в транс..."

В детстве хилер Алленс Орбито не обращал особого внимания на сны. Но...

- Однажды рано утром, - вспоминает хилер, - когда я завтракал, появился человек. Он искал именно меня, хотя раньше мы не были знакомы. Он попросил, чтобы я по-

видел его больную мать, которая последние десять лет была прикована параличом к постели. Но почему именно я? Потому, - отвечал гость, - что она видела во сне, как ты ее лечишь... Тогда я и сам вспомнил: однажды уснул и во сне видел, как лечил женщину. Но в моем сне больная лежала в гамаке. Меня охватила жалость. Я опустил гамак на землю, я встал на колени и попросил ее помолиться вместе со мной. После этого попро-

сил ее встать и идти. Она сделала это без всячного труда. Н моему удовольствию и удивлению окружавших. Но это был сон. Что же теперь делать? Надо идти к больной... Дом ее находился примерно в километре от нашего нилья. Когда больная женщина увидела меня, она вскрикнула: да, это ты, я видела тебя во сне! Не говоря ни слова, я приблизился к ней, взял бутылку с коносовым маслом, которая стояла на столе, и намазал этим мас-

лом ее ноги. При этом творил молитву. Затем взял ее руки в свои ладони. Я сназал ей: "Вставай!..". Без всякой помощи она села на кровати, а затем встала на пол. Я попросил ее сделать шаг. И она пошла! Это было начало моей целительской деятельности.

Теперь послушаем Хуна Лабо:

— Я не собирался лечить людей, — сназал хилер. — Я решил изучать право в Дагупане. Но не закончил курса. Однажды я впал в транс, и

было видение со словами: поезжай в провинцию Самбалес. Я поехал, не зная, что буду там делать. Без единого сантаво в кармане. Нан туда добрался, не помню. Одним словом, очутился на берегу моря, и тут услышал глас: лечи и молись. Я вошел в воду и стал нытать. Вдруг появилось животное, похожее на рыбу. С вздутым животом. Внутренний голос сказал: излови чудище и вспори ему брюхо. Я тан и сделал. В желудке обнаружил три намешана, похожие на пемзу. Я проглотил их. С этого момента я обрел способность творить чудеса...

Двойняшки – мальчик и... змея

Слушая Хуна Лабо, я не мог оторваться от странного чувства, будто уже слышал эти старые сказки. Вспомнил рассказ американского психолога Стивена Ларсена о путешествии [1976 г.] во внутренний мифический мир, что случилось с 20-летним бруклинским поэтом по имени Джоул.

Джоул поведал, кан индеец по имени Адамия употреблял мухоморы в качестве священной трапезы и обладал искусством транса во время шаманского путешествия. Джоул прошел суровое обучение, во время которого наставник избивал его, вероятно, для того, чтобы занять характер и укрепить решимость.

Во время своего второго психологического опыта совместно с Адамией Джоул встретился с духами животных, которые растерзали его в клочья в точности так, как это ранее описывали коренные шаманы. «В трансе я имел видение, я увидел медведя. И медведь дал мне знак следовать за ним. Это был дух, за которым я должен был идти, с нем продолж-

нить свое путешествие. Когда я последовал за ним, медведь обернулся женщиной. И вот предстала целая череда сексуальных образов: я кружился, и вращался, и чувствовал, что словно бы проваливаюсь к центру земли. И когда я падал, меня со всех сторон окружали разные твари. Они хотели разорвать и растерзать меня, отхватить от меня куски, пока я падал».

После этого Джоул испытал внутреннее обновление: «Мои чувства достигли высшего экстаза, ударные волны энергии неслись сквозь меня. Я почувствовал, что могу видеть сквозь вещи, видеть сердца, скелеты, души. И вот был звук, и он исходил изнутри. Это я пел песню, песню моего опыта, и я чувствовал, что пение давало мне новую крепость и силу».

Из рассказа С. Ларсена следует: процесс мистического перерождения ведет к новым силам и способностям видения. Шаман становится посредником между физическим и духовным мирами и «получает от богов или духов высшие священные знания».

Создается впечатление, что некоторые серьезные исследователи преднамеренно собирают эти рассказы, публикуют их, дабы дискредитировать врачевателей, посягнувших на них недоверие.

Лютеранский пастор из Баварии д-р Рудольф Эбермут, доктор теологии и философии, занимающийся одновременно антропологией, заинтересовался сообщениями о том, что на Филиппинах рождаются двойняшки, один из которых мальчик [или девочка], а другой змея. Назадь бы, любой нормальный человек, услышав про такое, снажет: «Ну и выдумка! Плод больного воображения или изощренного сказочника!» Эбермут решил поехать на архипелаг. Во время путешествия по островам ему

далось зафиксировать двадцать случаев рождения необычных двойняш, причем в разных районах страны - в Булакане, Лагуне, Илоскосе (остров Луон).

В сентябре 1969 года, описывает Р. Эбермут, в баррио (деревня) близ Малолоса (Булакан) в семье бедняка Сентено родился мальчик, которого назвали Армандо. Через полчаса на свет появился еще один "ребенок", скорее "детеныш", ибо это была змея, которую назвали Дигна. Рождение такого существа объясняют тем, что муж во время беременности супруги бессознательно вырезал на дереве или кости головки змей и фигурки рептилий. Более того, самой супруге змеи постоянно перебегали дорогу, когда она шла по улице или занималась домашними делами. Итак, мальчик и змея. Когда Дигне исполнился год, Сентено решил отдать "дочь" в зоопарк. Но змея как-то узнала об этом и исчезла. Но она неизменно появлялась в доме - на праздники (прежде всего в Рождество), в день рождения - своего и брата.

В возрасте семи лет Армандо начал обнаруживать способность исцелять людей. Первой пациенткой стала его мать, у которой болело сердце. Примечательно, что излечил он ее в присутствии сестры-змеи, которая к этому времени вползла в хинину.

Армандо, как правило, отказывался от платы за лечение. Почему? Оказывается, однажды, когда он собирался положить в нарман довольно значительную сумму, сестра-змея посмотрела на него так укоризненно и осуждающе, что он понял: она не одобряет этого...

Рудольф Эбермут задался вопросом: что стоит за искусством филиппинских врачевателей - воля Бонья или демонические силы? Или это нечто такое, что стоит за грани-

циами всего, за границами добра и зла?

И тут надо сказать: наблюдения и открытия, подобные тем, что провел Р. Эбермут, уводят исследование филиппинского феномена в область мистики. Они тем самым отбивают охоту ученых заняться исследованием операций без ножа.

- Наконец серьезный ученый, выслушав рассказ об Армандо и Дигне, захочет троить свою энергию, ум и время на бред? - Именно так сформулировал свое отношение к этим "чудесам" один из участников международной конференции по "филиппинскому феномену". О ней следует рассказать особо.

Из ямы с пауками

Еще летом 1984 года я получил приглашение на первую международную конференцию по паранормальному лечению в Багио. Ее организовали ведущие филиппинские врачи-врачи. Они очень хотели, чтобы в мероприятии участвовали в любом качестве (даже просто наблюдателей, гостей) российские знахари или дипломированные специалисты, ученые. К сожалению, наша страна была представлена только журналистами, некредитованными в Маниле. И, конечно же, не в качестве экспертов...

Это действительно было событие! Залы большой пятизвездной гостиницы были превращены в место для демонстрации искусства врачевателей. Седой сухопарый англичанин, положив руки на глаза, спину и живот больного, избавлял его от недуга. То же самое делала и дородная африканка; правда, у нее все получалось куда загадочнее, таинственнее. Она время от времени улыбалась. При этом змеи, украшавшие ее

платье,казалось, оживали и становились участниками колдовства.

Австралийцы Зое и Мальнольм Хэгон (последователи Фрейда) убеждали, что прежде чем лечить человека, следует заглянуть в его прошлое, и чем дальше, тем лучше. Нужно изучить его беды через призму перевоплощения. Например, приходит к Зое и Мальнольму женщина, которая до безумия, до помешательства боится пауков. Как ее лечить? Пренде все-го пациентку погружают в транс и заставляют заглянуть в свое прошлое, вызывая одновременно ее дух на откровенность. В результате до Зое и Мальнольма доходит такая информация: давным-давно в Африке при дворе короля работала женщина-врач. Ее главной заботой были двое сыновей монарха. Но надо же такому случиться — мальчики умерли. Разгневанный, ослепленный горем отец повел бросить лекарку в яму с пауками.

— Восемь дней умирала несчастная, — сообщала подробности миссис Хэгон. — Этот страх в результате перевоплощений переселился в душу их современной пациентки.

Проведав о яме с пауками, Хэгоны принялись за лечение. При этом они сказали:

— Терапевт должен верить в перевоплощение. Только в таком случае он может искать решение проблем, которые лежат за порогом нынешней жизни.

По мнению многих врачевателей, болезни (такие, как слепота, эпилепсия) вызываются плохими поступками, совершенными в прошлом. Все идет от духа, от духовного мира. Дух существует вне времени. Даже несчастный случай может быть следствием греха, ошибки в поведении, в отношении человека к другим людям, к вере.

И если болезнь имеет корни в духе, то и лечение следует проводить не снальпелем, а совсем другими "инструментами". Теми, что лечат, совершенствуют дух, выводят человека на путь истины.

Участники конференции с пониманием слушали подобные рассказы и рассуждения, спокойно смотрели на "фонусы" друг друга. Тем более что каждый "фонус" претендовал либо на чудо, либо по крайней мере на зародыш великого научного открытия.

Но труднее оказалось сдерживать нервное возбуждение и даже раздражение, когда специалисты стали спорить: что стоит за тем или иным методом исцеления? Бог, сатана, воспаленный больной мозг шизофреника или сильный разум, трезвый дух здорового человека? Чтобы выйти победителем из спора, его участники опирались на фотографии, свидетельства исцеленных, слайды, магнитофонные записи... Некоторые рассуждали о привидениях, летающих тарелках, как будто они встречаются с ними чуть ли не каждый день...

Ногда знахарь из Великобритании Томас Джонс рассказывал, явно гордясь собой и намекая на союз со сверхъестественными силами, как он излечивает людей, нладя руки на "эпицентр недуга". один американский целительзвительно заметил: "А вот в Москве лечат человека по телефону и телевизору, передавая энергию по набело. При этом никакой речи о божестве". И хотя Томасу Джонсу такое пренебрежение к его искусству явно не понравилось, он решил не обострять обстановку: дескать, у всякого свои методы, и тут же перевел разговор на бразильскую хирургию.

Несмотря на то, что бразильские знахари орудуют ножами, некоторые обычно видишь в мясных

занах, и при этом не дезинфицируют их, да и не моют, их операции вызывали меньше сомнений, чем "филиппинский метод"...

Кровь лилась рекой

Однако филиппинцы не сдавались. Они старались вовсю: кровь оперируемых на этот раз "лилась рекой", опропляя столпившихся рядом участников конгресса и фотокорреспондентов.

Но первый испуг быстро проходил, ибо оперируемые явно не страдали от потери крови и один за другим бодро поднимались с операционных топчанов.

Их сторонники и популяризаторы из числа журналистов, писателей проявляли при этом способность мыслить диалектически: в мире, мол, все развивается, появляются компьютеры вместо допотопных деревянных счетов, солнечные батареи вместо неросичон. Тан и хирургия. Филиппинский метод – это высший этап по сравнению с вульгарным ножом, даже скальпелем. Но это искусство требует дополнительных [и порой неизведанных!] затрат паранормальных сил. А голые пальцы, ногти которых врачеватели покрывают лаком, могут быть более совершенным орудием операции, чем нож. При этом теоретиков "филиппинской хирургии" чудесным образом "подкрепляли" практики.

Хун Лабо, готовясь заранее, упросил спецслужбы (говорят, он просто-напросто преподнес одному из генералов многомиллионный подарок) устроить утечку информации, и все узнали, что сам президент Маркос – человек, в личной клинике которого стоят современные аппараты по поддержанию жизнедеятельности почек – называется хилером! Когда же

одна из дискуссий грозила зайди в тупик и недоверие могло перейти в поражение филиппинских врачевателей, появился господин Борис Сад, бизнесмен из Нью-Йорка. Он заявил, что в клинике врача-хилера, искусству которого он доверяет без тени сомнения, у него как бы открылось еще одно зрение: "Я почувствовал себя так же, как люди, описанные в Библии, на которых вдруг снизилось озарение".

– Я согласен стать подопытной свинкой, – заявил Хасинто Гонсалес, юрист из Манилы. – Но я уже три раза был у психохирурга. Ничего не вышло! Я становлюсь все большим и большим скептиком. Позади моего позвоночника они, видите ли, нашли и удалили... птичку.

Тяжело новыляя, опираясь на палочку, Хасинто Гонсалес покинул зал конференции. Однако Прudenс Тернер, художница из Великобритании, осталась. Недавно коллеги Орбито и Лабо сделали ей операцию по удалению раковой опухоли.

– Я надеюсь, – сказала она, – что наступит облегчение. Но у меня вызывает беспокойство то, что они, хилеры, слишком много здесь говорят...

Для меня главным итогом конференции был четкий вывод: одни начисто отрицают филиппинский феномен; другие занимают вынужденную позицию; третья пользуются искусством хилеров; четвертые изучают это искусство врачевания.

Осложнение после операции

Противники хилеров уверены: их операции – попросту мастерство иллюзиониста, фокусника высшей квалификации. Хилеров, в том числе брата Алена Орбито, лови-

ли на нульничестве. Частенько задается и такой вопрос: допустим, они проникают в тело без ножа, но как угадывают, что надо извлечь, где болевое место?

Филиппинская медицинская ассоциация еще в 1978 году классифицировала хилеров в своем официальном документе как "людей, занимающихся заведомо подозрительной практикой с использованием методов обмана, которые противоречат закону и медицинским нормам, наживающихся на доверии своих подопечных". А вот что писал в газете "Филиппин дели эспресс" филиппинский врач Пелагио Балдовино, практикующий в местечке Алаба провинции Касон (остров Лусон): "Я видел больных, которых после хилеров привозили в госпиталь в тяжелом состоянии. Некоторые из них умирали спустя несколько часов после госпитализации".

А западногерманский врач Хаймер фон Дитфурт в журнале "Шпигель" назвал филиппинских врачевателей "шарлатанами, прибегающими к шуллерским трюкам и обогащающимися за счет денег пациентов, многие из которых иностранцы". "Используются, — отмечает автор, — ватные тампоны, смоченные в химических жидкостях, которые, соединяясь и вызывая реакцию, дают жидкость, похожую на кровь. В ватных тампонах и полотенцах, подаваемых ассистентами, спрятаны рыбьи пузыри, кусочки костей, перепонки и другие части, взятые обычно у убитых животных — все это "вынимается", чтобы поразить зрителей".

Пациенты из Западной Германии, с которыми Дитфурт возвращался домой, чувствовали себя после посещения хилеров, по их словам, "намного лучше". Профессор задал вопрос одному из них: "Вы считаете, что действительно

излечились на все сто процентов?" "Да, без сомнения", — ответил тот. "Через несколюко месяцев после этого, — говорит Дитфурт, показывая надры на груди, — он лежал здесь". Многие филиппинские газеты целиком или в изложении перепечатывали статью из "Шпигеля". Одни разделяя точку зрения ее автора, другие — резко противостоя против нее.

Первым отклинулся Хун Лабо, которого называют "легендарной личностью", "филиппинским Мухаммедом Али среди хилеров" (сам Лабо величает себя "величайшим"). Он вызвал Дитфурта на своеобразную дуэль, заявив, что тут же выполнит 50.000 долларов, если его уличат в нульничестве или шарлатанстве во время операции. При этом врачевательставил одно условие — операция без ножа, которую он был готов показать в любой момент, должна проводиться под наблюдением представителей национальных академий медицинских наук. В случае выигрыша [Хун Лабо не сомневался, что победит] сто тысяч долларов должны быть переведены на счет Главного госпиталя Багио. Но западный немец не принял вызова ...

В большинстве своем филиппинские хилеры защищаются слабо и неумело. Дело осложняется еще и тем, что сами "специалисты по лечению верой" неспособны внятно, логично, доказательно ответить на вопросы: почему именно в том, а не ином направлении уходят пальцы? Как они "чувствуют" больную ткань? Хайме Линауно, вставшая на защиту своих героя, относит это на счет низкого уровня образования, плохого знания иностранных языков, медицинских терминов, но главное — "хирург" не в состоянии ничего объяснить, ибо он выступает не в роли антивной силы, а как посредник, некая передаточная инстанция [транс-

форматор) между больным и сверхъестественной, священной силой".

Но и в таком объяснении масса противоречий. Если хилер посредник, то как же святой дух допускает явный обман?

- Безусловно, - соглашается Х. Линчано, - среди знахарей есть шарлатаны, обманщики. И, конечно, были случаи, когда извлеченные ими пораженные части человеческого организма не совпадали с "оригиналом" и являлись плодом ловких манипуляций.

Да, с шарлатанами понятно. Но ведь и честных хилеров ловили на "пузырях". Как это объяснить?

- Да, и такое бывало, - слышу ответ. - Но представьте, к честному врачевателю приходит человек и жалуется на боль в животе. Он умоляет: "Уберите источник боли, избавьте меня и мое тело от хвори". Хирург, вскрыв полость живота, не находит там больного места. Но чтобы успокоить больного, он показывает ему якобы извлеченную больную ткань. И пациент обретает уверенность, что с болезнью покончено.

Часто такая вера, такое "самонуждение" действительно приводят к исцелению...

Фант остается фантом: к врачевателям идут люди. Операции занимают по времени максимум две минуты. Один из хилеров за одиннадцать месяцев прооперировал 2000 человек!

И я в конце концов, кажется, понял, на чем зиждется и процветает популярность "филиппинского феномена".

Как автору этого материала удаляли зуб

Среди вырезон о чудесных исцелениях у меня лежит статья о

хилерах-стоматологах. Они, правда, зубы не лечат, а только удаляют их. Но уж вырывают любой зуб, причем либо голыми руками, либо с помощью палочки, гораздо реже щипцами. И главное - совершенно безболезненно и почти без всяких неприятных последствий.

В Университете Филиппин на эту тему была дана защищена диссертация. Ее автор Констанца Фернандес Клементе, психолог по образованию, несколько месяцев наблюдала за тем, как хилеры удаляли зубы голыми руками. Однажды у нее самой возникла проблема, и она пошла к дипломированному стоматологу - следовало удалить зуб. Но, так как она была на последнем месяце беременности, врач, опасаясь возможных последствий, не решился взяться за щипцы. Вместо этого он посоветовал обратиться к знахарю. "И хотя, - делится впечатлениями Клементе, - коронка зуба не совсем вышла, Родольфо Лаганод Намионг в мгновение она, а точнее за три секунды, вытащил его, используя, правда, щипцы". Совершенно никакой боли ни во время операции, ни после нее Клементе не почувствовала.

Способность избавлять людей от боли знахарь объяснил так: "Своим даром я обязан Богу. Однажды, когда я жил еще в городе Олонгапо, ко мне прилетел сизый голубь и сообщил о том, что я могу вырывать зубы". Н другому стоматологу - Хуну Мелдия - озварение пришло в иной форме. "Мне было 16 лет, - передает его рассказ газета "Таймс джорнэл". - Во время праздника, когда я выпил слишком много вина, я услышал, как человек налегается на зуб. Я попросил его открыть рот, взял зуб. Я даже не знал, что удалил его, и понял это только тогда, когда пошла кровь". Вот уже десять лет, добавляет га-

зета, Мелдия удаляет зубы. Все тем же способом – голыми руками. Только сейчас он кладет на большой зуб носовой платок, чтобы не скользили пальцы".

Побывал у зубоврачевателя и я. Дело было в городе Замбоанг на острове Минданао. Я остановился в гостинице и принялся за дела: встречался с местными газетчиками, издателями, политическими деятелями, фотографировал город, его окрестности. И вдруг, как это всегда бывает, неожиданно у меня заболел зуб. Заболел в субботу. За ночь щеку раздуло так, что страшно было смотреть. Надежды на то, что успею долететь до Манилы, не осталось, и я пошел к администратору гостиницы с просьбой указать мне адрес врача. Выслушав меня и искренно посочувствовав, девушка сообщила, что в воскресенье известный стоматолог, выпускник столичного университета, не принимает. Зато, успокоила она тут же, в десяти минутах от гостиницы врачует замечательный умелец. "Идите к нему, – улыбнулась администратор, – не пожалеете, да и берет он недорого".

Скоро такси – "трайсанл" (мотоципл с коляской) остановилось около одноэтажного дома. Я постучал, появилась женщина и пригласила войти.

Номната, в которой меня попросили подождать врача, была обычной. Изредка сюда заходили со двора нуры (дверь не закрывалась, потому что снаружи – единственное спасение при жаре, а жара стояла соронаградусная), их выгонял мальчик лет семи. Нуры убегали, потом появлялись снова. Минут семь я наблюдал за этой игрой. Нанонец появился врач. После приветствий и краткого знакомства (врачеватель видел, что мне худро) я сел в "кресло", отличавшееся от остальных стульев большим раз-

мером. Нинанах унолов, нинанх протираний. Целитель взял щипцы и... Моя операция длилась, может быть, даже быстрее, чем у Констанцы Клементе. Но зато в отличие от ее часа три после операции я страдал от нестерпимой боли. Тем не менее я был благодарен за своевременную помощь. Что было бы со мной, если бы не врачеватель?

Вот именно этот вопрос я и задаю сейчас, чтобы объяснить (отчасти, конечно) популярность народных врачевателей. Задачи здравоохранения на Филиппинах далеко не решены. Уже после того, как я стал забывать о вырванном зубе, состоялась беседа с мэром города. И я узнал, что на два с половиной миллиона жителей Западного Минданао (туда входит и Замбоанга) – всего 240 врачей. И только сорок специалистов работают в сельской местности... К кому же обращаться больному? Поэтому он и смотрит на хилера, как на спасителя, он его последняя надежда. Да и платить ему надо несравненно меньше, чем дипломированному врачу. Если в Маниле только за то, чтобы подготовить зуб к пломбе, мне нужно было выплатить 150 песо, то в Замбоанге за всю операцию, пусть мучительную, я отдал всего 25. Да и то потому, что иностранец. Свой пациент мог бы заплатить раз в пять меньше или отблагодарить за помощь полдюжины лиц. А лекарства? Они практически недоступны большинству населения. Хилер не требует платы за йод, анестезию, таблетки, да еще дает настои из трав. Понятно, что он – благороднейший спаситель и благодетель!

Было бы совершенно неправильно утверждать, что филиппинцы в силу патриархального мышления, приверженности отнивающим традициям всегда предпочитают хилеров. Без сомнения, зачастую

популярность хилеров напрямую связана с бедностью, безысходностью пациентов; отсутствием лечебных заведений, фармацевтической промышленности...

И все же не следует эту проблему упрощать. Многие хилеры действительно помогают, действительно лечат. И действительно не мало людей они спасли от предвременной смерти. Ведь в очередях к врачевателям мы видим и атеистов, с улыбкой воспринимающих рассказы о "сизых голубях" и "морских чудищах", и вполне состоятельных людей, которым доступны все клиники и лекарства мира.

Они врачили и президентов

Известный писатель, видный деятель культуры, лауреат премии ЮНЕСКО Сепко Нарунунган – человек трезвого ума, отрицающий мистику и всячного рода абстрактные категории, относится к врачевателям с подчеркнутым уважением. "Они специалисты своего дела, – говорит он. – Есть ли у меня основания для такого утверждения? Есть!" И смотрит на жену – Сари Нарунунган чуть приподнимает длинную бальную юбку и показывает на левую ногу. "Видите, нормальная ведь нога. Благодаря Алесу Орбито. После родов, нан и у многих женщин, у меня заболели ноги. Вы знаете, варикозное расширение вен трудно поддается лечению. Я ходила по многим врачам, принимала лекарства, дорогие, самые разные, в том числе и заморские. Ничего не помогало. Ну и вот ... Однажды Сепко говорит, давай понанемся Алесу Орбито. Я сначала колебалась. А потом решилась. И – видите?.."

Другой мой хороший знакомый, крупный ученый экономист Алексан-

дро Личауко, сам лечился у Алекса Орбито: "Болело сердце. Я не только не мог летать на самолете, мне трудно было даже подниматься по лестнице. Чувствовал себя сверху".

И вот почти в отчаянии Личауко решил прибегнуть к последнему средству. Вместе со своей женой Нитой он поехал к врачу. "Не могу тебе точно сказать, – улыбается Александро, – что сделал со мной Орбито. Нане скончавшись вынул он из моего тела и вынимал ли... Но чувствую я себя после операции прекрасно. И не только свободно поднимаюсь по лестнице, а летаю на самолете, работаю по многу часов".

– Н услугам хилеров, – рассказывает мне Х. Линауко, – прибегал президент Маркос. Да и не только он. Президент Ливии Каддафи назывался филиппинским хилером. Они были готовы помочь и Брежневу. Но мы знаем – в России есть в этой области свои замечательные специалисты.

119

Психооперации и психоврачеватели

Но пора нам послушать и ученых, дипломированных специалистов...

В многочисленной литературе о филиппинских врачевателях довольно часто встречается имя Альфреда Степлера. Доктор, профессор физики и химии из Дортмундского технического университета, он провел одно из самых тщательных исследований результатов, как он называл, "психологической хирургии". Профессор пришел к заключению: "филиппинский феномен" существует, хотя встречаются и шарлатаны, и фальшивыхцев мастеров в этой области. Филиппинцы, предполагает доктор Степлер, являются единственными на свете людьми, которые могут осу-

ществлять эти "психологические операции" голыми руками без гипноза, без анестезии, без боли и заражения инфекции. Поэтому после операции очень трудно обнаружить следы самой операции...

Проведя серию анализов, исследователи решили все же ответить на вопрос: в чем и откуда сила врача?

Алекс Орбито получил очередное приглашение в Европу. Экспериментов провели немало, вот один из них: ученые попросили Орбито лечь рядом с человеком, который страдал болезнью суставов, затруднявшей движения. Исследователи накрыли хилера и парализованного одеялом и предложили им заснуть. После двух часов сна их разбудили. Попросили двигать руками и ногами. И величайшему удивлению ученых, больной оказался способным сделать это. Вывод? Орбито источает или излучает из своего тела некую странную и целительную силу или энергию, которая может передаваться больному человеку и излечивать его.

- Я сказал им [европейским ученым. - **П.И.**] - вспоминает Орбито, - что являюсь обыкновенным человеком. Я курю сигареты, я смеюсь и плачу, чувствую боль, я могу любить женщину так же, как и все остальные люди... Но когда я провожу сеансы лечения в Европе, я быстро устаю. Мои силы уменьшаются, потому что вибрация, которую я испытываю, совсем другая. Силы снова возвращаются ко мне, когда я привыкаю к чужой обстановке, климату...

Энергию врача-врача можно сравнить с энергией йогов, которой они окружают свое тело и которая дает им возможность босиком ходить по огню. Возможно, это та же энергия, что сосредоточивается вокруг руки каратиста, когда он раскалывает нирпичный блок или деревянный брус. (Допол-

нительная энергия опережает тело человека и обрушивается на препятствие уже до того, как к нему приносится рука ...) В таком случае можно предположить, что хилеры сознательно или бессознательно способны концентрировать вокруг своих пальцев (особенно из их конца!) энергию, которая, отделяясь, проникает в тело, как бы "раздвигая" клетки или даже атомы. Не исключено и то, что энергия вступает в активное взаимодействие с человеческой плотью. Особенно с большой. Именно этим объясняют сторонники хилеров тот факт, что порой удаленные части тела, кровь по своему составу часто не совпадают с "оригиналом", которому принадлежали. Следует учитывать, доназывают археологи феномена, что врачеватель является сильным источником невидимой энергии или магнетизма. А под ее [или его] влиянием, как от лучей солнца [загара!], меняются химические, биологические и другие характеристики удаленной части и она уже может неизвестно измениться после операции.

- Да-да, вполне допустимо, что энергия, "раздвигаящая" молекулы, позволяет пальцам проникнуть в тело, - рассуждает Х. Линкауно. - Вместе с тем я склонен согласиться, что эту энергию можно отнести к разряду электромагнитной. Она способна парализовать нервную систему на определенном участке и тем самым свести чувство боли к нулю...

Нередко высказывается и такое предположение: хилер способен создавать некое магнитное поле, и если оно совпадает с магнитным полем Лусона [авторы теории утверждают, что оно, это поле, есть, от чего операции могут делать только филиппинцы и только на острове Лусон, а лучше всего в его провинции Пангасинан, откуда вышли все знаменитые хилеры ...], то можно

делать операции. Неведомая энергия обеспечивает стерильность пространства над образующейся раной, которая бывает открытой лишь на мгновение.

Другие считают, что вообще не происходит никакого вскрытия. Хиллер, являясь носителем астральной энергии, направляет ее в тело больного, она быстрее, чем рентгеновские лучи или радиоволны, достигает больного места, дематериализует его и "выносит" из тела...

Эта теория принадлежит доктору Хансу Наегели, президенту Швейцарского общества физических исследований.

Я думаю, точнее всех по этому поводу сказал американский врачеватель Амбуаз Уоррелл: "Я считаю, что большинство чудес вовсе не является чудесами, так это принято здравым смыслом. А являются только работой невидимых универсальных законов на более высоком уровне сознания и существования, такого, которое нам неизвестно".

Век духа

Стоит прислушаться и к такому мнению: на человека обрушивается огромная энергия из Космоса. Хиллер как бы заряжается ею, а потом ее же и отдает. Ведь если сырое яйцо раскрутить до определенной скорости, то оно может пробить стальной лист толщиной пять сантиметров.

Ганс Эган Наланне из Стайнберга (ФРГ), бизнесмен, владелец предприятий, выпускающих наручные часы, после того как прошел курс лечения у Аленса Орбита (он сделал ему несколько операций), пришел к такому неожиданному для многих выводу: то, что А. Орбито удаляет из тела больного, – это форма материализации, которая находится в другом измерении. При этом бизнесмен сослався на пос-

ледние исследования в Европе в области "материализованных субстанций", когда "новые субстанции", возникающие при материализации, неизвестны современной науке. Возможно, согласно Наланне, они и являются причиной заболевания людей. Именно их удаляют врачи. Я считаю, – продолжает Г.Э. Наланне, – феномен лечения психохирургией, которую практикуют на Филиппинах, не принадлежит полю деятельности парapsихологов. Он принадлежит к другому измерению, к другой категории. Наука в настоящий момент не может дать адекватного или настоящего объяснения этому. По крайней мере, сейчас".

На конференции по паранормальному лечению генеральный секретарь спиритуалистической ассоциации Великобритании Том Дионхансон, призывая серьезно относиться к филиппинским врачевателям, говорил: "Чтобы понять болезнь как часть природы, необходимо в полной мере признать, что человек не только физическое тело. Человек не может существовать только в физическом или материальном измерении. Он также существует на эмоциональном, интеллектуальном и "мистическом" спиритуальных уровнях... До сих пор врачи ограничивали свое лечение на физическом уровне. Новый веянец исцеления, который только, возможно, начнет развиваться – это "вен духа". Он учит нас лечить человека как единое целое – дух, ум и тело; смотреть на болезнь, как на нарушение внутренней гармонии..."

Что ж, споры вокруг хиллеров, стремление доказать или опровергнуть их действенную силу – все это может привести к новым открытиям.

Ибо споры эти толкают ученых на поиски; будят не только воображение, но и ум...

ЛЮСЬЕН ПИССАРРО

РОССЕТТИ

122

В середине XIX века в художественном мире Европы возникло убеждение, что искусство уже утратило всякую связь с традицией и, как слепой, потерявший посох, ищет дорогу ощущенью. Точной опоры творчества стало возвращение к природе. Это возвращение выразилось весьма различно: в зависимости от страны и среды. Так в Англии возникла прерафаэлитская школа живописи, задачей которой было соединение сложных страстей XIX века с наивным миросозерцанием ранних итальянских художников.

Говорят, что реализм прерафаэлитов в Англии искал только благородных сюжетов. Но что такое благородный сюжет? В искусстве не существует специально благородных предметов, но есть только гармония линий и красок. Так, например, школа прерафаэлитов предпочла бы розу капусте ради символического значения этого цветка: роза — царица цветов. Но с живописной стороны разве роза лучше капусты? Все зависит от того, в какой степени художник может выразить красоту, гармонию формы и цвета того и другого растения.

Как объединение "Прерафаэлитское Братство" просуществовало менее десяти лет, однако толчок, который оно дало развитию искусства викторианской эпохи, чувствовался вплоть до начала нашего столетия.

Одним из самых ярких представителей Братства был Данте Габриэль Россетти. Его картины вполне символичны и литера-

*Люсиен Писсарро — единственный сын известного французского художника импрессиониста Никола Писсарро.

Россетти. Умиротворение на пути, 1872 г.

турны. И неудивительно — ведь Россетти был не только художником, но и прекрасным поэтом. Кстати, сам он себя считал скорее писателем, чем художником.

Россетти — итальянского происхождения, что и видно из его фамилии. Предки художника со стороны отца были уроженцами маленького Абруццского городка. Первоначальная их фамилия — Делла Гардия; уменьшительное же Россетти (рыжеволосый) получил, вероятно, какой-нибудь рыжеволосый предок, и прозвище утвердилось за последующими поколениями. Отец художника состоял членом партии реформаторов, добившихся конституции от короля Сицилии Фердинанда в 1820 году. Когда король возвратился с австрийским войском, Габриэль Россетти был вынужден покинуть Италию. Английский адмирал, командовавший флотом в Неаполитанской бухте, помог ему бежать под видом английского моряка.

Проведя три года на острове Мальта, Габриэль Россетти поехал в Англию, заручившись рекомендательными письмами от мальтийского губернатора. Год спустя он женился на Мэри Поплори. 12 мая 1828 года у них родился сын Данте Габриэль.

О самых юных годах жизни Данте Россетти мало что известно. Учился он вначале в частной школе, а затем в школе при Королевском колледже. Изучал латинский, французский языки и отчасти греческий. В ребенке рано проснулся вкус к литературе: в пять лет он сочинил драму "Раб", а в тринадцать написал романтический рассказ в прозе "Родерико и Розалба".

Вскоре в юноше проснулось желание стать художником. По окончании школы он учился технике искусства в академии Кари, в Блумсбери, а в 1846 году поступил в класс античного искусства при Королевской Академии. Но ему были противны условные методы обучения, поэтому он вскоре бросил Академию и поступил в мастерскую Мэдокса Броуна, согласившегося учить его живописи не за плату, а ради удовольствия общения с человеком, близким ему по духу. Но и здесь Россетти работал не постоянно и через несколько месяцев ушел из мастерской Броуна.

"В день открытия выставки (в мае 1848 года), — вспоминал Гент, — Россетти подошел ко мне и громко стал хвалить мою картину, объяснив, что это — лучшая вещь на выставке, что меня очень смущило. Он особенно восторженно отнесся к тому, что я взял сюжет из поэзии Китса; мне кажется, что никогда еще ни один художник не вдохновлялся этим удивительным поэтом, который был тогда мало известен, как это ни покажется невероятным".

Россетти захотел ближе сойтись с Гентом. Ему удалось уговорить того работать вместе в одной мастерской, которую Гент и нанял. Здесь Россетти принял за первую свою композицию, так как до сих пор занимался только этюдами, эскизами, портретами.

В это время литературные работы Россетти намного превосходили художественные. Он сделал блестящий перевод "Vita Nuova", огромный труд, в котором ему удалось с удивительным искусством передать теплоту южной речи; к тому же периоду относятся его наиболее известные поэмы: "Блаженная дева", "Сон

моей сестры", "Портрет", "Последняя исповедь" и "Прелюдия невесты".

Миллз и Гент, товарищи Россетти по Академии, разделяли его налюбовь к современному искусству. Они считали, что необходимо бросить условный стиль и вернуться к строгому, добросовестному изучению природы. Но они долгое время находились в перепротивности. Исповедуя новые верования, не знали, от чего им оттолкнуться. И вот однажды, когда друзья сидели в доме Милла и рассматривали гравюры Сатро, они неожиданно поняли, что искомое направление наконец найдено. Гольман Гент рассказывает, что в тот же вечер возникла мысль о "Прерафаэлитском Братстве". И друзья приступили к осуществлению своего замысла.

Гольман Гент начал писать картину "Риенци клянется в мести над телом брата", Миллз – "Лоренцо и Изабелла", а Россетти – "Детство Девы Марии". Конечно, композиция этой первой и очень сложной по замыслу картины стоила ему многих трудов и огорчений. Но к весне 1849 года все три картины были окончены для выставок. Произведения Миллз и Гента заняли места в Королевской Академии, а картина Россетти попала на так называемую Свободную Выставку в галерее Гайд-парка. Россетти изобразил комнату в доме пресвятой Девы с балконом, на котором отец ее св. Иоаким подвязывает длинную ветвь винограда. С правой стороны на фоне зеленой занавески видны фигуры св. Анны и Девы Марии: они сидят за пильцами. Мать в темнозеленой и коричневой одежде с темнокрасным голонным убором смотрит, склонив руки, на их работу. Пресвятая Дева изображена не в стиле обычных мадонн; одета она в серое платье и держит иголку в руке, между тем как взоры Ее обращены на ребенка-ангела с белой лилией в руке. Россетти писал св. Анну со своей матери, а сестра его Кристина служила моделью для Девы. Изменив темно-русые волосы сестры на золотистые, Россетти сделал отступление от правил "Прерафаэлитского Братства", требующего от художника строгой копии с натуры. Россетти подписался под картиной и к своей фамилии прибавил три буквы: П Р Б. Так как он открыл одному приятелю значение этих букв, то вскоре все узнали о новом Братстве. И с тех пор противникам традиционного авторитета не давали покоя ни критики, ни зрители. Надо заметить, что в то время Рафаэль считался величайшим из всех художников. Предшественников его просто не хотели знать, и во всех школах живописи были установлены обязательные правила, в основу которых входила манера письма Рафаэля. Члены нового Братства и восстали против этих правил, а не против самого Рафаэля, которого они, впрочем, мало знали.

В одно время с картиной, изображавшей детство Девы Марии, Россетти написал портрет своего отца; музыканта, играющего на лютне, позаимствовав сюжет из поэмы Кольриджа "Женевьевэ", "Гретхен в церкви" с Мефистофелем, нашептывающим ей на ухо; "Солнце может светить, а нам холодно", где изображена девушка у окна, по-видимому, пленница. И замечательный рисунок пером – две встречи Данте с Beatrisой: на Флорентийской улице и в раю.

Через два года после первой выставки Россетти с друзьями вновь выставились. И печать пуще прежнего обрушилась на прерафаэлитов. Но неожиданно молодые художники нашли защитника. Известный критик Рёскин написал несколько писем в "Таймс", выступив в защиту Братства. В них Рёскин подробно изложил его принципы. Таким образом "Прерафаэлитское Братство" вместо туманных теорий получило кодекс незыблемых правил, которым они и стали следовать, не только из благодарности своему благодетелю, но и потому, что сами соглашались с его идеями. Россетти написал тогда только три картины, строго согласуясь с правилами Братства. Любопытно, что Мадокс Броун, ненавидевший всякие клички и не принадлежавший к Братству, написал наилучшую картину "Груд" в чисто прерафаэлитском духе.

Возле Россетти собирались Вулнер, Коллинсон, Деверель, Миллз, Гент, Мадокс Броун, Уильям Скотт и Патмор. Среди художников только двое, Миллз и Гент, не проявляли литературных наклонностей. Группа образовала литературный кружок и начала выпускать журнал "Росток". Возглавлял его Россетти, который обязан был распространять идеи П Р Б. В первый номер журнала Россетти дал две вещи: "Сон моей сестры" и стихотворение в прозе "Рука и душа". В следующих номерах появились: "Блаженная дева", "Звон", "Границы моря" и несколько сонетов. Но журнал просуществовал недолго — всего вышло только четыре номера — и хотя успеха не имел, он утвердил репутацию Россетти среди небольшой группы артистов и поклонников.

Буря негодования, вызванная первыми картинами Россетти, привела к тому, что он решил отказаться от религиозно-мистической темы. Молодой художник обратился к романтическим сюжетам, черпая их в произведениях Данте, Броунинга, Китса и в "Смерти Артура" Малори. У этих поэтов художник нашел мотивы большей части своих композиций, и все его работы проникнуты оригинальной прелестью и наивностью.

Вначале он задумал большую картину на сюжет песни пажа в поэме Броунинга, но быстро отказался от нее. Тот же замысел послужил темой для маленькой вещицы под названием "Послушай, королева, — сказала Кэт": картина относится к 1851 году, к этому же времени принадлежит рисунок пером на сюжет из "Торелло" Броунинга и "Лаборатория" — акварельный рисунок, представляющий мало сходства с известными акварелями Россетти.

В 1849 году появилась небольшая вещица из-под его кисти на сюжет из "Vita Nuova": "Беатриса за свадебным завтраком отказывает Данте в своем приветствии". Главная фигура написана с мисс Елизаветы Сиддаль. Отец ее занимался производством ножей в Шеффилде, а сама она работала в модном магазине. Вальтер Деверель, один из Братства, заметил ее, когда однажды сопровождал мать в магазины; художник уговорил девушку позировать для его картины "Viola", а впоследствии познакомил ее с Россетти. Мисс Сиддаль служила моделью для большинства женских типов в первых лучших акварелях Россетти.

В 1851 году он написал прекрасную небольшую картину "Семья Борджа". на которой Лукреция изображена в пышном белом платье, расшитом пестрыми лентами и бантиками; она держит в руках лютню, а у ног ее на переднем плане танцуют девочка и мальчик. Папа Александр VI наклонился к ее левому плечу, между тем как по другую сторону брат Лукреции Цезарь Борджея отбивает ножом темп на стакане, стоящем на столе.

Россетти вскоре заметил у мисс Сиддаль большую склонность к искусству. Благодаря своему умению влиять на людей, он уговарил натурщицу сделаться его ученицей. И надо заметить, Сиддаль проявила большие успехи под руководством Россетти: ее акварели свидетельствуют о ее тонком чувстве красок.

Симпатия между учителем и ученицей перешла в настоящую любовь. Нет точных сведений о времени их свадьбы, тем более что известие это, по желанию мисс Сиддаль, сначала хранилось втайне; всего вероятнее, что Россетти женился в 1860 году.

В этом же году появилась акварель "Могила короля Артура", над могилой прощаются Ланселот и Джинивра; через год — три акварели: "Рождество", "Прекрасная дама без пощады" и "Благовещение", а также рисунок, сделанный для иллюстрации поэмы Уильяма Аллингама. Артистической и романтической силе, создавшей прерафаэлитское движение, пришлось пять лет спустя совершить еще одно важное дело: мы говорим здесь о слиянии двух направлений: направления первых прерафаэлитов, представителями которых были Россетти, Гент и Миллэ, и направления, выраженного позднее Моррисом и Берни Джонсом. Эта вторая группа прерафаэлитов вышла из Эксетера Колледжа в Оксфорде.

Как и первая группа, они выступали против современной формы искусства. Оксфордское сообщество, так же, как и ПРБ, основало собственный печатный орган, в котором излагало свои взгляды.

В 1855 году, в Рождественские праздники, Берни Джонс приехал в Лондон и был представлен Россетти, которым он и Моррис восхищались. Россетти написал "The Burden of Nineveh" и небольшой вариант на "Блаженную Деву" для журнала Морриса.

Год спустя Берни Джонс и Моррис поселились в Лондоне. Молодые люди вскоре полностью пошли под влияние Россетти, и их мастерская сделалась центром сборищ всех единомышленников Россетти. При отделке мастерской друзья положили начало производству артистической мебели: Россетти нарисовал два панно для шкафа, воспользовавшись своим старым рисунком "Приветствие Беатрисе". Кроме того, Россетти расписал спинки

Россетти. Мое видение Фиамметты.

Уильям Дайо. Первый погребальный в цвете в подражание Тициану.
1856-57 гг.

Джон Уильям Уотерхауз. Гимей и нимфы. 1896 г.

Джон Уильям Годвард. Dolce far niente. 1881 г.

Уильям Холман Хант. Пробудившийся стыд. 1853 г.

Джон Солье. Местная Венера. 1901 г.

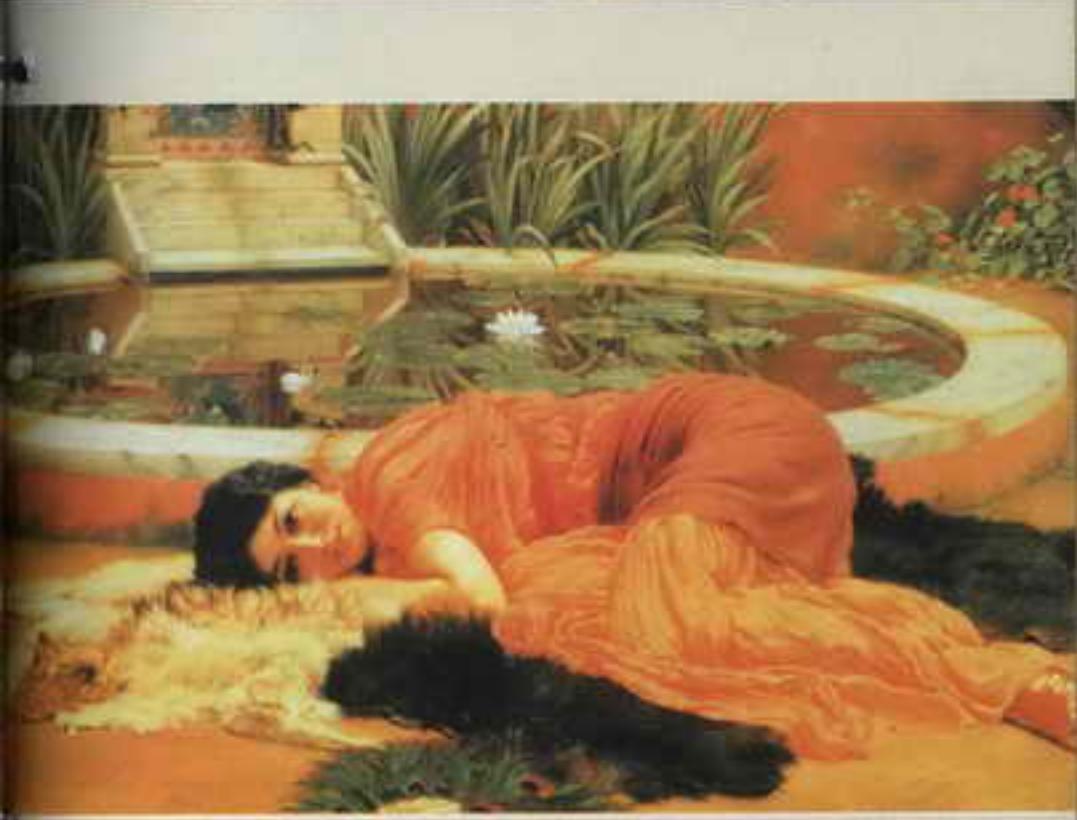
Фредерик Лейтон. Купание Психеи. 1890 г.

Джон Эверетт Милль. Рыцарь Исимбрис за рогом. 1857 г.

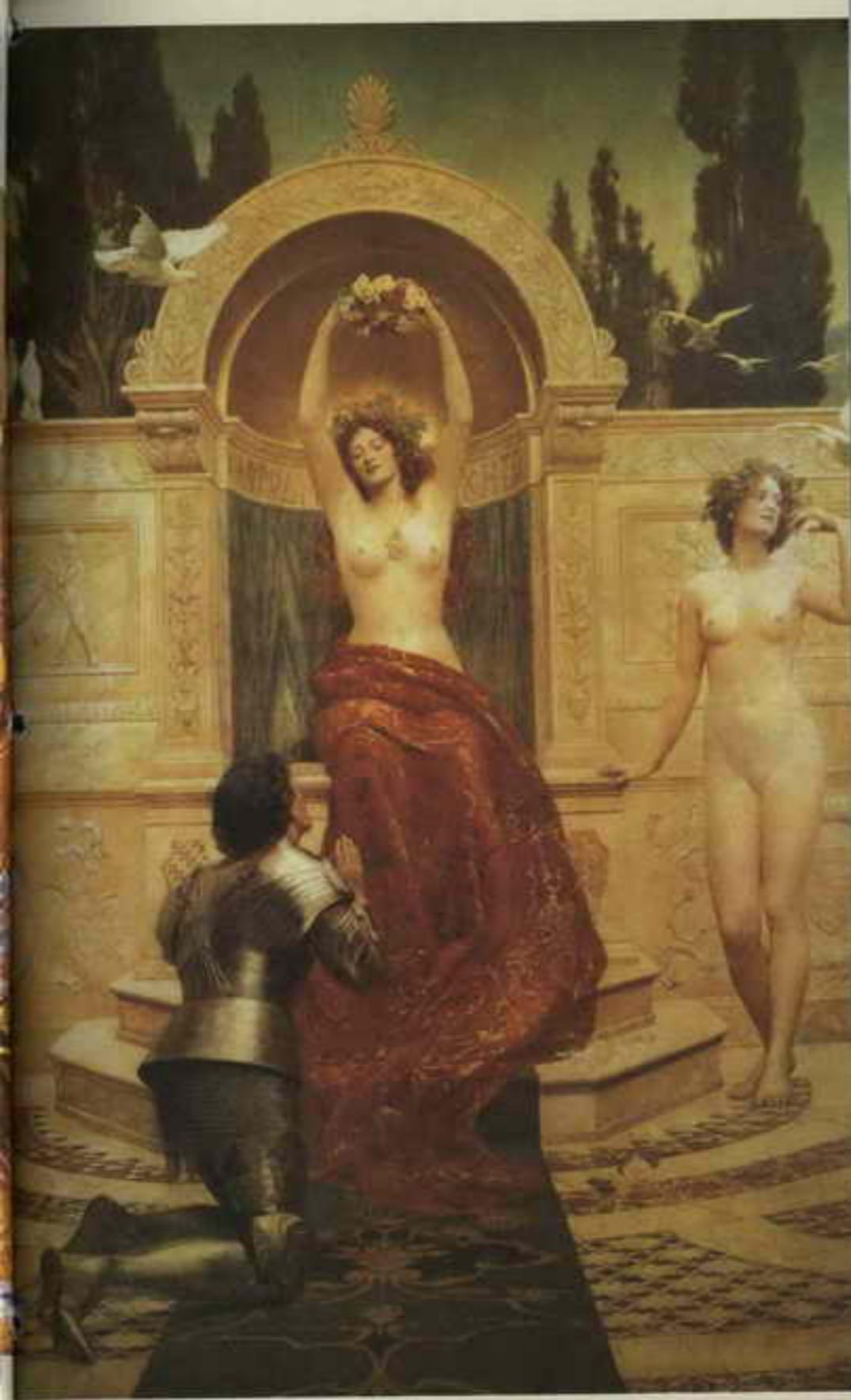
Джон Эверетт Милль. Фрейлина. 1851 г.

двух кресел: на одном кресле представлена "Гвендолина в заколдованный башне", на другом изображено "Вооружение рыцаря". Оба сюжета заимствованы из поэм Морриса.

К 1857 году относится прелестная серия акварелей Россетти, приобретенных Моррисом: "Дева св. Грааля", "Мелодия семи башен", "Голубая келья" и др. Моррису особенно нравились "Мелодия семи башен" и "Голубая келья", и он назвал этими романтическими заглавиями две свои поэмы. В том же году Россетти написал "Свадьбу св. Георга", "Ворота памяти", "Садовую беседку" и "Рождественскую песнь". В 1857 году, сделав перерыв в работе, Россетти поехал с Моррисом в Оксфорд и посетил архитектора Вудворда, который занимался устройством банкетной залы для Унионистского Собрания. Россетти увидел здесь прекрасную возможность для стенной живописи. Тотчас же был заключен договор между строительной комиссией и семьью художниками, в том числе Россетти, Джонсом и Моррисом, относительно украшений залы, причем художники взялись работать даром, а Унионистское Общество только взяло на себя расходы по пребыванию художников в Оксфорде и по закупке нужного материала. Россетти задумал следующие сюжеты: "Ланселот ускользнул перед часовней св. Грааля", "Сэр Галаад, сэр Борс, сэр Парсиваль принимают св. Грааля". Однако живопись осталась неоконченной, так как стены были дурно приготовлены, и краски стали быстро блекнуть.

Во время пребывания в Оксфорде, Россетти увидел в театре мисс Бёрден, дочь одного оксфордского старожила, и был поражен ее необыкновенной красотой. Он добился знакомства с нею и уговорил девушку позировать для него. Несколько лет спустя, когда жена Россетти умерла, а мисс Бёрден вышла замуж за Морриса, она служила моделью для некоторых из лучших вещей Россетти.

Мысль о коммерческом предприятии принадлежала Россетти, который при всех своих артистических наклонностях обладал сметливостью делового человека и чутьем хорошего финансиста, и знал, что может принести выгоду. Маленькая группа художников и рисовальщиков взялась за производство мебели, мебельных материй, обоев, цветных стекол, а затем занялась коврово-ткацким и красильным делом. Условия труда определялись просто: каждый член кружка получал плату за заказанную вещь от фирмы, а барышни делились в конце года по справедливой расценке.

Благодаря англо-католическому движению, новая фирма получила много заказов на церковные украшения. Первыми заказами были разные предметы для двух строящихся церквей: св. Мартина на холме в Скарборо и св. Михаила в Брайтоне. Для них Россетти сделал рисунки резных украшений кафедры и для нескольких окон.

Имея дело с цветным стеклом, Россетти прекрасно понимал ограниченность этого материала по отношению к рисунку; потому не пытался изображать картину на цветном стекле, а делал мозаику из цветных стекол, столь удачно выраженной в старинных витражах.

"Тристан и прекрасная Изольда, пьющие чашу любви" – прекрасная вещь в задуманной Россетти серии рисунков для цвет-

ных окон. Еще есть "Благовещение", но в другой трактовке, чем его прежняя картина на эту тему. "Нагорная проповедь" — тоже рисунок для окна церкви, воздвигнутой в 1859 году в память мисс Полидори, тетки художника.

В мае 1861 года у жены Россетти родился мертвый ребенок, после чего она плохо поправлялась; болезнь и огорчение вредно отозвались на ее слабом организме. К тому же у нее сделалась невралгия, и врачи прописали ей опиум. Вечером 11 февраля 1862 года она приняла слишком сильную дозу лекарства, и когда Россетти вернулся домой с лекций, которые он читал в колледже рабочих, то нашел жену при смерти. Обезумев от страха, Россетти бросился искать врачей и наконец привез Мэдокса Брауна, который вместе с ним старался прийти на помощь умирающей, но все усилия их оказались напрасными. На следующее утро жена Россетти умерла. Их брак длился всего два года. Отчаяние Россетти превосходило всякое описание; многие его биографы рассказывали трогательную историю о том, как он положил все рукописи своих стихотворений в гроб жены и похоронил их вместе с нею.

До своего несчастья художник нарисовал акварель "Св. Георгий и принцесса Сибра", для которой в последний раз позировала его жена. После ее смерти он некоторое время совсем не работал. Когда ему удалось наконец несколько прийти в себя, он сделал карандашный портрет своей матери; за ним следовали: "Девушка у окна", "Жанна д'Арк" и повторение картины "Паоло и Франческа".

Знаменитая картина "Beata Beatrix", находящаяся теперь в галерее Тета, относится к 1863 году, но она была окончена позднее. Вот как сам Россетти описывает свою картину: "Это — иллюстрация на сцену из Vita Nuova, показывающая смерть Беатрисы. Картина вовсе не должна изображать смерть, а только транс, в который впала Беатриса, сидя около балкона с видом на город; смерть увлекла ее на небо во время этого транса..."

Общее впечатление от картины мрачно грустное; оно навевается, помимо символа смерти, чудесной гармонией фиолетовых тонов. Город — предположительно Флоренция, но он очень похож на Лондон воздушными эффектами. Беатриса выделяется на фоне солнечного заката, ее светло-каштановые волосы, позолоченные последними лучами, образуют что-то вроде сияния...

Среди лучших вещей начала этого периода назовем: "Возлюбленная Фаццио", "Леди Лилит" и "Возлюбленная". Об этой работе Россетти выразился так: "Я хочу, чтобы эта картина походила на драгоценные камни", и действительно он выполнил свое намерение. В центре картины — светлокудрая невеста, вся сияющая богатым блеском одежды; у зеленого платья широкие рукава, вышитые золотом и красным шелком. Вокруг нее стоят четыре черноволосые девушки; на переднем плане маленький негритенок держит золотую вазу с розами.

В 1868 году Россетти достиг сорокалетнего возраста; зрение его ухудшилось и он был вынужден сократить часы работы, и к тому же стал страдать бессонницей, продолжавшейся около года. Это вконец разрушило его здоровье, потому что он искал облегчения в наркозе и привык к хлоралу, свойства которого были тогда еще мало известны.

Россетти, желая отдохнуть от напряженного художественного творчества, снова обратился к литературной деятельности. Некоторые его поэмы, более или менее законченные, ходили по рукам в рукописном виде; другие лежали под землей в гробу его жены. Написав новые поэмы: "Баллада города Трои", "Беседки Рая" и "Тайна ручья", Россетти захотел собрать как можно больше ранних сочинений и рукописных вещей; однако с трудом поддался на уговоры друзей, которые хотели, чтобы он выхлопотал разрешение открыть могилу жены и достать связку положенных в гроб поэм.

В 1870 году в печати появился сборник "Поэмы Данте Габриэля Россетти". Около имени Россетти и его похороненных поэм выросла целая легенда. Это и спасло его книгу от равнодушия, которое обыкновенно выпадает на долю произведений неизвестного поэта. Стихотворения Россетти имели большой успех, и за одну неделю он уже располагал тремястами фунтами стерлингов.

Такой успех не обошелся без проявления зависти. Г. Буканан под псевдонимом Томаса Мэтланда опубликовал злую критическую статью под заглавием: "Сентиментальная школа поэзии", в которой приписал весь успех книги только необычной ситуации ее появления.

Больному Россетти, страдавшему нервными галлюцинациями, показалось, что против него возник заговор. Конечно, подобная мысль не пришла бы ему в голову, если бы он был здоров. Статья Буканана еще более увеличила бессонницу Россетти. Доктор Гордон Гек предложил свой загородный дом страдальцу, который нечаянно или с умыслом принял большую дозу опиума и два дня находился при смерти. Однако быстро оказанная помощь и сильный организм помогли ему оправиться. Друзья увезли Россетти в Шотландию. Прогулки, ранние часы сна и отсутствие тревог более или менее содействовали выздоровлению художника. В сентябре 1872 года Россетти уехал из Шотландии и отправился в Кэлымскот, красивый замок Елизаветинской эпохи, в котором он жил вместе с Уильямом Моррисом. Здесь Россетти преимущественно занимался повторением многих прежних картин. Он снова работал над "Лилит", "Воалюбленной", "Монной Ванной" и др. В 1874 году он вернулся в Лондон и никогда больше не посещал тихого замка, который с тех пор остался исключительным владением Морриса.

Уже в Лондоне была написана "Дева св. Граали", вариант на тему, уже раньше использованную Россетти. В этой работе очень заметна странная психологическая перемена, произшедшая в нем. Примитивная простота, столь характерная в средневековой живописи и свойственная Россетти в первое время его карьеры, исчезла здесь совершенно. Строгая дева превратилась в хорошенькую девушку с белокурыми распущенными волосами и с кубком в руках.

Вскоре распалась их художественная фирма, руководить которой стал один Моррис. При этом не обошлось без некоторых неприятных столкновений, главным образом из-за несогласий между Моррисом и Броуном; Россетти принял сторону Броуна. И хотя настоящей ссоры не произошло между Моррисом и Рос-

сетти, но они с этих пор перестали общаться между собою. Впрочем, стоит упомянуть, что Россетти вообще стал вести очень одинокий образ жизни. Все время подозревал, что против него существует какой-то заговор. Эту странность скорее всего можно объяснить частым употреблением хлорала.

В 1877 году серьезная болезнь уложила его на два месяца в постель. Для выздоровления его перевезли за город и поместили в деревенском доме, подле Негне Bay. Там он настолько окреп, что мог приняться за работу и нарисовал карандашом портрет матери вместе с сестрой, а также отдельные их портреты. К тому же году относится картина "Astarte Syriaca". Сирийская Венера изображена на фоне красного заката с плывущей по нему луной; Венера смотрит прямо на зрителя большими мечтательными глазами. По левую и правую руку ее видны два ангела с факелами.

Вернувшись после выздоровления в Лондон, Россетти жил безвыездно в своем доме, принимая лишь немногих верных друзей. В 1878 году он опять принялся за литературу. И через три года у него набралось достаточно материала для томика "Баллад и сонетов". Его первый сборник выдержал шесть изданий. Появление второго было хорошо встречено, не вызвав на этот раз ни одного неблагоприятного высказывания критики. Но Россетти живопись не оставлял. Хотя почти все работы этого периода остались незаконченными. Это — "Видение Фиаметты", акварель "Brune Brunelleschi", "Предсмертная песнь Дездемоны", "Фауст" и многие другие. По мере того, как слабело здоровье Россетти, ослабевала и его работоспособность.

В сентябре 1881 года Россетти поехал в страну озер, в Кумберленд, но месяц спустя здоровье его ухудшилось и он спешно вратился в Лондон. Через несколько дней по приезде ему сделалось еще хуже, так что потребовался серьезный уход за больным. Оправившись от болезни, Россетти снова принялся за работу, но тут его постиг первый удар — следствие прерванного приема хлорала, употребление которого ему строго запретили врачи. Нарушение давней привычки не обошлось без больших страданий; как только больной немного оправился, в феврале 1882 года, его повезли в приморское местечко Бёрчингтон. Здесь Россетти удалось немного поработать, но старый недуг возобновился, а сил в организме для борьбы уже не оказалось. Россетти стал быстро слабеть, и 10 апреля 1882 года его не стало. Художника-поэта похоронили на маленьком кладбище Бёрчингтона.

В последние дни жизни, не будучи в состоянии работать кистью, он пробовал закончить повесть "Св. Агнеса Заступница" и написал несколько сонетов к своему рисунку, озаглавленному "Вопрос".

Большинство критиков, писавших о Россетти, выражали со-жаление, что он так и не получил солидного академического образования, но в глазах художников величайшая прелест его картин (в особенности раннего периода) заключается в неожиданности и смелости его композиций. Ценители Россетти считали достоинством, что художник не попал под влияние рутинной академии, которая часто вредила как реализму, так и романтизму, и сохранил свое поэтическое вдохновение.

Очень жаль, что его нежелание выставлять свои произведения стало причиной того, что публика ознакомилась прежде всего с его позднейшими работами, носящими на себе отпечаток увядания, под влиянием болезни. Юные произведения его, дышащие свежестью, и картины возмужалого возраста, блещущие яркостью, к сожалению, известны публике менее, чем они того заслуживают.

Молодым человеком Россетти пользовался большим влиянием среди группы художников, окружавших его. Позднее, когда творчество его уже утратило искренность, влияние это стало ослабевать; так что с Россетти кончилось то направление, которое можно считать Эпохой Возрождения в английском искусстве. Подобная неудача неминуемо постигает всякую школу, всяких художников, которые не освежают свой дух постоянным общением с природой. Вот что писал по этому поводу Рёскин в своем "Прерафаэлитизме": "Если они (художники) пишут природу такой, какова она на самом деле перед их глазами, используя достижения современной науки и в то же время опыт и технику художников XIII и XIV вв., то эти художники основывают новую благородную школу живописи в Англии. Если же увлечение старинными художниками возвращает их в средневековое или романское направление, тогда, конечно, они ни к чему не придут".

Слова Рёскина оказались пророческими.

ОЛЬГА ЧАЙНОВСКАЯ

ПОДИМНЕНИЕ

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОНИКОВА

ни сидят на подоконнике, очень высоком, их ноги до полу не достают. Сидят притихшие, не спуская глаз с двери напротив.

Он постарше, но мал ростом, тщедушен и ребячлив. Она, вытянувшаяся за время болезни, худа, как скелет и (так думает она сама) страшна, как смертный грех. За те несколько месяцев, что она в России, они уже привыкли друг к другу, и он, ее жених, поведал ей великую тайну: он влюблен во фрейлину Лопухину и хотел бы на ней жениться, но, увы, она удалена от двора. Девочка знает, с матерью этой фрейлины произошло что-то ужасное, кажется, ее казнили страшной казнью, немудрено, что дочь удалена от двора, зачем же на ней жениться? Ее ничуть не огорчило, что он ей, своей невесте, рассказывал, как любит другую, она уже поняла: этот мальчик не так-то ей и нужен, зато ей очень нужна российская корона.

И вот теперь, притихшие, сидят они на подоконнике — а прямо против них дверь, там идет разговор, который должен решить их судьбу.

— Если ваша мать и виновата, — говорит он, — это не значит, что вы тоже виноваты.

— Она моя мать, — отвечает девочка.

Но все-таки они дети и начинают болтать о постороннем, смеяться потихоньку, а потом и вовсе хохотать.

Резко распахнувшаяся дверь застает их врасплох, к ним выходит граф Лесток, приближенный императрицы.

— Этому шумному веселью скоро конец, — говорит он и, повернувшись к девочке: — Вам пора собираться, вы возвращаетесь домой.

Она ничего не может понять — ее так хорошо встречали в России, она изо всех сил учит русский язык, зубрит по ночам...

Ужас все больше овладевает ею — это значит, теперь с позором ташиться обратно в Германию...

Она не может произнести ни слова, мальчик пытается узнать у Лестока, что случилось.

— Сейчас узнаете, — говорит тот и уходит.

Теперь они и вовсе притихли.

Наконец в дверях появилась сама Елизавета Петровна, она, как видно, в большом гневе. Оба они поспешили скатываться с подоконника. Увидев их поспешность, императрица остановилась, посмотрела на них, улыбнулась, поцеловала сперва одну, потом другого и пошла, шумя платьем.

Может быть, все-таки они не уезжают?

Но вид матери (она вышла вслед за императрицей), ее красное, мокре от слез лицо говорит ей: нет, уезжают.

Вот они и появились перед нами (вместе с той тревогой, в которой живут непрестанно) — участники будущих трагедий: императрица Елизавета Петровна, ее наследник великий князь Петр

Федорович и та, которую все еще зовут Софией-Фредерикой-Августой, принцессой Ангальт-Цербстской, и которая скоро станет Екатериной и русской великой княгиней (ее мать мы оставим в стороне, она скоро уедет и больше никогда не увидит своей дочери). Итак – трое, и начнем мы, конечно, с Елизаветы Петровны, она сейчас хозяйка положения.

У нее прочная историческая репутация: была очень весела, очень легкомысленна, страстно любила балы и роскошь туалетов (говорят, никогда дважды не надевала одно и то же платье, а переодевалась несколько раз на день, это значит – многотысячный гардероб); была также редкостно невежественна и несколько злоупотребляла токайским вином.

Екатерина в Записках рисует другой портрет, куда более интересный.

Елизавета Петровна была хороша собой, пишет Екатерина, так хороша, что глаз не отвести (все бы смотреть и смотреть! – особенно когда императрица в мужском костюме танцует мазурку).

Но характер ее был странен и образ жизни удивителен. Ее отличало крайнее непостоянство и резкая смена настроений. "Никто никогда не знал часа, когда ее величеству угодно будет обедать или ужинать, и часто случалось, что придворные, проиграв в карты (единственное их развлечение) до двух часов ночи, ложились спать, и только что они успевали заснуть, как их будили для того, чтобы присутствовать на ужине Ея Величества, они являлись туда, и так как они сидели за столом очень долго, а все они, усталые и полусонные, не говорили ни слова, то императрица сердилась, говоря: "Они любят быть только в своей компании; я их так редко зову, да и то они только и делают, что зевают и никак не хотят развлечь меня". Эти ужины иногда кончались тем, что императрица бросала на стол салфетку и уходила.

Между тем, продолжает Екатерина, говорить в присутствии Ея Величества было задачей не менее трудной, чем знать ее обеденный час. Было множество тем разговора, которых она не любила: например, не следовало совсем говорить ни о прусском короле, ни о Вольтере, ни о болезнях, ни о покойниках, ни о красивых женщинах, ни о французских манерах, ни о науках; все эти предметы разговора ей не нравились. Кроме того, у нее было множество суеверий, которых не следовало оскорблять".

Елизавета встретила юную Ангальт-Цербстскую принцессу очень ласково и в первое время была к ней внимательна и сердечна (и плакала, когда девочка заболела), – но впоследствии так круто завернула гайки, что жизнь юной великой княгини стала катаргой. И все же, вспоминая свою жестокую тюремщицу, Екатерина отзыается о ней очень мягко и, главное, старается понять этот характер и правдиво его описать.

Она была умна, пишет Екатерина, и добра, и строй чувств имела возвышенный, но тщеславна, хотела блескать, всех затмевая; ее красота и врожденная лень несомненно испортили ее природ-

ный характер. Казалось бы, с ее красотой ей не страшно было никакое соперничество, тем не менее "все женщины, не слишком безобразные" вызывали в ней раздражение, а ревность часто толкала ее "на мелочные поступки, недостойные Величества".

Она получила дурное воспитание, поскольку была незаконнорожденной (и считалась таковой до тех пор, пока Петр не короновал свою вторую жену Екатерину), а природная лень помешала ей заняться самообразованием. "Льстцы и сплетницы довершили дело", ее жизнь стала "цепью капризов, ханжества и распущенности, а так как она не имела ни одного твердого принципа и не была занята ни одним серьезным и солидным делом, то при ее большом уме она впала в такую скучу, что в последние годы своей жизни она не могла найти лучшего средства, чтобы развлечься, как спать, сколько могла; остальное время женщина, специально для этого приставленная, рассказывала ей сказки". Так о Елизавете писала Екатерина.

Одно можно сказать о Елизавете Петровне с уверенностью: она была лихорадочна. Не умела долго оставаться в покое, несмотря на свою неистовую набожность, даже в церкви переходила с места на место (для нее ставили два-три царских места, чтобы она могла переходить от одного к другому). Вечно куда-то мчалась, то в Москву, то в загородный дворец к кому-нибудь погостить, то на богоявление – при этом коней гнала бешено, и двор за ней не поспевал. Спала то в одной спальне, то в другой, но все равно покоя ей не было, во сне стонала и металась, а если положить ей руку на лоб и сказать тихо: "Лебедь белая", успокаивалась; поэтому к ней был приставлен специальный человек, который клал ей руку на лоб, говорил: "Лебедь белая", и она засыпалась. (Кстати, покажем, как работает иной автор исторического романа с подлинным жизненным материалом. Эпизод с "лебедью белой", в сущности лирический, В. Пикуль изложил так. Елизавета, "простоволосая и распаренная", валяется в продавленных пуховиках, вошел придворный истопник и с криком: "Эх ты, лебедь белая!" – "вдруг чмокнул императрицу в румяную пятку, торчавшую из кружев". Подобных "румяных пяток" в романах и данного автора, и многих других – видимо-невидимо. Самое ужасное в том, что читатели эти "пятки" заглатывают, не протестуя и не сопротивляясь.)

Была она мягкосердечна – когда ворвалась со своими гвардейцами в покой, где находилась Анна Леопольдовна, правительница, со своим сыном, годовалым императором, сама вынула его из колыбели и со слезами на глазах поцеловала; но тут же, у колыбели, отдала маленького императора в руки тюремщиков (он, пережив Елизавету Петровну, так и погиб в тюрьме).

Ее доброта и сердечность не были напускными, прия к власти, она поклялась, что при ней ни один человек не погибнет на плахе – и сдержала свое слово. Правда, была одна история, которая уж никак с мягким сердечием не совмещается. В начале царствования, когда трон ее был еще очень неустойчив и при дворе шла грызня партий, в ходе этой грызни был сфабрикован заговор, известный как "дело Лопухиных", весь построенный на доносах и пыточных речах.

Род Лопухиных был оппозиционен Петру и его потомкам. Из Лопухиных была первая жена Петра, которую он насилино постриг в монастырь, их сын, царевич Алексей, казненный отцом, в глазах многих был бы законным царем, в то время как она, Елизавета, дочь безродной литовской служанки, законной наследницей престола не была. Но, может быть, вся суть этого дела заключалась в личности княгини Натальи Федоровны Лопухиной.

Король откинулся на спинку кресла и закрыл лицо руками. Все, бывшие за пищевенным столом, повскакали со своих мест: лейб-медик напрасно пытался нашупать пульс. Нет, король был жив, но его снедала глубокая тоска. И в это время королева бросилась к его ногам. «О мой царственный супруг! – воскликнула она. – О, какое горе пришлось вам вынести! Взгляните: виновница у ваших ног!»

Эта сцена, столь же трагическая, сколь трогательная, была результатом ряда событий. Дело в том, что у короля родилась дочь, по этому случаю предполагались большие торжества (тем более что в стране уже начали колоть свиней), и он попросил королеву лично заняться приготовлением знаменитых в их королевстве колбас. Когда из кухни пошел восхитительный запах колбасного навара, король, не вытерпев, прервал заседание государственного совета, отправился на кухню, помешал немножко своим скипетром в котле и, успокоенный, вернулся в зал (разумеется, я рассказываю гофманского «Щелкунчика»). Король, который мешает скипетром в котле с колбасным наваром, мог родиться только в Германии XVIII века, раздробленной на крошечные государства – королевства и княжества с их особым характером: огромные амбиции – и крошечная территория, громкий титул, пышный герб – и узость кругозора. Своя армия с ее сверхстрогой дисциплиной, двор с его сверхчопорным этикетом, дворец, который пытается подражать Версалю, – и полуницета.

К XVIII веку немецкие князья стали абсолютными монархами, и каждый самостоятельно мешал скипетром в собственном колбасном наваре.

Дробящийся мир этот был в вечном движении, карта немецких государств как бы шевелилась – княжества, непрестанно дробясь, воссоединялись все в новых комбинациях, а королевские и герцогские фамилии размножались с поразительной быстротой.

В немецких княжествах росли выгодные невесты: европейские государи получали в жены высокородных принцесс, за которыми не было ни сильного государства, ни могущественной родни. На немецких принцесс был огромный спрос, и их в германских княжествах стали растильть «на продажу», как крестьянин выращивал у себя на грядках овощи, чтобы нести их в соседний барский дом.

Из таких принцесс и наша Екатерина.

Петр I, и тут переняв европейский обычай, послал царевича Алексея в Германию выбирать себе жену, а тот отчаянно не хо-

тел такого брака, ему нужна была русская и православная, он все тянул, надеялся, что отец передумает; но тот требовал, давил, и Алексей выбрал принцессу Шарлотту Вольфенбюельскую, надеясь, что она будет "добр человек" (она, по его словам, оказалась "чертовкой"). С тех пор до самой революции русские цари и великие князья искали жен в немецких княжеских фамилиях.

Поскольку армии немецких принцев не воевали, воинственность этих государей проявлялась главным образом в военной муштре и военных парадах. Мелкие подробности военной службы стали их главной целью. Длина косы, специально выверенная, форма буллей, толщина слоя пудры (ее у солдат заменяли мукою, которая склеивалась коркой), мундир, в котором нельзя было ни повернуться, ни дышать, но который должен был быть без единой складки; пуговицы и пряжки, которые необходимо было начищать до блеска. Тяжелые ботфорты, нелепый шаг, сложнейшие фигуры и позиции, которые необходимо было оттачивать, маневры, требовавшие неслыханной слаженности. Гольштейн, где родился Карл-Петр-Ульрих, была именно таким крошечным немецким государством, мальчик жил именно в таком узком мирке, в тисках той же дисциплины (вплоть до телесных наказаний). Он был не только задавлен ею, этой военной дисциплиной, он был ею пленен и служил ей изо всех своих маленьких детских сил.

Ему еще и потому пришлось нелегко, этому маленькому герцогу, что сперва его готовили в наследники шведского престола, учили шведскому, обучали основам лютеранской религии, из него делали шведского патриота, традиционно ненавидящего Россию. Когда стало известно, что Елизавета Петровна собирается объявить его своим наследником, мальчика принялись переучивать в духе патриотизма российского и преподавать ему православие. Маленький герцог был совершенно сбит с толку.

Конечно, он был потрясен, когда из своего тесного, но прочного мирка, где царил неукоснительный порядок, попал в хаос елизаветинского двора. Эти ночи, превращенные в дни, эти непрестанные балы, которые могли быть прерваны в самый разгар, потому что царица вздумала собираться и куда-то ехать, и они все едут за ней. Чаще всего Елизавета Петровна ездила в имение Алексея Разумовского, своего давнего возлюбленного (и, если верить весьма устойчивым слухам, морганатического мужа). Екатерина и Петр облюбовали здесь себе большой двухэтажный деревянный дом, из окон которого открывался замечательный вид. Ночью в спальню Екатерины ворвался один из придворных и сказал: надо спасаться, фундамент дома опускается. Не успела она одеться, как послышался шум, "подобный тому, какой производит линейное судно, опускаясь с верфи", и тут же все они повалились на пол, который стал двигаться, как палуба в бурную погоду. Вбежал сержант Преображенского полка Левашев, схватил Екатерину на руки и вынес из дома, в котором уже рушились печи и из которого вскоре понесут раненых и мертвых. Жертва было бы куда больше, пишет Екатерина, если бы сержант Левашев не поднял бы тревоги.

Немного погодя их позвала к себе императрица, и Екатерина стала просить у нее награды для мужественного сержанта, но та только косо взглянула и не произнесла ни слова. Она не желала слышать о несчастье. Зато Разумовский был в отчаянии, хотел застрелиться, за обедом, рыдая, поднял тост за собственную погибель – и Елизавета была тронута до слез.

Этот дом, принадлежавший одному из самых богатых и блестящих вельмож России и рухнувший за одну ночь, весь ужас тех часов, раненые и убитые; императрица, которая ничего не хотела знать о катастрофе (зато бросила в крепость несколько ни в чем не повинных слуг) – все это казалось знаком того великого беспорядка, который царил не только при дворе, но и во всей России.

Как должен был все это ненавидеть немецкий мальчик, привыкший к прочности и порядку! Он тосковал и говорил, что предпочел бы уехать в Швецию. Он не хотел учиться русскому языку, не желал ходить в православную церковь – после простоты лютеранского храма пышность православного, с его огромным золоченым иконостасом, драгоценными окладами икон, сиянием паникадил его раздражала; вместо строгих лютеранских пасторов с их бритыми лицами и черными одеждами русские священники, бородатые, кудлатые, громогласные в сверкающих ризах – ничего этого он принять не мог.

Однажды ночью на дороге из Москвы в Петербург встретились две кареты, обе мчали во весь опор, остановились на мгновение и помчали дальше. Дело в том, что Елизавета оставила двор в селе Хотилове, поскольку великий князь прихворнул, а сама погнала в Петербург. Между тем в ее отсутствие обнаружилось, что у Петра Федоровича оспа, и Иоганна-Елизавета, мать Екатерины, тотчас велела запрягать, схватила дочь и помчалась следом за императрицей (в чем мы герцогиню Ангальт-Цербстскую не можем упрекнуть). Ночью на дороге кареты встретились, потому что Елизавета Петровна повернула и теперь, пишет Екатерина, “во весь дух мчалась к великому князю и оставалась с ним во время всей его долгой болезни”, как видно, она этого мальчика любила, если ради него готова была рисковать жизнью и красотой.

Когда наследник престола вновь появился при дворе, он был так страшен, что Екатерина, впервые встретившись с ним, едва могла скрыть свой ужас.

(Так впервые повстречалась она с оспой, и увидела, как беспощадна эта болезнь даже если оставляет в живых. Она боялась ее панически всю жизнь – до того дня, пока не решила вступить с ней в открытую борьбу.)

А великий князь? К постоянному раздражению, в котором он жил, прибавилось еще и ужасное сознание собственного уродства. Кажется, единственное спасение его состояло в том, что он был ребячлив, он ушел в мир, где ему, надо думать, было все-го легче жить.

Он забавлялся тем, “что обучал военному делу своих лакеев, камердинеров, карлов (кажется, и у меня был чин), – пишет Екатерина, – упражнял их и муштровал: то раздавал им чины и от-

личия, то лишал их всего: смотря по тому, как вздумается. Это были настоящие детские игры". В Петергофе, где все было на виду и великий князь не смел муштровать своих слуг, он обучал военному делу жену. "Благодаря ему, — пишет Екатерина, — я до сих пор умею исполнять все ружейные приемы с точностью самого опытного гренадера."

Однажды, войдя в покой великого князя, рассказывает Екатерина, она была "поражена при виде здоровенной крысы, которую он приказал повесить, и всей обстановкой казни". Петр объяснил, "что эта крыса совершила уголовное преступление и заслуживает строжайшей казни по военным законам, что она перелезла через вал картонной крепости и съела двух часовых на карауле, сделанных из крахмала, на одном из бастионов, и что он велел судить преступника по законам военного времени;" и что "крыса останется там, выставленная напоказ публике в течение трех дней, для назидания". Екатерина расхохоталась и ушла, сославшись на свое "женское незнание военных законов", и великий князь долго дулся на нее за ее смех. Тут же будущая великая законодательница прибавляет, что "можно было по крайней мере сказать в оправдание крысе, что ее повесили, не спросив и не выслушав ее оправданий".

Все это было на самом деле вовсе не весело, особенно, если учесть, что Петр Федорович в это время был далеко не мальчик — ему было уже за двадцать.

Таков был наследник престола, избранный Елизаветой Петровной. В обоих была доля безумия, и может быть, оба они получили его от Петра I (она — от отца, он — от деда), но никому из них не досталось ни грана его дарований.

А главная наша героиня, немецкая девочка, была на редкость уравновешенна и здорова как душой, так и телом.

Она, София Фредерика Августа, тоже родилась в одном из крошечных немецких княжеств и тоже формировалась в его тесном стоячем мирке с той же дисциплиной, с тем же этикетом, впрочем, мир, в котором жила юная Ангальт-Цербстская принцесса был мягче голштинского. Но и этому миру она сопротивлялась.

"Я отличалась в то время живостью чрезвычайной; меня укутывали спать рано (женщины уходили в другую комнату поболтать). Чтобы они поскорее ушли, я делала вид, что сразу заснула, и только лишь оставалась одна, сидя на подушке и скакала в кровати до изнеможения. Помню, что я поднимала такую возню, что мои прислужницы прибегали взглянуть, в чем дело, но находили меня уже лежащей, я притворялась, что сплю; меня не поймали ни разу и никто никогда не узнал, что я носилась на почтовых у себя в постеле верхом на подушке."

Она нашла свою нишу независимости и жила в состоянии тайного бунта. Ей было запрещено бегать по парадной лестнице — она, как ветер, проносилась по ней ночью.

Очевидно, она хотела свободы не только для себя. У нее была тетка, старая дева, обладавшая некоторыми странностями (так, "она претендовала на законный брак со всеми принцами Германии, какие только попадались ей на глаза, и недоставало

только их согласия, чтобы она сделала хорошую партию"); у нее была коллекция птиц: "Я видела в ее комнате дрозда с одной ногой, жаворонка с вывихнутым крылом, кривоногого щегленка, юрицу, которой петух прошиб полголовы, петуха, которому кошка обшипала хвост, соловья, которого наполовину разбил паралич, попугая, который обезножел и потому лежал на брюхе, и много всякого рода других птиц, которые гуляли и свободно летали по комнате" – маленькая Екатерина, улучив минуту, открыла для них окно и, разумеется, тут же убежала со всех ног. Ни на один из подобных поступков принц Ульрих не был способен. Маленький немецкий принц был рабом, любил свое рабство. Маленькая немецкая принцесса бунтовала.

Как ни странно, она, полуребенок, весьма энергично содействовала своему приезду в Россию. Впрочем, как и другие немецкие принцессы, она привыкла к разговорам о династическом браке, примеривая себе того или другого жениха. Когда стало известно, что Голштинский герцог Ульрих отказался от шведского престола, принял православие и стал русским наследным принцем, начались намеки, таинственные улыбки – все это сообразительная девочка тотчас уловила. Потом в Россию послали ее портрет, потом в Штедтине был проездом камер-юнкер Елизаветы и попросил разрешения взглянуть на принцессу.

Это было 1 января 1744 года, семья обедала, когда Христиану-Августу, отцу Софии Фредерики Августы, привезли письмо. У девочки был острый взгляд, она разглядела, что письмо из России, и ухватила строчку: "с принцессой, вашей старшей дочерью". Родители заперлись, в доме поднялась суета – но оказалось, что мать, у которой были не то свои планы, не то какие-то сомнения, в Петербург ехать отказывается. Но утром девочка твердо вошла в спальню матери и сказала, что знает содержание письма. "Откуда?" – спросила мать. "Через гадание", – ответила дочь и пояснила, что владеет этим искусством. Мать рассмеялась и сказала: "Ну, если вы, сударыня, такая ученая, то вам остается отгадать всего лишь содержание письма, оно в двенадцать страниц". Девочка ответила, что постарается, а после обеда привезла матери записку, в которой собственно рукой написала: "Предвещаю по всему, что Петр III будет твоим супругом". "Мать прочла и казалась несколько удивленной, – продолжает свои воспоминания Екатерина. – Я воспользовалась этой минутой, чтобы сказать ей, что если действительно ей делают подобное предложение из России, то не следовало от него отказываться, что это было бы счастье для меня." Иоганна-Елизавета высказала свою тревогу: Россия – страна мало устойчивая, это рискованно. Дочь ответила, что об устойчивости России позаботится Бог, если будет на то его воля, что она готова подвергнуться опасности, и что сердце ей говорит: все будет хорошо. Можно предположить, что сердце юной Ангальт-Цербстской принцессы громче всего говорило другое: что риск – благородное дело.

Оказалось, что и умный отец ее тоже в сомнениях, его она убедила, что ее поездки в Россию их ни к чему не обязывают, они с матерью на месте поймут, оставаться им или ехать домой.

Иоганна-Елизавета была неважной матерью, однако оказала дочери две крупные услуги: мало занималась ею, тем самым предоставив ей относительную свободу; и убедила девочку, что та дурна собой, что на свою внешность в жизненных успехах она рассчитывать не должна и что этот природный недостаток нужно возмещать "приобретением ума и достоинства". Девочка материнским советом воспользовалась вполне.

Маленькая принцесса крошечного Ангальт-Цербста, конечно, не имела ни малейшего понятия о том, какая жаркая борьба идет между европейскими государями за возможность сделать свою ставленницу женой наследника русского престола, но уже в пути почувствовала, что становится немаловажной персоной: ее позвал к себе сам Фридрих II Прусский, более того, он пригласил ее на обед и даже посадил рядом с собой.

Из Берлина они направились в Штедтин, где девочка простились с отцом, которого любила (и которого ей тоже не суждено было увидеть), потом они направились в Митаву, столицу Курляндии, оттуда в Ригу, где их уже встречали пушечной пальбой. Тут их приветствовали русские вельможи во главе с С. Нарышкиным, в их распоряжении были уже ливрейные лакеи, придворная кухня и экипаж от двора.

В Петербург они въехали при громе пушек и сразу были помещены в Зимний дворец (еще старый, не Растреллиев).

И началась было светская жизнь Екатерины, как вдруг она сильно заболела — это была та самая болезнь, после которой она выросла и так похудела, что походила на скелет. Елизавета, которая была в отъезде, вернувшись, прямо из кареты прошла в ее комнату и держала девочку на руках все то время, пока той пускали кровь (основной метод лечения серьезных болезней в те времена).

Девочка выздоравливала медленно, она лежала с закрытыми глазами и вслушивалась в тот мир, где ей предстояло жить. То был женский мир — долгие годы придется ей жить именно в таком чисто женском мире, взволнованном беспрестанными заботами, мелкими ревностями и завистями, крупными бес tactностями. Из разговоров окружающих девочки поняла, что все принимали живейшее участие в ее состоянии, пока она была без сознания. Вот тогда-то, вскоре после того, как Екатерина выздоровела, и произошел разговор в спальне и сцена на подоконнике. Вообще Иоганна Елизавета сильно затрудняла вхождение дочери в новую для нее жизнь, у матери были при дворе свои друзья (и в их числе — отметим особо — камергер Иван Бецкой) и, главное, враги, вольно или невольно она в эти отношения втягивала дочь.

Между тем немецкой принцессе предстоял важный шаг — перемена веры, поскольку условием ее брака с великим князем был ее переход в православие. Уже ко времени ее приезда в Россию у Ангальт-Цербстской принцессы сложились свои отношения с религией, тому способствовала природная живость ума, не желавшего ничего принимать на веру, та свобода, которая была ей предоставлена, вольный образ жизни ее матери, благодаря чему круг знакомств их был очень широк и разнооб-

разен, самая атмосфера эпохи Просвещения, — все это делало девочку вольнодумной и даже, как было замечено окружающими, склонной к ереси.

Невозможно предположить, что вопрос о перемене веры не вставал в семье Ангальт-Цербстской принцессы, когда вопрос о ее поездке в Россию был решен, ни у кого не могло быть и тени сомнения, что Елизавета, глава православной церкви, к тому же сама чрезвычайно набожная, допустит, чтобы российской великой княгиней, а, стало быть и возможной российской императрицей, станет лютеранка. Конечно, вопрос этот был решен до отъезда принцессы в Россию.

В чем состояло наставление принца Христиана-Августа? Он разрешал дочери переменить религию только в том случае, если она найдет новую веру согласной с прежней, что совсем не так уж и трудно было сделать: обе религии были христианскими, обе противостояли римскому престолу, папству с его бешеною жаждой политической власти, к которой ни лютеранство, ни православие не стремились; словом, при желании, да еще при помощи опытного богослова не так уж и трудно прийти к заключению, удобному для всех сторон, что между православной и лютеранской церквями всего лишь "внешние обряды различны", а мудрый XVIII век и особенно здравомыслящие его представители большого значения обрядам не придавали. Кстати, если верить Запискам, еще дома полковой священник отца не раз говорил принцессе, что до первого причастия каждый христианин "может выбирать себе веру, которая ему кажется наиболее убедительной". Так что вряд ли тут можно говорить о духовной трагедии отца и какой-либо ломке, произшедшей в сознании дочери.

Когда ее крестили, она произнесла символ веры так правильно и чисто, что придворные плакали, в том числе и сама императрица. А русскому языку юная Екатерина училась со страстью, вскоре смогла по-русски отвечать на вопросы Елизаветы, чем чрезвычайно угодила императрице. Все складывалось наилучшим образом. Маленькая нищая немецкая принцесса (она сама говорит о невероятной скудости гардероба, с которым приехала), стала русской Великой Княгиней, была окружена почестом, жила в роскоши блестящего двора, она не только сама была в соболях, ее карета была обита соболем; у нее вовсе не было драгоценностей, теперь она была осыпана бриллиантами. А впереди ее ждала российская корона, та самая, что давно была ей предсказана.

Итак, Екатерине уже пятнадцать лет, она при дворе, задарена и обласкана. Однажды, это было в феврале 1745 года, праздновали рождение великого князя. "Императрица, — пишет Екатерина, — меня очень ласкала. Она мне сказала, что русские письма, которые я ей писала в Хотилово (где перед этим "лежал в оспе" великий князь — **О.Ч.**), доставили ей большое удовольствие и что она знает, как я стараюсь выучить местный язык. Она стала говорить со мной по-русски и пожелала, чтобы я отвечала ей на этом языке, что я и сделала, и тогда ей угодно было похвалить мое хорошее произношение. Потом она дала мне

понять, что я похорошела с моей московской болезнью; словом, во время всего обеда она только тем и была занята, что оказывала мне знаки своей доброты и расположения. Я вернулась домой очень довольная этим обедом и очень счастливая, и все меня поздравляли."

Наконец герцогиня Иоганна-Елизавета после бесчисленных конфликтов, в ходе которых она не раз ставила дочь в весьма затруднительное положение, отбыла из Санкт-Петербурга (уехал ли с ней камергер Иван Бецкой?), оставив дочери свои долги, столь значительные, что Екатерина смогла с ними расплатиться, только будучи уже императрицей.

Екатерина осталась одна.

Что вырастет из этой голенастой девочки? Вопрос, казалось бы, странный: она давно уже выросла, она двести лет назад умерла, о ней написаны монографии и романы, высказано множество суждений. Какой живет она в общественном сознании России? Каким помнится ее царствование?

Задача историка — вернуть прошлое — очень заманчива и очень трудна: историческое полотно дыряво. Мелкие дыры в нем на каждом шагу, но бывают и огромные, как кажется, уже невосполнимые. Особенно трудно возрождать личность. Свидетельства современников? Но ни один из них не был равнодушен, симпатии и антипатии, любовь и ненависть могут присутствовать тут в любых пропорциях. Казалось бы, смерть должна усмирить страсти: могильный холм или саркофаг в соборе ничего уже нового нам не сообщат, на самом деле как раз после смерти споры и разгораются — теперь на знаменитого деятеля направлены концептуальные прожекторы, они резко скрещиваются меж собой (иной ученый автор отстаивает свою концепцию с такой яростью, с какой волчица защищает детеныша).

Но есть тут и другое: воспоминание современника — это луч, который выхватывает одну какую-нибудь грань личности, другие оставляя в темноте; и сколько бы воспоминаний мы ни собрали вместе, образ человека будет лишь совокупностью близких, он приблизителен и неустойчив.

Зато концептуальный образ, напротив, бывает скроен весьма отчетливо и, главное, разом, с ног до головы. При этом автор не только объясняет любой поступок своего героя, но за просто читает его мысли и без всяких затруднений разгадывает намерения, которые самому герою, как правило, и не снились.

Екатерине в этом смысле особенно не повезло, особенно в советской историографии: здесь к ней установилось единодушное отношение, не просто враждебное — тут какая-то патологическая ненависть. Ее судят по законам классовой борьбы и приговор бывает один: лютая крепостница под либеральной маской.

Любопытно, что Петра I судят по каким-то другим законам, и он вовсе не крепостник, а напротив — царь, который вроде как за советскую власть. Если он великий реформатор, двинувший страну по пути просвещения и прогресса, то Екатерина прежде всего хитроумный демагог: только то она и делает, что заигры-

вает и кокетничает (с Вольтером и другими деятелями Просвещения), иногда "носится с планами", всегда попусту; и при этом все время вынуждена отступать перед либеральными, демократическими силами" (которых, замечу, в тогдашней России днем с огнем не найдешь). Она вообще перестала существовать как человек и правитель России и стала "представителем" – дворянского сословия, абсолютистской монархии, крепостнического строя – и в таком виде в лучшем случае никого не интересует, а в худшем – вызывает отвращение.

А широкий читатель, бедняга, вынужден был питаться историческими романами, на страницах которых выплясывала странная фигура – то она английская шпионка, то бабенка, разбитная и хваткая.

Как же это получается? Жил на свете человек, со своей душой, со своей судьбой, и кто-то смеет приписывать ему слова, которые он не произносил, поступки, которые не совершал, в том числе и недостойные слова, неблаговидные поступки (мы уж не говорим о преступлениях). Кому дано такое право? Принцип презумпции невиновности тут особенно необходим: память человеческая склонна вести дурной отбор, бессовестно забывая благородные черты и добрые дела, а какую-нибудь дрянную подробность храня так бережно, словно это лучшее ее достояние. Недаром у Пушкина: "Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале (говорят Макиавелли, сей великий знаток природы человеческой)".

Любопытно, что уже с самого начала царствования Екатерины представления о ней двоились. Она триумфально пришла к власти, гвардейские полки присягали ей один за другим – но вскоре среди тех же гвардейцев начались волнения, Семеновский и Преображенский полки однажды всю ночь стояли под ружьем, не расходились, кричали, что хотят на престол Ивана Антоновича, и "называли императрицу поганою". Во время ее путешествия по Волге крестьяне приносили свечи, чтобы ставить перед ней, как перед божеством, а народные проповедники причисляли ее к племени антихристову.

Впрочем, и там, где молились, и там, где проклиниали, отношение к Екатерине было безлично, – не к ней, а к императрице. Но и в непосредственном ее окружении опять же все двоилось. Княгиня Е.Р. Дацкова одновременно и влюблена в нее и ненавидит, говорит о темных пятнах на ее светлой короне. Державин восторженно восславил свою Фелицу (шаревну, взяту им из сказки, написанной самой же Екатериной), то был гимн Екатерине, ее мудрости, доброте и благородству. Однако впоследствии поэт с грустью понял, что от близкого знакомства прототип Фелицы отнюдь не выиграл, "ибо издалека те предметы, которые ему (Державину – в своих записках он пишет о себе с третьем лице – **О.Ч.**) казались божественными и приводили дух его в воспламенение, явились ему приближении ко двору весьма человеческими и даже низкими и недостойными Великой Екатерины, то и охладел так его дух, что он почти ничего не мог написать горячим, чистым сердцем в похвалу ея". Когда статс-секретарь Екатерины А.Храповицкий

просил поэта вновь воспеть ее в стихах, Державин отказался, ответив стихами же: "Ты сам со временем осудишь // Меня за мглистый фимиам".

В каком случае великий поэт ошибался? Да, вокруг нее было много мглистого фимиама, но искреннего восхищения тоже не мало, в том числе и людей, которые знали ее вблизи и очень хорошо. О ее уме, обаянии, очаровании даже, написано много и написано искрение.

Тут наша надежда на Пушкина — он Екатериной живо интересовался, знал многих ее современников, расспрашивал их, записывал их рассказы. Его ясный ум, поэтическая интуиция, мудрое спокойствие историка, отличное знание материала должны служить прочной опорой для верного суждения.

В 1822 году по поводу Екатерины он высказывался дважды.

В Кишиневе он написал статью, которая потом получила название "Заметки по русской истории XVIII века", именно отсюда и перчерпнуты самые известные — и самые убийственные — отзывы его о Екатерине. "Она знала, — пишет Пушкин, — что ее любовники грабят страну, и молчала, отсюда пошли колоссальные богатства новой знати, отсюда же "и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера и до последнего протоколиста все крало и все было продажно. Таким образом, развратная государыня развратила свое государство".

Но и это еще не все. "Екатерина уничтожила звание (справедливее, название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т.е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции." Она любила просвещение, а просветитель Новиков был в тюрьме до самой ее смерти, и Радищев был в сибирской ссылке. Даже любимое детище Екатерины, ее знаменитый Наказ депутатам Уложенной комиссии, ничего кроме презрения у Пушкина не вызывает: "Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; "Наказ" ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами, но, перечитывая сей лицемерный "Наказ", нельзя воздержаться от справедливого негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна". И наконец: "Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под лицом кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России". Даже так.

В том же 1822 году Пушкин написал "Послание цензору", где есть такие строки:

Скажи, читал ли ты Наказ Екатерины?

Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем

Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.

Постойте, как же это? Только что было сказано о "фарсе депутатов, столь непристойно разыгранном" и о самом наказе сказано, что он лицемерен и что, перечитывая его, нельзя воздержаться от праведного негодования, а теперь предложено его читать, углубляться в него – и с тем понять, что такое свобода слова.

Что ни говори, а непрекаемый пушкинский авторитет в одном и том же году представил нам две противоположные точки зрения на Екатерину.

"Развратная государыня развратила свое государство"? – но у Пушкина можно прочесть и другое: "В России было только три самобытных деятеля просвещения: Петр I, Ломоносов и Екатерина". И, наконец, тезис статьи, которую Пушкин собирался написать: "Екатерина, ученица XVIII столетия. Она одна дает толчок своему веку".

Нам остается одно: самим исследовать эту жизнь, тем более что в нашем распоряжении есть надежные источники. Пользуясь всеми их видами, какие есть в нашем распоряжении, мы и начнем наши розыскания. А поскольку Екатерина и ее царствование сильно перепачканы, нам неизбежно придется смыть эту грязь, порой просто соскребать ее – впрочем, равно как и позолоту, иногда не менее вредную. (Кстати, на обочине нашего повествования будет шагать огромная тень Петра – даже если бы мы его не позвали, он все равно сам бы пришел.)

Продолжение следует.

149

✓

Часто особенно заслуживают исследования самые общепризнанные мнения и то, что каждый считает давно решенным.

Георг Кристоф Лихтенберг

МОСИА

НАТАЛЬЯ ПОРОШИНА

150

Впрочем... Всегда ведь можно сделать вид, что все получилось случайно. Случайно мне попал под руку чистый блокнот, новенькая блестящая ручка. Совершенно случайно и совершенно неожиданно у меня оказалось свободное время, которое я просто не знала, куда девать, и, как за единственное спасение, ухватилась за этот дневничок, так чудно подобранный по цвету к моей любимой засущенной бордовой розе на столе, стоящей одиночко в темной бутылке, и — что мне оставалось делать перед этим неизбежным написком случайностей? Только сесть за стол, открыть блокнот и начать вести дневник. Элементарное стечние обстоятельств.

А все дело в том, что мне уже целых девятнадцать лет, и, конечно, в моем возрасте некоторые вещи делать глупо. Тем более, что я уж ни в коем случае не похожа на закомплексованную дурочку, которая вечно жмется в каком-нибудь углу и от смущения совершаєт неправдоподобно идиотские поступки. У нас на курсе есть одна такая. Приехала поступать в университет из невероятной глубинки, уж кто ее надоумил, понятия не имею, только ведь — надо же! — поступила, и теперь все носятся с ней, как с писаной торбой. Талант! Одаренность! А она, эта такая местная достопримечательность, с видом непреходящего чучела, сидит где-то сбоку на краешек стула, глаз не поднимает, а сама наверняка считает себя пупом земли, даром что с виду неказистая...

Сегодня я к ней подошла в буфете, она стоит за столиком, разворачивает свой бледный бутерброд с колбасой (с собой носит — дешевле), и я таким задушевным тоном:

— Говорят, ты очень способная. Не могла бы как-нибудь показать мне свои работы?

Она, бедолага, так смущалась, рукой дернула и опрокинула стакан чая себе под ноги. Отскочила, покраснела мучительно, руками замахала, как курица крыльями, я прямо еле сдержалась, чтобы не расхохотаться... И что удивительно, день после этого прошел легко и на подъеме.

Дат ставить не буду. И хоть про себя я называю этот блокнот "моим дневничком", вовсе это не девичий дневник грез. Скорее заметки, наблюдения, размышления о прошедшем дне.

Как ни странно, в последнее время мне все больше хочется с кем-то разговаривать, делиться своими мыслями, чувствами. Раньше, чуть что, я прибегала к мамуле, самому дорогому мне человеку, а сейчас — появилась потребность сначала рассказать обо всем некоему третьему лицу, а уж потом — раскрутить спутанный клубок мыслей — посидеть с мамулей и поsekretничать только с ней. Ну а поскольку в качестве третьего лица прекрасно выступает мой верный дневничок, который постоянно со мной, то никакие посторонние люди не будут впутаны в наши с мамулей близкие отношения.

Ведь сколько я себя помню, она всегда рядом: и не только физически, но и духовно. Всем в этой жизни я обязана ей. Отца-то я почти и не помню. Так, несколько полустертых сцен из совсем раннего детства. Мамуля развелась с ним, когда мне исполнилось всего пять, и хоть деньги от него мы получаем регулярно (мамуля любит об этом напоминать), самого папочки я с тех самых пор больше и не видела. А мамуля замуж больше не вышла, всю себя мне посвятила. А она у меня очень красивая еще женщина! И выглядит так молодо! Мужчины на нее заглядывают, но она их в упор не видит. И как только я повзрослела, не устает говорить мне, чтобы я не верила ни одному из них. Словно они — как пол — представляют для меня неведомую опасность. Да они мне и не нужны совсем. Появился, правда, в моей жизни друг. Мишка. Но какой он мужчина? Он друг. Симпатичный такой человечек. В очках, даже немного ниже меня ростом. Ходит постоянно в джинсах, в кроссовках и в свитере. Мне иногда кажется, что он и спит в таком виде. Забавно.

Вчера ходили с Мишкой в кино. Смотрели "Репетицию оркестра" Феллини в "Иллюзионе". С Мишкой хорошо ходить в кино. Он весь сеанс рта не раскрывает, а после фильма скажет всего несколько слов, и все становится на свои места.

А вчера в темноте взял меня за руку. Сначала не решался, подбирался долго — я же чувствовала! И так сидет, и этак. И все поближе ко мне, по миллиметру. И наконец — отважился. Так полтора часа и держал мою руку. У меня сначала сердце так гулко застучало, но ненадолго, я быстро успокоилась. А позже (в том месте, где парочка под пианино возится) как сожмет мои пальцы, меня прямо в жар кинуло. Сижу вся красная, а сама думаю — не дай Бог, свет зажгут, стыдно будет. Я уже и не видела, что там в кино, слышала только Мишкино дыхание рядом с мо-

им ухом, и сердце — быстро-быстро-быстро... Даже голова не-
жного закружилась.

Как бы мне хотелось рассказать это кому-нибудь! Но из дев-
чонок нет никого, с кем бы я могла поделиться, после школы
все разлетелись в один миг, да и не было у меня никакой особой
детской дружбы. А с мамулей — не дай Бог! У нее прямо бзик на
этой почве: никто не смеет до меня дотрагиваться. Я вчера все
боялась, что она что-нибудь по мне заметит, сказала ведь как-то:

— Верочка! Если вдруг ты влюбишься в кого-нибудь, сразу
же — слышишь? немедленно! — ты обязана рассказать мне об
этом. Если у тебя, не приведи Господь, будет что-то с мужчиной,
то первой об этом должна узнать я. — Помолчала и добавила что-то
совсем уж несуразное: — Тогда придется принимать меры.

Так что этот вариант отпадает. И то, слава Богу, вчера маму-
ля ничего не заметила. Я на всякий случай сразу в ванную
шмыгнула, а потом, сославшись на усталость и головную боль, в
кровать. Мамуля только и успела, что пожалеть меня да очеред-
ную таблетку сунуть, даже совестно стало, что скрыла от нее
все...

А ладони, кстати, у Мишки влажные!

Какой чудесный сон мне сегодня приснился! Словно я еду в
телеге, совершенно деревенской, лесной дорогой. То есть с одной
стороны лес, а с другой — поле. Я лежу в соломе, на спине, уста-
вив глаза в темнеющее лунное небо. Вечер уже наливается си-
ним. Кто ведет лошадь, я не знаю, изредка только вижу спину
возницы и слышу его приглушенный понукающий голос, обращенный к лошади. Ощущение такое, что недавно прошел дождь.
Воздух насыщен влагой и той одуряющей свежестью, что бывает
после грозы. Деревья еще смаргивают влагу со своих листьев.
Ошалело, немного пряно пахнет свежескошенной травой. Нео-
жиданно меня начинает одолевать вопрос: а чья же это стройная
спина передо мной? Я вглядываюсь в темную рубаху, постепен-
но сливающуюся с вечером. И вдруг — как будто он услышал —
возница оборачивается, но я не вижу его лица, которое стреми-
тельно приближается ко мне — наплывает! Только произительно
чувствую, как этот прекрасный Некто нежно и настойчиво целу-
ет меня!

Весь день проходила с ощущением чуда. Даже голова немно-
го кружилась и чуть-чуть гудела, словно от высокого напряже-
ния. Что-то необыкновенное должно произойти в моей жизни.
Жду. Может быть, завтра?

Прошло несколько дней — серых и непримечательных. Пы-
таюсь учиться. Но стало так трудно вслушиваться в слова, ини-
циативу в смысл. На лекциях сижу отупевшая. Не могу поймать
нить, словно кончик ее все время от меня ускользает, предложе-
ния в голове путаются, и я просто ничего не понимаю и уж тем
более не запоминаю, хотя память — моя козырная карта. Мне
достаточно один раз прочитать страницу, чтобы с предельной
точностью пересказать ее. А сейчас на семинарах (если раньше

всегда отвечала лучше всех) молчу, как воды набрала. Не понимаю, что происходит. Помнится, в школе со мной подобное уже случалось, но быстро отпускало. Мамуля говорила, что это все от переутомления.

Даже охота подшучивать над Дуськой пропала. Дуська — это прозвище нашей серенькой одаренности. Вообще-то так ее никто не называет, кроме меня, в быту она зовется Леной (невероятно оригинально!). Но мне нравится смотреть, как она дергается от Дуськи. Я ее этим словно осаживаю. А сегодня из-за нее поцарапалась с Кисой. Ни с того, ни с сего та встала на защиту Дуськи. Дело в том, что Киса считается на курсе первой красавицей. Хотя почему, непонятно. У нее, надо признать, правильные черты лица, пышные волосы, но от всей ее внешности несет такой распущенностью, что, глядя на нее, становится тошно. Парни, естественно, от Кисы не отлипают, и я не раз задавалась вопросом: неужели они не видят, что за ее призывающей красотостью нет ничего, один нарядный фасад, а в душе — пустота? Мне мамуля всегда говорила: главное в женщине — ее достоинство, ум, порядочность. А все эти ухаживания, приставания — мерзки! От них дурно пахнет. И не дай мне Бог подпасть под влияние какого-нибудь ветреного пройдохи, у которого лишь одно на уме: соблазнить и бросить. Глядя на Кису, я не раз вспоминала эти золотые слова мамули. Думаю, Кису в жизни ждет не одно разочарование.

Так вот. Отозвала меня Киса в сторону и как зашипит:

— Не смей приставать к Лене! — "К Лене!" Иши ты! — Ты разве не видишь, что она очень ранимый человек? Еще раз замечу что-либо подобное, пеняй на себя! — Повериулась на каблуках и отвалила. Я только успела услышать, как она пробормотала: — Чокнутая. — Наверное, в мой адрес.

Я так удивилась этой ее внезапной вспышке, что даже не сообразила ответить. Постояла, подумала, прикинула, что может быть общего у Дуськи с Кисой? Только то, что в общежитии они живут в одной комнате? Киса ведь тоже не москвичка, хотя по ней и не скажешь. И кстати, я слышала, что там процветает такой разврат... Девчонки в туалете рассказывали и хихикали.

Свершилось! Чудо произошло. Теперь я постоянно себя спрашиваю: как можно было быть такой слепой? Воистину: если Бог хочет наказать, он лишает разума. Правда, разум все еще при мне, на этот раз Бог обошелся одним зренiem, временно наказав меня слепотой.

Я увидела его, когда подходила к факультету. Он стоял ко мне спиной в черной куртке и в черных тугих джинсах — и в развороте плеч, в наклоне головы я увидела знакомые мне стройность и изящество. Он! Меня пронзила эта мысль, я даже остановилась. Георгий (так зовут моего героя) стоял с каким-то старшекурсником. Они увлеченно что-то обсуждали. Собеседником его оказался высокий грубоватый парень, одним словом — был какой-то. И каким утонченным на его фоне смотрелся Георгий! Я сразу обратила внимание на его руки: тонкие кисти с длинными

выразительными пальцами. Я медленно приблизилась к ним, охватывая взглядом и моментально впитывая в себя все: и изысканную горбинку его носа, и ямочку на щеке, когда он улыбнулся, и небрежную грацию движений. Я подошла к нему почти вплотную, не сводя взгляда с его профиля, он медленно обернулся и посмотрел прямо мне в глаза. Миг, длившийся вечности! Я восторглась вложить в свой взгляд всю многозначительность нашей преднаречтавной встречи. Но тут... О, боги! К нему подпорхнула Киса со своей бессменной фальшивой улыбкой, бросила мне, как подачку:

— Привет, Вер, — и ему: — Как поживаешь, Жорик?

Так я узнала его имя, благодаря этому отвратительному, так же подходящему "Жорику", каким наградила его лишенная всяческого вкуса Киса. Я поспешила скрыться в здании факультета, опасаясь, что своей пошлостью она осквернит наше первое почтливое общение. Однако главное случилось. Встреча состоялась!

Сегодня после занятий меня ждал Мишка. Еще вчера договаривались с ним сходить в Пушкинский на импрессионистов. Вчера! Если бы только он мог догадаться, какая пропасть отделяет меня вчера от сегодня! Цепь последовательности порвана — замыканием, вспышкой, озарением. Отныне есть "до" и "после". Сколько существует слов, и нет ни одного подходящего в достаточной мере, способного с точностью определить мое состояние. А это прекрасно! Одна мысль, что я могу видеть его — каждый день! — наполняет меня радостью и разгоняет туман, каким была окутана вся моя предыдущая жизнь. Да, именно так: жизнь после встречи. Как, оказывается, немного надо, чтобы почувствовать истинное счастье!

Сегодня на лекции по истории искусств я села прямо за ним и все два часа разглядывала его затылок, иногда профиль, иногда его живые, такие живые пальцы. Вот уж поистине — произведение искусства.

Под конец лекции — я это точно почувствовала — между нами протянулась энергетическая нить понимания. Ошибиться я не могла. Ведь когда он встал, то оглянулся и долгим взглядом всмотрелся в мои глаза. Как во сне! Мне показалось, что все мое существо расплылось и стекло на пол лужей обожания. Оторваться от его лица не было сил. Как он красив! Но тут Георгия окликнул его приятель, здоровенный детина с грубым голосом, и мой герой, грациозно поднявшись, оставил меня наедине с недоумением: что может быть общего у таких разных людей, и почему Георгий выбирает себе в друзья подобных, будто неотесанных, типов?

А на улице тем временем меня ждал Мишка. Я, честно говоря, забыла про него. А он стоит себе неприкаянный, в легкой курточке (хотя ветер на пару с холодом постоянно напоминает, что давно уже поздняя осень), нос покраснел, ногами притопывает. Такой нелепый! Даже жалко его стало. Так что я, несмотря на досаду, тепло ему улыбнулась и не стала отказываться от музея. Поехали на троллейбусе. Народу немного было, а

Мишка все старался прижаться. Встанет близко-близко и в глаза заглядывает, как щенок. Почти сорвалась — но приехали. А в музее он как всегда молчал. Меня же охватило какое-то блаженное оцепенение в этом царстве совершенства и любви. Все мысли о нем. Не картины перед собой видела, а его лицо, изгиб губ, треугольник руки, поворот кисти... И вновь я почувствовала головокружение, только на этот раз намного сильнее. Чувство было волшебным: на миг мне даже показалось, что ноги мои оторвались от пола, и я плавно парю в загустевшем воздухе.

В минуту пробуждения оглядываюсь — Мишка стоит рядом, глаза, как у преданного пса, и тихо-тихо:

— Верочка, скажи... Ты ведь то же самое чувствуешь, что и я?

Нашел что сравнивать, дурачок! Я чуть не расхохоталась. Но такой у него был жалкий вид, что я смягчилась, улыбнулась ему и промолчала загадочно. Пусть думает, что хочет. Не мое это дело.

Воскресенье. С недавних пор выходные ненавижу. Не знаю, куда себя деть, чем занять. Сижу часами за столом, упершись невидящими глазами в окно, и думаю, думаю, думаю... или мечтаю. Иногда ловлю себя на том, что так далеко улетаю в своих думах, что начинаю терять ориентацию: где я — в реальности или в мечтах. Что было на самом деле и что мной придумано. И какая в конце концов разница! Теперь-то я знаю наверняка: мечта материальна и ощутима. И нет такой уж большой разницы между тем, что думаешь, и тем, что удается воплотить в осозаемые формы и сказанные слова. Я почему-то уверена, что Георгий разделяет эти мои мысли, и общение — наше с ним — проходит на тонком невидимом уровне уже давно и активно. А иначе откуда бы я так остро чувствовала его? Откуда бы во мне жило убеждение, что мы постоянно вместе? Ведь стоит мне закрыть глаза, и я вновь и вновь начинаю парить над землей — вместе с ним! И главное! Я научилась владеть этими ощущениями и вызывать их в себе. Основное здесь — уметь полностью сосредоточиться.

Однако все это, конечно, здорово, но мне такого вот молчаливого (хоть и до невыносимости насыщенного) общения становится мало. Душа моя требует большего. Я хочу уже не просто сидеть за ним и из своего далека наблюдать его игры с ручкой — полные тайного смысла, но я хочу — я жажду — сидеть с ним рядом и держать его пальцы в своих руках, говорить ему слова любви и слушать-слушать его голос — мягкий и нежный.

Но нам постоянно что-то мешает. То его друзья-приятели, то Киса, которая все время ошивается недалеко от него. Киса! Как же я ненавижу это дьявольское отродье! Всегда она первая, самая добрая и отзывчивая. И Дуська с ней рядом, как под крыльишком. Я прямо кожей чувствую, как они стремятся нас с Георгием разлучить. Сейчас! В такой высокий момент!..

Только что ко мне в комнату заглядывала мамуля. Увидела, как я старательно строчу, тут же извинилась и скрылась за две-

рью. Кажется, она начала что-то подозревать. Уже несколько раз зовила ее настороженные, если не сказать, обеспокоенные взгляды. Тут же делаю невинные глаза и сладкую улыбочку — пока сходит с рук. И в душе моей копошится зловредное чувство удовлетворения: не такая уж ты, мамуля, всевидящая, не такая уж всезнающая и всечувствующая, если очевидной вещи разглядеть не можешь. А как долго это сидело во мне, с самого раннего детства:

— Верочка, детка, посмотри мне в глаза. Ты же знаешь, что я все твои мысли могу прочитать в твоих глазах, поэтому никогда — никогда! — не обманывай меня.

Так до сих пор и сохранилась эта привычка — прятать глаза.

Видела страшный сон. Такой детально подробный, что можно спутать с явью.

Ночь. Темная, без проблеска. Крадусь по заросшему лопухами и крапивой саду. Колючие листья жалят меня своей огненной росой. Но странно: ни страха, ни боли нет, а только ослепляющая словно бледно-холодная ясность и абсолютное спокойствие. Цели своего вторжения в чужой негостепримный сад не знаю, чувствуя только, что справедливость движет мной.

И тут тишину ночи разрезает женский смех. Я спешу на этот звук и достигаю полуслышавшей шаткой беседки. И что же открывается мне в неровном качающемся свете фонаря? Киса — полу-голая, безобразно распущенная — склоняется над обессиленным Георгием, моим Георгием! И ее мерзкий отвратительный голос:

— Ну что, Жорик? Донгрался с Веркой?

Не помню откуда, в моей руке оказывается нож, я подскакиваю к ней, размахиваюсь и бью, бью в мягкое податливое тело. И нож, словно разрезая масло, режет ее плоть...

Проснулась в поту, во рту пересохло, руки дрожат. Машинально взглянула на пальцы — все казалось, что с них капает кровь. Не выдержала, пошла мыть руки.

Внешне все удивительно спокойно. Хожу на занятия. Даже снова стала отвечать на семинарах и записывать лекции. Улыбаюсь, мило шучу, отвечаю счастливым взглядам Мишки. Он при виде меня словно оживает, и впечатление такое, что все время хочет что-то сказать, но не решается. А между тем, в душе моей полное смятение. Чувства захлестывают меня, и что самое страшное — мне, по сути, кроме как с мамулей, не с кем поговорить.

Как могло так получиться, что у меня нет подруг? От меня все словно шарахаются. Вчера не выдержала и разрыдалась прямо на глазах у мамули. В слезах призналась ей, как мне бывает одиночко, а она:

— Все оттого, Верочка, что ты не похожа на других. Но это отнюдь не означает, что ты чем-то хуже. Ты просто другая. Ты умная, способная, порядочная девушка. И ни при каких обстоятельствах ты не должна забывать об этом.

Но мне от этого что — легче? Мамуля ошибается, если так думает. Ведь признаться — меня всегда тяготило отсутствие

подруг. Школы, в которых я училась, как правило, находились далеко от дома, поэтому все мое общение с девчонками и мальчишками сводилось к самому примитивному: дай спи- сать. Причем благодарности от них дождаться было невозможно. Всегда по отношению ко мне и лучшем случае настороженность, а в худшем — насмешки. Однажды у меня появилась настоящая подруга. Училась она, правда, плохо, но зато была доброй и отзывчивой. Мы с ней однажды даже с урока сбежали! И целый час гуляли по парку, болтали и обедали мороженым. Мне мамуля всегда деньги давала — по чуть-чуть, но я их не тратила, а потихоньку от нее копила, и в тот замечательный день мы все деньги проели. Нам потом, конечно, влетело, а вскоре мне опять пришлось поменять школу.

Кстати. Я никогда об этом не задумывалась. Почему дольше двух лет я в одной школе не училась? Что-то сейчас припоминается, мамуля говорила о необходимости перемены школьного климата, еще какую-то чушь, типа "рекомендации врачей"... Точно! Класса до седьмого меня регулярно — раз в полгода — обследовали врачи. Так называемая диспансеризация. Но это проходили все ребята. Однако почему-то мне одной приходилось менять школу.

За что я была наказана одиночеством! Кто любит новеньких? Да никто! Тем более таких, как я! Уродов!

Ну и бред иногда лезет в голову. Долго колебалась — вырвать страницу или оставить. Решила оставить. Чтоб впредь неповадно было малодушничать. Действовать надо, вот и все решение проблемы.

Отважилась. В перерыве между парами сунула ему в тетрадь записку. По-моему, неплохо придумано. С нетерпением жду реакции.

Да! Записка такая:

"Думаю, ты догадываешься, кто тебе пишет. Молчать, таить в себе чувство к тебе больше нет сил. Знаю, что многие, очень многие осудили бы нашей с тобой любви. Но что нам до общественного мнения, когда на чашу весов брошено счастье двух людей? Не прошу от судьбы неизбывочного. Просто хочу быть рядом с тобой хоть иногда."

С надеждой,

твой любящий друг."

На мой взгляд, достаточно выдержанно и в то же время эмоционально. Не могу дождаться завтрашнего дня. Что-то будет?

Странно. Весь день ждала, что он подойдет ко мне или уж по крайней мере даст понять взглядом, жестом, многозначительной полуулыбкой, что все понял, что мой, что любит и жаждет встречи. Но ничего. Ничего не было. Весь проклятущий день протаскался со своим приятелем. И что за такие важные дела они обсуждали — понять не могу. Только беспрерывно разговаривали да куда-то исчезали. Что-то здесь не так. Необходимо выяснить.

Как в воду смотрела! Киса! Конечно, она. Какая низость! Да-
же от нее и такой подлой выходки не ожидала.

А выснить все мне удалось так. После занятий решила про-
следить, куда это так спешит мой Георгий. Вышла за ним из фа-
культета. Прошла во дворик. Смотрю, устраивается на дальней
лавочке и начинает кого-то ждать. Я зашла с другой стороны и
пряталась за выступом здания. Очень удачно: меня не видно со-
всеми, зато я могла прекрасно слышать весь разговор и даже
немного видеть его и... Кого же он ждет? Опять своих несносных
дружков?

Минуло минут десять. Вдруг слышу, кто-то приближается.
Уж как не терпелось взглянуть, но я сдержалась. И вдруг:

— Привет, Жорик! — Киса! Меня уж передернуло.

— Привет, красавица! — Сначала от такого его приветствия у
меня помутилось в глазах, но тут же я себя одернула: неужели
ты не слышишь, сказала я себе, сколько иронии вложено в эти
слова! Я воспрянула духом.

— Какое такое безотлагательное дело у тебя ко мне? — Непри-
крытое кокетство.

— Да, как тебе сказать, — замялся он. — Даже и не дело во-
все, а просто захотелось тебя увидеть... — Я замерла.

— Не хитри, — довольный смешок. — Я же все про тебя знаю!

— Вот как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. — Явное
ожиление в голосе. Напряжение мое стало почти невыноси-
мым.

— Выкладывай. — Я услышала, как она поудобнее устраива-
ется на лавочке.

— Поскольку так уж получилось, — неторопливо начал Геор-
гий, — что ты одна в курсе моих пристрастий, — пауза, — и сла-
ва Богу, я знаю, что могу тебе полностью доверять, то вот, хочу
запросить тебя... — снова пауза. Я прямо кожей чувствовала,
как он волнуется. — Не могла бы ты передать записку?

Вот оно! Ответ! От радости я чуть не подпрыгнула. Но тут же
осадила себя очевидным вопросом: но почему через Кису? поч-
ему не мне в руки? зачем впутывать в наши отношения третью —
и какое! — лицо?

— Нет проблем, Жорик, — она вскочила. — Давай сюда.

Меня охватило жуткое оцепенение. Мысль, что ее грязные ру-
ки коснутся тайного послания, предназначенного мне, приводи-
ла меня в бешенство.

— Ты знаешь, кому, — тихий нежный голос словно пригвоздил
меня к месту. Я осторожно вдохнула холодный освежающий
воздух.

— Все будет отлично, Жорик, не беспокойся. — Какое низкое
двуличие!

— Спасибо, красавица. — Я услышала, как голос его повесел-
дел, мне стало чуть легче.

Они ушли. Я некоторое время стояла в своем закутке, пыта-
ясь понять, что же, собственно, произошло. Видимо, чувства его
настолько сильны, а характер настолько робок, что Георгий ре-
шил прибегнуть к помощи посредника. Неразумный выбор его и
объясняла удивительной наивностью души.

Что ж! Как бы дальше ни развивались события, одно мне уже известно наверняка: чувство мое взаимно!

Однако узнать, что же мне было начертано его рукой на листе бумаги, мне так и не удалось. Никакой записи Киса мне, естественно, не передала. На мои негодующие взгляды она отвечала полным и совершенным недоумением. А когда я в перерыве между парами подошла к ней и выразительно заглянула в глаза, она и вовсе имела наглость мне заявить:

— Да что с тобой сегодня, Вера? — Усмехнулась. — У тебя прямо иезуитский вид!

Что было делать? Я молча отошла от нее, всем видом демонстрируя философское принятие человеческой подлости. Пусть думает, что это ей сошло с рук. Тем неожиданнее будет мой сокрушительный удар.

Жизнь — театр. Как глубоко теперь понимаю я эти бессмертные слова. Все мы выступаем на сцене бытия, причем у каждого из нас несколько ролей. Утром я в костюме пай-девочки, любящей, послушной дочери ("Доброе утро, мамулечка, как спалось?"); днем на факультете — в форме примерной отличницы и доброжелательной подруги ("Привет, Киса, ты сегодня отлично выглядишь! Здравствуй, Лена, как успехи?"); и только вечером, оставшись наедине со своим единственным другом, которому я поверию все секреты моей души, я сбрасываю скоморошьи наряды. И сколько негодования в этот миг выплескивается из меня!

И вот что я недавно поняла.

Сама природа зла происходит не из человеческой подлости и низости духа, а напротив — из его силы и величия. Ведь недаром же историю земли вершат не добреные благодушные человечки, а исполненные истинной силы и свободы личности. Именно тот, кто обладает и правильно понимает энергию зла, и является тайным, а иногда и явным послаником Судьбы. Ибо ему дозволено много из того, что не позволяет простым смертным. О чём они — простые смертные — даже и думать не смеют. Только посланники и вершат справедливый суд на земле, потому как наделены силой и отвагой.

Конечно, и дух посланников несравненно сильнее, мощнее, нежели у среднего обывательски "доброго" мещанина. Ведь человек, наделенный силой, а значит, и дозволением, отдает себе отчет в том, что расплачиваться за содеянное придется тоже ему. Сколько легко быть Алешей Карамазовым — этим прямым светлым праведником, почти тошнотворным в своей идиотской однозначности! И сколько несоизмеримо сложно нести груз познания зла, данным Ивану. А если пойти дальше?

Кто обладает большим величием духа? Христос, погибший в муках на кресте и вознесенный Богом на небо, купивший себе разом — одним махом — святость и преклонение? Или же Иуда, совершивший мировое предательство и проклинаемый в веках всеми народами? Только вот где бы был Христос, если бы не Иуда? Где вообще спрятан источник прогресса? И кто берет на себя ответственность за зло, что движет миром?

Как смешно! Память моя собрала и систематизировала все мной прочитанное за многие-многие годы. Но только теперь, когда я научилась управлять своей собственной энергией, знание материализовалось в мысль.

Я знаю истину! Ответы на все эти вопросы! Мне дано драгоценное познание, и это явилось огромным для меня открытием. Ведь как только я поняла, на какой стороне нахожусь, все мои тревоги, сомнения, неустройство души — как сгинули. Отныне я ощущаю себя цельной и сильной личностью, посланной в жизнь исправлять некоторые недоразумения природы, опечатки судьбы. В этом и состоит моя миссия.

Но никто не в состоянии понять меня. Никто даже не подозревает, что на самом деле творится в моей душе. Я действительно ДРУГАЯ! И обретенное мною зрение, зло, скопленное по капле, уже не столько пугает, сколько побуждает к действию.

Все видится теперь в ином свете. Я смотрю на людей и словно читаю в их судьбах. Как просто! Дуська, например, после окончания университета уедет в свой родной, забытый ветрами город, да там и помертв в безвестности и бедности, хотя по-своему и счастливой. Мишка станет в будущем хорошим профессионалом и честным семьянином — мечта средней невзыскательной дамы. Киса? Эта отправится на панель. Ее ждут и богатство, и сомнительная известность, и даже некоторое почитание любителей остренького. Гадина такая! Записку-то, наверное, выкинула.

Георгий... Боже мой! Я не вижу его. Сколько сейчас ни пытаюсь вызвать в памяти его образ — ничего не получается. Вместо ощущения сладостного блаженного полета — пустота. Вместо холодной абсолютной ясности — паника.

Это означает одно: Георгия — моего любимого — у меня крадут. Видимо, мало ей его тела, теперь она решила забрать у меня и его душу! Но это уж — дудки! Не выйдет! Не отдам.

161

Близится Новый год. Как я всегда любила этот праздник. Колючий аромат елки, веселые приготовления к нарядному столу, приятное ожидание боя курантов и, наконец, обжигающий глоток шампанского и такие долгожданные подарки — обязательно под елкой. Сколько себя помню в этот день, в эту ночь — всегда рядом с матерью. Вдвоем. Почему-то никогда у нас не было гостей. Неизменно в нашем маленьком замкнутом доме — вдвоем.

Когда-то, совсем давно, к нам часто приходили знакомые, друзья мамы, отца, бывало шумно, весело. Я хоть и очень смутно, но помню эти времена. А потом — словно что-то умерло. Кажется, этому предшествовала какая-то громкаяссора, бурное выяснение "кто прав — кто виноват — сам такой". Родители к тому времени, кажется, уже развелись, но — редкий случай — сумели сохранить нормальные отношения. И вдруг — эта неожиданнаяссора.

Было это поздно вечером. Я спала, но громкие голоса разбудили меня. Не понимая, что происходит, я встала и подошла к двери.

ри. Я даже открыла дверь, но родители были так увлечены разговором, что не сразу заметили меня.

— Неужели ты не понимаешь, — говорил отец, — на что обрекаешь ее и себя?

— Теперь это уже мое дело! И ничье больше! — закричала мать. — Какую смерть? Я знаю, что шанс есть...

— Есть! — сорвался отец. — Если гематома капсулируется. А если нет? Тогда что? Это же тихое помешательство!

— Все равно не отдам под нож! Ни за что! Такую крошку!..

— Ты не сможешь всю жизнь прятать правду, — голос отца стал тихим и каким-то зловещим. — Рано или поздно...

В этот момент они заметили меня. Мать запричитала, бросилась укладывать меня в постель, но разговор этот, как отпечаток жука в камне, сохранился в моей памяти. Может быть, оттого, что с тех пор отец перестал бывать в нашем доме? И начались годы тихого мирного плавания послушной дочери и благочестивой маман. Вдвоем. Всегда.

Помню еще, что очень долго меня терзал вопрос: что же такое "гематома", из-за которой поссорились мои родители? Уже в школе мне, наконец, удалось разгадать эту тайну. И что же? Оказалось, что это всего-навсего синяк. Обыкновенный синяк!

Ну вот. Еще одна страница перевернута. Скоро Новый год, и на этот раз я нарушу традицию. Не знаю, приготовила ли мать мне подарки или нет (последнее время мы не очень-то ладим), но на этот раз меня дома на Новый год не будет.

162 Нашему курсу поручили Новогодний концерт. Занятия побоку. Все носятся как угорелые: рисуют плакаты, сочиняют стихи, постоянно то в одной, то в другой аудитории идут репетиции. Мне даже не предложили поучаствовать. Мишка сначала взялся в предновогоднюю гонку вместе со всеми, но, видя, какое тягостное впечатление все это производит на меня, из солидарности отказался от участия в шабаше. Теперь мы с ним несколько свысока наблюдаем горячку тщеславия. Концерт состоится прямо 31-го вечером, а после него предполагается грандиозная пьянка.

Вчера с удивлением заметила, что и Дуська как-то отвлеченно слоняется без дела. Выглядело это чуть ли не подозрительно: чтобы обошлись без нее? Подошла к ней, заговорила, оказалось, что на Новый год она уезжает к родителям.

Это ли не знак? Весь день проходила в раздумьях. В результате план мой почти готов.

Мать устроила скандал. По всем правилам: с криками, с рыданиями. "Верочка, не ходи! — Орала она мне. — Ну куда ты собралась? С кем? Зачем? Не оставляй меня одну в этот день! Я так боюсь за тебя!" И все в таком духе. Тошно стало. Я ушла к себе, закрыла дверь, но еще долго слышала, как она ходит по комнате и бормочет что-то невразумительное: конечно, что же делать, вот оно, возмездие, и прочую чушь.

Через час все стихло. Изредка доносились до меня всхлипывания за стеной, но и только. Наконец я смогла окончательно — детально — отшлифовать свой план.

Действующие лица: отсутствующая Дуська

Мишка

Киса

Я

Моя сила и решительность

Отступать некуда.

Проснулась сегодня с тяжелым сердцем. Словно камень кто положил мне на грудь. Даже дышать трудно. Зато голова была необычно легкой. Некоторое время лежала не двигаясь, и сомнения целой сворой налетели на меня. Простая им попалась сегодня добыча.

Что я задумала? — говорила я себе. — Ведь я никогда не была злым человеком! Напротив — вид нищей старухи доводил меня до слез. Кто изувечил меня? Да так, что я не ощутила, когда же это произошло?..

Только что в комнату заглянула мать. Я еле успела спрятать под одеяло дневник. Глаза у нее какие-то потухшие. Омертвевшие. Неужто она так расстраивается из-за Нового года? Мелькнула даже мысль: а не послать ли все к черту? Остаться дома, и пусть катится все, как катилось?

Мамуля принесла мне сок и какую-то таблетку, сказала, что сегодня падает давление и может разболеться голова. Я поблагодарила, взяла ее руку и прижала к губам. У нее на глаза выступили слезы, она поспешила отвернулась и, пробормотав что-то про молоко на плите, быстро ушла.

А меня ведь никто, кроме нее, никогда по-настоящему не любил. Со мной не хотели дружить, водиться, играть. Почему? От меня словно отваживали всех детей. За что? Мне всегда казалось, что за моей спиной шушукаются и настраивают моих сверстников против меня. Во дворе надо мной издевались, бросали в меня с балконов тухлые яйца и пакеты с водой, дразнили "сдинутой". В результате я перестала выходить на улицу. Всегда дома, всегда с мамулей. То, что я стала хорошо учиться, считалось оправданием моему заточению. Поступила в университет. Победа. И как сначала все шло хорошо! Какой триумф! Получите! Вы все, недоумки и болтуны! Поняли, что я оставила вас всех с носом? Странно, никогда не задумывалась над тем, что в университет я поступила со злости. Назло моим обидчикам. Которые, если честно признаться, к этому времени о моем существовании уже, наверное, и забыли.

Я отчетливо осознаю, что не сверну со своего пути. Идти — так до конца. Остановиться невозможно. Остановка — означает мою духовную смерть. Я обязана выполнить свою миссию — иначе быть не может.

Но вот только почему временами мне хочется выть от неизбежности? Спрятаться от давления того, что сильнее меня? Что?!

Осталось пять дней, и все останется позади. Препятствие будет устранено, и я, наконец, обрету счастье и покой с моим Георгием. Никто больше не посмеет отнимать его у меня.

Приготовления — полным ходом. План мой гениален и прост. Я легко выяснила, кто живет рядом с Дуськой и Кисой. Этих ребят даже я знаю неплохо — известные весельчаки, а уж Мишка — им чуть ли не первый приятель. Совсем уж легко было одурачить моего недалекого воздыхателя.

— Новый год, — сказала я ему. — Такое событие... Всегда особый день для меня... И я хочу, чтобы и для тебя он стал особым, — гляжу в пол и прямо кожей ощущаю Мишкино волнение.

— Я все сделаю, — слышу его сдавленный голос.

— Поговори со своими друзьями, с Бойко и Тихомировым, — говорю срывающимся голосом. — Наверняка они всю ночь проведут на дискотеке, и у нас появится возможность побыть вдвоем, — молчу трепетно, — и нам никто не будет мешать...

— Конечно. — В порыве благодарности Мишка хватает меня за кисти своими влажными руками. Я морщусь, но изо всех сил стараюсь сдержаться — не оттолкнуть его от себя. — Сейчас же поговорю!

— Подожди, — удерживаю его. — Ты ведь понимаешь... — миусь от смущения, — никто не должен знать, что мы с тобой... Не говори им про меня...

— Ну, конечно! — восклицает он. — Даже не сомневайся!

Побежал, но словно что-то вспомнил, развернулся и снова ко мне:

— Верочка, — прошептал и чмокнул меня в щеку. Неловко это у него получилось и как-то глупо — ткнулся губами в мое лицо. Умчался, наконец.

К концу занятий подошел ко мне, подмигнул, прошептал прямо в ухо:

— Все в полном порядке, — и руку выше локтя сжал, как будто уже право получил на меня. А сам весь аж лоснится от ожидания и тайны. Лишь бы не сболтнул кому!

Достала снотворное. Сначала мы с Мишкой выпьем шампанского, а потом дам ему основательную дозу седуксена, он вырубится, а остальное... Остальное полностью в моих руках.

Дуська столицу нашей родины уже покинула.

Я все рассчитала правильно.

Во-первых. Никто не знает, что я собираюсь проводить новогоднюю ночь в общежитии. Матери я вообще не сказала, куда собираюсь. Она со мной пыталась пару раз заговорить, но я все еще демонстрирую праведную обиду и обретенную независимость.

Во-вторых. Комната, где я собираюсь усыпить Мишку, рядом с комнатой Кисы. Это действующее лицо драмы, естественно, исполняет одну из главных ролей в капустнике, но потом-то ей надо будет переодеться! И вот тут выступлю на сцену я. Киса наверняка успеет к этому времени выпить за кулисами, и настроение у нее будет самое благожелательное, а значит — беспечное.

Самое главное в моем плане — оказаться к ее приходу у нее в комнате. Момент неожиданности здесь, безусловно, важен...

31 декабря.

Действие последнее. Акт последний.

Последние записи на чужом столе перед решающей битвой, а там — будь что будет. Отступать мне и поздно, да и некуда.

Мишка уже спит. Мне удалось впихнуть в него приличную дозу. Говорят, что сочетание седуксена с алкоголем опасно, но, надеюсь, он не погрет. Его смерть в мои планы не входит. Хотя... Как странно! Я словно перешагнула черту. Примирившись со своей миссией, я перестала испытывать страх, угрызения совести, сомнения. Все эти мелкие человеческие слабости не для меня. Я будто выросла из них, и они отпали, как ороговевшая кожа.

Даже то, что предшествовало Мишкиному сну, воспринимается мною, как неизбежная небольшая жертва — заминка перед выполнением главного задания. Дело в том, что он, как только мы оказались наедине, сразу же полез ко мне со своими дурацкими приставаниями. "Я так ждал этого момента... Так мечтал..." Что мне было делать? Пришлось терпеть. А надо сказать, вся эта сцена была до крайности отвратительна. Сначала возня, а потом эти его липкие потные дрожащие руки, которые шарят уже по всему телу. Все это, слава Богу, в темноте, и так постыдно и мерзко! Не говоря уже о боли, о животном мычании, о судорожных и суматохных движениях, когда узкая койка тряслась так, что я боилась: вот-вот развалится, — а его тощие ноги в несвежих носках при этом колотились о фанерную перегородку. И потом:

— Вера, Верочка! Это было так прекрасно! — И благодарные поцелуи градом. Кошмар!

У нас с Георгием все будет по-другому. Никакого скотства! Никакой грязи! Никакой низости и пошлости! Наши с ним отношения будут строиться на иных — высоких началах! Я это знаю наверняка, потому что, как только я села сделать вот эти последние записи, я вновь почувствовала его, ощутила то блаженное летящее состояние, которое всегда сопровождало мои мысли о нем. Он снова со мной!

Ну что ж... А к эпизоду с Мишкой можно относиться, как к крещению кровью. Теперь я — женщина. И уже как женщина приняла душ (пришлось!), оделась и ликвидировала все следы своего здесь пребывания. Время — час ночи. Теперь — главное. Пробраться в комнату врага. Я сделаю это через окно. Я уже раньше выяснила, что окна этих комнат совсем близко, а карнизы — достаточно широкие. К тому же не без помощи Дуськи (и от ее какая-то польза) я узнала, что Киса — любительница свежего воздуха, и окно, как правило, держит чуть приоткрытым, так что на мою удачу лишнего шума не будет. Когда я окажусь в ее владениях, то первым делом распахну окно настежь, поэтому Киса, как только войдет, бросится его закрывать. Тут-то и проявлюсь я. Мне ничего не будет стоить схватить ее за ноги и швырнуть в морозную черную пустоту, я намного сильнее ее и спать же — момент неожиданности... Она и сообразить ничего не успеет. А объяснится все потом просто: пересила и перепутала дверь с окном, с кем не бывает? А то, что комната ее на десятом этаже, — так это простое невезение.

Судя по нарастающему шуму, капустник закончился. Надо спешить. Завтра меня ждут счастье и любовь!

С Новым годом!

Теперь: дневник во внутренний карман куртки и — в окно.

ЗПИЛОГ

Сразу после новогодних праздников ударили морозы. Москвичи мерзли. Кутались в шарфы, платки, шубы и старались как можно быстрее пробежать невыносимое зимнее пространство. Вдобавок ко всему было еще и очень скользко: снега в этом году выпало слишком мало, зато лед сверкал повсюду.

Около факультета студентов почти не было видно. Курить на улице холодно, а потому все дымили в небольшом предбаннике около доски объявлений, где висел некролог.

Вроде бы и небольшой лист бумаги в черной рамочке с официальной, словно еще школьной, фотографией — такие снимки обычно помещали на доску почета... Но первое, что бросалось в глаза среди множества прочих ярких остроумных новогодних поздравлений и красочных праздничных афиш, — именно этот невзрачный снимок с несколькими строчками под ним. Может быть, потому что вывешен он был неудачно, скорее даже нелепо — будто объявление о смерти. А может, потому, что некролог — уж слишком неуместное явление в таком молодом и жизнерадостном месте, где, кажется, вся жизнь только и начинается.

Первая мысль, которая пробегает в голове студента при виде некролога, скорей всего такая: кто-то из преподавателей... Вторая: значит, не будет занятий, после чего моментально делается совестно. Затем студент читает текст и понимает, что погиб его сокурсник. Нелепо, бездарно, бессмысленно. Да как же так? Ведь я третьего дня разговаривал... — с недоумением бормочет студент и оглядывается, кого бы призвать в свидетели: помнишь? Будто тот незначительный разговор является залогом чужого бессмертия. А дальше? Любопытство? Недоумение? Смолкнувшие разговоры? Которые немедленно всыхивают, стоит отойти от некролога на два метра.

Алиса стояла у доски объявлений дольше других. Наверное, потому, что все еще не могла поверить в происшедшее практически у нее на глазах: искаленное лицо девушки в окне своей комнаты, и страшный крик, когда нога поскользнулась на карнизе и поехала — медленно, мучительно медленно — вниз, увлекая за собой все тело. Конечно, Алиса бросилась к окну, конечно, налетела на стул, поставленный накануне посреди комнаты с выглаженным платьем, больно ударилась и — скватила пустой ледяной карниз и теперь, конечно, мучила себя вопросом: а могла бы успеть?

— Привет, красавица, — услышала она негромкий голос за своей спиной. — Ничего себе, новогодний сюрпризец, а?

— Знаешь, Жорик, — Алиса не ответила на приветствие. — Я ведь ее практически не знала, скорее, не замечала вовсе, а теперь

у меня странное чувство, ты не поверишь, причастности к ее смерти. Как ты думаешь, что она делала там, на окне?

— Сейчас уже невозможно узнать, — он потянул Алису к лестнице. Стоять под некрологом было немного жутковато, тем более рассуждать о причинах смерти, словно в присутствии покойника. — Слушай, — Жорик остановился, будто произнесенный додлкой: — А вдруг она испытывала к тебе тайную страсть? Ну, ты понимаешь...

— Жорик, — Алиса даже усмехнулась, — не забывай: хоть ты и принадлежишь к сексуальным меньшинствам, это все-таки пока меньшинство.

— Нет, а правда, — проговорил он, вдохновленный своей неожиданной идеей. — Тогда можно считать ее смерть — во имя любви! Оправданной!

— Ты спятил! — Алиса рассердилась и собралась отчитать своего друга, как до них донеслись чьи-то приглушенные рыдания.

Алиса с Жорой переглянулись, подошли к лестнице и посмотрели за автоматы с водой. Там, в маленькой грязной нише, сидел, скрючившись, Мишка и, размазывая слезы по щекам, откровенно горько рыдал. Алиса с Жорой замерли, не зная, что делать. Мишка поднял на них глаза, полные невыразимого отчаяния, и тихо, но отчетливо произнес:

— Я один во всем виноват. Я один... Скотина... — И снова затрясся в беззвучном плаче.

— О, Господи, — Алиса выпрямилась. — А что сейчас чувствует ее мать...

— Страшно себе представить, — откликнулся Жора.

— Знаешь, давай ей позвоним от имени всего курса. Все-таки ей будет какое-то утешение, что ее дочь здесь помнят.

— Давай, — без особого рвения поддержал ее Георгий. Покойников он боялся с детства, а похороны ненавидел, но показывать, что ему от идеи Алисы не по себе, почему-то не захотел.

В учебной части они узнали телефон и имя-отчество матери Веры Барсуковой. Поощряемые инспектором курса, отправились звонить, хотя в глубине души Алиса уже ругала себя за идиотский энтузиазм. Однако к ее тайному облегчению трубку никто не брал. Она для верности, уже понимая, что телефон не ответит, подождала десятого гудка, пока Жора глазами делал ей: вот, мол, видишь, никого, — и, подхватив сумку, стала подниматься на второй этаж в 204-ю аудиторию. Шла сессия.

Ксения Ивановна как раз выходила из дома, когда телефон снова и весьма настойчиво зазвонил. Она еще подумала, а не взять ли трубку, но решила, что с нее и одного тягостного разговора достаточно. Решительно захлопнула дверь и вышла на улицу.

Было холодно. Ксения Ивановна пожалела, что не надела под пальто шерстяную кофту — ее обмануло яркое солнце — и не спеша, осторожно ступая по ледяной корке, покрывшей асфальт, направилась к небольшому рынку около метро: необходимо

мо было купить продуктов на завтрашние поминки. Народу, конечно, будет немногого. Придет пара соседей, кто еще? Наверное, Юля с работы. Паша, конечно, отец как-никак. Вот, собственно, и все.

Ксения Ивановна поежилась. Когда-то сгоряча взвалила на себя весь груз ответственности за дочь после, казалось бы, безобидного, а по сути такого страшного падения Верочки с велосипеда. Ксения спустя пару месяцев обнаружила, что очутилась в полной изоляции, словно, перешагнув черту, она оставила в прошлом не только все сомнения, угрызения совести, терзания, но и друзей, а то и просто знакомых. С собой она взяла, пожалуй, только страх. Практически все тогда отвернулись от них, оставив их одних выживать в этом большом каменном городе. И она старалась, как могла. Именно это сейчас внушала себе Ксения Ивановна, неловко ступая по гололеду и чувствуя себя неуклюжей старухой.

Она подошла к рынку и, увидев, как несколько человек грелась у костра, сложенного из пустых ящиков, поняла, что сильно замерзла. Ксения бочком подошла к огню, вытянула руки, почувствовала, как тепло приятным ознобом пробирается в рукава. Из носа потекло. Она сунула руку в карман и неожиданно наткнулась на чуждый предмет: блокнот грязно-красного, какого-то неопрятного цвета, который вчера передал ей следователь со словами: "Прочтите обязательно". Мысли перекинулись на недавний телефонный разговор все с тем же следователем, который и сообщил ей анализ вскрытия: неоперабельная опухоль во внутренних тканях лобной и затылочной частей головного мозга.

Ксения достала блокнот, безучастно повертела в руках, зачем-то потрясла сломанным в милиции замочком и неожиданно для самой себя аккуратно положила его в костер. Бумага быстро засияла, пламя затанцевало. Ксении показалось, что стало намного теплее. Она отошла от огня, вспомнила, что шла на рынок, и решила начать со спиртного.

У киоска притоптывал неопрятный веселый пьяничужка. Ксения, которая всегда брезгливо морщилась при виде подобных типов, на этот раз, движимая непонятным импульсом, сунула ему мятую банкноту и в ответ услышала:

— Спасибо, мамаш. С праздничком!

Ксения машинально кивнула, и тут слова догнали ее.

— А ведь все, — прошептала она, ускоряя шаг. — Конец.

На выходе она увидела все тот же костерок и поняла, что ей просто необходимо еще раз взглянуть на него. Страницы уже сгорели все, но обложка держалась. Какой-то парень бросил газету, пламя подхватило и лизнуло оказавшийся крепким картон.

"Ну вот теперь точно все, — подумала Ксения, глядя, как огонь поглощает бумагу. — Миссия моя окончена. Свободна".

Она подняла лицо, уже совсем не чувствуя мороза, и неожиданно для себя, забыв, что еще совсем недавно в тихом отчаянии плакала и боялась, что остановить слезы не сможет уже нико гда, — улыбнулась.

Свободна!

**ЕДИНСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ В РОССИИ**

*Всем, любите
юю фантастику!*

Журнал «Если» был основан в 1991 году, а с 1993 года распространяется преимущественно по подписке.

Ценители жанра найдут в «Если» **лучшие образцы новейшей зарубежной фантастики**. Залог тому — наше сотрудничество с двумя ведущими американскими НФ-журналами — Asimov's и Analog, критико-библиографическим изданием Locus, а кроме того, тесные контакты с крупнейшими литературными агентствами и ведущими зарубежными писателями.

«Если» внимательно следит за развитием отечественной фантастики. Ряд произведений российских авторов, напечатанных в нашем журнале, получили престижные премии.

В разделах критики и библиографии читателей ждут очерки, посвященные истории жанра, статьи о новейших течениях НФ и фэнтези, рецензии на новые книги, литературные портреты, встречи с писателями, новости фэндома.

Журнал выходит в удобном формате, с использованием современного дизайна, европейской бумаги, зарубежной полиграфии. Большой популярностью у читателей пользуется **красочный раздел «Видеодром» — все о фантастическом кино**.

Переписка с читателями сделала «Если» заочным клубом любителей фантастики и местом встреч поклонников жанра.

**«ЕСЛИ» — ЭТО 300 СТРАНИЦ
НОВЕЙШЕЙ ФАНТАСТИКИ!**

Подписка на журнал проводится по объединенному каталогу «ПОДПИСКА-98» (I том, раздел «Журналы»).

ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 73118

Каталожная цена подписки на журнал — 48 тысяч рублей на полугодие плюс стоимость почтовых услуг.

Каталог есть в каждом почтовом отделении России.

Мы будем рады видеть вас на концерте группы "Глаза" в клубе "Би-би-си".

АЗИЗА:

**"МНЕ
99-
99"**

**И ЭТО
ПРЕКРАСНО!"**

Следующий этап моей жизни начался в 1998 году, когда я вернулась в Россию. Я хотела познакомиться с новыми людьми и заняться своим творчеством. Я хотела, чтобы моя карьера продолжалась, и я хотела, чтобы люди узнали о моем таланте. Я хотела, чтобы моя карьера продолжалась, и я хотела, чтобы люди узнали о моем таланте.

Стремительно ворвавшись на российскую поп-сцену, она сразу и навсегда покорила ее. Появление Азизы стало сенсацией. Вокруг ее имени полали слухи, случались скандалы. Красивая женщина с восточной внешностью и "бесконечными" ногами стала одной из самых загадочных и популярных отечественных певиц, упражнением любых концертных программ. Ее образ женщины-вамп вполне оправдывает себя, ввергая каждые раз публику в неимоверный восторг. "Есть в ней что-то дьявольское, притягательное, что-то необыкновенное, рождающее страх и пренлонение..." — так отзывалась о ней одна из арабских газет.

Несмотря на все нозни, учиненные ей судьбой, она стойко держалась на ногах и не позволила сделаться жертвой дешевых интриг.

— Азиза, с чем вы, после долгого отсутствия, пришли к своему зрителю?

— Действительно, обстоятельства так сложились, что пришлось на время оставить сцену. Но я не "проставила", а упорно готовила новый репертуар. Альбом "Все или ничего" стал своего рода сборником моих последних работ. А совсем недавно я завершила работу над клипом "Легенда о слепом орле", съем-

ка которого проходил в Белоруссии. Тогда же я получила роль в спектакле "Белорусские народные песни", который состоялся в Минске. Спектакль был очень интересным, и я была рада, что моя карьера продолжается.

Что вы можете сказать о своем первом концерте в России?

— Вы сами "отsekli" свою фамилию?

— Нет, это произошло с подачи Юрия Николаева еще в Юрмале. Он, бедолага, все никак не мог запомнить мою фамилию и, выйдя на сцену, произнес торжественно: "Поэт Азиза..." и запнулся. С тех самых пор я просто Азиза. По-моему, звучит, вам не кажется?!

— Говорят, такого количества сценических костюмов, как у вас, нет ни у одного артиста. Для вас внешний вид — это первостепенно?

— Во всяком случае, не второстепенно. Ведь наряд артиста — это его имидж, а он складывается из песен и наряда, разумеется. Умелое сочетание одного и второго во многом способствует успеху. Поэтому я не люблю появляться перед публикой часто в одном и том же наряде.

— Азиза, восемь лет пребывания в столице как-то повлияли на вас?

— На первых порах меня было легко обмануть как в личной жизни, так и в профессиональной. Я во многих вещах не разбиралась, не могла сразу угадать, с какими намерениями ко мне подходит человек. Очень трудно было приспособиться к столичному шоу-бизнесу. Сплошные занудистские интриги, зависть и неискренность.

- Обычно женщины тщательно скрывают свой возраст. Вы же публично обнажали его. Может, такая смелость объясняется тем, что с годами вы становитесь еще красивее?

- Спасибо. Мне уже 33, и это прекрасно, ведь женщине столько лет, на сколько она выглядит.

- Вы как-то сказали, что, дескать, мужчины считают вас не приступной и потому боятся предлагать руку и сердце. Смелые не объявлялись?

- Если бы появился мужчина, который понял, что я невинна его мечты, то я бы согласилась связать с ним свою жизнь.

- Алиса, чем объяснить метаморфоз между двумя сценическими образами: то вы такая Шахерезада из восточных сказок, то предстаёте в шикарных одеяниях от известных кутюрье... Какой из этих образов вам ближе?

- Я считаю, что у человека, который родился в семье, где отец - мусульманин, а мать - православная, эти метаморфозы должны быть. Я училась в русской школе, но прекрасно владею родным узбекским языком. Во мне две культуры, две крови, и чем я становилась взрослея, тем больше меня стало разрывать на две части.

- Кому вы обычно звоните, когда вам тоскливо и одиноко, а за окном падают дождь?

- Маме и сестрам в Ташкент. Это единственные люди, способные развеять тоску и придать мне силы и энергию.

- Алиса, вы не устали от бесконечных скандалов вокруг своего имени? И все они связаны с мужчинами.

- Устала нутро. Наверное, не столько от самой шумихи вокруг этих скандалов, сколько от их "героев", на которых мне просто не везет.

- Говорят, за одно лишь ваше присутствие на приеме у египетского шейха вам заплатили сумму с шестью нулями?

- Нет, с пятью. Я вспоминаю этот случай как некую-то нелепость. Подумать только, за то, что ты просто есть, пьешь и посыпаешь всем денежную улыбку, платят гораздо больше, чем за несколько концертов у нас. Во, как бывает!

- Как вы распорядились этой суммой?

- Нлип сняла, записала компакт-диск, сшила множество костюмов, ну и на жизнь отложила чуть-чуть.

- А что же квартиру не купите?

- Успею еще. Неногда. Голова забита идеями, которые я должна непременно воплотить.

- Вы поздний ребенок в семье, а как известно, они очень одаренные...

- Да, когда я родилась, маме было 39, а отцу далеко за 40. А что насасывается гениальности... Не знаю, но свой "ум" я ощущаю почти каждый вечер. Хочется треснуть головой о стену, только бы избавиться от невыносимого ощущения тяжести. От ума это или наоборот... не знаю.

- Почему вы иногда отказываетесь выходить на сцену, и это в то время, как ваше имя уже заложено на афише?

- Это связано в первую очередь с непорядочностью администрации или устроителей гастролей. Знаете, мне иногда "везет" на подобных, как и многим моим коллегам. Вспомните случай с В. Меладзе и М. Распутиной, когда их администраторы, прихватив предназначенную для артиста сумму, попросту исчезли. А скандал и неприятности достаются самому артисту. Думаю, что Маша поступила правильно, продержав

нано-то время своего администратора в гарнеле. Я бы поступила так.

- Ваш репертуар состоит в основном из песен трагических. Они выражают состояние вашей души или вы их отбираете просто "под язос"?

- Певец исполняет то, что ему близко по настроению. Ногда я после долгого отсутствия на сцене спела "Ангел мой, помоги", многие говорили, что я песней ответила на все вопросы, которые накопились у слушателей со мной.

- Считается, что красота и ум в женщинах — вещи несовместимые.

- Красивая женщина просто обязана быть умной, иначе она создает много проблем себе и окружющим.

- Вам не приходила мысль производить духи с называнием "Азиза"?

- Ногда была в Америке, я встречала косметику с подобным называнием. Более того, мои друзья, приезжая из Франции или из французских стран, всегда привозят мне то помаду, то кофту, то платье с лейблом "Азиза". Значит, уже существуют парфюмерные фабрики и швейные мастерские с таким именем. Так что я опоздала.

- Азиза, говорят, вы халатно относитесь к профессиональной работе и что, дескать, ни разу не проводили серьезной репетиции?

- Если я, не репетируя, собираю полные аншлаги, то что же будет, если я еще начну репетировать?..

- Ваше поведение на сцене сравнивают, извините за резкость, с влюбленной тигрицей. На концертах зал просто неистовствует.

- Я благодарна своему слушателю за сопереживание и понимание.

Величие блаженства для артиста, если он рождает в зрителе внимание и участие и может удерживать их в течение всего концерта.

- Поклонники не слишком вам досаждают?

- Я так часто в Москве переезжаю с квартиры на квартиру, что невозможно уследить за моими перемещениями.

- Азиза, вы считаете себя счастливой?

- Счастье складывается из отдельных ярких моментов. Позволю себе сравнение: на моей родине многие шьют одеяла из различных лоскутков ткани. Получается очень красиво. Так вот, счастье — это то цельное одеяло, сотканное из множества ярких нуточек ткани.

**Беседу вел
РАМАЗАН РАМАЗАНОВ.**

Фото автора
(на 170-й стр. и на IV-й обл.)

ВЯЧЕСЛАВ СЫСОЕВ

МЕСЯЦЕСЛОВ

ИЮЛЬ

Комары пропали.
Овод прилетел..
Как всегда в июле
сразу уйма дел.
Вызрела малина,
липа зацвела,
косы зачесали
на краю села.
У пернатых дети
встали на крыло..
Хорошо в июле –
жарко и светло.

СЕНТЯБРЬ

Картинки осени:
стога в лугах,
Пернатые уже собрались в стаи,
Стерня желтеет в убранных полях,
В лесу и тише и просторней стало.
Поблекли травы,
отцвели цветы,
Бледнее солнце
и туманней дали.
Природа хмурится,
а вместе с ней и ты..
В душе моей прибавилось печали.

ДЕКАБРЬ

Краткий закат.
Сумерек хмурь молчалива.
Землю жалея, тоскливо
Звезды глядят.

Грустен простор.
Эх, побродить бы беспечно!
Снег и мороз быстротечно
Студят восторг.

ВИНТОР ШИРОКОВ

СУДЬБА

Жил-был я. Меня учили.
Драли вкось и поперец.
Тыча потраченных усилий.
Очень маленький итог.

Что я думаю о Боге?
Что я знаю о себе?
Впереди конец дороги.
Точка ясная в судьбе.

Все, что нажил; все, что нежил,
что любил и что ласкал,
все уйдет.. А я – как не жил.
Словно жить не начинал.

РОЛЬ

От короля до моли,
хоть зрячи, все – слепы,
мы все играем роли
по милости судьбы.
Приманка ли, обманка
трефещет на ветру,
и сладко жгется ранка
живая поутру.

А вечером поглубже,
уйдя в чужую тень,
подумай-ка получше,
чем встретить новый день.

И прошептав неслышно
два слога как пароль,
ты изменен продышишь
к утру другую роль.

НЕВПОЛАД

Я думаю о прожитых годах,
которые сгорели в черный дым,
о том, что не любил во весь размах
и оттого не умер молодым.

Я думаю, что в страхе и лоле
сегодня вновь копаться одному,
что снова на растерзанной земле
порядок надо ладить самому.

Корчуется не памятник – уклад,
качается не маятник – судьба,
и, с веком попадая невпопад,
конечно, нужно начинать с себя.

ЛЮБОВЬ РУСЕВА

ЯРКАЯ КОМЕТА

"Какую блестящую биографию можно написать о А.А. Бренко! Ее жизнь – тема для захватывающего романа".

В.А. Пильгромский

176

Гильяровский назвал Анну Алексеевну Бренко яркой представительницей "людей театра". В своих воспоминаниях он писал: "Из всех театральных знаменитостей моей юности дольше других оставалась в живых А.А. Бренко. На моих глазах полнека сверкала ее жизнь в непрерывной борьбе без минуты покоя. Это был путь яркой кометы, то ослепительной в зените, то исчезавшей, то снова выплывшей между облаками и снова сверкавшей в порывах грозовых туч".

Кто эта женщина, ставшая легендарной при жизни? Столбовая дворянка и заслуженная артистка советской республики, свидетельница падения крепостного права и боец Красной Армии. Женщина, добившаяся у царя отмены монополии императорских театров, указа, запрещавшего частные театры в столицах со времен Екатерины II. Какую жизнь прожила она, создательница Пушкинского театра в Москве и первого Рабочего театра России?

Настоящая фамилия Анны Алексеевны была Челищева. Бренко – ее сценический псевдоним. Поступая на сцену Малого театра, Анна Алексеевна взяла фамилию своего далекого предка, который погиб на Куликовом поле, прикрыв грудью Дмитрия Донского.

Родилась Анна Челищева 7 апреля 1849 года в губернском городе Владимире в семье богатого помещика. Отец ее, Алексей Николаевич, владел имениями во Владимирской, Курской и Псковской губерниях, кроме того, ему принадлежали Симские мельницы. Мать, Елизавета Степановна, в молодости обладала удивительным голосом, из-за которого в нее без памяти влюбля-

СЧУБЫ

лись мужчины. Получив воспитание и образование в московском благотворительном пансионе М.П. Наумовой, владея английским, немецким, французским и итальянским языками, прекрасно играя, она выгодно отличалась от всех владимирских барышень. Восемнадцатилетний красавец Алексей Николаевич Челищев был очарован Елизаветой Степановной, которой было 25 лет, и женился на ней. Такая разница в возрасте в дальнейшем сказалась на взаимоотношениях супругов, что не могло не отразиться на детях. Деспотизм родителей друг к другу особенно тяжким гнетом ложился на старшую дочь Аину, которая в отличие от младшей Лизы не была любимицей отца, так как не походила на него. Отец называл дочь "Ворона Карповна" и довольно часто бил независимо от того, кто был виноват.

Исключительную роль в жизни Анны Алексеевны сыграла первая, единственная и несчастная любовь. Владимиру Егоровичу Барановичу было двадцать три года. Красивый, образованный молодой человек, страстный театрал соответствовал идеалу четырнадцатилетней Анны. По просьбе отца девушки Баранович руководил ее занятиями русской литературой. Молодой человек любил читать вслух и делал это артистически, он предложил устраивать у Челищевых литературные вечера. Анна наслаждалась звуком его голоса. А он — ее игрой на рояле. Вполне естественно, что в сердцах молодых людей вспыхнуло сильное чувство.

Но эта идиллия продолжалась всего год. К Челищевым приехала жить бедная родственница — Катерина, которая присутствовала на литературных вечерах. Кошачья и хитрая, она обладала всеми достоинствами и недостатками институтки. Единственным интересом в ее жизни были мужчины, единственной целью — составить себе блестящую партию. Однажды ночью Катерина пришла к Анне и, рыдая, сообщила, что решила покончить с собой, так как они обе любят одного и того же человека, но у нее нет никаких шансов добиться его взаимности из-за бедности. Такие муки ей больше не под силу, и она пришла проститься. Ночная сцена ошеломила Анну. Где было доверчивой, воспитанной на книгах, девушке понять, что рыданья кузины — всего лишь игра. Стать невольной причиной смерти кузины пятнадцатилетняя девушка не могла, и она пообещала уйти в монастырь. Но Катя такая жертва не нужна, тем более что она могла бы помешать ее планам. Кузина требует клятвы не мешать ей женить на себе Барановича. Анна дала клятву и сдержала ее. Больше года она дерзила Барановичу, капризничала. Владимиру Егоровичу так и не удалось добиться от нее признаний в причине такого поведения. А Катя начала действовать. Как-то, когда в комнате никого, кроме Барановича и Анны не было, она забралась на колени к Барановичу и поцеловала его, что заставило Анну выбежать из комнаты. Надо знать то время, чтобы по достоинству оценить этот совершенно невинный с нашей точки зрения поступок. Через некоторое время Катенька стала упрашивать Барановича сделать ей предложение, он отказывался, тогда эта интриганка вошла в гостиную и заявила Анне:

— Теперь вспомни свою клятву и исполни то, что ты мне обещала. Он тебя послушает и сделает предложение; иначе я отправлюсь.

Несчастная Анна пошла к Барановичу.

— Неужели вы не согласны исполнить просьбу Кати и довели ее до слез? Я прежде вас считала честным человеком, а после этого...

— Что теперь? — спросил он.

— Простите, но честным человеком называть вас после этого не в состоянии и прошу вас не рассчитывать на мое уважение. Это идет вразрез со всем тем, что я о вас до сих пор думала.

“В эту минуту, — писала в воспоминаниях Бренко, — он держал мою руку в своей руке и так сильно ее отбросил, что я невольно отскочила. Он бросился к Катеньке, схватил ее за руку и

бегом вместе с ней побежал мимо меня в кабинет отца. Двери после них остались открытыми, и я слышала его громкий голос:

— Алексей Николаевич, рекомендую вам мою невесту."

Эта сцена стала началом трагедии для Барановича и для Анны. Опомнившись, Баранович уехал надолго и издалека просил в письмах вернуть его слово, но Катю не мог смутить тот факт, что ее не любят и с нею будут несчастливы. Честь же не позволяла Барановичу самому разорвать эти отношения. После женитьбы любимого человека Анна все больше стала осознавать, кем он был для нее. Своим горем поделиться с домашними она не могла. Однажды, играя на рояле, Анна в звуки музыки вложила всю свою боль, все свое одиночество. Вдруг сзади она услышала рыдания. Это был Баранович.

— Что вы со мной сделали? Вы погубили и себя, и меня.

Баранович недолго промучился с нелюбимой женой, тоска сделала свое — он умер. Смерть единственного любимого человека была ударом для Анны, она тяжело заболела. Врачи не могли найти причину такого опасного состояния и решили, что у нее горловая чахотка. Анну отправили в Швейцарию, родные и близкие оплакивали ее — так безнадежна она была.

Постепенно Анна Алексеевна приходила в себя, но деспотизм отца становился совершенно невыносим. После очередного скандала (Челищев избил дочь, узнав, что она отказывается идти в церковь, так как потеряла веру) Анна поклялась выйти замуж за него угодно, лишь бы избавиться от гнета. Из многочисленных претендентов на ее руку она выбирает молодого судебного следователя О.Я. Левенсона. Он был умен, образован, красив, прекрасный музыкальный исполнитель, сам сочинял музыку, которая была популярна, считался лучшим музыкальным критиком. Отношение Анны Алексеевны к Левенсону было дружеское, как мужчину она его уважала и любила. 9 июля 1876 года их повенчали.

"Помню, вышли мы после венца на паперть. Смотрю я на синее небо, в душе вдруг такая радость, и думаю:

— Господи! Теперь ведь уж никто, никто больше наказывать меня не будет..."

Первая мысль Анны Алексеевны после замужества — продолжать учение и заниматься искусством. На фортепиано она училась вместе с С.И. Танеевым во Владимире у преподавателя Делича. Переехав с мужем в Москву, она стала учиться пению у профессоров консерватории Кашперова и Валедека и, что больше всего ее привлекало, искусству декламации у артистов императорских театров Рябова и Васильевой. Кроме того, она училась у Тарновского и Боборыкина, слушала в Лозанне лекции Легуве, училась пению у итальянской певицы Соррель, но больше всего дал ей старый режиссер мюзикловых и щепкинских времен С.П. Соловьев. "Этот слепой старик, — писала Бренко, — поражал меня своей изощренной чуткостью. Бывало, декламируя я перед ним какую-нибудь роль и вдруг в патетическом месте он меня останавливает:

— Стойте! Вы опять не тот жест сделали.

— Но почему вы знаете?.. Ведь вы же не видите меня.

А он смеется:

— Это ничего. Я по интонации слышу, что жест не тот. Сознайтесь, ведь вы вот что сделали?

И действительно, оказывается, что старик угадал.

— Вы поищите другого жеста. Не худо бы сделать так или эдак.

Пробую — и в самом деле чувствую, что голос звучит иначе.”

Чем больше Бренко занималась изучением слова, тем глубже понимала значение его. К поступлению на императорскую сцену Бренко готовилась шесть лет. Главной своей школой она считала Малый театр, в котором тогда играли ученики и современники знаменитого Щепкина. “Вот где на сцене была истинная правда, естественная и не поддельная под простоту. Вот где можно было наблюдать характеры и психологические облики действующих лиц — это не были заученные наизусть одни и те же фразы, произносимые одинаковым тоном, а каждый раз чувствовалось вдохновение. Главное лицо на сцене был актер — творец своей роли — и его индивидуальность”.

Но когда Анна Алексеевна поступила на императорскую сцену, ее поразило то, что великие артисты театра были не свободными художниками, а рабами или наемными рабочими у чиновников от театра и власть имущих, которые очень мало интересовались искусством и его сущностью. Репертуар составлялся по приказанию и прихоти чиновников и так же раздавались роли. Свобода действий предоставлялась актеру только на сцене, потому что в это дело режиссер не вмешивался — не интересовался. “Я почувствовала, — писала Бренко, — что свободного искусства у нас нет, и эта неволя в таком свободном деле, как искусство, меня начала давить... И я стала мечтать, как бы вырваться на свободу, тем более что удовлетворяться ролями, которые приходилось играть, было невозможно, ибо я ненавидела оперетту и водевиль, в которых приходилось участвовать.”

Желание играть серьезные роли в высокохудожественных пьесах натолкнуло Бренко на мысль организовать постановку любительских спектаклей. Однако они не могли решить проблему освобождения искусства, и она поняла, что необходимо организовать частный театр. Анна начала искать способ к осуществлению своей идеи. Добилась разрешения у благотворительного общества “Христианская помощь” устраивать вечера с пением и чтением (но без декораций, костюмов и грима) в помещении театра Соловьевского. Председателем общества был адъютант московского генерал-губернатора Долгорукова — Вишневский, поэтому никто не интересовался, откуда идут деньги на благотворительное общество. А деньги эти вложила сама Бренко.

Начала она свое дело с любителями. Во время поста все актеры, окончившие свои договоры с антрепренерами, приезжали в Москву, именно из них Бренко выбирала для дебюта. При этом она познакомилась с тем ужасным состоянием, в котором находилась провинциальная актерская среда. “Это были совершенно бесправные люди, зависящие от произвола антрепренера. Почти всегда не получали они целиком свою заработную плату, и полученного было так мало, что в Москву являлись полураздетыми, с

голыми пальцами, смотрящими из худых сапог. Если было пальто, то уже, конечно, не существовало нижнего белья, разумеется, за исключением артистов первого положения. Загнанные и забитые, они в Москве часто голодали, несмотря на то, что многие из них были талантливы. Для поднятия театра я выписала из Петербурга Модеста Ивановича Писарева, который предложил мне провинциального актера в помощники режиссера: Бурлака-Андреева. Спектакли с Писаревым и Бурлаком имели шумный успех. Между прочим, в великий пост в театре играла Ермолова М.Н. — Елизавету в "Горькой судьбине" в бенефис Писарева. Кроме Писарева, я перезнакомилась и с другими провинциальными силами: Рыбаковым, Чарским, Градовым-Соколовым и другими. С этими актерами мне было легко работать, так как все делалось с общего согласия и над нами не царило никакого гнета: мы были свободные люди со своей инициативой..."

Продолжать начатое дело, основанное только на разрешении "Христианской помощи", было рискованно, и Бренко решила выхлопотать официально разрешение на открытие театра. Она поехала в Петербург и так как на нее все смотрели как на барышню, которая забавляется, а не как на серьезного человека, проводящего свою идею, ей удалось достичь разрешение на имя брата ее горничной — Суворова. Театр, как существо целое, разрешен не был и не имел права выпускать афиши к спектаклям, нельзя было употреблять ни декорации, ни грима, ни костюмов, а афиша гласила о вечере, а не о спектакле, с пением, куплетами и чтением монологов и стихов. Но, окруженная прекрасными артистическими силами, она решилась рискнуть. Она нанияла помещение на Тверской, в доме Малкиеля.

Театр был открыт 9 сентября 1880 года. В этом же году был открыт памятник Пушкину. Близость театра к памятнику и дала повод москвичам назвать его Пушкинским театром.

Бренко продолжала собирать труппу, она платила актерам высокое жалованье, поэтому очень скоро лучшие силы провинции работали у нее. Опубликованы интересные воспоминания А.Я. Гламы-Мещерской, в которых она рассказывает, как Бурлак примчался в Петербург от имени Анны Бренко заключать с ней контракт на любых условиях. Не зная еще, что Анна Алексеевна платит актерам гораздо больше, чем принято в провинции, она потребовала невероятно крупную (как ей казалось) сумму — 400 рублей и, не откладывая, отправилась в Москву в Пушкинский театр. "Мои первые впечатления от знакомства с Пушкинским театром и его работниками были таковы, что словно я очутилась в новом мире. До сих пор для меня является загадкой, каким образом А.А. Бренко удалось претворить в жизнь так блестящую свою идею. Ведь попытки организовать частный театр в Москве производились неоднократно, задолго до отмены монополии императорских театров, и всякий раз неудачно." Бенефис Гламы-Мещерской превзошел все ожидания, она получила много ценных подарков. Дирекция театра преподнесла ей великолепный букет алых роз, в который был вложен большой конверт казенного образца из толстой серой бумаги. "С недоумением вскрыла я конверт и там нашла надорванный лист прежнего до-

говора и свежий подлинник нового. Прочитала и глазам не поверила: вместо злополучных четырехсот рублей обычного моего вознаграждения в новом договоре, скрепленном подписью Бренко, значилось: шестьсот. Но дороже этой материальной прибавки, ставившей меня окончательно на ноги, была деликатная форма, в которой все это было проделано, без всякого нажима с моей стороны. Это так тронуло меня, что я забыла обо всем окружающем и долго не могла собраться с силами, чтобы выйти на вызов публики. Писарев, мой главный партнер по пьесе, почти насильно вывел меня на сцену и вручил мне новый подарок, переданный от публики через рампу. Анна Алексеевна заметила мою крайнюю растерянность и ожила, как бы подбадривая, аплодировала мне из боковой ложи."

Театр блестяще закончил свой первый сезон, и перспективы были самые радостные. В Пушкинском театре играли такие звезды русского театра, как П.А. Стрепетова, М.И. Писарев, В.Н. Андреев-Бурлак, А.И. Южин, В.П. Далматов, М.Т. Иванов-Козельский, В.В. Чарский, З.П. Бородина, С.П. Волшина, А.А. Дубровина и другие. Особенностью театра было перенесение центра тяжести постановок на ансамбль всего актерского коллектива. Часто большие актеры выступали в маленьких ролях – для того времени это было довольно смелое новшество. Даже в Малом театре всегда выделялись отдельные талантливые и гениальные актеры, но в целом все-таки ансамбля часто не бывало. Пушкинский театр в этом отношении вступил на новую, еще не проторенную тропу и был новатором, определившим требования зрителя своего времени.

Бренко любила людей, искусство и жертвовала ради них всем. Созданный ею театр пользовался огромной популярностью. Публику привлекали не только артистические силы, но и репертуар. Анна Алексеевна часто ставила те пьесы, которые не шли на императорской сцене. Именно в Пушкинском театре впервые была поставлена комедия "Свои люди – сочтемся" в авторском варианте. В других театрах она шла в изуродованном цензурой виде. В постановке этой пьесы Бренко участвовал сам Островский.

Зимой 1881 года знаменитый театральный критик Урусов специально приезжал в Москву для знакомства с Пушкинским театром. "Возвращаясь из Москвы, я вынес убеждение, что частный театр в России есть совершившийся факт, с которым надо согласиться. Он существует, и уничтожить его можно только по-пиратски – спровоцировать справедливость и общественные интересы."

Театр существовал, но официально он продолжал оставаться на полулегальном положении и мог быть закрыт в любую минуту за нарушение указа. Напомню, что Бренко не имела права ставить спектакли, а только отдельные сценки. Анна Алексеевна решает добиться легализации театра, узаконить его существование. Она взяла письмо от генерал-губернатора Москвы князя Долгорукова к градоначальнику Петербурга генералу Барапону, кроме того, письмо к писателю Григоровичу, который встретил ее словами:

– Счастлив видеть нашу известную, первую энергичную русскую женщину, взявшуюся за работу по искусству.

Григорович дал ей несколько советов, в том числе и совет взять письмо от Баранова к управляющему императорской квартиры в Гатчине — графу Воронцову.

А.И. Урусов помог написать прошение к Александру III, с которым Бренко поехала в Гатчину. Когда Воронцов вернулся от императора, он сообщил:

— Поздравляю вас, государь соблаговолил удовлетворить вашу просьбу. Поезжайте обратно в вашу Москву, вы получите разрешение.

Счастливая Анна Алексеевна помчалась в Москву. Не поверить первому человеку при императоре она не могла. В Пушкинском театре все ликовали... Но недели через три Бренко вдруг получила анонимное письмо из Петербурга, извещавшее, что ей отказано; в тот же день извещение из Московской театральной конторы подтвердило, что ходатайство "о существовании Пушкинского театра, основывавшись на букве закона, отклонено".

Анна Алексеевна вся в слезах поехала к Долгорукову, который дал ей письмо к министру графу Николаю Павловичу Игнатьеву. С этим письмом, а также отказом театральной конторы она вновь отправилась в Петербург к Воронцову.

"Когда я ему показала отказ Императорской Конторы, он схватился за голову:

— Как, отменить именное повеление?! — И долго молча ходил во кабинету.

Я ему сказала, что у меня есть незапечатанное письмо от князя Долгорукова графу Игнатьеву. Он попросил его посмотреть. Прочитав, долго думал и, наконец, сказал:

— Завтра у государя утром будет доклад графа Игнатьева, я вам дам к нему письмо, постарайтесь увидеть его до доклада.

Было уже 8 вечера. Мне надо было доехать из Гатчины до Петербурга (а я была больна, вся в жару, с воспалением легких), а от Петербурга на извозчике на Алтекарский остров на дачу министра внутренних дел. Когда я пришла, меня, конечно, не пустили, но освещена была вся дача. Для того чтобы меня не гнали жандармы, мне пришлось протянуть руку с письмом Воронцова-Дашкова. Письмо взял адъютант Игнатьева, и не прошло и пяти минут, как быстро выскочил адъютант Игнатьева, который спросил:

— Где просительница?

Потом попросил меня раздеться в приемной и провел в гостиную.

У министра было заседание Государственного Совета, и только уже в первом часу ночи адъютант провел меня в кабинет графа Игнатьева.

Я начала рассказывать все свое горе и не могла удержаться от слез (тем более сказывалась и моя болезнь). Не умолчала также и о всех безобразиях со стороны театральной конторы, передала графу письмо Долгорукова. Игнатьев приказал мне быть на другой день в 8 часов на вокзале и вместе с ним ехать в Гатчину.

К восьми часам я была уже на вокзале, и Игнатьев приказал адъютанту сесть со мной в стеклянное купе заднего вагона. Приехав в Гатчину, я отправилась на дачу Воронцова и отдала ему

отказ, полученный из театральной конторы, и осталась на даче Воронцова дожидаться ответа. С Игнатьевым и Воронцовым пошел на доклад государю секретарь (Воронцова) Пожарский, который мне рассказал все, что потом последовало.

Вернувшись, Пожарский рассказал мне, что когда Игнатьев окончил свой доклад, государь встал, Игнатьев вынул письмо Долгорукова и спросил государя, какой ответ написать Долгорукову, а тот ответил:

— Я знаю, я уже разрешил.

Тогда Воронцов вынул полученную мною из театральной конторы бумагу и сказал:

— Просительница здесь, а вот тот отказ, который она получила.

Государь очень рассердился и обратился к Игнатьеву со словами:

— Сейчас же составить комиссию по выработке закона о театре, пошли приказание Долгорукову, чтобы Пушкинский театр никто не смел трогать.

Воронцов сказал мне:

— Поезжайте домой. Ваше дело уложено."

Комиссия была создана, и уже 24 марта 1882 года Александр III подписал распоряжение об отмене монополии. Таким образом Анне Алексеевне удалось добиться падения "крепостного права" театра. Но... Но ее театра уже не существовало: 7 февраля этого же года был дан последний спектакль, а в марте с аукциона продано имущество Бренко. Судьба умела бить эту женщину: театр был закрыт всего за месяц до отмены монополии.

Обанкротиться Анне Алексеевне было немудрено. Жалованье актерам она платила очень высокое, на подготовку спектаклей средств не жалела, по положению она должна была отчислять значительную сумму в пользу дирекции императорских театров. Малкиель, от которого Бренко находилась в финансовой зависимости, разорился. В довершение всего в связи с убийством Александра II был объявлен траур на длительное время, в период которого запрещались всякие представления. Жизнь поставила А.А. Бренко перед роковой дилеммой: отказаться от театра на некоторое время (на чем настаивали родственники и близкие), тем самым сохранив свое благополучие, но оставив без куска хлеба большое число актеров с их семьями; или, сохранив театр, разориться полностью, так как пришлось бы все продать, чтобы содержать труппу. Анна Алексеевна не смогла бросить на произвол судьбы своих товарищей и осталась не только без средств к существованию, но и без семьи.

Разорение Анны Алексеевны способствовало развязке давно назревшей семейной драмы. Несколько лет назад Бренко взяла на воспитание свою племянницу Ольгу (дочь покойного Барабановича), которой увлекся Левенсон. Несмотря на то, что разница в возрасте между ним и Ольгой была около 30 лет, Левенсон настаивал на разводе, требуя, чтобы Анна Алексеевна взяла вину на себя (иначе по законам того времени ему бы не разрешили жениться во второй раз). Он даже нашел "друзей", которые согласились выступить "свидетелями" ее измены. Правда, была опас-

ность со стороны врача, сиделки и друзей семьи, которые могли вмешаться и доказать, что в этот период Анна Алексеевна лежала с воспалением брюшины. Бурными сценами Левенсон вынудил жену сделать этот шаг. Правда, со второй женой ("без которой не было жизни") он прожил не очень долго — история повторилась. Ольга приютила свою младшую сестру Марину, к которой и уходит Левенсон.

В 1882 году Бренко лишилась не только любимого дела и семьи, но еще одно горе свалилось на нее: усилилась болезнь старшего сына Жоси, и Анна Алексеевна не отходила от мальчика. В этом мальчике с детства проявились невероятные способности: совсем еще маленьким ребенком он решал такой сложности математические задачи и теоремы, что вызвал к себе жгучий интерес как математиков, так и врачей. Но с возрастом череп перестал расти, а мозг продолжал увеличиваться, адские боли, которые ничем нельзя было унять, привели к сумасшествию. Тихое помешательство перешло в буйное. Расстаться с сыном, сдав его в дом для умалишенных, Анна Алексеевна не смогла. 10 тяжелейших лет она перебивается случайными заработками, не имеет даже постоянного жилья. Безденежье, болезнь сына, нищета, голод довели женщину до отчаяния. Приходила мысль и о самоубийстве, но как искренно верующий человек, она не могла решиться на этот шаг, и в одиночестве ожидала в своей каморке смерть. Именно в один из таких тяжелых дней в коридоре вдруг послышались шаги: кто-то быстро приближался к комнатке Бренко.

— Здесь она?

— Здесь.

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату с грохотом полетели корзинки и свертки. Ошарашенная Бренко услышала голос Гиляровского:

— Христос воскрес, Анна Алексеевна! Вы здесь? Помните, десять лет назад вы угощали меня ужином? А теперь я пришел вас угощать, чем могу. Давайте разговаривать вместе, как десять лет назад.

На стол посыпались пасха, кулич, закуски, ветчина, вино, кофе, сахар, свечи, папиросы, бутылки и т. д.

— А вот те десять рублей, которые вы мне дали в вашей комнате, а они ведь не были записаны в жалованье. И я часто об этом вспоминаю.

Расторгнутая бедная женщина не могла выговорить ни слова, рыданье сдавило горло. Гиляровский тоже заплакал.

— Да, думали ли вы и я в то время о том, что через десять лет может так перемениться картина.

Гиляровский, став к тому времени очень популярным человеком, не забыл того, как эта женщина отнеслась к нему, "оборванцу", не забыл протянутой в тяжелую минуту руки. Настал его очередь протянуть руку, подставить свое плечо. Позже Анна Алексеевна напишет о нем интересные воспоминания.

Впервые Бренко встретила Владимира Алексеевича Гиляровского в Кремле во время Светлой недели. К празднично одетой труппе Пушкинского театра подошел весь в пыли, в розовой ру-

башке и грязном кафтане рабочий. Писарев радостно подошел к нему и расцеловал. Это удивило Бренко, но оказалось, что этот оборванец был другом Бурлака и Писарева и звали его Гиляровский. Он играл в провинциальном театре. Антрепренер, как это водилось тогда, ничего не заплатил Гиляровскому, и он пришел пешком в Москву. Анна Алексеевна пригласила Гиляровского себе домой, куда после службы отправлялась вся труппа театра. По поверью, нежданный гость на Пасхе — гость Христов. Узнав, что у Гиляровского в Москве нет никаких знакомых и нет возможности устроиться на службу, она предложила поработать в театре, здесь же предложила пожить и так как у него не было денег, то дала десять рублей, деликатно предупредив, что эти деньги будут вычтены из жалованья.

В 1892 году кончает жизнь самоубийством Левенсон. «Когда я была на похоронах моего мужа, то в наполненной народом церкви не нашлось ни одного человека, который откликнулся бы на мое тяжелое горе. Один только Гиляровский подошел ко мне, положил руку и сказал слово утешения:

— Анна Алексеевна, заботьтесь об одном Жосе, о Володе не думайте, я берусь из него воспитать честного человека, позвольте ему быть на моем попечении.

Это было для меня действительно громадное облегчение, так как судьба детей мне казалась ужасной вследствие отсутствия отца. (...) Володя поступил в университет, даже некоторое время жил у Гиляровского. И я была покойна, что он под влиянием честного человека и не попадет по молодости в какие-нибудь беды. (...)

Он (Гиляровский — Л.Р.) страшно был популярен по всей Москве. Однажды, когда утащили из кармана (где-то на пожаре или на рынке) у Гиляровского золотые часы, он через два-три дня нашел эти часы у себя на внешнем дверном почтовом ящике для писем с запиской: «Часы Гиляровского пропасть не могут.»

Вскоре после смерти мужа умирает Жосея. Оправившись немного от горя, А.А. Бренко с головой уходит в преподавательскую деятельность. Разрабатывает устав для драматической консерватории, пытается добиться разрешения на ее открытие. Но чиновники считали, что высшее образование актерам совершенно не нужно. На протяжении долгого времени Бренко добивалась разрешения на народный театр.

«Только в 1913 году осуществилась моя мечта о народном драматическом деле. Меня пригласили ученики московских Пречистенских рабочих курсов режиссировать им спектакль, и я предалась делу всей душой. Серьезно начала преподавание; из двухсот слушателей выбрала 25 наиболее способных, с которыми не только поставила один спектакль, но работала целый год в студийном порядке. Я увидела, что мои надежды на талантливость и творческие народные силы пролетариата оправдываются, так что я решила из этих учеников составить труппу рабочего театра. И вот 8 сентября 1914 года в Москве открылся первый рабочий театр в России. Все хлопоты по разрешению театра со всеми трудностями легли опять на меня. Пришлось перенести и недоверие, и презрение общества в начале работы:

"Вы идете кормить свиней апельсинами" и тому подобное. Нельзя передать всей едкости насмешек, которые пришлось выслушать... К этому присоединилась слежка агентов охраны..."

8 сентября 1914 года в доме Вострикова, в помещении Художественного кружка на Б. Дмитровке, состоялось первое представление, и Бренко получила поздравительный адрес с открытием "Рабочего театра", подписанный многими деятелями искусства, которые присутствовали на спектакле и чествовали участников. Станиславский в своем слове назвал Анну Алексеевну "Маскотта русского театра".

"Прилежанию моих дорогих учеников не было предела: ежедневно в 7 часов утра они шли на работу по заводам, а к 7 часам вечера собирались у меня. Большинство из них не имело времени и возможности побывать; прибегали с куском хлеба и куском колбасы или селедки. Кончали же мы занятие не ранее часа или двух ночи..."

Я чувствовала полное удовлетворение от этой работы и полюбила учеников, как родных детей. Каждое их горе было моим горем, и каждая их радость была моей радостью. У нас было такое единение, что я не чувствовала себя учителем, а они не чувствовали над собой гнета учителя, а чувствовали себя свободными людьми.

В открытие шла "Гроза" Островского. Я сама играла Кабаниху, чтоб дать им пример, как надо обращаться на сцене с каждым словом и как надо развивать в жесте мысль и чувства. Таким образом мы работали несколько лет на сценах Москвы."

Каждый год Бренко принимала в Рабочий театр 25 новых учеников, многих из них забирали на фронт, некоторые уходили сажими.

В начале гражданской войны главный состав труппы Рабочего театра был призван на войну. Расстаться с любимым делом и учениками Бренко не желала, и она первая в труппе записываеться добровольцем в Красную Армию. Вместе с ней в один полк были взяты 18 ее учеников для обслуживания красноармейских частей спектаклями по линии Рязано-Уральской железной дороги от Москвы до Рыбинска. Им пришлось очень трудно, так как по требованию и выбору командиров они должны были в короткий срок ставить ту или другую пьесу. Приходилось работать по ночам. Кроме того, поездки в телячьих вагонах в двадцатипятиградусные морозы оказывались на здоровье артистов. Так продолжалось три года. После демобилизации некоторые ученики ушли работать на завод, с другими же Анна Алексеевна организовала драматическую студию, которая носила ее имя. Студия просуществовала до 1926 года — к этому времени почти все драматические школы были закрыты.

Жертвы Анны Алексеевны Бренко были не напрасны: наше театральное искусство многим обязано ей. В 1924 году соотечественники праздновали ее пятидесятилетний юбилей творческой деятельности, на котором было объявлено о решении правительства присвоить А.А. Бренко звание заслуженной артистки России.

Уха по-царски, а селедка - под шубой

Помните, в советские времена на стенах общепитовских заведений висел обязательный плакат-уведомление: каждый четверг – рыбный день. Несмотря на канущуюся странность, был в этом лозунге свой резон. Не так давно американские диетологи установили, что регулярное употребление рыбы и рыбных продуктов (хотя бы два раза в неделю) снижает риск инфаркта почти наполовину. Вот тан. Поэтому очередная наша встреча с заместителем шеф-повара Центрального дома журналистов ВАЛЕРИЕМ ОГНЕВЫМ посвящена блюдам, которые можно приготовить из рыбы. Тем более, что это не только, как оказалось, полезно, но и, если делать с умом, очень вкусно.

■ Для начала давайте приготовим СЕЛЕДКУ ПОД ШУБОЙ.

Отвариваем свеклу и протираем ее на терке. Мелко рубим чеснок, трем немного яблока. Все это смешиваем и добавляем по вкусу немного соли и перца. Заливаем майонезом и еще раз тщательно перемешиваем.

Очищаем селедку на чистое филе и нарезаем кусочками. На дно тарелки укладываем слоем ломтики селедки, следующим слоем – приготовленную овощную смесь. И так несколько слоев. Дать сала-

му немного постоять, чтобы селедка успела пропитаться. Сверху можно украсить зеленью и морковкой.

■ На первое из рыбы можно сделать УХУ ПО-ЦАРСКИ.

Для этого нужно по крайней мере два вида рыбы. Простая — щучь, ерши, плотва, красноперка, и благородная — например, судак. Очищаем простую рыбешку от чешуи, внутренностей и выбрасываем в холодную воду. Смысл ухи — чтобы рыба отдала в воду как можно больше своего вкуса. Ставим вариться. Когда начнет закипать, закладываем очищенного и нарезанного судака, картошку, морковку, лук. Варим минут двадцать. Бросаем в уху хренъ петрушки, лавровый лист, соль и перец. Варим еще минут пять-семь.

■ На второе приготовим КАРПА ЦЕЛИКОМ.

Обрабатываем карпа, очищаем от чешуи, внутренностей, но оставляем плавники. Натираем карпа солью изнутри и спнаружки и чуть-чуть перцем. Обваливаем рыбу в муке и обжариваем с двух сторон до появления золотистой корочки. Снимаем с плиты, заливаем карпа сметаной и отправляем в разогревенную духовку на пять минут. Подавать это блюдо лучше с картошкой, обжаренной с чесноком. Хорошо положить на тарелку и ломтик лимона.

■ Из карпа или сазана получается очень вкусное ЗАЛИВНОЕ.

Очищаем рыбу от костей, солим и пропускаем через мясорубку. На шестьсот граммов филе добавляем одно яйцо, 30-40 граммов молока и немножко хлеба — для связки. Еще раз пропускаем через мясорубку.

Кости, голову, плавники и чешую не выбрасываем. Укладываем их на дно посудины с бортами 7-8 сантиметров. Добавляем немножко шелухи от луковицы. Сверху положим нарезанные соломкой свеклу и морковь и все это утрамбуем.

Из рыбного фарша делаем небольшие шарики, чуть приплюснутые сверху и снизу. Кладем их на овощную смесь и заливаем рыбным бульоном или водой. Добавляем лавровый лист и немножко лимонной кислоты. Ставим на огонь и после того, как бульон закипит, варим семь минут. Вынимаем рыбные шарики и остужаем. Бульон процеживаем, он должен иметь ярко-красный цвет. Растворяем в воде желатин из расчета 30-40 граммов на литр. Добавляем раствор в бульон, кладем соль и перец по вкусу и ставим на огонь.

Шарики раскладываем в посуду с высокими бортами на расстоянии 2-3 сантиметров друг от друга или в специальные формочки. Когда бульон закипит, снимаем его с плиты и заливаем шарики. Даем остывать и ставим в холодильник. Подавать заливное лучше с ядренным хреном.

Вот и весь "рыбный день". А в следующий раз мы поговорим о рецептах для праздничного новогоднего или рождественского ужина...

Дядьке

Рисунки
ВАЧЕСЛАВА НАПРЕЛЬЯНЦА

НЕ ЗАЯ ГОВОРИЛИ, ЧТО
ЭТОТ ГОД ДОЛЖЕН СТАТЬ
ПЕРЕЛОМНЫМ!...

КАК МНОГО
ПИШИ ДЛЯ РАЗМЫ-
ШЛЕНИЙ!...

А РУБЛЮ У НАС
СЕГОДНЯ РАВЕН
Ю АМЕРИКАНСКИМ
ДОЛЛАРАМ!..

ОНИ ХОТЯТ
ПОСТАВИТЬ НАС
НА КОЛЕНИ!..

КОШАЧЬИ СТРАСТИ

НАТАЛЬЯ ПОТОЦНАЯ

Кузьма

В моем детстве в доме всегда были кошки. Но потом както так получилось, что несколько лет подряд никаких животных не было, и дом назался пустоватым. И вот мне подарили котенка. Размером он был с ладонь: огромная голова с непомерно большими голубыми глазами, а к голове этой никаким-то чудом приставлены четыре лап-

ки и хвостик-морковка. Привезла его домой, и мы с мамой устроили совещание. Дело в том, что моя бабушка тяжело болела, кошечка она, мягко говоря, не жаловалась, в характере у нее был — кан у Вассы Железновой. Так что мы боялись бабушки и упоминали только на то, что она практически не выходила из своей комнаты.

Решили на первое время Кузю (почему-то именно это имя

сразу прилипло к нотенку) от бабушки прятать, а там видно будет. Конечно, бабушка что-то подозревала, но мы с мамой, как нам казалось, искусно обходили все ее вопросы. Только в один прекрасный день захону я к бабушке в комнату, а на кровати вольготно расположился... Нузыма! Я охнула и хотела забрать нотенка, начала оправдываться, но бабушка сразу пресекла все это:

- Оставь нотенка на месте!
- Но ты же не любишь ноты, - попыталась я возразить.
- Да, но этот твой забавный, он меня развлекает. И потом, когда он лежит у меня на груди, мне становится как-то легче...

Одному Богу известно, как Нузе удалось "уговорить" бабушку разрешить в первый раз лечь к ней на грудь. Тем не менее удалось. И наш нотенок прочно обосновался на бабушкиной кровати и жил там два месяца, пока бабушку не увезли в больницу. Оттуда она уже не вернулась.

Вскоре мы с мужем получили комнату в коммуналке. Соседка не разрешила держать кота, и Нузыма остался с мамой. К этому времени он уже совсем вырос, весил почти полгода и был соответствующих размеров. Нузыма знал себе цену, отлично понимал, что представляет собой шинярный образчик настоящего сибирского кота, но характер у него при этом был совершенно хамский, с окружающими он абсолютно не считался. Например, когда мы с мамой ехали на дачу, то в электричке занимали два места рядышком, балансируя на самом краешке сиденья, а за нашими спинами во весь огромный рост раскладывался Нузыма и тут же засыпал.

Дома с мамой они постоянно выясняли, кто из них хозяин. Например, если мама шила на машинке, а Нузе приходило в голову, что неплохо было бы поиграть, он выбирал момент и неуловимым движением папы сбрасывал катушку на пол. Дальше все шло по его сценарию: он гонял катушку по полу, запутывал нитки, а пока мама пыталась навести порядок, держал ее за платье и вообще развлекался в свое удовольствие. Началось все тоже одинаково: в конце концов мама хватала Нузыму за переднюю лапу и заставляла его идти в уборную - на задних лапах. Там и запирала со словами:

- Посиди, подумай, кто в доме главный.

Нузыма жутко обижался, садился носом в угол и надувался, как шар. Мама какое-то время выдергивала характер, а потом шла мириться:

- Выходи, так уж и быть.
- Нинажой реаниции.
- Ну ладно тебе, выходи. Пойдем, поиграем.
- Ноль внимания.

- Ну, Нузынька, ну пойдем, ну, миленький...

Нанонец, "миленький" выходил, говоря всем своим видом:

- Так и быть, пойдем поиграем, если тебе приспичило.

А потом случилось несчастье. Мама заболела, ей надо было ложиться в больницу на облучение, потом на операцию. Согласилась она на это только при условии, что с Нузыей в это время будет жить мой брат.

Через неделю мама позвонила ко мне на работу вся в слезах и сказала, что из больницы она убежала: чувствовала, что Нузе плохо без нее. И в самом деле, Нузыма практически безвылазно сидел на шкафу и нигде

рез отназывался от еды. Нога страшно похудел и весь как-то свалился. Пришлось умолять мою соседку, чтобы она разрешила Нузе "временную прогискну". Днем он вел себя нормально, но ночью начинал ломиться во входную дверь и орать: явно просился домой.

Так продолжалось несколько дней, пока я не привезла от мамы новое кение вещи в стирку, в том числе теплый платок, которым она часто укутывала плечи. Увидев этот платок, Кузьма мгновенно выдрал его из остальных вещей, улегся на него и... успокоился. Успокоилась и я, но, как потом убедилась, совершенно напрасно.

Впрочем, у Нузи был какой-то дар располагать к себе людей. Иначе совершенно невозможно объяснить, почему моя соседка терпела все его выходки. А он как был нахалюгой, так и остался: заставил держать все двери в квартире открытыми, почти весь день проводил в комнате у соседки и, наноц, выселил ее с любимого дивана, на котором повадился проводить почти все время. Но и это было только начало: пообвыкнувшись, Кузьма обнаружил на подоконнике кантусы и пожелал познакомиться с ними поближе. Вначале просто толкнул один, самый пушистенный. И получил несколько иголок в лапу.

Кузьма рассвирепел и начал драчиться с этими негодяями, которые осмелились его нусать. Через час на окне не осталось ни одного кантуса, пол был усеян землей, черепнами и прочим мусором, а Нуза гордо зализывал полученные раны, всем своим видом демонстрируя презрение к поверженному противнику.

А быть выразительным Нузе умел как никто. И еще очень

берег свое здоровье. Был он пушист до чрезвычайности, но вылизывать себя не желал: какой дуран будет забивать себе желудок противной шерстью, если есть щетка и мама? Честно говоря, я забыла об этой очень ванной и ежедневной процедуре: забот у меня в те дни и без Нузи хватало.

После операции я взяла маму к себе. Кузьма буквально расцвел, соседка и ее диван были мгновенно забыты, а вот ходил по дому прямо-таки с королевским величием. И жестоко поплатился за чрезмерное самомнение.

В то лето на дачу мы переехали только в середине июля. Трава была по пояс, и на нашем участке поселилась стая диких собак, благо никто их там не беспокоил. И вдруг приехали люди, да еще и с хотом. Собаки поворчали и вроде бы исчезли. Но, как оказалось, не насовсем.

У Кузьмы летом был свой распорядок дня, которому мама просто вынуждена была подчиняться. Он будил ее часа в четыре утра, уходил по своим кошачьим делам и возвращался лишь к полудню, чтобы поесть и лечь спать. Так было и в то лето. И вот однажды, через несколько минут после ухода Нузи, мама услышала страшный лай. Она схватила какую-то палку, выскошла из дома и увидела, что три огромные собаки что-то терзают в нутках. Ей удалось их прогнать, но среди смятой травы остался совершенно измочаленный Кузьма. Он посчитал ниже своего достоинства спасаться на дереве, которое было совсем рядом, и вступил с псами в бой. Спасла его только очень длинная и пушистая шерсть, собаки не смогли его загрызть. Но в остальном...

— Мы не довезем его ни до одного врача, он умрет по дороге. Его надо оставить, где он лежит, и надеяться на кошачью нивучесть, — сказала я маме.

Конечно, я не просто надеялась. Неделю Кузя лежал в ногах моей кровати, при малейшем его движении я просыпалась, давала ему лекарство, гладила, успокаивала, согревала. Он ничего не ел и не пил. Знакомая докторша посмотрела его и сказала, что кот может быть и выживет, но для этого ему обязательно нужно писать, иначе он умрет просто от отравления. Но заставить Кузю воспользоваться горобочкой оказалось невозможным: мунская гордость не позволила ему так унизиться. Пришлось вынести его в сад на ближайшую клумбу и там поддеркивать, чтобы он не завалился на бок. Только тогда с мучительным стоном Кузьма облегчился и... дело пошло на поправку.

Однажды ночью я почему-то проснулась. У моей подушки сидел Кузьма и пристально на меня глядел. Увидев, что я открыла глаза, он наклонился ко мне и стал лизать мне щенку. По-своему благодарил за заботу, наверное. Так он приходил ко мне три ночи, а потом снова пришел в форму, обрел обычную самоуверенность и стал почти прежним Кузьмой. Но стычка с собаками не прошла бесследно: через четыре года он уже был раздражительным, больным и в общем-то старым котом. И тут в нашем доме появилось новое существо...

Леопольд Исаакович, Тима и Ирбис

Наконец мы получили отдельную квартиру, и я стала

мечтать о собственном коте. На мое счастье, Кузина мать, старая кошка, вдруг снова принесла котят. Я взяла последнего в помете, самого маленького и слабого, назвала его Леопольдом. Чем-то его мордочка напоминала героя мультсериала. В обиходе же он стал Лепой, Лепушной, удивительно милым и добродушным созданием.

А летом, конечно, возникла проблема. С годами характер у Кузи только испортился, несмотря на недомогания, он дергал в страхе всех окрестных котов, и я страшно боялась, как он встретит Лепу. Но делать нечего, посадила котенка в сумку, привезла на дачу. Посадила Кузю на диван, показала ему Лепу и сказала:

— Это твой младший брат, он будет жить с нами. Пожалуйста, не обижай его.

И тут случилось чудо. Кузьма, который органически не выносил чужих кошек, обнюхал Лепу, посмотрел на него со снисходительным презрением и... не тронул. Даже не фыркнул, не зашипел. И мы стали жить все вместе.

Кузьма передвигался медленно, задыхался, нахляя. Лепа же носился вихрем, прыгал, и вообще наслаждался движением. Кузьму все это раздражало, но он терпел, сколько сил хватало. А потом бросал на младшенького выразительный взгляд, и котенок мгновенно заикался. Вообще Лепа обожал старшего брата и старался во всем ему подражать. Лежит, например, Кузьма в жаркий полдень на синевячке. Врывается Лепа, обегает вокруг и... шмякается рядом, стараясь принять точь-в-точь такую же позу. Через секунду поднимает голову и смотрит, как у старшего лежат ла-

лы и хвост, чтобы свои конечности расположить так же.

Нузьма и опыт свой старался младшему передать. Не один раз видела, как Нузя лежал между грядон клубники, а Лепа смиро сидел рядом. Секунда — и Леопольд в великолепном прыжке ловил сойну, злейшего врага нашего сада, а Нузьма всем своим видом выражал снисходительное одобрение, хотя и не делал ни единого движений и не издавал ни звука. Нанто коты все-таки общались между собой. А один раз мы с мамой воочию убедились — как.

Один раз Лепа расшалился и с размаху взлетел на березу. Волететь-то он взлетел, причем почти на самую верхушку, а слезть не смог. Вцепился лапами в ветку и кричит истошным криком. Мы с мамой совсем растерялись, не знали, как ему помочь. Вдруг подошел Нузя, оценил обстановку и медленно, с одышкой полез наверх. Долез до Лепы, посидел немного рядом и так же медленно начал спускаться. Лепа мгновенно перестал орать и двинулся вниз за Нузьмой. А оказавшись на земле, со смущенным видом ретировался в кусты и долго там сидел — переносил.

Дачный сезон кончился, мы переехали в Москву и мне пришлось все чаще и чаще жить у мамы: она нуждалась в постоянном уходе. Естественно, Леопольд был со мной. И в первый же раз, когда мы с ним приехали к маме, произошел удивительный случай. У Нузи всю жизнь роль туалета выполняла фотографическая новетка, ничего другого он не признавал. А Леопольд с момента появления у меня стал пользоваться унитазом. На новом месте ему прислило, он побежал в туалет,

прыгнул на унитаз и... чуть не провалился. Конструкция оказалась другой. Леопольд помчался в ванную — опять не то. Тан и метался какое-то время, уна нричать начал. Нузя же сидел в коридоре и с невероятным недобрением наблюдал за этой суетой. Потом вдруг встал, вразвалку прошествовал в туалет, прыгнул на край унитаза, сконцентрировал лапы в одной точке, сделал все дела, пристально глядя в глаза Леопольду и напы говоря:

— Вот как надо, дурачок!

И гордо удалился, а Леопольд тут же повторил все его движения. Мама только руками всплеснула:

— Нузя, почему же ты раньше никогда так не делал?

Нузина гордая спина напы говорила:

— Вот еще, прыгать... Меня и новетка устраивает.

В тот же год Нузя умер. Мы смогли пронести без него только неделю, и в ближайшие же выходные поехали на Птичий рынок искать котенка, похожего на Нузьму. С большим трудом, но вроде бы нашли. А потом выяснилось, что это — кошка, а не кот, и с Нузьмой у нее не было абсолютно ничего общего, только тигровый окрас. А по характеру — типичная истерична, что-то вроде провинциальной красотки-официантки, попавшей в жены к генералу. Но мою маму она обожала и была ей предана совершенно слепо.

Леопольд же был копией Нузьмы, но только внешне. Если Нузьма был ужасно драчлив, хамоват, важен до самовлюбленности, то Леопольд, который вполне заслуженно получил на этом времени отчество Исаакович, был очень интеллигентен, тонкий, жив под девизом сво-

его тезки из мультфильма. Я ни разу не видела его дравшимся, хотя охотник он был страшный, мышей и птиц ловил самозабвенно и очень удачно. Часть добычи у него, кстати, отнимала Тимна — мамина новая кошка, которая вообще вертеле Леопольдом, как хотела, хотя была в два раза меньше его по всем параметрам.

История, первую свою мышь Леопольд принес мне на кровать. Мыши я боюсь ужасно, но из педагогических соображений не засорила истощенным голо-
сом, а только сказала, что в кровать мышам приносить не обязательно, но вообще он — большой молодец. Следующая мышь оказалась у меня в тапочке, и так продолжалось не сколько раз, пока Леопольд не понял, что и такой вариант меня не очень устраивает. После чего практически каждое утро перед крыльцом оказывались выполненными 6-7 полевон, за которыми мой кот всю ночь охотился в окрестностях дачи.

Я всегда подозревала, что Леопольд понимает человеческую речь, но однажды убедилась в этом окончательно. У него была привычка уходить гулять поздно вечером и приходить домой далеко за полночь, а так как спать он привык только со мной, то я ждала его возвращения и не запирала дверь. Муж приезжал на дачу редко, но после пары ночевок устроил мне хороший разнос за то, что я не даю ему спать утром рано вставать на работу, а я жду своего избалованного кота. Тогда я посадила перед собой Леопольда и очень внушительно ему сказала:

— Когда мужа дома нет, ты можешь гулять, сколько хочешь, я, так и быть, потерплю,

Но когда он здесь, ты должен возвращаться не позже одиннадцати часов, если не хочешь для меня крупных неприятностей.

Представьте себе, за всю свою оставшуюся жизнь Леопольд только один раз опоздал на назначенному сроку на полчаса, да и то влетел в дом так, словно за ним гналась стая волков, и с чрезвычайно виноватым видом прошмыгнул мимо моего мужа.

Очень интересно было наблюдать за отношениями Леопольда Исааковича с Тимой. То, что она у него мышей отнимала, я уже говорила, но Леопольд еще обладал талантом находить славные, уютные местечки для спанья днем.. Этого Тимна совершенно не переносила и, как только замечала, что Леопольд опять устроился очень комфортно, начинала страшно нервничать: как это ей самой в голову не пришло? Прогнать его она не могла: силы были явно неравные. Тогда она начинала провоцировать его с чисто женской хитростью. Предлагала поиграть — ноль внимания. Начинала призывающе мяукать — тот даже глаз не открывал, тем более что отношения у них были сугубо братские. Тогда Тима шла к маме и просила есть. Естественно, мама наполняла две мисочки, в не одну. Отказаться от лишнего куска рыбы Леопольд не мог, но как только он приступал к еде, новарная подруга бросала свою миску и стрелой мчалась занимать угнетенное местечко. Прогнать ее оттуда было уже невозможно, и Леопольд с почти человеческим вздохом шел иска-
зывать себе другой уютный уголок.

Особенно интересно было на даче. Как только мы туда переехали, перед крыльцом

собирались Тимины женихи. Тима садилась где-нибудь повыше, а у ее ног разыгрывались настоящие рыцарские турниры, с изрядным, кстати, кровопролитием. Леопольд же сидел поодаль и с безучастным видом наблюдал за событиями [в может быть, был судьей?]. Ни один из Тиминных уханеров ни разу не позволил себе не то чтобы агрессивных – неуважительных действий по отношению к Леопольду. А как он перенимал Тимины роды! Но когда на свет появлялись котята, Леопольд наотрез отказывался заходить с ними в одно помещение, хотя на охоту ходил по-прежнему регулярно, а когда приносил трофеи, громко звал Тиму и предоставлял ей распоряжаться добычей по своему усмотрению.

Но однажды эта летняя идиллия была нарушена. Ранней весной мы приехали на дачу на один день, без кошечек, и застали на участке беспрizорного, тощего кота – потрясающей, однако, красоты, абсолютно белого и с ярко-голубыми глазами. Кот оказался глухой, может быть, поэтому его бросили пренебрежение хозяев. Мы его покормили – и уехали.

На следующий выходной он снова нас ждал, причем был невероятно ласков. Даже мой муж, который кошечек в принципе не очень жаловал, восхитился и предложил оставить этого красавца. Назвали его Ирбис – снежный барс. И вот наступил день окончательного нашего переезда на дачу. Когда машина подъехала к даче, Ирбис уже сидел на крыльце – ждал. Я выпустила своих кошечек и собралась выйти сама, как вдруг увидела, что белоснежный красавец раздулся от злости, зашипел и...

погнал обоих моих питомцев по улице, да так, что только шерсть во все стороны полетела. Потом вернулся и стал к нам ласкаться. Делиться своим новообретенным счастьем он явно не собирался ни с кем.

Пришлось занять его в доме, а я пошла искать своих перепуганных кошечек. Ни Леопольд, ни Тимка к такому обращению не привыкли, и стоило больших трудов их успокоить. Ни на какие компромиссы Ирбис принципиально не шел. Пришлось запирать его на террасе, а Леопольда и Тимку выпускать гулять через окно. Когда же в саду гулял Ирбис, то он одним глазом зорко следил, чтобы "враги" не проникли на его территорию – террасу, и чтобы, Боже сохрани, не приближались к хозяинам. Если же он замечал то или другое, то начинал колотить лапами в окно так, что стекла не вылетали только чудом.

Жить так, естественно, было невозможно, и мне пришлось искать Ирбису новую хозяйку. Наконец она нашлась. Мы приехали с ней на дачу, и Ирбис – о чудо! – сразу все понял, забрался к ней на колени, замурлыкал и даже не обратил внимания на своих "врагов", некоторые робко заглядывали в комнату. Он уехал на свое новое местожительство и прожил там долго и счастливо.

Шло время, маме становилось все хуже, болезнь ее прогрессировала, и наступил момент, когда мне с Леопольдом пришлось перевезти к ней. Утром я сажала маму в кресло, Тима устраивалась у мамы на спине, Леопольд – тактично где-нибудь рядом внизу. Так они проводили дни. А потом мама слегла совсем.

Накое-то время она еще чуть-чуть передвигалась по квартире, держась за стул, который толкала перед собой. Тимна при этом ужасно волновалась, громко мяунала, вспрывгивала на стул, соскакивала, обегала вокруг мамы, снова вспрывгивала. Успокаивалась только тогда, когда мама снова ложилась в постель. Тогда она устраивалась около подушек, обязательно положив лапки на плечи маме, понидала свой пост только для того, чтобы быстро-быстро поесть, и снова бежала охранять маму. Леопольд тоже почти все время проводил в маминой комнате, только лежал либо в ногах, либо на стуле рядом. Удивительно, но все их игры моментально кончились, кошки стали тихие, нетребовательные.

Однажды мама вдруг попросила меня забрать Тимну. Ей уже было так плохо, что даже слабое приоснование маленьких Тимниных лапок причиняло ей боль. Я унесла Тимну в свою комнату, закрыла дверь. Кошка сначала ничего не поняла, пыталась вернуться на свое место, но ее не пустили. Она была потрясена, обижена, осиротлена: отвергли ее любовь, ее преданность. А Леопольд продолжал дежурить у маминой постели и исчез только тогда, когда у мамы началась агония. Эти дни я была как в тумане, и где были кошки, что ели — не знаю.

Мама умерла 19 мая. В день похорон я стояла у ее гроба и приглаживала маме волосы. Вдруг не увидела, а спорее почувствовала какое-то движение рядом. Я резко повернулась и буквально на ходу успела схватить Леопольда, который хотел прыгнуть в гроб.

— Ты хочешь попрощаться с мамой? — спросила я.

Он мяунул. Я взяла нотку на руки и поднесла к маминому лицу. Он долго-долго принохивался. Потом вывернулся, спрыгнул на пол, сел под гроб и сидел там, пока не начали собираться люди. Тимна же так и не подошла попрощаться.

В тот же день я уехала на подруге и вернулась только неделю спустя. Когда я вошла в квартиру, то встретила меня только Тимна. А Леопольд, оказывается, все это время просидел на шкафу, отназываясь от еды. Когда я попыталась снять — забился в самый дальний угол. Он явно был болен, но не страдал — просто тихо угасал. Через несколько дней мне удалось снять его и увезти вместе с Тимной на дачу. Я считала, что на траве Лепа снимает, но он и там — уне с трудом — забрался на шкаф и лежал, не слезая. Ровно через месяц, 19 июня, я проснулась оттого, что Леопольд вдруг зевновался и хотел спрыгнуть, но сил у него уже не было, и он просто свалился на пол. Я взяла на руки его уне почти невесомое тельце, гладила его, говорила ему всякие хорошие слова и, конечно, плакала. Я все поняла. Так мы сидели около часа. А потом я похоронила его рядом с братом — Нузымой — в углу нашего сада.

А Тимна, какказалось, жила прежней жизнью. После Лепиной смерти я почти возненавидела Тимну. Почему Леопольд, мой нот, так перенижал мамину смерть, в этой истеричке все равно? Эта бесчувственная вертихвостка опять ндала нотят. Как я была не права!

Тима родила мертвых нотят и... сошла с ума. Она кричала, царапалась, кусалась, никому

не позволяла входить в комнату. Признавала она только меня – и то с трудом. Почему все это произошло – для меня до сих пор загадка. Может быть, Тимна так и не простила то, что мама прогнала ее, а может быть, все проще: ведь роды у нее всегда принимала мама, а не я. А может – еще что-то...

В таком состоянии я привезла ее в Москву, но уже не к маме, а в свою квартиру. Я с ужасом думала, что мы будем делать в тесной комнате с сумасшедшей кошкой, но судьба распорядилась по-своему. Увидев, что ее привезли не домой, Тимна завыла истощенным голосом, прыгнула на форточку и выбросилась из окна. Именно выбросилась, а не упала. Так трагично закончилась жизнь моих кошек.

Когда мне начинают говорить, что кошки любят дом, а не людей, что кошки живут са-

ми по себе, что они ничего не понимают, что человеческая речь им непонятна – я дана не возражаю. Тан могут говорить люди, у которых или никогда не было кошек, или некоторые сами к ним равнодушны. Я только вспоминаю Нузыму, Леопольда, Тимну.. Подарите свою любовь и дружбу этому необыкновенному, немного загадочному, умному зверю – и он ответит вам такой же любовью и преданностью. Только помните, что кошки обладают огромным чувством собственного достоинства. Если вы будете ее просто кормить и иногда гладить, но не будете искренне ее любить, она всегда это почувствует. Она будет дане ластиться у ваших ног, но другом не станет никогда.

Теперь у меня живет кот Бонифаций, в просторечье – Бубу.

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

Мужчинам почему-то не нравится делить традиционно мужскую среду обитания – будь то море или горы – с женщинами. И небо они тоже привыкли считать исключительно своим. Так было всегда.

Путь женщины в парашютный спорт, и сегодня требующий от нее дополнительных усилий по преодолению "стереотипов мужского мышления", – в прежние годы был особенно тернист. Платить деньгами за занятия в аэроклубе было не принят-

АННА ЛИТВИНОВА

НЕБЕСНЫЕ ЛАСТОЧКИ

аэропром вечно полнился слухами: "Чуть-то - дура-дурой, а на разряд сдашь! Не зря романы с инструментом крутила. Он и на прыжки ее ставил чаще остальных".

Но потом пришла перестройка, бесплатные прыжки стали чего-то стоить. Сначала пять рублей, потом десять... Сейчас прыжок с парашютом обходится спортсмену-любителю от тридцати до двухсот тысяч рублей. Когда варонлыбы начали все больше коммерциализироваться,

мужчины-парашютисты поворчали и либо вовсе ушли, либо начали "крутиться": кто-то подрабатывал на прыжках специально, а кто-то стал пробиваться в профессиональные спортсмены, чтобы получить право прыгать бесплатно.

И опять женщинам сложнее: мало у него собственные источники доходов позволяют ежемесячно тратить долларов по четыреста на прыжки (это без стоимости снаряжения, которое нужно покупать самим).

мой, значит – в лучшем случае! – еще тысяча "бансов"). Где же найти такого мужа, чтобы дал столько денег?

И все-таки есть целые команды девушки-парашютисток! Знаменитая женская четверка в Америке, которую финансирует "Нона-Нола". Команда хрупких француженок – их, говорят, на соревнованиях все мунчины боятся. Да и у нас, в России, есть женские четверки – в воздушно-десантных войсках и в ПВО.

Подмосковный аэроплан. Ного здесь только нет! "Первозданные", которых едва видно под огромными круглыми парашютами, "снайсерфера" – смельчаки, что катаются в небе на досках, начинающие летчики... Но женских парашютных четверок здесь не было никогда. Хотя мунжинские команды периодически собирались, тренировались, ездили на соревнования.

Мы решили изменить существующий порядок вещей...

212

Команда

Нас было четверо, и мы понимали, что сложностей впереди много. Лена и Наташа – семейные домохозяйки, их муньи – члены аэропланов – тоже прыгают с парашютом; здесь же крутятся и их дети, за которыми нужен глаз да глаз и которых хоть иногда все же требуется покормить. Света, чье смешное прозвище Тыща, и я – работаем, и на этих наших работах никого, между прочим, не интересует, что у нас – команда и большие спортивные планы. И все-таки мы решили рискнуть.

Групповая акробатика – самое популярное направление в парашютном спорте. Выглядит это так. Команда – четыре, восемь или шестнадцать человек – выпрыгивает из вертолета на большой высоте [как правило, 3500 метров] и примерно пятьдесят секунд находится в свободном падении. За это время мун-

но успеть выполнить максимальное количество "фигур" – перестроек. У профессионалов счет фигура идет на десятки. Мы начинали с двух-трех...

Но сначала долго выбирали для своей команды название. Оно должно было звучать кратко, емко и разумеется, романтически. От мунжин аэропланов, с юридическим интересом следивших за рождением женской четверки, посыпалось предложение. Романтики предлагали "Небесных ласточек". Злопыхатели подбрасывали идею "Змеиной четверки" или – еще лучше – "Летучей норы". Мы остановились на "Черепашки Ниндзя" – мило и притом достаточно воинственно. Купили даже наклейки с изображением мультипликационных черепашек и нацепили их на свои парашюты.

Однако название не принилось. То и дело приходилось слышать "Ленна парашют уже второй час упадывает. Натуральная черепаха!"... "Вон девчонки плетутся: ниндзи не ниндзи, а ун черепахи-то – точно!"... "Фирменные" же наклейки через пару прыжек напрочь отлетели. В свободном падении воздушный поток сильнейший, не только наклейка – плохо зашированный ботинок может сорваться и улететь.

Нас стали звать попросту "женской четверкой". Смично, зато полная ясность во всем.

Мы с самого начала планировали вести здоровый и организованный образ жизни – в как же иначе добиться спортивных успехов? Подъем в семь. Пробежка – зарядка – прыжки – тихий час – обратная программа звуковых тренировок. Отбой в десять.

Еще мы не собирались зависеть от местной столовни и в промежутках между тренировками намерены были готовить себе еду. Привезли плитку, чайник и даже холодильник, запасы крупы, макарон и нуриных снеков. Составили график: денктуре

то ужне, то есть по Ленинной ном-
нате, куда свалили все продунты.

Планы были красивые...

Реальность бытия

Уже восемь утра, а мы со Све-
той никак не можем заставить себя
вылезти из-под одеял – холода, за-
морозки. В соседней комнате Лена
решает спонную задачу: как приго-
твить завтрак на электроплитке,
если света нет и, по слухам, не бу-
дет? Прибегает Наталья и говорит,
что у нее от вчерашних тренировок
болят ребра, и поэтому идти на за-
рядку – выше ее человеческих воз-
можностей.

Однадцать утра. На зарядку не
согдили и даже не позавтракали.
Программу прыжков заранее не от-
работали и представляем ее теперь
себе очень смутно. В вертолете хо-
лодно. Женская четверка не в духе.
Перед прыжком – на отделении, так
этот полетный момент называется –
долго теснимся в дверях вертолета,
пытаясь встать поудобней. Тыща,
кто и не завтракала, а напакется
очень толстой. И всех распихивает!..
Сидящие в вертолетном брюхе мун-
чины-спортсмены зловредно хихикают:
“Девчонки дверь поделить не мо-
гут!” В довершение всего летчик вы-
падывает из кабины и грозит нам
киканом.

Наконец прыгнули. Замечаю, что
кольцо запасного парашюта у меня
болтается на весу – слишком тесно
мы друг к другу принимались на от-
делении. Разумеется, начинаю ду-
мать не о технике прыжка, а о том,
как бы моя “запаска” не раскрылась
самопроизвольно. Вину: у Тыщи то-
же все не слава Богу – очки слетели
и болтаются где-то за ушами, и она
место работы пытается их удер-
живать...

На земле долго друг на друга
кричим. И спортсмены, и инструкторы
спасливо обходят нас стороной.
Наконец Наташа говорит, что все

наши проблемы оттого, что мы го-
лодные. Дружино и с облегчением соглашаемся с ней и идем “завтра-
вать”, то есть ужне обедать.

Потом нас подбивают прыгнуть
толпой – человек пятнадцать. Это,
конечно, весьма захватывающее
действо, но никак не способствует
нашим собственным спортивным до-
стижениям. Тем не менее прыжок
получается хорошим, но, как всегда
бывает в подобных случаях, видеосъемку никто не заназал.

После прыжков – тренировка.

Тренировка прыжка на группо-
вой акробатике выглядит любопыт-
но. Спортсмены ложатся на малень-
кие плоские тележки, имитируя позу
свободного падения, и, опираясь ру-
ками о пол, передвигаются, отраба-
тывая задуманные фигуры.

Посмотреть на нашу тренировку
сбегается довольно много народа.
Мы работаем, а зрители комменти-
руют и дают советы. Терпим и дела-
ем вид, что не обращаем на них вни-
мания. Но “комментаторы” становят-
ся все назойливей. Первой не вы-
дернивает Наталья. Она вскакивает
с тележки и начинает отчаянно ру-
гаться, когда какой-то юноша, со-
вершивший сегодня свой первый в
жизни прыжок, “авторитетно” вещает:
“Да уж, с такой координацией
движений в парашютном спорте де-
лать нечего”.

Разгоняем “болельщиков” и за-
пираем дверь. Но вскоре у Тыщи начи-
нают болеть руки, у меня – ноги, а
за Леной и Наташей прибегают дети
с жалобными глазами: их сегодня
никто не нормил...

Соперники

Мужское население взроклубно-
го лагеря над нами, конечно, под-
смеивалось. Их, таких сильных, на-
тренированных, самоуверенных, заб-
авляло, как мы толкаемся на отде-
лении в вертолете, визжим под куполами
и ругаемся сразу после призем-
ления.

ления. Взгляды, которыми они "дарили" нас, были ироничны и снисходительны. Слова - понровительственные. Однано...

Однано рондение нашей команды заметно подхлестнуло общую спортивную активность. Конкурирующие четверки - мужские! - стали плодиться на аэродроме, как грибы. Видеооператоры, которые раньше частенько приставали, были теперь нарасхват. Все хотели заснять свой групповой прыжок на видео, чтобы потом иметь возможность заняться анализом, поработать над ошибками и - опять прыгать, прыгать!

Начальство спортивную активность очень приветствовало. Наш командный энтузиазм оно постоянно подогревало обещанием, что, когда четверка дорастет до "приличного уровня", прыжки вай сделают бесплатными.

Потом нам и вовсе был сделан королевский подарок: начальство приняло решение о проведении соревнований с тремя бесплатными прыжками и бесплатной же видеосъемкой. На состязанию допускались лишь команды, имеющие постоянный состав. Естественно, у нас проблем с допуском не было.

Готовясь к соревнованиям, мы забросили все остальные свои дела. Нас со Светой собрались увольнять с работы за постоянные прогулы. Наташа - любящая и заботливая мать - не осталась с заболевшим ребенком дома, а приехала на аэродром. Родители и муж назвали ее поведение безответственным и безумным. Мы же тренировались, тренировались... И делали успехи!

А вот на соревнованиях нас предсоловали неудачи. Первый прыжок выполнили отлично. Но у оператора не сработала камера, и результат нам не засчитали. Повторный прыжок прошел гораздо хуже: мы "перегорели". На следующем - с Леной случился "клип".

"Клип" - это как бы временно затмение сознания в воздухе. Когда человек вдруг на короткое время теряет способность соображать. Такое бывает абсолютно со всеми, даже с профессионалами высокого класса. Если "клип" небольшой, то просто парашютист выходит наスマрт - парашютист путает всю программу или же все отлетает в сторону от группы. А серьезный "клип" может закончиться трагически: спортсмен забывает следить за высотой, не в состоянии раскрыть парашют...

С Леной произошел маленький "клип". Она просто выпрыгнула с вертолета и - ничего не стала делать при выстраивании фигур. Мы втроем пытались развернуть ее в нужную сторону, старались растормошить ее, делая ей "страшные глаза" и кнута у висков пальцами. Ничего не вышло, и прыжок мы запороли.

На земле долго орали на Лену, чуть ли не собирались ее выгнать из четверки. Потом остали: "клип" есть "клип", - и довольствовались третьим местом. Однано первый разряд, или, по-западному, "натегорио С", получили.

Радости земные

Мунчин на аэродроме много. Даже если исключить уродцев, хронических алкашей и ненавистников, все равно получается много. Помимо юных ребят здесь частенько оказываются иностранцы. В Россию их влечет энзотика и низкие - в сравнении с западными - цены на прыжки.

Свободная от всяких семейно-брачных обязательств Тыща поставила себе задачу: подцепить иностранца. И в не занятое прыжками и тренировками время начала антиенный поиск...

Вечером мы приходим в бар и всей командой начинаем подбирать ей навалера. "Этот? Слишком толстый. Вон тот? Да он уже набрался! Черненький? Да вы что, посмотрите,

он не ногти грызет..." Наконец "высыпает" молоденького белонурого немца. Света начинает строить ему токи. Немец краснеет все гуще... Чуть позже выясняется, что единственная проблема, которая может омрачить начинающуюся международную "историю любви", - то, что немец Бернхард не понимает по-русски, а у Светы проблемы с немецким. Однако на первое время им обоим,казалось, вполне хватает таных слов, как "о'ней", "напут" и "лав"...

Муньи Лены и Наташи сидят здесь же, в баре, и с интересом наблюдают за трепетными танцами Тыши и Бернхарда. Нен только парочка обнявшись, покинула зал, муньи подходит к нашему столику и произносят гневные речи. Суть которых в том, что "лучше бы женская четверка занималась нам следует подготовкой к прыжкам или, на худой конец, проводила бы вечеринки учин"... Ох и эти приземленные мунинки!

Вообще, клуб - даже если он взрослостный - есть клуб. И людей, кроме "небесной радости", тянет сюда еще и возможность общения, сама атмосфера клубности - радости земные. Развлечения на аэродроме делятся на банальные и экстремальные. Банальные - это шашлык, преренс, дискотека или просто хорошая компания. Экстремальные - прыжки с "большой техникой" - огромного вертолета МИ-26 или самолета ИЛ-76. Но суперразвлечением был и остается прыжок со ста метров.

Суть его проста. Средняя скорость человека в свободном падении - 50 метров в секунду. Минимальная высота для раскрытия запасного парашюта - 200 метров. Понятно, что при прыжке со ста метров "запаска" становится совершенно бесполезным предметом. Поэтому, случись что с основным парашютом... Короче, прыжок со ста метров немного поклон на "русскую рулетку".

Девушки этот прыжок обычно не делают. Мы решили создать преце-

дент. Начальство удивилось, но возражать не стало.

Мы очень боялись. Часа за два до прыжка состояние было близким к панике. Нас предупреждали: на отделении вниз не смотреть - жутновато станет, упретесь, вас и два инструктора не вытолкают. Кстати, когда мы уже пошли на отделение, выпускающему дали помощника - вытихивать перепуганных девчонок.

Однако мы вовсе не упирались. И вниз я все-таки посмотрела! Очень необычно: земля назалась совсем рядом, близко; но страшно все же не было. Единственным, кто не захотел нормально отделиться, оказался Светлан возлюбленный Бернхард. Ему пришлось дать приличного пинка. А Светла сказала, что любит его именно за то, что он иногда бывает таким беспомощным и требующим ее опеки...

...Нет, так и не получилось у нас серьезной команды. Взбунтовались муньи Наташи и Лены. Им надоело, что женщины не только не занимаются домом и детьми, но еще и просят за это деньги. Нам со Светой тоже не удалось долго совмещать спорт и работу. Наша спортивная карьера закончилась.

Сейчас Наташа воспитывает второго ребенка. Света работает и часто ездит в Германию к своему немецкому другу Бернхарду. Лена тоже устроилась на работу. Она хочет заработать побольше и потом прыгать, прыгать...

Я защитила диссертацию и решила, что кандидату наук больше подходит не экстремальный парашютный спорт, а мирные теннис и плавание.

Но иногда ставлю видеонаблюдение с записью наших прыжков - и тан щемит сердце, когда смотрю на нашу четверку. Небесные ласточки - это точно.

Фото Владимира Наничева

СЛУЖЕБНЫЙ В МЕДОВОМ

216

Глава 1

Миновав восточную окраину Бингхэмтона, он съехал на обочину и заглушил двигатель. Она наклонилась к нему, и он ее поцеловал.

— Доброе утро, миссис Уэйд.

— М-м-м. Мне нравится моя новая фамилия. А почему мы остановились, дорогой?

— Кончился бензин, — он вновь поцеловал ее. — Нет, они украсили автомобиль. Ботинки, и все такое. Ты не обратила внимания?

— Нет.

Он вылез из кабинки, обошел автомобиль сзади. Четыре старых ботинка свисали с пластины с номерным знаком. На багажнике белели четырехдюймовые буквы: «ТОЛЬКО ЧТО ПОЖЕНИЛИСЬ». Он присел и начал развязывать шнурки. Узлы затянули на совесть. Открылась дверца с ее стороны, она подошла к нему и, когда он поднял голову, рассмеялась.

— Я ничего не заметила. Думала лишь о том, как бы увернуться от риса. Я рада, что мы поженились в церкви. Дэйв, мы могли проехать с ними всю Пенсильванию. Как хорошо, что их проделки не ускользнули от тебя.

— Это точно. А ножа у тебя, часом, нет?

* Американский писатель Лоуренс Блом хорошо известен не только в Штатах, но и далеко за их пределами. Писать начал с 1964 года, и сразу же его сериалы с героями Мэттом Снайдером и Берни Роденбергом вошли в число лучших произведений детективного жанра, за что их автор получил несколько литературных премий и джентльмен стал лауреатом премии Эдгар По.

РЫБА МЕСЯЦЕ

ЛОУРЕНС БЛОК

Рисунок АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕНЦОВОГО

217

- Чтобы защищать мою честь? Нет.
— Справлюсь сам, — он поднялся с ботинками в руках. — Вот ведь выродки. И что теперь с ними делать?
— Не знаю.
— Я хочу сказать, оставить их — к счастью?
— Если они тебе впору...

Он весело рассмеялся и швырнул ботинки под растущие у дороги кусты. Поднял крышку багажника, достал тряпку, чтобы попытаться стереть краску. Не получилось. Достал из багажника канистру с бензином, открыл, смочил тряпку бензином. На этот раз краска отошла. Он насухо вытер крышку другой тряпкой, обе отправил вслед за ботинками и захлопнул крышку.

— Я и не знала, что ты у нас злостный нарушитель санитарных норм. Разбрасываешь мусор.

— Нельзя же возить в багажнике тряпки, пропитанные бензином. Они могут стать источником возгорания.

— Это повод для развода, знаешь ли.
— Ты о возгорании?
— О сокрытии того факта, что ты — нарушитель санитарных норм.

— Хочешь развестись?
— Господи, да нет же.

Она уже сменила подвенечный наряд на узкое зеленое платье, облегающее ее дородную фигуру. Светлые, до плеч, волосы завивались на концах. Большие глаза цветом были чуть темнее платья. Он смотрел на нее и думал, какая же она красивая.

— Дэйв, может, поедем?

— М-м-м.

— У нас три недели. Мы ждали так долго, подождем еще два часа. И потом, здесь очень уж людно.

Ее тон отрезил его. Он оглянулся. Мимо, одна за другой, проносились машины. Он вновь улыбнулся, обошел автомобиль, скользнул за руль. Она села рядом. Он повернул ключ зажигания, двигатель завелся, и автомобиль плавно тронулся с места.

Из Бингхэмтона они поехали на юг по дороге 81, новой автостраде, соединившей Пенсильванию и Канаду. Карта штата лежала у Джилл на коленях, и время от времени она сверялась с ней без особой надобности. Стрелка спидометра покачивалась между цифрами 60 и 65. Автомобиль (модель "фэлайн" корпорации "Форд") они купили в прошлом году и ко второй неделе сентября этого года наездил почти пятнадцать тысяч миль.

Границу штата Пенсильвания они пересекли за несколько минут до полудня. В двенадцать тридцать в городе Лениокс свернули с дороги 81 на дорогу 106 и покатили на юго-восток, через Карбондейл и Хоунсдейл. Это шоссе, более узкое, в две полосы, петляло между холмов. В Хоунсдейле они заехали на бензозаправку компании "Эс-ко", и Джилл съела сэндвич с куриным мясом в маленькой закусочной, расположенной в двух шагах от бензозаправки. Дэйв купил бутылку "коки", но освил лишь половину.

Еще через несколько миль, в Индиан-Орчард, они попали на трансамериканскую автостраду и взяли курс на юг. Без четверти два они уже въезжали в Помкуайт. Город этот находился у северной оконечности озера Уолленпаупэк, а их пансионат — на восточном берегу озера, в шести милях к югу от города. Они нашли пансионат, ни у кого не спросив, как туда доехать. К нему вела частная дорога. Вписавшись во все повороты, они прибыли к большому белому особняку, выстроенному в викторианском стиле, с огромной верандой. Озеро они увидели прямо со стоянки. Прозрачная синяя вода словно застыла, поверхность озера более всего напоминала зеркало.

В кабинете они нашли седовласую женщину, которая сидела за столом и пила виски с водой. Она посмотрела на них, и Дэйв назвал свою фамилию. Женщина порылась в регистрационных карточках, нашла нужную.

— Уэйд, Дэвид. Вы забронировали коттедж?

— Совершенно верно.

— Как я понимаю, новобрачные. Правильное решение. Коттеджи именно для вас. В особняке тоже хорошие номера, но нет того единения, что в коттедже. Дом старый, и ссыпимость ужасная. А вам крайне необходимо единение. Ведь у вас медовый месяц. Вы выбрали удачное время. Озеро окружено горами, так что здесь довольно-таки прохладно. Правда, в этом году июль и август выдались очень жаркими. А в медовый месяц перегреваться ни к чему. Но сейчас температура упала.

Она протянула ему регистрационную карточку. Он написал: "Мистер и миссис Дэвид Уэйд", — и витиевато расписался. Женщина убрала карточку, даже не взглянув на подпись. Протянула ему ключ и

предложила проводить до коттеджа. Он заверил ее, что они доберутся сами. Она подробно рассказала, по какой дорожке надо ехать, и они вернулись к "форду". Их коттедж оказался четвертым. Он припарковал "форд" рядом и вылез из машины.

Оба чемодана, одинаковые, подарок его тети и дяди, лежали на заднем сиденье. Он вытащил их, занес на маленькое крыльце, поставил на пол. Открыл дверь ключом и вошел в дом. Джилл осталась сваружи, а когда он вернулся, встретила его улыбкой.

— Я жду.

Он легко поднял ее, перенес через порог, пересек комнату и осторожно опустил на кровать.

— Мне следовало жениться на маленькой девочке.

— Ты любишь маленьких девочек?

— Я люблю крупных блондинок. Но носить маленьких девочек легче.

— Неужели?

— А ты сомневаешься?

— Когда-нибудь носил хоть одну?

— Никогда.

— Лжец, — она опять заулыбалась. — Какие грязные мыслишки были у этой пьяной старухи.

— Она не пьяная, просто пьющая. И мысли у нее не грязные.

— А какие же?

— Реалистичные.

— Развратник.

Он посмотрел на нее, сидящую на краю кровати, их кровати. Двадцать четыре года, и все еще девушка. Он изумился охватившей его радости, когда узнал об этом. До их встречи он всегда полагал, что ему без разницы, с кем спала его будущая жена до того, пока они официально не зарегистрировали свои отношения. Но, как выяснилось, разница была. Его переполняла гордость при мысли о том, что он будет у нее первым мужчиной. Ждать осталось недолго. Они стали мужем и женой, так что...

Он сел рядом с ней и поцеловал ее. Джилл замурлыкала от удовольствия, придвигнувшись ближе, приникла всем телом...

Джилл плавала лучше его. Он, главным образом, стоял по грудь в холодной воде, наблюдая за синхронными движениями ее рук и ног. Светлые волосы она упрятала под белую резиновую шапочку.

Потом Джилл подплыла к нему, и он ее поцеловал.

— Давай посидим под деревом, — предложила она. — Я боюсь обгореть...

— Господи, только не это. Обгореть в медовый месяц...

— У тебя мыслишки, как у той пьяной старухи...

Он расстелил одеяло, они сели рядышком, выкурили по сигарете. Их плечи едва касались. Они слышали стрекотание насекомых, в лесу пели птицы, один раз по дорожке проехала машина. Он вытер полотенцем ее плечи и спину. Она сняла резиновую шапочку, тряхнула волосами.

Около пяти часов мужчина из соседнего коттеджа, который махал им рукой, подошел с тремя банками "буднейзера". Лет сорока пяти, может, чуть старше, с избыточными тридцатью фунтами веса,

в серых габардиновых брюках и синей рубашке с короткими рукавами и отложным воротничком.

— Вы ведь только что приехали? Я подумал, может, выпьете со мной пива.

Они поблагодарили его, притянули присесть рядом. Взяли по банке пива. Очень холодного и очень хорошего. Мужчина пристроился на краешке одеяла, сказал, что зовут его Джо Кэрролл и он из Нью-Йорка. Дэйв представился сам, представил Джилл, добавив, что живут они в Бингхэмтоне. Кэрролл, как выяснилось, в Бингхэмтоне не бывал. Он выпил пиво, вытер рот тыльной стороной ладони. Спросил, надолго ли они приехали.

— На три недели, — ответил Дэйв.

— Вы сделали удачный выбор, — покивал Кэрролл. — Погода стоит отличная, сейчас, конечно, прохладнее, чем в августе, но дни солнечные. А дождь лил только раз, на прошлой неделе, да и то пару часов.

— А вы здесь давно, мистер Кэрролл? — спросила Джилл.

— Джо, — поправил ее Кэрролл. — Да, все лето. Практически один, даже поговорить не с кем. Просто сходишь с ума. Вы давно поженились?

— Не очень, — ответил Дэйв.

— Дети есть?

— Пока нет.

Кэрролл посмотрел на озеро.

— А я так и не женился. Один раз уже совсем собрался, но не получилось. По правде говоря, я об этом и не жалею. Жаль только, что детей у меня нет. Мне бы хотелось, чтобы у меня были дети. — Он допил пиво. — Но бизнес отнимает все время.

— А чем вы занимаетесь?

— Строительство. На Лонг-Айленде, в округе Нассау. Строим жилые дома.

— Разве сейчас не разгар строительного сезона?

Кэрролл хохотнул.

— Нынче я в эти игры не играю.

— Ушли на пенсию?

— Можно сказать и так. Я, возможно, переберусь в другой регион. Более благоприятный для бизнеса.

Они поговорили о пустяках: о бейсболе, о погоде, о хозяйственном пансионате. Кэрролл сказал, что она вдова, детей у нее нет, муж умер пять или шесть лет тому назад, все дела ведет сама, и пансионат приносит ей приличный доход. Но ее уже можно зачислить в алкоголики. В стельку она еще не напивается, но трезвой не бывает никогда.

— Черт, а что ей еще делать? В такой-то дыре? — заключил он.

Рассказал он им и о ресторане, где неплохо готовят. Предложил заходить к нему.

— Посидим, поболтаем.

— Ну...

— Выпьем еще пива, я сварю кофе. Можем сыграть пару партий в кункин. Скоротаем время.

Пообедали они в ресторане, который порекомендовал Кэрролл. Находился он на окраине Помкуайта. Обслуживали там быстро,

бифштексы подали очень вкусные, так что они остались довольны. Дэйв на обратном пути едва не проскочил поворот к пансионату. Резко вывернул руль, и "Форд" свернул на частную дорогу. Они проехали мимо особняка к своему коттеджу. В окнах Кэрролла горел свет.

- Мистер Кэрролл приглашал выпить кофе, - напомнила Джилл.
- Как-нибудь в другой раз.

Он свернул к их коттеджу. Они медленно поднялись на крыльцо, открыли дверь и включили свет. Затем Дэйв плотно закрыл дверь, подсекнул ее. Выключил свет. Комната, однако, не погрузилась в полную темноту. Во-первых, светила луна, во-вторых, горел свет в окнах коттеджа Кэрролла.

Дэйв еще крепче прижал Джилл к себе, она обняла его за шею, и их губы слились в поцелуй. Он нашел молнию ее платья, потянул застежку вниз, начал гладить спину.

К их коттеджу подъехал автомобиль. Водитель заглушил двигатель, чуть скрипнули тормоза: автомобиль остановился.

Джилл замерла.

- Кто-то приехал.
- Только не к нам.
- Я слышала, как подъехал автомобиль.
- Наверное, друзья Кэрролла.
- Очень надеюсь, что не наши друзья. - В ее голосе зазвучала злость. - Им хватит ума на подобные шутки.
- Они этого не сделают.
- Очень на это надеюсь.
Он отпустил Джилл.
- Пожалуй, взгляну, кто это.

Задвигнув заклинило, он не без труда отодвинул ее и вышел на крыльцо. Джилл последовала за ним. Автомобиль стоял рядом с их "фордом". Большой автомобиль, "бьюик" или "ольдс". Темный, хотя точно определить цвет при таком освещении не представлялось возможным. Может, черный, может, темно-бордовый или темно-зеленый. Двое мужчин, что приехали на автомобиле, шагали к коттеджу Кэрролла. Оба невысокие, в шляпах и темных костюмах.

Он повернулся к Джилл.
- Видишь? Друзья Джо.
- А почему они не подъехали к его коттеджу? Проехали мимо, оставили машину здесь, а теперь идут назад. Почему?
- Какая разница?

Дэйв взял ее за руку и потянул в комнату. Она вырвалась, осталась на месте.
- Одину минуту.
- В чем дело?
- Не знаю. Подожди, Дэйв.

Они ждали, не отрывая глаз от коттеджа Кэрролла, расположенного в тридцати или сорока ярдах от их домика.

Мужчины бесшумно приблизились к коттеджу. Одна из ступенек, ведущих на крыльцо, скрипнула. Мужчины стучать не стали. Один из них рванул дверь, другой ворвался в коттедж. У того, кто остался на крыльце, в руке блеснуло что-то металлическое.

Из коттеджа Кэрролла донеслись какие-то звуки. Затем из крыльца вышел Джо Кэрролл. Мужчина, который оставался на крыльце, что-то сказал ему тихим голосом. Теперь они видели, что у него в руке. Револьвер. Второй мужчина появился следом за Кэрроллом. Дуло его револьвера упиралось Кэрроллу в спину.

Какое-то время все трое стояли на крыльце. Это нереально, думали Дэвид и Джилл. Такое могло случиться в пьесе или в фильме, но не у них на глазах.

Затем они услышали голос Кэрролла, громкий, далеко разносящийся в ночной тишине.

— Я все отдаю. Клянусь Богом, все отдаю. Скажите Лублину, что все отдаю. Господи, так ему и скажите.

Мужчина, что упирал револьвер в спину Кэрролла, засмеялся пренеприятным смехом.

— О, святой Боже! — У Кэрролла перекосилось лицо. — Послушайте, пожалуйста, дайте мне шанс, всего один шанс . . .

— Ползи, — бросил мужчина, что стоял перед Кэрроллом.

— Вы хотите, чтобы я...

— Падай на колени и моли нас о пощаде, подонок.

Кэрролл упал на колени. Снова и снова что-то повторял, но они не могли разобрать ни слова.

Мужчина, стоявший перед Кэрроллом, шагнул вперед, приставил револьвер к его голове. Кэрролл заверещал. Мужчина выстрелил ему в лоб. Кэрролл качнулся назад, а потом упал лицом вниз. Второй мужчина четырежды выстрелил Кэрроллу в затылок.

Джилл вскрикнула.

Не так уж и громко, но мужчины в темных костюмах ее услышали. Посмотрели на крыльцо коттеджа Уэйдов.

И направились к ним.

Вчетвером они стояли в комнате Кэрролла. Все прибрано, казалось, никто тут и не жил. Присутствие Кэрролла выдавала разве что плитка, банка растворимого кофе да чашка с недопитым кофе.

Более высокого из двоих мужчин звали Ли. Они, правда, не знали, имя это или фамилия. Именно он приказал Кэрроллу ползать перед ним на коленях, а потом убил его выстрелом в лоб. Большие карие глаза мрачно смотрели на них из-под черных бровей. Три или четыре тонких шрама на переносице, тонкогубый рот. Он держал их из мушки, а второй мужчина методично обшаривал ящик за ящиком в комоде Кэрролла, вываливая все вещи на пол.

— Ничего, — подвел он итог. — Только то, что мы нашли в бумажнике.

Ли промолчал. Второй мужчина, более коренастый, широкоплечий, с мощной шеей и перебитым носом, подошел к нему и мотнул головой в сторону Дэйва и Джилл. В молодости с таким телосложением его наверняка взяли бы защитником или четвертым в футбольную команду какого-нибудь колледжа.

— Что будем с ними делать?

— Они ничего не видели. И ничего не скажут.

— А если скажут?

— И что? Они же ничего не знают.

— Мы не доставим вам никаких хлопот. — Дэйв не узнал свой голос. Казалось, что кто-то говорит за него.

Мужчины его вроде и не услышали.

— Если они заговорят, это ни к чему не приведет. Расскажут о случившемся местному копу, тот все запишет, и на этом будет поставлено точка. Его донесение засунут в какой-нибудь ящик, где оно и будет пылиться.

— Лучше бы обезопасить себя.

— Отпустите нас, — попросил Дэйв. Джилл тяжело дышала рядом. Он смотрел на револьвер Ли и думал о том, что они могут умереть в этом коттедже. — Сохраните нам жизнь.

— Если мы их убьем, поднимется вонь, — заметил Ли. — Одно дело — этот, а если ты уложишь еще двоих...

— Так что, оставим их?

— Да.

— Просто так?

— Я не убиваю тех, за кого мне не заплачено. Почему я должен что-то делать бесплатно?

Мужчина с перебитым носом кивнул.

— А баба?

— Ты о чём?

— В порядке. Все при ней.

— Послушайте... — подал голос Дэйв.

Они его проигнорировали.

— Хочешь ее?

— Почему нет?

Мужчина, которого звали Ли, недобро улыбнулся. Шагнул к Джилл, уперся револьвером между грудей.

— Как насчет потрахаться? Небольшая цена за жизнь, не так ли?

Дэйв автоматически взмахнул рукой. Ли чуть повернулся, так что удар пришелся в плечо. Переложил револьвер и боковой поверхностью рукоятки ударил Дэйва в лоб. Тот отступил на шаг и рухнул на пол.

Голова шла кругом. Он приподнялся на одно колено. Мужчина пониже ростом тащил Джилл к кровати Кэрролла. Она истошно кричала, но особо не упиралась. Затрещала разрываемая одежда, опять раздался пронзительный крик Джилл. Дэйв вскочил, бросился к кровати, но Ли подставил ногу, и он растянулся на полу. Ли подошел, ткнул ногой в ребра с такой силой, что Дэйв вскрикнул от боли.

— Лежи тихо, — посоветовал Ли.

Дэйв, однако, поднялся. Его шатало. Ли положил револьвер на стол, не торопясь подошел к Дэйву. Встал перед ним, а затем ударил в солнечное сплетение. Дэйв согнулся пополам, но не упал. Ли подождал, пока Дэйв снова выпрямится, ударил дважды в грудь, раз — в живот. Вот тут Дэйв свалился на пол. Попытался встать, но не смог. Ему словно перерезали все сухожилия. Он оставался в сознании, видел, что происходит, но не мог пошевелиться.

Джилл перестала кричать. Мужчина, что пониже, сделал, что хотел, подошел к ним. Поинтересовался, не пытался ли Дэйв изобразить героя. Ли промолчал.

— Она девственница, — добавил мужчина. — Можешь такое представить? — Он словно и не подозревал, что девственницы еще не перевелись.

— Теперь уже нет, — буркнул Ли, снял пиджак и двинулся к кровати.

Джилл не закричала. Она лежала, не шевелясь. Дэйв испугался, что они убили ее. На этот раз ноги ему повиновались, и он сумел подняться. Мужчина, что пониже, ударил его рукояткой револьвера, и от боли череп, казалось, раскололся пополам. Дэйв снова упал. Перед глазами все посерело, потом потемнело, и он провалился в черноту.

Глава 2

Дэйв не помнил, как вернулся в коттедж. Вроде бы шел и падал, шел и падал, но происходило это скорее во сне, чем наяву. Однако в коттедже он пришел в себя. Лег молча на кровать, а Джилл сидела на стуле и смотрела на него. В бежевой юбке и темно-коричневом свитере. Она напудрила лицо, накрасила губы, причесалась. На мгновение у него возникло ощущение, что ничего этого не было, никто не приезжал, Кэрролла не убивали, Джилл не насиловали, его не били.

Но потом Дэйв почувствовал, как болит все тело и тупо ноет голова, увидел синяк под правым глазом Джилл, прступающий сквозь слой пудры. Значит, все это произошло наяву.

— Не пытайся говорить. Постарайся расслабиться.

— Я в порядке.

— Дэйв...

— Я в порядке. — Он сел. Тело болело по-прежнему, но в голове прояснилось. Дэйв вспомнил все, до того удара, что отправил его в небытие. Как он возвращался из коттеджа Кэрролла, осталось за кадром, но до рокового удара он помнил все с ужасающей отчетливостью.

— Тебе надо к доктору.

— У меня все нормально.

— Они?..

— Да.

— Оба?

— Оба.

— Тебе надо к доктору.

— Завтра съездим, — вздохнула Джилл. — Я думаю, полиция... в том коттедже. Я слышала, как подъехала патрульная машина. Кто-то, должно быть, им позвонил. Ехали они долго.

— Который час?

— Начало одиннадцатого. Они заглянут сюда, не так ли?

— Копы? Думаю, что да.

— Тебе надо бы помыться. На голове у тебя две ссадины. На макушке и за ухом. — Джилл прикоснулась к нему. Рука была ледяной. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Лжец. Помойся и переоденься, Дэйв.

Он прошел в крохотную ванную. С душем, без ванны. Чтобы текла вода, следовало потянуть вниз цепочку. Он разделся, быстро помылся, думая о Кэрролле и двух мужчинах, о том, что они сделали с Джилл. Поначалу в глазах у него потемнело от ярости, но он оставался под душем, вода стекала по его избитому телу, и Дэйв заставлял

себя думать об этом. Ярость не ушла. Она осталась, но охладела и уже не туманила рассудок.

Когда Дэйв вышел из ванной, копы уже ждали его. Двое высоких патрульных и мужчина постарше, из управления шерифа в Помкуайте.

Один из патрульных записал их имена и фамилию. Потом снял шапку.

— Этим вечером здесь убили мужчину, мистер Уэйд. Вы что-нибудь об этом знаете?

— Убили?

— Вашего соседа. Некоего мистера Кэрролла.

Джилл шумно вдохнула. Дэйв посмотрел на нее, потом на патрульного.

— Мы познакомились с мистером Кэрроллом во второй половине дня. Что... произошло?

— Его убили четырьмя выстрелами в голову.

Пятым, мысленно поправил его Дэйв.

— Кто это сделал?

— Мы не знаем.

— Вы что-нибудь слышали? Видели?

— Нет.

— Убийцы приезжали на автомобиле, мистер Уэйд. Мы нашли следы. Автомобиль они оставляли рядом с вашим. Это ваша машина, не так ли? "Форд"?

— Да.

— Вы слышали, как подъехал их автомобиль, мистер Уэйд?

— Не припоминаю.

— Вы не могли не слышать, — вмешался представитель шерифа. — Его поставили под вашим окном. И выстрелы, вы должны были их слышать. Вы весь вечер были дома?

— Мы отъезжали пообедать, — подала голос Джилл.

— В какое время?

— Уехали около семи, — ответила она. — В семь или в половине восьмого.

— А вернулись?

— Примерно... полчаса тому назад. А что?

Представитель шерифа посмотрел на патрульных.

— Тогда все понятно. Кэрролла убили как минимум час назад, может, и два. Так считает судебный медик. Они, должно быть, вернулись буквально перед нашим приездом и вошли в дом, не заметив тела. С того места, где стоит их машина, его не видно. Так вы вернулись полчаса назад, мистер Уэйд?

— Может, чуть больше.

— С час?

— Едва ли. Максимум, сорок пять минут.

— Ясно. Тогда вы действительно ничего не видели и не слышали. — Он повернулся и собрался уходить.

Патрульные мялись, словно хотели что-то сказать, но не знали, как выразить свою мысль.

— Почему его убили? — спросил Дэйв.

— Мы этого еще не знаем, мистер Уэйд.

— Он показался нам очень приятным человеком. Спокойным, дружелюбным. Дием мы выпили с ним по банке пива. Что ж, не смею вас задерживать.

Патрульные дружно кивнули и вслед за представителем шерифа вышли из коттеджа.

Копы уехали в полночь. Они посидели в тишине пять или десять минут, потом Дэйв решительно поднялся.

— Мы уезжаем. Начинай паковаться.

— Прямо сейчас?

— Ты же не хочешь оставаться здесь, не так ли?

— Господи, конечно. — Джилл протянула руку, он дал ей сигарету, щелкнул зажигалкой. — У них не возникнут подозрения?

— На предмет?

— Они не заподозрят в убийстве нас? Если мы так быстро уедем? Даже не останемся на ночь.

Дэйв покачал головой.

— Мы же новобрачные. А новобрачные не захотят проводить первую ночь там, где кого-то убили.

— Новобрачные.

— Да.

— Первая ночь. Господи, Дэйв, я ее всю распланировала. От первой до последней минуты.

Он взял ее за руку.

— Я хотела предстать перед тобой такой сексуальной. Боли я не боялась, потому что очень тебя люблю. О, а разные маленькие хитрости, о которых я прочитала в этих руководствах по семейной жизни! Я замеревала перепробовать их все. И удивить тебя своей опытностью.

— Перестань.

Он достал чемоданы, положил их на кровать. В молчании они собирали вещи, поставили чемоданы на заднее сиденье автомобиля. Джилл села в машину, а Дэйв поднялся на крыльце, закрыл дверь и запер ее на ключ.

— Мы не заплатили, — заметила Джилл, когда они проезжали мимо особника. — Старуха рассчитывает, что мы заплатим хотя бы за одну ночь.

— Тем хуже для нее.

На шоссе Дэйв повернул налево, к Помкуайту. Миновав город, поехал на север.

— Уже поздно, а дорог я не знаю. Остановимся в ближайшем привличном мотеле.

— Хорошо.

— Встанем рано утром. Тогда и определимся с маршрутом. Они из Нью-Йорка, не так ли?

— Думаю, да. Кэрролл говорил, что он из Нью-Йорка, да и у них нью-йоркский выговор.

Он сбавил скорость, увидев слева мотель и подсвеченнную табличку: "Свободных мест нет". Снова нажал на педаль газа.

— Поедем в Нью-Йорк. Будем там завтра, во второй половине дня. Снимем номер в отеле и выясним, кто они. Одного звать Ли. Имена второго я вроде бы не слышал.

— Я тоже.

— Узнаем, кто они, где их найти, а потом убьем обоих. После чего вернемся в Бингхэмтон. В нашем распоряжении три недели. Я думаю, нам хватит трех недель, чтобы найти их и убить.

Впереди показался еще один мотель. Дэйв притормозил, свернул на подъездную дорожку, бросил на Джилл короткий взгляд. Решиительно сжатые губы. Сухие, ясные глаза.

— Должно хватить, — ответила она.

Глава 3

Доехали они быстро. Остановились только раз, заправить "форд" бензином и перекусить, так что в половине первого уже прибыли в Нью-Йорк. Сняли номер в "Роялтоне", в западной части Сорок четвертой улицы. Швейцар отогнал автомобиль на стоянку.

Их номер находился на одиннадцатом этаже. Коридорный занес в комнату чемоданы, проверил, на месте ли полотенца, показал, где шкафы, открыл окно, поблагодарил Дэйва за чаевые и отбыл. Дэйв подошел к окну. Оно упиралось в административное здание.

— Прибыли.

— Да. Ты бывал в Нью-Йорке?

— Пару раз, когда учился в колледже. И провел шесть недель два года тому назад. Готовился к поступлению в коллегию адвокатов. Здесь умеют быстро натаскивать к экзаменам. Курс занимает шесть недель. Я остановился в центре, в отеле "Мартиник", и ничего не делал, кроме как ел, спал и учился. Города не видел совсем.

— Тогда я тебя еще не знала.

— А ты здесь бывала?

Джилл покачала головой.

— В Нью-Йорке у меня живет тетя. Сестра моего отца. Она так и не вышла замуж, но работает в рекламном отделе одного из больших универмагов. Во всяком случае работала. Я не видела ее много лет. Назови мне большие универмаги.

— Господи, да откуда мне знать. "Сэкс", "Брукс бразерз"...

— В "Брукс бразерз" она не работала.

— Слушай, о крупных универмагах я ничего не знаю. "Бонуит". Есть универмаг под названием "Бонуит"?

— Он назывался "Бергдорф Гудман". Я вспомнила. Мы раз или два приезжали к ней. Я тогда была ребенком. Виделись мы очень редко, потому что моя мать терпеть ее не могла. Дэйв? — лицо Джилл стало серьезным. — Мы должны решить, с чего начать. Как мы найдем этих людей? Мы о них ничего не знаем.

— Кое-что знаем.

— Что именно?

Дэйв достал из кармана блокнот с отрывными листками, сел в кресло, взял карандаш и записал: "Джо Кэрролл".

— Они убили человека, которого звали Джо Кэрролл. Вот и отправная точка. Если, конечно, имя и фамилия настоящие.

— Как это?

— Он нам так представился, на эту фамилию снял коттедж. Но он же прятался и мог воспользоваться вымышленной фамилией.

— А как его называли эти люди?

— Не помню. Не уверен, что они вообще его как-то называли. И потом я мало что услышал из их разговора.

- А разве полиция не узнает его настоящую фамилию?
- Патрульные? Возможно, они нашли какие-то документы. Прямо нас они называли его Кэрролл. Может, специально, чтобы держать нас в неведении, а может, при нем никаких документов и не было.
- Видимо, убийцы забрали с собой его бумажник.
- Вполне возможно. — Дэйв закурил. — Но они сняли отпечатки пальцев убитого. Это стандартная процедура. Потом отпечатки проверят по картотеке. Если они там имеются, полиция наверняка узнает его настоящую фамилию.
- А как мы это выясним?
- Если убитый — важная шишка, об этом напишут в нью-йоркских газетах. Если нет — в местных. Я не уверен, что в Помкуайт есть газета. Но в одном из городов побольше есть наверняка. К примеру, в Скрантоне.
- А скрантонские газеты продаются в Нью-Йорке?
- Да. Есть такой киоск на Таймс-сквере. Когда я готовился к экзаменам, я покупал там бингхэмтонскую газету. — В блокноте он записал: "Скрантонская газета". — Кэрролл говорил, что занимается строительством. И вроде бы отошел от дел. Во всяком случае, на какое-то время.
- Может, это пустые разговоры.
- Возможно. Но люди, когда лгут, зачастую не очень далеко уходят от правды. Особенно, если лгут незнакомцам. Кэрролл хотел подружиться с нами и выдумал всю эту историю с уходом от дел не для того, чтобы держать что-то в секрете. Просто не хотел привлекать к себе лишнего внимания. Скорее всего, он преступник. Из его разговора с этими двумя у меня сложилось такое ощущение.
- У меня тоже.
- Но я думаю, его преступная деятельность каким-то образом связана со строительством. Многие незаконные операции прокручиваются за ширмой официально зарегистрированных и действующих компаний. Ты же знаешь табачный магазин рядом с Лафайет-стрит?
- В Бингхэмтоне?
- Да. Там букмейкерская контора.
- Я этого не знала.
- Это не такой уж секрет. Всем об этом известно, они действуют чуть ли не в открытую. Однако расположена она в табачном магазине. На вывеске не написано "Букмейкерская контора". И человек, который принимает ставки, называет себя продавцом табачных изделий, а не букмейкером. Вот и с Кэрроллом, скорее всего, та же история. Для всех его фирма занималась строительством. А что он делал на самом деле, знали немногие.
- Дэйв разъяснял все это не только ей, но и себе. Если они хотели найти Ли и другого мужчину, им не оставалось ничего другого, как извлечь максимум пользы из имеющейся в их распоряжении кучей информации.
- Кэрролл в чем-то провинилсяся. Поэтому эти двое и приехали к нему. Может, кого-то обманул.
- Он обещал все отдать.
- Совершенно верно. И назвал фамилию босса, человека, на которого они работали. Кэрролл просил передать боссу, что все отдаст.

В блокноте появились новые записи. Теперь первая строчка выгладила: "Джо Кэрролл — строительство". Ниже добавилось: "Округ Нассау". Вроде бы там, со слов Кэрролла, он что-то строил.

— Они называли фамилию босса, — вставила Джилл. — Или ее называл Кэрролл.

— По-моему, Кэрролл.

— Я сейчас вспомню. Одну минуту. — Она закрыла глаза, сцепила руки. — Дублин.

— Нет, не та.

— Дублин, точно Дублин. Скажите Дублину, что я все отдаю. Нет, вроде бы не та.

— Они называли другую.

— Может, Лублин?

— Не знаю.

— Произнеси-ка все предложение. Я думаю, что вспомню. Повтори, как ты его услышал.

— С Лублином?

— Да.

— Скажите Лублину, что я все отдаю.

— Точно. Я в этом уверена, Дэйв. Лублин.

Он записал: "Лублин — босс".

— Они работали у Лублина? Так?

Он покачал головой.

— Я думаю, он их нанял. Едва ли они его постоянные работники. Им заплатили за убийство Кэрролла. А когда один хотел убить нас, чтобы мы ничего не сказали полиции, второй заявил, что он убивает только тех, за кого заплачено. То есть их подрядили убить именно Кэрролла. Одно убийство за заранее оговоренное вознаграждение.

— Я помню. Это сказал Ли.

Он записал: "Наёмные профессиональные убийцы. Ли".

— Ли. Что это, имя или фамилия?

— Или прозвище, — добавила Джилл. — Если фамилия у него Ли-транд.

— Все возможно. Но его называли именно так. А ко второму этот Ли вообще не обращался ни по имени, ни по фамилии. Я, во всяком случае, этого не помню.

— Я тоже.

Дэйв закурил очередную сигарету. Посмотрел в блокнот, перечел написанное: "Джо Кэрролл — строительство. Округ Нассау. Скрентонская газета. Лублин — босс. Наёмные профессиональные убийцы. Ли". Подошел к окну, посмотрел на административное здание. Он хотел взглянуть на город, но здание все заслоняло. В городе восемь или девять миллионов, он ищет двух человек из этих миллионов, но не может увидеть город. Ничего, кроме одного административного здания.

— Дэйв.

Он повернулся. Джилл стояла рядом, ее волосы касались его щеки. Он обнял ее, она прильнула к нему и положила голову ему на плечо. На мгновение он подумал об этих двоих, затерянных в огромной толпе, и решил, что замысел обречен на провал. Но тут же вспомнил, что они сделали с Джилл, чего лишили ее и его. Закрыл глаза и представил себе этих убийц и насильников мертвыми.

В первый раз Дэйв проскочил мимо киоска, где продавались ино-городние газеты: прошел по другой стороне площади. У пересечения Седьмой авеню и Сорок третьей улицы понял свою ошибку и вернулся назад. Киоск он нашел на Сорок третьей улице. Попросил утренний выпуск скрентонской газеты. Киоскер порылся в пачке и достал скрентонскую "Курьер-Геральд". Дэйв взглянул на число. Суббота.

— Это самая свежая?

— Какой день, суббота? Самая свежая. Не подойдет?

— Мне нужна сегодняшняя.

Киоскер покачал головой.

— Ничем помочь не могу. Из больших городов — Чикаго, Филадельфии, Детройта — утренние выпуски мы получаем во второй половине дня. Вечерние — на следующий день. Из городков, вроде Скрантона, — через два дня. Если вам нужен "Курьер-Геральд" за понедельник, приходите в среду после полудня. А лучше, в четверг утром.

— Мне нужен утренний выпуск за понедельник. Через день, два, значения не имеет.

— То есть он сгодится вам и в среду?

— Да. И завтрашний выпуск тоже.

— Ясно. Видите ли, нам привозят два-три экземпляра. Раз вам нужна эта газета, я ее отложу. Если только вы наверняка приедете за ней. За любой непроданный экземпляр я плачу из своего кармана. Но я отложу "Курьер-Геральд" за понедельник и вторник, если они вам нужны.

— Сколько они стоят?

— Полбакса каждый.

— Если я сейчас дам вам доллар, вы обязательно отложите эти газеты?

— Можете расплатиться и потом.

— Лучше сейчас. — Дэйв дал киоскеру доллар, подождал, пока тот выпишет квитанцию и сделает для себя пометку на клочке бумаги.

За углом, в другом киоске, он купил дневные выпуски нью-йоркских газет. Утренних уже не осталось. Но сообщение об убийстве Кэрролла и не могло попасть в утренние выпуски. Он зашел в кафетерий на Сорок второй улице, взял чашечку кофе и углубился в чтение. Упоминания об убийстве не нашел. Газеты он оставил на столике.

В ближайшей телефонной будке пролистал два справочника, один с номерами Манхэттена, второй — Бруклина. На Манхэттене значились семь Лублинов, в Бруклине — девять плюс "Лублин: цветочный магазин" и "Лублин и Девлин — пекари". Справочники других районов в будке отсутствовали. Дэйв вошел в "Уолгрин" на углу Седьмой авеню и Сорок второй. В магазине имелись телефонные справочники Бронкса, Куинса и Стейтен-Айленда. Четырнадцать Лублинов проживали в Бронксе, шесть — в Куинсе, ни одного — на Стейтен-Айленде. А ведь оставались еще северный сектор Нью-Джерси, Лонг-Айленд и округ Уэстчестер. Лублин мог жить и там. И с той же вероятностью — вне Большого Нью-Йорка.

В специализированном справочнике он просмотрел раздел "Строители". Начал с "Лублина", скорее по привычке, но строителей с та-

кой фамилией в Нью-Йорке не нашлось. Тогда он попытался отыскать "Кэрролла, Джозефа". Нашел "Кэрролла, Джэса" и "Кэррела, Дж." Подождал, пока освободится одна из телефонных будок, бросил десятицентовик в щель, набрал номер "Кэрролла, Джэса" в Куинсе.

- Слушаю, — мужской голос.

- Это мистер Кэрролл? — спросил Дэйв.

- Да.

Он тут же повесил трубку, бросил в щель другой десятицентовик. Позвонил Кэррелу Дж. Занято. Дэйв повесил трубку. У будки ждала некая-то женщина. Подождет, решил Дэйв и вновь набрал номер.

- Алло, — ответил женский голосок.

- Мистера Кэрреля, пожалуйста.

- Какого мистера Кэррела?

Что значит, какого мистера Кэррела?

- Я не знал, что их у вас много.

- У нас два мистера Кэррела, — терпеливо объяснили ему. — С каким вы желаете поговорить?

- А как их зовут?

- Мистер Джейкоб Кэррел и мистер Леонард Кэррел. Ленни... Мистер Леонард Кэррел — сын мистера Джейкоба. Его сейчас нет, но мистер Джейкоб Кэррел...

Продолжение он слушать не стал. Вновь взял бруклинский справочник. Четыриадцать Джозефов Кэрролов в одном только Бруклине. На остальные справочники он даже не посмотрел.

Этот клубок можно распутать только через Кэрролла, думал он. Надо точно выяснить, кто этот человек. А уже через него выйти на нужного им Лублина. И Лублин назовет им имена наемных убийц. Через телефонный справочник найти Лублина или Кэрролла невозможно. Город слишком велик. Тридцать шесть Лублинов с телефонами, указанными в справочниках. А сколько еще без телефонов вообще или с номерами, не внесенными в справочник? Он же никогда не слышал фамилии Лублин. Он никогда не слышал такой фамилии, а в Нью-Йорке Лублинов хоть пруд пруди, и он понятия не имел, с чего начинать поиски.

Дэйв вернулся в гостиницу, налил себе виски, добавил содовой.

Сpirтное помогло ему успокоиться и заснуть. Он спал крепко, а проснувшись, сразу взглянул на часы. Ровно семь, он проспал добрых восемь часов. Дэйв оделся, спустился вниз и вышел из отеля. Джилл еще спала. Он купил утренние газеты и вернулся в номер. В одной нашел заметку, которую ждал.

Глава 5

"СТРОИТЕЛЯ ИЗ ХИКСВИЛЛА ЗАСТРЕЛИЛИ В ПЕНСИЛЬВАНИИ.

Скрентон, Пенс. — Полиция штата опознала сегодня в жертве гангстерской разборки Джозефа П. Корелли, строительного подрядчика с Лонг-Айленда, проживавшего в Хиксвилле.

Корелли застрелили в воскресенье вечером около его коттеджа в пансионате "Помкуайт лодж" на берегу озера Уолленшапэк. "Чувст-

вается почерк профессионалов, — сообщил Рой Файлленд, шериф Помкуайта. — Корелли убит пятью выстрелами в голову. Стреляли из двух револьверов".

Убитый проживал в "Помкуайт лодж" почти три месяца. Он зарегистрировался как Джозеф Кэрролл и имел при себе фальшивое удостоверение личности. Опознать в нем Корелли позволила проверка по картотеке отпечатков пальцев Федерального бюро расследований.

За последние пять лет Корелли арестовывали трижды, два раза по обвинению в вымогательстве, один — за хранение букмейкерских расписок. Каждый раз его освобождали без передачи дела в суд. Сержант нью-йоркской полиции Джеймс Гретт сообщил нам следующее: "У него (Корелли) были хорошие связи. Он свой человек в преступном мире и, несомненно, занимался противозаконной деятельностью".

Полиция округа Нассау отрицает, что ей известно что-либо о недавних нарушениях закона со стороны Корелли. "Нам известно его прошлое, и мы приглядываем за ним, — сообщил один из сотрудников полиции. — Однако, если он и занимается темными делишками, то за пределами нашего округа, то есть на территории, на которую не распространяется наша юрисдикция".

Корелли, вдовец, проживал один в доме 4113 по Бэйвью-роуд в Хиксвилле. Его контора размещалась в Бэском-Билдинг, а также в Хиксвилле. Из родственников у него жива только сестра, миссис Раймонд Романо, живущая в Бостоне".

Когда Дэйв открыл дверь номера, Джилл сидела на кровати и уставилась на него, бледная, осунувшаяся. Он спросил, все ли у нее в порядке.

— Как-то не по себе, — призналась она. — Вчера выпила слишком много. Извини.

— Ерунда все это. Заметку напечатали.

— О Кэрролле?

— Корелли, — поправил Дэйв. Сложил газету так, чтобы заметка оказалась наверху, протянул ей. Сначала она никак не могла найти то, что нужно. Он сел рядом, ткнул пальцем и наблюдал за ее лицом, пока она читала заметку. Одолев половину, Джилл показала рукой, что ей нужна сигарета. Он сам раскурил ее, сунул ей в рот. Она закашлялась, но продолжала читать. Потом отложила газету, затушила окурок в пепельнице, что стояла на прикроватном столике.

— Корелли, — повторила она. — Мне он итальянцем не показался.

— Внешне он мог сойти за кого угодно. Не выглядел и ирландцем.

— Не все Кэрроллы — ирландцы.

— Наверное, нет.

— Был такой композитор, Корелли. Думаю, еще до Баха. Мы почти все угадали. Он занимался строительством, а по совместительству был гангстером.

— Мелким гангстером, — уточнил Дэйв. — В заметке кое-что опущено.

— Ты про нас?

- Про Корелли. Чем промышлял, кто его друзья. Они указали на его связи в преступном мире, но не назвали конкретных фамилий. Нам бы это помогло.

- Как же их узнать?
- Через полицию.
- Просто спросить?
- Не совсем.

Завтрак они пропустили. Вышли из отеля и нашли пустую телефонную будку в аптеке на Шестой авеню. Дэйв подробно проинструктировал Джилл, потом нашел номер полицейского управления Манхэттена и переписал его в свой блокнот.

- Давай попробуем прямо сейчас, - предложила она. - Послушай меня. - И громко произнесла заготовленную речь.

Выслушав ее, Дэйв кивнул.

- Думаю, скотится. Разумеется, лучше послушать, как это звучит в трубке. Но давай попробуем.

Джилл вошла в будку и закрыла за собой дверь. Набрала номер полицейского управления. Трубку сняли на первом же звонке.

- Междугородная. Попросите, пожалуйста, сержанта Джеймса Гретта.

Мужчина спросил, кто говорит.

- Из газеты "Скрантон Курьер-Геральд".

Мужчина ответил, что попытается найти Гретта. Щелчок, тишина, вновь щелчок, и более молодой голос.

- Гретт слушает.

- Сержант Джеймс Гретт?

- Слушаю вас.

- Пожалуйста, говорите. - Она открыла дверь будки, протянула трубку Дэйву. Тот вошел в будку, закрыл за собой дверь.

- Сержант Гретт? Это Пит Миллер из "Курьер-Геральд". Мы готовим статью по убийству Корелли, и я хотел бы задать вам пару вопросов.

- Опять? Не прошло и получаса, как я говорил с вашими репортёрами.

- Я только что приехал. Понимаете, сержант, мы хотим дать развернутый материал. Гангстерские разборки в наших краях случаются нечасто. Нашим читателям это интересно. Не могли бы вы рассказать мне кое-что о Корелли?

- Я, между прочим, занят.

- Задержу вас не больше, чем на минуту. Во-первых, вы, кажется, упомянули о том, что у Корелли были связи в преступном мире.

- Это так, - осторожно ответил Гретт.

- А в чем конкретно вы его подозревали?

- Официально он занимался строительством. Что же касается его противозаконной деятельности, то точных сведений у нас нет. Водил дружбу с завсегдатаями букмейкерских контор, последний раз его и арестовали в ходе рейда здесь, на Манхэттене. Но весомых улик против него не было, поэтому нам пришлось его отпустить.

- Понятно.

- Действовал он главным образом на Лонг-Айленде. А этот район не попадает под нашу юрисдикцию. С кем-то из преступников просто

общался, с кем-то поддерживал более тесные отношения, но фактов у нас нет. Если он занимался чем-то противозаконным на Лонг-Айленде, нас это просто не касается.

— А вы не сможете сказать, с кем он тесно сотрудничал в Нью-Йорке?

— Зачем вам это?

— Имена и фамилии придают материалу убедительность.

— Они вам все равно ничего не скажут, — ответил Грэгг. — Вы — в Скрентоне, а друзья Корелли, те, которых мы знаем, мелкота. Кто слышал о Джордже Уайте или Эдди Майзеле? Важных шишечек среди них нет.

— Понятно. А как же Лублин?

— Мори Лублин? Он-то здесь при чем?

— Разве он не работал с Корелли?

— Где вы об этом прослышали?

— Не помню точно, но эта фамилия упоминалась. Были у них общие дела?

— Я об этом ничего не знаю. Вполне возможно. У таких, как Корелли, круг знакомых очень широк. Но лично я думаю, что Мори Лублин слишком большой человек, чтобы зваться с Корелли.

— Вы знаете, почему убили Корелли?

— Расследование ведем не мы. Ничего определенного сказать не могу. Слухи какие-то есть.

— Только слухи?

— Совершенно верно.

— И что за слухи?

— Вроде бы он задолжал кому-то деньги.

— Конкретному человеку?

— Точно не знаю, а потому говорить не хочу. Господи, неужели в газете люди не общаются друг с другом? Я уже говорил с одним из наших репортеров и рассказал ему то же самое буквально полчаса назад. Почему бы вам не обратиться к нему?

— Вы, наверное, говорили с кем-то из отдела новостей, сержант Грэгг. Я — спецкор. Работаю над большими статьями.

— О Господи!

— Я не хочу задерживать вас, понимаю, что вы очень заняты. Только один вопрос. Вы будете вести расследование в Нью-Йорке?

— Расследование?

— Убийства Корелли.

— Какое расследование? — в голосе Грэгга чувствовалось раздражение. — Убили-то его не в Нью-Йорке. Мы ничего делать не будем. Okажем содействие копам из Пенсильвании, если они к нам обратятся, а лишние телодвижения нам ни к чему.

— А в Хиксвилле будет проведено расследование?

— Да нет же! Говорю вам, убили его не здесь!

Пенсильвания не будет заниматься Корелли, потому что тот из Нью-Йорка, подумал Дэйв, а Нью-Йорк не ударит пальцем о палец, потому что убили его в Пенсильвании.

— Премного вам благодарен, сержант. Вы очень мне помогли. Извините, что отнял у вас столько времени.

— Ничего. Мы стараемся сотрудничать с прессой.

Дэйв вышел из телефонной будки. Джилл хотела что-то спросить, но он покачал головой и раскрыл записную книжку. Записал: "Мори Лублин". Ниже: "Джордж Уайт и Эдди Майзель". Потом в блокноте появились еще две строчки: "Корелли задолжал деньги" и "Расследования не будет".

В аптеке говорить Дэйв не мог: слишком много народа. Он взял Джилл под руку, сунул блокнот в карман и увлек ее к выходу. На противоположной стороне они увидели "Уголок Кобба". Подождали, пока зажечется зеленый свет, пересекли улицу и вошли в ресторан. Утренняя волна посетителей уже склынула. Они сели за дальний столик, заказали апельсиновый сок, гренок и кофе. К тому времени, как официантка принесла еду, Дэйв уже все рассказал Джилл.

— Из тебя получился бы хороший репортер, — заметила она.

— А из тебя — телефонистка. Я все ждал, когда же он что-то заподозрит и спросит, кто я такой и чего к нему пристаю, но он ни в чем меня не заподозрил. Мы узнали много интересного. Джордж Уайт и Эдди Майзель... Не уверен, что эти люди нам понадобятся. А вот Лублин — другое дело. Он ворочает большими делами и живет в Нью-Йорке. Мори Лублин. Вот им мы и займемся.

— Или Моррис.

— Это мы уточним. Факты укладываются в составленную нами схему. Джо Корелли влез в долги. Поэтому и скрывался в забытом Богом пансионате. А главное, расследования не будет. Ни в Нью-Йорке, ни в Хиксвилле. Тамошние копы с убийством Корелли разбираться не будут. Возможно, занесут в картотеку информацию о его смерти. То есть мы можем спокойно ехать туда.

— В Хиксвилл?

— Совершенно верно.

— Безо всякой опаски?

— Абсолютно. С полицией мы не столкнемся ни в его доме, ни в конторе. Корелли больше не интересует нью-йоркских копов. Не встретят нас и люди Лублина.

— Откуда ты знаешь?

— На обыск квартиры и конторы Корелли у них было три месяца. Может, они и поняли, где искать Корелли, из того, что там написали. Все его бумаги они просмотрели под микроскопом. Теперь он на том свете. Так что Лублин и думать о нем забыл.

Джилл задумалась.

— Может, тебе остаться в отеле, дорогая? Я съезжу сам.

— Нет.

— Я быстро. Только туда...

— Нет. Я думаю о другом. Что мы можем там найти? Если они уже обыскали...

— Они искали другое. Хотели выяснить, где может прятаться Корелли. Нам же нужно узнать, что заставило его прятаться и от кого. Попробовать стоит.

— Я поеду с тобой, Дэйв.

Они немного спорили, пока он все же не уступил. С одной стороны, опасности никакой нет, с другой — лучше, что она с ним, а не одна в отеле.

Швейцар "Ройялтона" выкатил им автомобиль со стоянки, объяснил, как найти тоннель Куинс-Мидтаун и куда ехать дальше. Ветром натянуло облака, влажность увеличилась, чувствовалось, что скоро начнется дождь. После тоннеля они поехали на восток, по пересекающей Куинс автостраде. Проскочили поворот на Хиксвилл, развернулись. На автозаправке налили бак, узнали, как попасть на Бейвью-роуд. Выехали на Бейвью-роуд и по ней добрались до нужного им дома. Хиксвилл не радовал глаз. Однотипные кварталы двухэтажных домиков, на лужайках ни дерева, впечатление, будто нынешние их обитатели живут здесь временно, рассчитывая в обозримом будущем переехать то ли ближе к центру Нью-Йорка, то ли по дальше от мегаполиса.

Дом Корелли, 4113, ничем не отличался от соседних 4111 и 4115. Исходя из надписей на почтовом ящике, второй этаж занимал некто Хаас, а первый — Пеннер. Дэйв достал из кармана газетную вырезку, прочитал: "Корелли, вдовец, проживал один в доме 4113 по Бейвью-роуд в Хиксвилле..."

Джилл посоветовала позвонить в квартиру на первом этаже.

— Скорее всего, там живет хозяин. Обычно покупают дом и живут на первом этаже. Второй сдают и полученными деньгами оплачивают взятый кредит.

Дэйв позвонил. Ждать пришлось долго. Из дома слышались какие-то звуки, но дверь не открывалась. Он позвонил вновь.

— Иду, иду, — донеслось из глубины.

Дверь приоткрылась, женщина подозрительно уставилась на Дэйва. Судя по всему, она приняла его за коммивояжера и уже хотела сказать, что ей ничего не надо, но заметила Джилл и пришла к выводу, что он не коммивояжер. Лицо ее чуть смягчилось. Она по-прежнему не жаждала общения, но мысль о том, что он ничего не будет ей предлагать, успокаивала.

— Миссис Пеннер? — спросил Дэйв.

Она кивнула.

Он решил первым делом проверить, известно ли ей об убийстве Корелли.

— Меня зовут Питер Миллер. Мистер Джозеф Корелли проживает на втором этаже вашего дома?

— А что?

— Просто интересуюсь, — улыбнулся Дэйв.

— Раньше проживал. Я сдала квартиру после того, как он удрал. Жил три года, регулярно платил первого числа каждого месяца, а потом исчез. Оставил вещи, мебель, все. Я решила, что он вернется. Как он может не вернуться, если ничего с собой не взял, правда?

Дэйв кивнул, подумав, что о смерти Корелли ей, скорее всего, не известно.

— Но он так и не появляется, — продолжала миссис Пеннер, — а я жду его, никому не сдаю второй этаж. Тем самым остаюсь без семидесяти долларов плюс еще неделя, которая уходит на поиски жильцов. Я не пускаю цветных, и прошла неделя, прежде чем ко мне выехали мистер и миссис Хаас. Корелли обошелся мне в восемьдесят пять долларов.

— Его вещи остались у вас? Мебель и все такое?

— Я сдала второй этаж с мебелью, — ответила миссис Пеннер. — У миссис Хаас мебели не было. Они только что поженились. Детей, правда, пока нет, — она покачала головой, — но, конечно, будут. Молодая пара, с детьми они не задержатся, знаете ли. А вот у Корелли всегда было тихо. Вы насчет его вещей? Он послал вас?

— Миссис Пеннер, я — сестра Джо, — вступила в разговор Джилл. — Джо позвонил мне, он сейчас в Аризоне. Ему пришлось срочно уехать из Нью-Йорка.

— Проблемы с полицией?

— Не знаю. Миссис Пеннер...

— После его отъезда приходили копы. Показали мне свои бляхи и обыскали второй этаж, — хозяйка помолчала. — Только выглядели они совсем не как копы. Но показали бляхи и прошли в дом. Я спорить не стала. Чего мне совать нос в чужие дела.

— Миссис Пеннер, — продолжала Джилл, — вы же знаете, у Джо была строительная фирма. На нее подали в суд, и Джо пришлось уехать. У полиции к нему претензий нет.

— И что?

— Он позвонил вчера. Тут остались его вещи, и он хочет, чтобы я взяла кое-что.

— Понятно.

— Если вы не возражаете...

— Как только получу восемьдесят пять долларов, — оборвала миссис Пеннер. — Именно столько я потеряла из-за него. Ладно, пусть будет восемьдесят, договора аренды он со мной не заключал, но я хочу их получить до того, как отдам его вещи.

Джилл промолчала, а Дэйв достал сигарету и закурил.

— Вы можете оставить на время его мебель, миссис Пеннер. Я даже думаю, что Джо готов расстаться с мебелью навсегда, и вы сможете сдавать квартиру с обстановкой. Мебель стоит дороже восемидесяти пяти долларов, но я думаю, учитывая ваши волнения и все такое, вы можете взять мебель в качестве арендной платы.

Дэйв будто читал ее мысли: квартира с мебелью, стоящая на пятьдесят долларов дороже, или восемьдесят пять долларов, которые задолжал ей Корелли. Чувствовалось, что она очень боится продешевить.

— Если вы хотите получить деньги, — продолжил он, — я сегодня же пришлю фургон за мебелью.

Миссис Пеннер отреагировала мгновенно. Действительно, как она могла объяснить Хаасам исчезновение мебели?

— Нет, пусть будет мебель. В конце концов так всем будет проще.

— И я того же мнения. А теперь мы хотели бы взглянуть на вещи Джо. Вы же все сохранили, не так ли?

Миссис Пеннер сложила вещи в большие картонные коробки, которые поставила в подвал. Костюмы, галстуки, рубашки, нижнее белье. Корелли предпочитал дорогую одежду от Фила Кронфельда и Мартина Джэнсса. Бумаги лежали в одной коробке. Ее-то Дэйв и отнес в машину. Джилл осталась на улице, а Дэйв вернулся в дом и пообещал миссис Пеннер, что пришлет человека за остальными коробками.

В Бэском-Билдинге, в деловом квартале Хиксвилла, Джилл ждала в машине, охраняя коробку с бумагами, пока Дэйв осматривал кабинет Корелли. Туда он попал без особого труда, поскольку Корелли не выселяли за просрочку арендных платежей. Хотя он отсутствовал уже три месяца, в его кабинет никто не входил, и дверь была на замке. Дэйв нашел техника-смотрителя и попросил его дать ключ от кабинета Корелли. Старик ответил, что для этого нужно письменное разрешение. Дэйву пришлось импровизировать на ходу. Он, мол, приехал за копиями контрактов, которые просил привезти Корелли, в кабинете пробудет лишь минуту-другую, а взять письменное разрешение у Корелли просто не успел. Техник-смотритель не поверил ни слову, но согласно кивал, ожидая продолжения. Дэйв дал ему десятку. Деньги мгновенно куда-то исчезли. Старик сам отвел его к кабинету Корелли и открыл дверь. У Дэйва создавалось ощущение, что ему уже приходилось проделывать то же самое. Для тех, кто разыскивал Корелли.

— Только не задерживайтесь, — попросил техник-смотритель. — И заприте за собой дверь, хорошо?

Дэйв не задержался. А чего задерживаться в крошечном, с одним окном, выходящим на главную улицу Хиксвилла, кабинете, стойкой с тремя ящиками для бумаг, дешевым письменным столом и вешалкой для пальто. От сиденья деревянного кресла, которое стояло за столом, пахло старой резиной.

В нижнем ящике стойки Дэйв обнаружил наполовину пустую бутылку филадельфийского виски. Средний был пуст. В верхнем лежала стопка контрактов, счетов и писем. Судя по "шапкам", письма приходили от разных строительных фирм. Он собрал все документы и засунул их в большой конверт из плотной бумаги.

Поверхность стола толстым слоем покрывала пыль. В верхнем ящике лежали коробка со скрепками, годичной давности журнал "Агози", раскрытый на странице со статьей о снаряжении для подводного плавания, блокнот для записей с чистыми листами, зажигалка "Зиппо" с выгравированными инициалами J.C., цветная фотография девушки в трусиках и бюстгальтере и телефонная книжка. Телефонную книжку Дэйв сунул в конверт и задвинул ящик. В следующем ящике, у дальнего торца, он нашел незаряженный револьвер и почти полную коробку патронов. Он взял револьвер, на мгновение замер, бросил взгляд на окно. Разумеется, никто за ним не следил. Револьвер отправился в правый карман брюк, коробка с патронами — в левый. Дэйв обследовал нижний ящик. Пусто. Он задвинул его на место и вышел из помещения.

Глава 6

Джо Корелли хранил в ящике стола револьвер фирмы "Смит-и-Вессон" модели "телохранитель". С барабаном на пять патронов повышенной мощности тридцать восьмого калибра, без ударника, так что отпадала необходимость взводить его перед каждым выстрелом: боек приводился в движение нажатием на спусковой крючок. Длина ствола два дюйма, вороненая сталь, вес — фунт с четвертью.

тью. Рукоятка с нарезкой на боковых поверхностях, профилированная.

Конструкция револьвера определялась его назначением. Из-за короткого ствола он не годился для точной стрельбы или для стрельбы на большие расстояния. Зато не составляло труда носить револьвер при себе незаметно для окружающих. Отсутствие ударника позволяло быстро выхватывать револьвер: ударник мог зацепиться за материю. Так что предназначался револьвер именно для телохранителей. Они по долгу службы должны носить при себе оружие и при возникновении угрозы быстро пускать его в ход. А патроны повышенной мощности гарантировали, что попадание сразу выведет жертву из строя.

Дэйв сидел на кровати, держа пистолет в правой руке, указательный палец легонько касался спускового крючка. Коробка с патронами лежала рядом. Он раскрыл ее, достал четыре патрона, вставил в барабан, повернул его так, чтобы под боек встало пустое гнездо. Он не хотел, чтобы револьвер выстрелил при случайном нажатии на спусковой крючок.

Джилл долго не отрывала глаз от револьвера, потом посмотрела на мужа.

— Дэйв, ты знаешь, как им пользоваться?

— Да, — он осторожно положил револьвер на кровать. Закрыл коробку с патронами. — Меня научили в армии. В основном мы имели дело с винтовками, но приходилось держать в руках и револьверы.

Комментировать она не стала. Взяла документы, начала их просматривать. Они изучали бумаги уже с час, но без особого результата. Если в них и имелся ключ к разгадке, то найти его они не смогли. Из писем, счетов и контрактов выходило, что Корелли был посредником. Находил работу, а потом распределял ее между субподрядчиками.

В личных бумагах преобладали расписки. Корелли задолжал немало денег, но смерть списала его долги. Нашли они и четыре довольно-таки сухих письма от сестры. Она писала, что дома у нее все в порядке, и интересовалась, как идут его дела. И много записок малопонятного содержания, вроде: "Номер 417 "Барбизон-Плаза", Георх, 45 — \$837", "Цветы для Джоан", а также квитанции за деньги, поставленные на лошадей, проигравших свои заезды в Акведуке, Белмонте, Рузвелте.

В телефонной книжке рядом с номерами соседствовали или инциалы, или только имена, или только фамилии. Из более чем пятидесяти номеров семнадцать принадлежали женщинам, упомянутым лишь по имени. От Мори Лублина осталась одна фамилия, адрес Корелли предпочел не записывать.

На нескольких листках Корелли писал только цифры, по отдельности или в столбик, со знаками сложения или вычитания. Несколько раз встретилось число 65000, дважды с долларовым значком: \$65000.

— Шестьдесят пять тысяч долларов, — произнес вслух Дэйв. — Должно быть, столько он задолжал.

— Лублину?

— Возможно. Я даже не знаю, украл ли их Корелли или взял в долг. Ли и его напарник денег не нашли, значит, он не привез их в

пансионат. Если бы они у него были, он бы обязательно захватил их с собой, убегая из Хиксвилла, не правда ли? Я думаю, Корелли задолжал эти деньги Лублину и не смог расплатиться. Осознав это, запаниковал и удрал. А они его нашли.

— И убили.

— Верно.

Джилл села на кровать, то и дело поглядывала на револьвер.

— Оружие меня пугает.

— Возьми его.

— Зачем?

— Возьми.

Джилл взяла в руки револьвер, и Дэйв показал, как надо держать его, как класть палец на спусковой крючок.

— Путь у нас только один, — подвел он итог. — Мы, конечно, можем покопаться в прошлом Корелли. Обзвонить всех его девиц, выяснить, что они про него знают. Обратиться в архив "Нью-Йорк таймс", чтобы нам дали информацию по всем людям, занесенным в его телефонную книжку. В итоге мы будем знать Джо Корелли, как обдушенного.

— Ты этого хочешь?

— Нет. Корелли нас уже не интересует. Он мертв, и нам совершенно не нужен. Мы ищем двух других мужчин. Этих мужчин нанял Лублин. У нас есть его имя и телефонный номер. Мы сможем выяснить, где он живет. Повидаемся с ним, и он скажет нам, кто убил Корелли.

— А почему он нам это скажет?

— Мы заставим его сказать.

Взгляд Джилл метнулся к револьверу.

— Сейчас?

— Сейчас. — Дэйв поднялся с револьвером в руке. — Сначала просмотрим телефонные справочники. Найдем Лублина с известным нам телефоном, а потом поедем к нему.

Джилл положила револьвер в свою сумочку. Сумочка оказалась очень маленькой, поэтому пришлось ее заменить на другую, побольше. В аптеке она позвонила в справочную, чтобы узнать, в каком районе телефоны начинаются с Ulster-9. Ей ответили, что в Бруклине.

Они раскрыли бруклинский телефонный справочник и тут же нашли то, что искали: "Лублин Морис, 4412 Никри... Ulster-9-2459". Что это за улица, они не знали, поэтому пришлось раскрывать другой справочник, с названиями нью-йоркских улиц. В разделе "Бруклин" Дэйв нашел Ньюкерк-авеню и тут же набрал номер Лублина. Ему никто не ответил. Попробовал еще раз, с тем же результатом. Заглянул в справочник: нет ли рабочего телефона. Его не оказалось.

— Лублина нет дома.

— Тогда давай пообедаем. Я умираю от голода, — тоскливо произнесла Джилл.

Они пошли в итальянский ресторанчик, съели лазанье, выпили по бутылке пива. Дэйв время от времени отлучался к телефону, чтобы позвонить Лублину. На другом конце провода трубку так и не сняли.

— Когда-нибудь он придет домой, — успокоила его Джилл.

— Полагаю, что да.

После обеда они вернулись в отель. В половине восьмого Дэйв снял трубку, чтобы снова позвонить, но тут же бросил ее на рычаг.

- В чем дело?

- Не знаю. Как по-твоему, нас прослушивают?

- Кто?

- Телефонистки, что сидят на коммутаторе отеля.

- Возможно.

- Я сейчас вернусь.

Дэйв спустился вниз, прогулялся до аптеки и позвонил оттуда.

Наконец-то в трубке раздался мужской голос.

- Мистер Лублин? - спросил Дэйв.

- Одну минуту, сейчас позову. Мори, это тебя.

Дэйв повесил трубку и поспешил к жене.

Лублин дома, но он не один. К телефону подошел какой-то мужчина.

- Может...

- Нет, уверен, что не один из них. Их голоса я запомнил. В трубке слышались какие-то звуки. Может, у него вечеринка? Не знаю. Кажется, народу было много. Но один мужчина точно есть, тот, что подходил к телефону. И он позвал Лублина по имени.

- Что нам теперь делать?

- Перезвоню попозже. Рано или поздно он останется один, тогда я к нему и загляну.

- Сегодня больше не звони.

- Почему?

- Потому что он может насторожиться. Кто-то звонит, потом бросает трубку. Один раз он сочтет это за случайность, а вот два или три таких звонка наверняка вызовут подозрение. Незачем лишать его покоя. О нашем существовании никто не должен знать. В том числе Лублин и те двое, которых мы ищем. Мы не можем допустить, чтобы они узнали о нас.

- Я подъеду туда завтра утром. Вечеринка наверняка закончится.

- Нет.

- Почему нет, Джилл?

- Возможно, он живет не один. Пока нам ничего не известно ни о нем, ни о тех, кто с ним живет. Подождем до завтра. Мы ведь не знаем, живет он в отдельном доме или в квартире, мы ничего не знаем. Неужели нельзя подождать до утра?

- Ты первичноешь?

- Есть немного. А кроме того, я вконец вымоталась. Сон не повредит нам обоим. А завтра...

Они легли спать и выключили ночник.

Проснулся Дэйв, как от толчка. Глаза его широко раскрылись, словно на него брызнули холодной водой. Во рту пересохло, тупо болела голова. Он резко приподнялся и посмотрел в сторону Джилл. В темноте он не смог разглядеть ее и протянул руку. Но... нашупал лишь одеяло. Джилл не было.

- Джилл! - позвал Дэйв.

Тишина. Он вылез из кровати, прошлепал в ванную. Пусто. Включил свет, огляделся в поисках записки.

Никакой записи.

Джилл ушла.

— Миссис Уэйд ушла примерно полчаса назад, — любезно пояснила ночной портье. — Может, чуть раньше. Значит, так, моя смена началась в полночь. В половине третьего я налил себе чашечку кофе. И как раз допивал ее, когда ваша жена выходила из отеля. Где-то без четверти три.

Часы показывали половину четвертого. Джилл отсутствовала уже сорок пять минут.

— Что-нибудь не так, мистер Уэйд?

— Нет. Все нормально, — Дэйв выдавил из себя улыбку. — Ей, наверное, не спалось. Вероятно, выпила выпить кофе.

Он поднялся в номер, сел на кровать, выкурил сигарету. Джилл ушла. Встала посреди ночи, оделась и ушла. Одна. Выпить кофе? Возможно. Но пить кофе три четверти часа?

Она ушла из отеля одна. Понапачу, увидев, что ее нет, Дэйв испугался, что она ушла с каким-нибудь мужчиной. Но такого просто не могло быть. Никто не знал, что они в Нью-Йорке, никто не знал, где они остановились. Никто им не звонил, он бы услышал телефон, как бы глубоко ни спал. И ночной портье обязательно упомянул бы про звонок.

Дэйв проверил бутылку. Виски в ней не убавилось. Если бы Джилл хотела выпить, могла приложитьсь к бутылке здесь, а не идти в такой час в бар. Значит, захотела выпить кофе. Выпить кофе и сесть сиднич.

Почему же она не возвращается?

Дэйв надел пиджак, спустился в холл и вышел из отеля. Все еще шел дождь, хотя и не такой сильный. "Уголок Кобба" работал, он вошел в ресторан и огляделся: Джилл не было. Вышел, постоял под дождем, гадая, куда ее могло занести. На Шестой работали три или четыре ресторана, с дюжину баров. Она могла быть в любом. Или совсем в другом заведении.

Проверять их все? А если она захочет с ним связаться и позвонит в номер, а его там нет? Или уже вернулась в отель, пока он ее разыскивает?

Дэйв зашагал к "Роялтону". В номере сел в кресло, тут же вскочил, оглядываясь в поисках сумочки. Большая коричневая сумка лежала на стуле. Он открыл ее, увидел револьвер, который она оставила в ней. Кроме него, в сумке ничего не было: она все переложила в черную сумочку.

Куда же отправилась Джилл? Просто выпить кофе, сказал он себе. Выпить кофе, и волноваться ему не о чем, она вот-вот вернется. Дэйву вновь вспомнилось чувство, охватившее его после звонка Лубину. В то мгновение он понял, что это не игра, что они действительно вышли на охоту за человеком.

Не следовало нам приезжать сюда, думал Дэйв. Отправились бы из пансионата куда глаза глядят, провели бы медовый месяц где-нибудь еще, а потом вернулись бы в Бингхэмтон. Ни преследования, ни поисков, ни мести.

Он понимал, что произошло. Джилл запаниковала. Шок от изнасилования вызвал в ней жажду мщения, а теперь она успокоилась, и решительность уступила место панике. Он вспомнил выражение ее

глаз, когда учил ее целиться из револьвера, вспомнил, как она угощала его подождать день, а уж потом ехать к Лублину. Паника, заняла. Джилл не охотница, не убийца, она не смогла извлечь из себя такую ношу и убежала. Куда? В Бингхэмтон, решил Дэйв. В свой город, где все ее знают, где она в полной безопасности. Он не смог ее понять, и теперь она бежит, бежит, бежит. Дэйв мерил шагами комнату и прикидывал, что же делать дальше. Начал было укладывать одежду в чемоданы, но передумал. Достал револьвер из сумки, подержал в руке и, вздохнув, положил обратно в коричневую сумку.

Дважды брался за бутылку виски, но каждый раз ставил на место, не выпив ни капли.

Двадцать минут пятого зазвонил телефон. Дэйв сидел на краешке кровати и от неожиданности выронил сигарету на ковер.

— Дэйв? Я тебя разбудила?

— Господи, где ты?

— Я звоню из аптеки. Успокойся, дорогой. Со мной все в порядке. Я не хотела пугать тебя, но...

— Где ты?

— Возьми карандаш.

Он хотел что-то сказать, но передумал. Ручка и блокнот лежали на туалетном столике. Он взял их, раскрыл блокнот.

— Готов. Так где ты?

— Аптека. На углу Флэтбаш-авеню и Дитмас-авеню... Это в Бруклине.

— Каким ветром...

— Возьми такси, — оборвала его Джилл. — Приезжай как можно скорее. Я буду тебя ждать. И привези коричневую сумочку, хорошо?

— Джилл?..

— Флэтбаш и Дитмас, — повторила она. — Извини, что заставила тебя поволноваться, дорогой. Поторопись.

245

Глава 8

Прилавок с кофеваркой находился слева от двери, отделенный от нее газетной стойкой и табачным киоском. У прилавка стояла только она, с чашечкой кофе. Несколько секунд Дэйв смотрел на жену, не узнавая ее. Потом пригляделся и понял, что перед ним Джилл.

Она разительно изменилась. Волосы стали светло-каштановыми, зачесанными назад. С новой прической другим стало лицо.

К тому же Джилл сильно накрасилась, помадой увеличив губы. Так что в свои двадцать четыре она выглядела сейчас года на три старше. Увидев Дэйва, Джилл приложила палец к губам, призывая к молчанию.

— Сядь. Выпей чашечку кофе. Я тебе все объясню.

Он сел. К ним подошел старик в толстых очках с металлической оправой, чтобы взять заказ. Дэйв попросил кофе. Забыл уточнить, что черный, так что получил со сливками.

— Я ездила к Лублину, — призналась Джилл.

— Ты с ума сошла.

— Нет, Дэйв, другого выхода просто не было. Мы не могли идти к нему, не зная, где он живет и с кем. И ты не мог поехать к нему, потому что у него могли зародиться подозрения. Думаю, он бы не пустил тебя на порог. А если при нем постоянно телохранители? Между прочим, один мужчина все-таки живет в его доме. Если бы мы прошли к Лублину, не зная об этом...

— Но почему ты поехала к нему?

— Потому что знала, что меня он впустит, — она отпила кофе. — Он бы не впустил в дом незнакомого мужчину, тем более ночью, когда принимал гостей. А вот женщина — другое дело. Практически любой мужчина распахнет дверь перед миловидной женщиной и позволит ей остаться до тех пор, пока она сама не пожелает уйти. Я сказала ему, что должна встретиться по этому адресу с мужчиной. Сказала...

— С каким мужчиной?

— Питом Миллером. Ты так часто использовал этот псевдоним, что он сразу пришел мне в голову, — она улыбнулась. — Он ответил, что не знает никакого Пита Миллера. Я стояла такая потерянная, такая несчастная и мямлила о том, что мне ведели прийти именно по этому адресу. Наверное, он принял меня за девушку по вызовам. Решил, что кто-то из друзей решил сыграть с ним такую шутку, и прегласил меня зайти, согреться и что-нибудь выпить. Шел дождь, Джилл поправила волосы, — я боялась, что он смоет краску с водой.

— Зачем ты покрасилась? — спросил Дэйв.

— Меня пугала вероятность встречи с Ли или с его напарником. Я не знала, запомнили они нас или нет. Не хотелось рисковать.

— По-твоему, ты не рисковала?

— Выйдя из отеля, я пошла в аптеку. Ту самую, откуда ты пыталася позвонить Лублину. Купила румяна, тени, помаду и красящий гребень. Обычно им пользуются, чтобы закрасить седину, но он меняет цвет и обычных волос. Я зашла в ресторан, в туалете накрасила и зачесала назад волосы. Сильно подвела глаза, наложила румяна, намазала губы. И стала совсем другой!

— Поначалу я тебя не узнал.

— Такой я тебе нравлюсь?

— Не очень.

— Я хотела выглядеть иначе, как должна выглядеть женщина, которая может поздней ночью позвонить в дверь незнакомому мужчине. Я выгляжу дешевой? Не совсем дешевой, но чуть вульгарно?

— Чуть вульгарно.

— Хорошо. Не волнуйся. Косметика смыывается, как и краска с волос. Это времененная перемена. Хочешь, чтобы я рассказала о Лублине?

— Да.

— Он живет в доме, не в квартире. Дом двухэтажный. Спальня на верху, в глубине. Он...

— Откуда ты знаешь?

— Ревнуешь? Я подождала, пока кто-то занял ванную внизу, и сказала, что мне надо в туалет. Мне разрешили подняться на второй этаж, вот я все и высмотрела. Там три комнаты. В одной он спит, во второй смотрит телевизор, третью использует как кабинет. В доме живет еще один мужчина, похоже, телохранитель. Крепкий парень,

ю, видно, недалекий. Его зовут Карл. При нем говорят обо всем, словно его не существует. К нему никто никогда не обращается. Он зрит кино. Спит внизу, на диванчике.

— Что еще?

— Там было полдюжины гостей, все мужчины. Они выпивали и говорили о малопонятных для меня вещах. Главным образом о скачках. Никто не упоминал ни Корелли, ни Ли. Потом все ушли. И я тоже. Вернее, они ушли чуть раньше. Лублин сказал, что даст мне сто долларов, если я проведу с ним ночь.

— Он...

— Я ответила, что не могу, что оказала Питту Миллеру услугу, соединившись встретиться с ним. Наставивать он не стал, — она помолчала, задумавшись. — Привлекательный мужчина. Обходительный, вежливый. Очень старался, чтобы все было в лучшем виде. Спиртное только самое дорогое. Так галантно предложил мне остаться. И ничем не выразил своего неудовольствия, когда я отказалась.

В уголках ее глаз собирались морщинки, хотя их большей частью скрывала тушь. Других признаков внутреннего напряжения он не заметил. Голос ее звучал чуть пронзительнее, чем обычно, но достаточно спокойно, словно она рассказывала ему о каком-то фильме. В отеле он волновался, опасаясь, что ее охватила паника и она умчалась в Бингхэмтон. Выходило, что он неправильно истолковал ее исчезновение.

Как мало мы знаем о людях, думал Дэйв. Даже о тех, кого считаем близкими. Можно жениться на девушке и даже не догадываться, что у нее внутри, слаба она духом или сильна. Он вот понятия не имел, как сильна Джилл. Что ж, ему представилась возможность узнать об этом.

— Теперь мы можем пойти туда, — добавила Джилл. — Револьвер у тебя с собой?

— Да. — Револьвер торчал за поясом, рукоятку скрывали пиджак и плащ.

— Думаю, сейчас мы сможем его взять. Ньюкерк в квартале отсюда, потом еще несколько кварталов по улице. Мы сможем поймать такси. Улица оживленная, не спит даже ночью. Пока я ждала тебя, такси то и дело проезжали мимо.

— Я пойду один.

— Глупости. Карл и Лублин знают меня. Мне они откроют дверь, не задумываясь. Если ты пойдешь один, тебя и на порог не пустят, а я с ними уже познакомилась.

— Ты потрясающая женщина, — улыбнулся Дэйв.

— Удивлен?

— Есть немного.

— Я сама себе удивляюсь.

— Не следовало тебе так уходить, — упрекнул он ее, когда они сели в такси. — Ночью, ничего не сказав.

— Ты бы меня не отпустил.

— Это точно. Но могла хотя бы оставить записку.

— Я не думала, что ты проснешься. Надеялась, что будешь спать до моего звонка. Насчет записки я подумала, но решила, что ты еще больше встревожишься.

— Я все равно тревожился.
— Извини. И потом, я испугалась, что, прочитав записку, ты промоком бросишься к Лублину, и мы окажемся в сложной ситуации. Следующий квартал, слева. Третий дом у угла.

Машину затормозила у тротуара. Они вышли. Дэйв расплатился с таксистом и сказал, что ждать их не нужно. Таксист тут же уехал. Они посмотрели на окна в доме Лублина. Свет не горел ни в одном из них.

— Легли спать. — Джилл двинулась вокруг дома.

Дэйв видел стоящие на крыльце-веранде плетеные кресла. На подъездной дорожке, перед воротами гаража, застыл «кадиллак». Джилл прошла мимо автомобиля к боковой двери, а Дэйв сунул руку под пиджак и вытащил из-за пояса револьвер. Металл нагрелся от его тепла, рукоятка удобно легла на ладонь, указательный палец коснулся спускового крючка. Он стоял сбоку, в темноте, пока Джилл звонила в дверь.

— Если Карл откроет, позволь мне войти с ним, — прошептала она, — и затем напади на него сзади. Он мужчина крупный, наверное, силен, как бык.

— Кто тут? — раздался грубый голос.

— Это я, Карл, — ответила Джилл. — Рита. Ты не позволишь мне войти?

Занавеси раздвинулись. Дэйв увидел лицо Карла, большое, красивое. Толстый нос, широкий лоб. Карл его видеть не мог, да и смотрел только на Джилл. Поверила ручка, и дверь открылась.

— Что вам угодно, мисс Рита?

— Мори не спит?

— Уже лег. Он вам нужен?

Дэйв не стал терять времени даром. Прыгнул вперед, держа револьвер за ствол, взмахнул рукой и со всей силой ударил. Карл упал, но не отключился: голова у него была крепкая. Стоя на коленях, он переводил взгляд с Джилл на Дэйва. Револьвер словно и не видел. А если и заметил, но не подал вида. Он привстал, наклонил голову и бросился на Дэйва.

Тот выставил колено, которое угодило Карлу в рот, и опять опустил рукоятку на голову Карла. Но за Карла сработала инерция. Оба повалились на пол, и здоровяк оказался наверху. Настольная лампа полетела вниз, разбилась, комната погрузилась в темноту. Револьвер Дэйв все еще держал в руке. Карл пригвоздил его руку к полу. Он еще не совсем пришел в себя и не мог ударить Дэйва, лишь лежал на нем, как бревно.

Дэйв извивался, пытаясь выплыть из-под него. Наконец исхитрился ударить Карла коленом в пах. Карл не отреагировал. Тогда он выпустил револьвер и двумя руками начал задирать Карлу голову. Когда ничего не вышло, ударил ребром ладони по носу. Брызнула кровь, Карл откатился в сторону, закрыв лицо руками, но тут же поднялся. Дэйв схватил лампу, что упала со стола, и бросил ее в Карла. Тот крякнул и упал на бок.

Комната качалась у Дэйва перед глазами. Волела голова, во рту пересохло. Он не знал, где револьвер.

Наверху зажегся свет, оттуда донеслись какие-то звуки. Громкий голос желал знать, что там, черт побери, происходит. Дэйв никак не мог найти револьвер, хотя комнату освещал свет со второго этажа.

И тут он услышал голос Джилл, ясный и четкий:

— Спускайся по лестнице, Мори. Медленно, очень медленно, если не хочешь, чтобы я тебя убила.

Дэйв обернулся.

Незысканного росточка толстяк стоял на верхней ступени, подняв руки на уровень плеч. В красном шелковом халате с монограммой "МЛ", перепоясанном на широкой талии. Над верхней губой чернела щеточка усов. Уголки рта чуть загибались книзу.

Джилл нацелила револьвер на толстика так, как утром он учил ее.

Дэйв взял револьвер из ее рук и прицелился в Лублина. Тот медленно двинулся вниз, по-прежнему с поднятыми руками. В доме пошла мертвая тишина.

Глава 9

Лублин сошел с нижней ступеньки, переводя взгляд с их лиц на револьвер.

— Дура ты, Рита, — бросил он Джилл. — Наличных я дома не держу. Может, сотни две, не больше.

— Деньги нам не нужны.

— Не нужны? Тогда что?

— Информация.

— Если так, уберите револьвер. Какая информация?

— Насчет Корелли.

— Корелли?

— Джо Корелли.

— Я его не знаю. Кто он такой? И уберите револьвер.

— Корелли мертв, — пояснил Дэйв.

— Я даже не знал, что он болел.

— Вы его убили.

— Тут какая-то ошибка. Я никогда не слышал о вашем Корелли. Как я мог его убить? — Лублин развел руками. — Вам надо бы успокоиться, вернуться домой. С чего целиться из револьвера? Вы же не собираетесь пристрелить меня? Зачем? Вы такие молодые, уже поздно, вам пора домой. А потом...

Его надо заставить поверить, подумал Дэйв. Убедить, что дело серьезное. Но ситуация не располагала к насилию. Толстячок в халате, с вкрадчивым, ровным голосом. Он просто не мог ударить его.

Они изнасиловали Джилл, подумал Дэйв и шагнул вперед, стволом револьвера разорвав Лублину щеку. Потом перекинул "пушку" в левую руку и правой ударил того в зубы. Затем ударил вновь, в грудь. Лублин повалился на ступени. Сел, тяжело дыша, прижимая руку к разбитым губам. Из рваной раны на щеке текла кровь.

— Сукин сын, — пробубнил Лублин.

— Может, начнешь говорить?

— Убрайся к дьяволу.

— Неужели думаешь, что мы не развязем тебе язык, старик? Ты не убивал Корелли, только оплатил его убийство. Мы хотим знать фамилии тех, кто его убил. Больше ничего. И ты их нам скажешь, рано или поздно.

- Да кто вам этот Корелли?
- Никто.
- Так какая вам разница, кто его убил?
- А вот это не твое дело.

Лублин медленно поднялся, все еще прижимая руку ко рту. Взгляда Дэйва он избегал, предпочитая изучать пол. Похлопав по карманам халата, сказал, что хочет закурить. Дэйв бросил ему пачку. Лублин ее поймал, но сигареты высыпались на пол. Он наклонился, вроде бы собрать их, рванулся вперед, пытаясь добраться до револьвера. Дэйв ударили его ногой в лицо, и Лублин потерял сознание.

Им пришлось сходить на кухню за водой, обрызгать Лублина, чтобы привести его в чувство. На лицо было страшно смотреть. Губы кровили, двух передних зубов не хватало, еще один шатался. Он поднялся, с трудом добравшись до кресла, рухнул в него. Дэйв раскурил сигарету, протянул старику. Лублин взял ее, но в рот не сунул.

- Корелли, - напомнил Дэйв, и тут Лублин глубоко затянулся,
- Я знаю Корелли. Был с ним кое-какие дела.

Дэйв молчал.

- Я его не убивал.
- Чёрта с два.

Глаза Лублина широко раскрылись.

- Зачем мне нанимать убийц? Что он мне такого сделал?
- Задолжал шестьдесят пять тысяч долларов.
- От кого вы об этом узнали?
- От Корелли, - Дэйв на мгновение задумался, - и от других ло-
дей.

Он наблюдал за выражением лица Лублина, за его глазами, чтобы понять, удалась ли ложь. И внезапно ему вспомнилась одна из дисциплин, которую преподавали на юридическом факультете. Техника перекрестного допроса. Этому тебя, думал он, не учили. Тебе рассказывали, как заставить свидетеля противоречить самому себе, как заманить его в западню, как поставить под сомнения его прошлые показания. Но не учили вытягивать из человека нужные сведения, наставив на него револьвер. Тебе объясняли, как обходиться словами. Когда же слова не помогают, все приходится узнавать на собственном опыте.

- Он задолжал мне деньги. Проиграл в карты.
- Он не смог расплатиться, и ты приказал его убить?
- Глупость какая-то, - бросил Лублин. Теперь он держался увереннее. - Живым Корелли еще мог заплатить, а после смерти - нет. Еще никому не удавалось получить долг с мертвого.
- Когда он влез в долги?
- В феврале, марте. Какая разница? Все карты. Он никак не мог остановиться, занял деньги, проиграл их. Обычное дело.
- Какая игра?
- Покер.
- И вы одолжили ему шестьдесят пять тысяч?
- Пятьдесят. Пятнадцать - проценты.
- Он лжет, Дэйв, - подала голос Джилл.
- С чего ты взяла?
- Онставил на лошадей по два доллара. Ты видел расписки. Он не стал бы играть в карты по-крупному.

- Послушайте, черт побери...

- Врежь ему еще раз, — оборвала Лублина Джилл.

Техника перекрестного допроса. На лице Лублина появилась еще одна рваная рана. Дэйн сдержал силу удара, чтобы Лублин не отключился. Он хотел лишь причинить боль. Лублин вжался в спинку кресла.

- Начни снова.

- Я одолжил ему деньги. Я...

- Говори правду.

- Мы хотели провернуть одно дело.

- Какое дело?

- Предложил его Корелли. В Йонкерсе ограбили склад. Укради на четверть миллиона долларов растворимого кофе. Хотели продать его в Детройте за сто тысяч. Сделка сорвалась.

- И что?

- Грабители вышли на Корелли. Джо и раньше случалось проворачивать такие дела. Грабителям не хотелось возиться с кофе, они желали получить наличные. Он предложил пятьдесят тысяч, но их эта сумма не устроила. В конце концов сошлись на семидесяти пяти.

- А дальше?

- У Джо таких денег не было. Он наскреб только десять. Поэтому пришел ко мне и предложил половину прибыли за шестьдесят пять тысяч. Мои деньги — его связи. Он нашел людей в Питтсбурге, готовых взять всю партию за сто двадцать пять тысяч, то есть чистая прибыль составила бы пятьдесят "штук". Двадцать пять — мне, двадцать пять — ему.

- Ты вошел в долю?

Лублин усмехнулся.

- За тридцать тысяч, не за двадцать пять. При этом Корелли все равно получал двадцать за свои десять, и вряд ли кто предложил бы ему более выгодные условия. Кроме того, у него не было времени обращаться к кому-то еще. Грабители торопились. Он взял мои шестьдесят пять тысяч и выкупил кофе. А потом отправил его на склад в Питтсбург.

- Что произошло?

- Об остальном написали в газетах. В марте. Корелли нанял бригаду шоферов. Бригадир заболтался с официанткой, остальные уехали вперед, и этот кретин начал их нагонять. Трейлеры всегда идут с одной скоростью. А этот разогнался. Его остановил патрульный. Бригадир занервничал, у патрульного возникли подозрения. Этот идиот не нашел ничего лучшего, как полезть за пистолетом. Патрульный, естественно, его пристрелил. Они вскрыли кузов, нашли кофе, по радио связались с другими патрульными машинами, перехватили остальные грузовики. Шоферов отправили в тюрьму, кофе вернули на склад прежним владельцам.

- А ты остался без денег.

- Да уж, сделку мы не страховали.

- Но почему Корелли остался у тебя в долгур?

- Потому что сделка провалилась по его вине. Техническими деталями занимался он. Я — инвестировал, он — организовывал. Доставка груза и получение денег лежали на нем. Я вкладывал лишь ка-

питал. Когда сделка провалилась, на нем повисли деньги, которых он получил от меня, шестьдесят пять тысяч долларов. Я знал, что таких денег у него нет, иначе он не стал бы занимать их у меня. Это не тот долг, возврата которого требуют немедленно. Денег у него не было, ну и ладно, крови из камня тоже не выжмешь. Но он мог расплатиться частями. И расплатился бы, а я в то время мог обойтись без этих шестидесяти пяти тысяч. Я знал, что он заплатит, когда у него появятся деньги. А пока он был у меня в долгур. И если мне что-то требовалось, я всегда мог обратиться к нему. Он бы сделал все, о чем бы я его не попросил. Джо был мелкой рыбешкой, но при случае мог пригодиться. И я не возражал против того, чтобы иметь под рукой такого должника.

— Так зачем ты приказал его убить?

— Я такой команды не давал. В этом-то все и дело. У меня и в мыслях не было убивать его. Я ничего не имел против него лично. Сделка сорвалась по его вине, это так, но ошибку может допустить каждый. Убить его стоило денег, причем безо всякой надежды как-то их окупить. Подумайте сами, с чего мне его убивать?

— Тогда кто его убил?

— Я не знаю.

— Но предположения-то у тебя есть?

— Нет.

— Он лишился своих десяти тысяч и задолжал тебе шестьдесят пять. Должно быть, деньги ему требовались, и быстро. Что он собирался делать? С кем был связан?

— Не знаю.

— Он упомянул твою фамилию, когда его пришли убивать. Просил передать тебе, что расплатится полностью, но его все равно застрелили.

— Вы там были?

— Он упомянул твою фамилию, — повторил Дэйв. — Считал, что именно ты приказал его убить.

— Я не приказывал. А как вы вляпались в эту историю?

— Неважно. Тебе придется сказать, кто оплатил его убийство, потому что ты должен знать. Корелли покинул Нью-Йорк три месяца назад, спасая свою жизнь. Он задолжал тебе крупную сумму. От тебя ли убежал или от кого-то еще, но в любом случае тебе известно, что заставило его сделать ноги. У меня револьвер, а твой человек ничем тебе не поможет. И если мне придется разорвать тебя на куски, чтобы заставить говорить, меня это не остановит. Разорву, можешь не сомневаться. Я не ищу человека, который отдал приказ убить Корелли.

— Тогда...

— Мне нужны двое мужчин, которые его убили.

— Наёмные убийцы?

— Да.

— Зачем?

Дэйв не ответил. Лублин посмотрел на Джилл, вновь на Дэйва.

— Я ничего не понимаю.

— Тебе и не надо.

— Вы хотите знать имена двоих мужчин, которые приехали к Корелли и убили его?

- Да.
- Я их не знаю.
- Не знаешь?

- Даже если бы я отдал приказ его убить, то не знал бы, кто это сделал. Я бы позвонил своим друзьям и сказал, что есть некий Корелли, я хочу, чтобы его нашли и убили, за это я заплатил бы приятелю оговоренную сумму и больше ничего бы не знал. Он мог нанять пару парней в Калифорнии и привезти их сюда, а после того, как они пристрелили бы Корелли, первым рейсом отправить их обратно в Сан-Франциско или куда-то еще. Или нанять местных, но я ничего про них не знал бы.

- Скажи, кто нанимал убийц. Тех двоих, что пристрелили Корелли.

- Не знаю.
- Думаю, что знаешь.
- Черт по...

Монотонный перекрестный допрос. Он всегда занимает много времени. Череда вопросов, каменная стена молчания, пощечины, удары рукояткой, новые царапины на щеках Лублина. Раунд побоев, раунд вопросов, остающихся без ответа, опять раунд побоев. Пока Лублин не заверещал.

- Вы меня убьете! Я не так молод, у меня не выдержит сердце. Господи, да вы же меня убьете!

- Тогда говори.

- Клянусь вам, я его не убивал. Клянусь Богом, я не нанимал убийц.

- Тогда говори, кто нанял.
- Я не могу этого сказать.
- Ты знаешь, кто.
- Знаю, но сказать не могу.

Маленький, но шаг вперед.

- Выхода у тебя нет. Придется сказать, Лублин. - На этот раз Дэйв не ударили его, даже не замахнулся.

Лублин сидел в глубокой задумчивости. За окном начало светать. Может, Лублин тянул время, может, ждал, что кто-нибудь придет. Но силы его подошли к концу. Больше держаться он не мог.

- Если они узнают, что я проговорился, мне конец.
- Они не узнают. А вот если ты будешь молчать, тебе точно конец.
- Корелли требовались деньги. Он задолжал и другим людям, правда, по мелочам. У него же не оставалось ни гроша. Законным путем денег он добывать не мог, никаким строительством не занимался. Фирма выполняла роль ширмы. И десять тысяч долларов, вложенных в сделку с кофе, он собрал с превеликим трудом, подчистив все свои запасы.

- Продолжай.

- Он поступил глупо. Знал, что сел в лужу, что я не буду ждать вечно своих шестидесяти пяти тысяч. И прикинул, что ему нужны сотни "штук", чтобы вновь вынырнуть на поверхность. Вот и решил изобразить посредника в сделке с партией героина стоимостью в те самые сто "штук". Понимаете, о чем я говорю?

- Да. Но где он взял героин?

— Не было у него героина. Я же говорю, идея глупая. Он собирался толкнуть не герони, взять деньги и отдать тальк. Естественно, он понимал, что его за это могут убить, но надеялся, что с сотней тысяч сможет провернуть какое-нибудь дельце, удвоить капитал и расплатиться с тем человеком, которого надул, до того, как тот решит с ним расправиться. Но риск был слишком велик, и в итоге его убили.

— Что произошло?

— Человек, к которому он обратился...

— Кто он?

Лублин оцепенел.

— Все равно сказать придется. К чему тебе лишние мучения?

— Господи. Уошбури. Вы его знаете?

— Нет. Как его имя?

— Рей. Рей Уошбури.

— Где он живет?

— Не знаю. Где-то в Бронксе.

Он лжет, подумал Дэйв.

— В доме есть телефонный справочник. Где он?

— Телефонный справочник?

— Да. Где он?

Лублин совсем сник. Сказал, что справочник наверху, в кабинете. Джилл поднялась на второй этаж, вернулась со справочником. Он нашел лишь одного Уошбурна, Френка, который жил на Манхэттене. Дэйв повернулся к Лублину.

— Ты, должно быть, ошибся с именем. Уошбурна зовут Френк, и живет он на Манхэттене. Я прав, не так ли?

Лублин молчал.

— Ладно. Он пошел к Уошбуру. Что за этим последовало?

— Уошбури сказал, что даст ему знать о своем решении. Он навел справки и выяснил, что Корелли по уши в долгах, товара у него нет, и он просто хочет его надуть. Корелли говорить обо всем этом он не стал, лишь передал ему, что предложение его не заинтересовало. Корелли сбросил цену, еще более убедив Уошбури, что ему предлагается воздух. Потому что за такие деньги никто продавать геронин не станет. Но он вновь повторил Корелли, что ничего покупать не хочет.

Тем временем стало известно, какую аферу хочет провернуть Корелли. И Уошбури понял, что Джо надо наказать, иначе пострадает его репутация: люди будут думать, что можно пытаться надуть его и выйти сухим из воды. И вообще он рассердился, потому что был уже не в том возрасте, когда с ним позволялось играть в подобные игры. Вот он и нанял убийц.

— Кого?

— Не знаю. Если бы знал, то назвал бы их фамилии. Назвал бы сразу, не упоминая Уошбурина.

— Почему Корелли не знал, что его хочет убрать Уошбури? Почекум подумал на тебя?

— Потому что Уошбури отказался покупать геронин. Корелли понятия не имел, в чем причина отказа.

— А что заставило его бежать из Нью-Йорка?

— Наемный убийца, которого послал к Корелли Уошбури, выстрелил в Джо, но промахнулся. Джо понял, что его пытаются убить, и решил, что стою за этим я, так как задолжал он мне. Когда в тебя

стремлют, уже поздно выяснять, кто заказывает музыку. Надо просто сматыватьсь.

Дэйв посмотрел на Джилл. Она кивнула. Вроде бы все сходилось.

- Ушбурну ты звонить не будешь. Незачем предупреждать его. Ты сделал все, что в твоих силах, чтобы не выдать нам его, он не знает, что в конце концов ты заговорил.

- Я ничего ему не скажу.

- Хорошо.

- Потому что доберусь до вас сам. Сразу или через какое-то время, но доберусь, сучьи вы дети. - Лублин вытер кровь с подбородка. - И вы оба свое получите. Советую вам как можно быстрее выйти на Ушбурна, иначе вы не выйдете на него вообще. Потому что я направлю на вас целую армию, поставив перед ней одну задачу: убить вас.

От удара Дэйва Лублин лишился чувств. Армия, сказал он. Но эта армия не включала Карла, лежавшего все в той же позе. Присмотревшись, они поняли, в чем дело. Последний удар лампой размозжил его голову. Карл умер.

Глава 10

Музикального автомата в закусочной не было. Зато за стойкой гремел радиоприемник. В воздухе стоял запах стряпни. Обе кабинки оказались занятыми, так что им пришлось сесть к стойке. Дэйв пил кофе, ожидая, пока ему принесут порцию овсянки. Джилл к кофе заказала оладьи. Его сигарета дымилась в пепельнице. Она не курила.

Закусочная находилась на Бродвее, чуть ниже Юнион-сквер. Покинув дом Лублина, они пешком прошли по Ньюкерк-авеню до Пятнадцатой улицы, где спустились в подземку. Купили жетоны, миновали турникет, подождали манхэттенского поезда. Ждать пришлось долго. Поезд состоял из нескольких вагонов, в такой ранний час по-другому и быть не могло, в каждом сидели один-два пассажира. Доехали они до Четырнадцатой улицы, поднялись наверх, увидели закусочную и направились к ней. Часы показывали семь. Они провели в закусочной уже двадцать минут.

Мужчина, что сидел у стойки рядом с Джилл, сложил "Таймс" и двинулся к выходу. Дэйв наклонился к жене.

- Я его убил.

Она молча смотрела в чашку.

- Я убил человека.

- Ты не убивал. Защищался. Вы дрались и...

Он покачал головой.

- Если человек умирает в ходе или после совершения преступления, преступник виновен в убийстве первой степени.

- Мы совершили преступление?

- И не одно. Прежде всего незаконное проникновение в чужое жилище, потом нападение с использованием оружия. И Карл умер. Это означает, что я виновен в убийстве первой степени, а ты - моя сообщница.

- И что...

— Нас ждет? Ничего, — он помолчал. — По крайней мере со стороны закона. Им не скажут. Во всяком случае, официально. Как я понимаю, ситуация стандартная. Лублин избавится от тела.

— Бросит в реку?

— Не знаю, как у них принято. Я где-то читал, что раньше трупы укладывали в основание дорог. Ты понимаешь, у них есть приятель, занимающийся дорожным строительством. На месте будущей дороги ночью роют яму, бросают туда тело, наутро заливают бетоном, и с концами. Вроде бы под шоссе Нью-Джерси Терилайк покоятся не меньше двадцати человек. Автомобили катятся по трупам, а водители об этом даже не подозревают.

— Господи, — выдохнула Джилл.

Дэйву принесли овсянку, желеобразную массу на дне миски. Он добавил сахара, молока, положил ложку в рот, отодвинул миску.

— Что-то не так? — спросил мужчина за стойкой.

Дэйв покачал головой, заверил его, что все в порядке, просто он не так голоден, как ему казалось. И попросил налить вторую чашку кофе. Кофе в закусочной был на удивление хороший.

— Ты понимаешь, у нас могут быть неприятности.

— Лублин?

— Да. К его угрозам надо отнести серьезно. Во-первых, мы его крепко помяли. Он к такому обращению не привык. И постарается расплатиться той же монетой. Более того, я вырвал из него фамилию Уошбурина, и теперь мы знаем, кто и почему заказал убийство Корелли. Он изо всех сил старался не называть нам его фамилию. Не хочет, чтобы Уошбури узнал о том, что он его выдал. Если же мы все-таки выйдем на Уошбурина, тот обязательно выяснит, кто направил нас к нему. Поэтому Лублин постарается добраться до нас первым. Чтобы убить.

— Сможет он нас найти?

— Возможно, — Дэйв задумался. — Он знает мое имя. Ты при нем называла меня.

— Вырвалось случайно. Он все еще думает, что меня зовут Рита?

— Не знаю. Возможно.

— Я не хочу умирать, — спокойно произнесла Джилл, словно много думала над этим и решила, что смерти следует избегать как можно дольше. — Я не хочу, чтобы он нас убил.

— Этому не бывать.

— Он знает твое имя, но не мое. Он может нас описать. Но приметы не сойдутся, не так ли? Как думаешь, не пора ли мне становиться блондинкой?

— Идея недурна.

— Расплатись. Встретимся на улице, за углом.

Дэйв допил кофе, заплатил по счету, а Джилл скрылась в туалете. Он оставил чаевые и вышел на улицу. Небо очистилось, ярко светило солнце.

Когда подошла Джилл, глаза Дэйва чуть не вылезли из орбит: перед ним стояла прежняя Джилл, блондинка, с падающими на плечи волосами, ненакрашенная, лишь со светлой помадой на губах. Лицо стало нежным, более женственным, от вульгарности дешевой шлюхи, роль которой она так удачно сыграла, не осталось и следа.

- Я, конечно, сделала все, что могла. Не хотела мочить волосы, поэтому налет краски все-таки остался. Разберусь с этим в номере, а звонка сойдет и так. Как я выгляжу?

- Замечательно.

- Так интересно играть роль другого человека. Мне нравилось быть Ритой. Наверное, во мне умерла актриса.

- Или проститутка. Извини, я неудачно пошутил. Не хотел...

- Ничего страшного. Мы должны подшучивать друг над другом. Не будем об этом. Давай лучше решим, что нам делать дальше. Есть у тебя какие-нибудь предложения?

- Пока нет.

- Так куда мы пойдем?

- Можем вернуться в отель. Ты, должно быть, валяешься с ног от усталости.

- Да нет.

- Ты же совсем почти не спала. Да и в прошлую ночь поспать не удалось.

- Сна нет ни в одном глазу. Боюсь, уснуть мне не удастся. А ты устал?

- Нет.

- Хочешь вернуться в отель?

- Нет. Думаю, мы должны побольше узнать об Уошбурне. Если он важная шишка, о нем наверняка писали газеты. Мы можем провести час-другой в библиотеке. "Нью-Йорк таймс" хранится на микропленке, и у них есть индекс. Стоит потратить на это время.

- Хорошо. Ты знаешь, как добраться до библиотеки?

В библиотеке он бывал, когда готовился к экзаменам, и помнил, где она находится. Поймать такси шансов у них не было: начался "час пик". По Тринадцатой улице они пошли к автобусной остановке.

- Раз Карл умер, - прервал Дэйв затянувшуюся паузу, - нас ему не опознать. И наши приметы известны только Лублину.

- Ты расстроился, не так ли?

Он посмотрел на жену.

- Из-за Карла, - добавила она.

- Есть немного. А еще расстроился потому, что не убил Лублина. Следовало бы.

- Ты не мог этого сделать.

- Всего-то делов - стукнуть его посильнее. А потом я смог бы убедить себя, что убивать не хотел, просто не рассчитал силу удара, не сделал поправки на его возраст. И тогда мы могли никого не опасаться. Обычная мера предосторожности, ничего более.

- Но ты не смог бы так поступить, Дэйв.

- Выходит, что нет.

За последние пять лет Френсис Джеймс Уошбурн упоминался в "Таймс" с добрую дюжину раз. Дважды его вызывали в Вашингтон давать показания в комиссиях сената. Одна расследовала деятельность преступных групп, установивших контроль над соревнованиями по боксу, вторая - проникновение преступного мира в руководство профсоюзов. Каждый раз он отказывался отвечать, ссылаясь на Пятую поправку к конституции, и утверждал, что ответы на поставленные вопросы могут быть использованы против него. Вопросы, од-

нако, предполагали, что Уошбурн имел немалое влияние на местное отделение профсоюза строительных рабочих, был неофициальным президентом местного отделения профсоюза сотрудников отелей и ресторанов и вложил немало денег в профессионала среднего веса "Крошку" Мортона. Так что его показания, несомненно, способствовали бы успешной работе комиссий сената.

Трижды Уошбурна арестовывали. Его обвиняли в даче взятки муниципальному чиновнику, в хранении наркотиков, а один раз взяли в ходе рейда по игорным притонам и предъявили обвинение в незаконном участии в азартных играх. Всякий раз обвинения снимали за недостатком улик, и Уошбурн выходил на свободу. В одной из статей "Таймс" указывалось, что во время второй мировой войны Уошбурн отсидел два года за склонку краденого. Сидел он и в тридцатых, за разбойное нападение. В 1937 году Уошбурна обвинили в убийстве, но суд его оправдал.

В других заметках об Уошбурне упоминалось вскользь. Он числился в списке тех, кто внес деньги в избирательный фонд республиканца, баллотировавшегося в законодательное собрание штата Нью-Йорк. Присутствовал на благотворительном обеде в Таммани-Холл, посвященном сбору средств на президентскую кампанию. Нес гроб на похоронах известного политика.

С фотоснимка на них смотрел респектабельный мужчина лет пятидесяти пяти или шестидесяти, начавший с мелкого ракета и поднявшийся в преступной иерархии так высоко, что перестал считаться преступником в глазах общества. Уошбурну принадлежали многие фирмы, он был своим в мире политики. Короче, важная шишка. И они не могли рассчитывать на то, что застанут его врасплох, как Мори Лублина.

В зале хранения микрофильмов Дэйв и Джилл провели чуть больше часа. Когда вернулись в отель, ночной портье уже ушел и за стойкой сидел другой человек. Они поднялись в свой номер. Джилл смыла остатки краски, расчесала волосы, накрутила их на бигуди. Дэйв надел летний костюм, Джилл — юбку и блузу. В номере они оставались примерно с час, потом спустились вниз и вышли из отеля.

Уошбури жил в доме 47 к востоку от Греймерси-Парк. Они не знали, где находится это место, так что Дэйв нырнул в аптеку и раскрыл справочник. Нашел искомое в Ист-Сайде, в районе Двадцатой улицы, между Третьей и Четвертой авеню.

Они взяли такси и попросили довезти их до угла Семнадцатой улицы и Ирвинг-Плейс. Оставшиеся три квартала прошли пешком. По домам, в основном кирпичным, чувствовалось, что живет в них средний класс. Деревья если и встречались, то редко. Однако с приближением к Греймерси-Парк дома выглядели все богаче.

Дэйв гадал, не устроил ли им Лублин засаду. Такое возможно, решил он, сунул руку под пиджак и нашупал револьвер, заткнутый за ремень. С каждым шагом они приближались к цели.

Глава 11

Табличку с номером 47 они увидели на четырехэтажном кирпичном доме, реконструированном где-то в конце войны. Четыре квар-

тиры, по одной на этаж, швейцар у подъезда — высокий негр в темно-бордовой ливрее с золотыми галунами. На вопрос Джилл швейцар ответил, что мистер Уотсон в этом доме не живет, зато четвертый этаж занимает мистер Уошбурн. Спросил, не он ли ей нужен. Джилл покачала головой, и негр ослепительно ей улыбнулся.

Значит, Уошбурн живет на четвертом этаже. Они пересекли улицу, прошли полквартала и остановились. Зеленый квадрат парка со всех сторон окружал высокий металлический забор. Ворота были на замке. Надпись на аккуратной табличке указывала, что ключ выдается всем жильцам соседних домов. Они имели право заходить в парк в любое удобное для них время. Посторонние в парк не допускались.

— Нельзя нам здесь стоять, — дернула Дэйва за рукав Джилл. — Вдруг Лублин кого-то послал.

— Или полиция задержит нас за бродяжничество.

— Вот-вот. Что же нам делать? Не можем же мы подняться к нему.

— Нет. Он наверняка не один. В одной из газетных статей упомянута его жена, так что она наверняка живет с ним. Да еще обслуга, телохранители. Добраться до него непросто.

— Так что же нам делать?

— Пока не знаю.

Они дошли до угла. Мимо прошагал полицейский в форме, направляясь к центру Манхэттена, и сурово посмотрел на них. Красный сигнал светофора сменился зеленым.

— Если бы мы могли попасть в парк... — начал Дэйв.

— У нас нет ключа.

— Я знаю. Но из парка мы могли бы наблюдать за подъездом, никому не мозоля глаза. В парк для того и приходят, чтобы посидеть на скамье. Вот мы сидели бы и смотрели. Мы не знаем, дома ли Уошбурн, кто с ним живет, да и как он выглядит. От одного газетного фотоснимка толку мало. Их качество известно. И сняли его не крупным планом. Так что нам еще надо узнать его. Может, он выйдет один, тогда попытаемся переговорить с ним. Он — ключ ко всему. Если Лублин не солгал, только Уошбурн может вывести нас на киллеров.

— Думаешь, мы сумеем заставить его назвать их?

— Не знаю. — Дэйв смотрел на дом Уошбурина. — Окна-то выходят на парк. В кино герои всегда снимают квартиру напротив дома, где живет подозреваемый, вооружаются биноклями, направленными микрофонами, магнитофонами и еще бог знает чем, и берут его тепленьким. Но что делать, если этот суккин сын живет напротив парка, войти в который невозможно?

— Может, попробуем соседний дом?

Дома по обе стороны номера 47 ничем не отличались от стоящего между ними. Чувствовалось, что живут в них богатые люди. В таких домах комнаты не сдаются...

— Пошли. — Дэйв потянул Джилл за собой.

На Четвертой Авеню напротив дома Уошбурина высилось административное здание. Они изучили указатель в холле. Три адвоката, два дипломированных бухгалтера-ревизора, одна страховая компания, рекламное агентство, десятка два маленьких фирм, которые могли заниматься чем угодно — от распространения энциклопедий до экспортно-импортных операций. Они поднялись на четвертый этаж.

Половину этажа с окнами, обращенными к дому Уошбурна, занимала компания "Бидп и Грейбер". За дверью с панелью из матового стекла грохотала пишущая машинка.

Дэйв подошел к двери, постучал. Грохотание прекратилось, седовласая женщина открыла дверь. Дэйв полюбопытствовал, работает ли здесь мистер Флойд Харпер. Седовласая женщина заверила его, что никакой мистер Харпер в их фирме не работает. Через ее плечо он посмотрел в окно. Увидел окна квартиры Уошбурна. Занавесы раздвинуты, но в комнатах ничего не видно. Если бы он мог подойти к самому окну, если бы у него был бинокль...

— Из кабинета видны окна Уошбурна, — поделился он с Джилл.
— Жаль, что он занят, — вздохнула Джилл. — Мы могли бы арендовать его...

— Не все потеряно.
— Как так?
— Подожди меня в холле, — попросил Дэйв.

Они спустились на третий этаж. Потом Джилл пошла в холл, а Дэйв постучал в дверь одного из бухгалтеров. Мужской голос предложил ему войти. Лысоватый мужчина лет сорока спросил, чем может помочь.

— Если позволите, задам вам один вопрос. Я хотел бы снять в этом здании кабинет. Есть тут свободные помещения?
— Думаю, да. Насколько мне известно, на последнем этаже.
— И еще. Здание открыто круглосуточно? Сюда можно зайти в любое время?

Можно, заверил его бухгалтер. С шести вечера до восьми утра работает ночной дежурный. У него надо записаться, если входишь или уходишь в это время.

— Место-то неплохое, — добавил бухгалтер. — И адрес более престижный, чем раньше. Мы теперь на Южной Парк-авеню, а не на Четвертой Авеню. Местные знают, что это Четвертая авеню, но в "шапке" Парк-авеню смотрится лучше. Производит впечатление за иногородних. Вам нужен телефон агента, оформляющего аренду?

— Он у меня уже есть, — ответил Дэйв.

Через два дома от административного здания они нашли кафетерий. Время завтрака давно миновало, ленча — еще не наступило, так что кафетерий пустовал. Все у нас не как у людей, подумал Дэйв. Они сели в кабинку, заказали сэндвичи с куриным мясом. Сэндвичи оказались вполне съедобные, и Дэйв только тут понял, что страшно голоден. Внезапно навалилась усталость. Спать не хотелось, но тело требовало отдыха. Пару раз он поймал себя на том, что тупо смотрит в никуда, заказал кофе и заставил себя выпить всю чашку.

— Я могу вернуться сюда ночью, — он уже рассказал Джилл о том, что здание открыто круглосуточно. — Расписаться под какой-нибудь фамилией и вломиться в тот кабинет.

— Вломиться?
— Открою замок. В крайнем случае разобью стекло и открою его изнутри. Там никого не будет, поэтому я смогу рассмотреть, что делается у него в квартире. В квартире Уошбурна, — он замолчал, покачал головой. — Нет. Глупая идея, не так ли?
— Рискованная. Если кто-то услышит, как ты там шуруешь...

- Не в этом дело. Скорее всего, ночью он задерживает шторы. А потом, если и что и увижу, так только спальню. Дверь подъезда остается вне поля зрения, так что мне не узнать, дома он или ушел. Нам надо держать под наблюдением фасад дома, а не его заднюю сторону.

Несколько минут спустя Джилл подняла голову, улыбнулась Дэйву.

- У вас есть выход, дорогой.

- Неужели?

- Вместо того, чтобы влезть в кабинеты, надо вломиться в парк. Или прошмыгнуть туда. Это проще, и не столь опасно. Уж в Греймерси-Парк мы попасть сумеем.

Они стояли у северной стены парка в двадцати ярдах от главных ворот. Ключ от ворот парка, скорее, символизировал статус владельца, чем использовался по назначению. Лишь один старик в черном костюме и бордовом галстуке-бабочке сидел в парке, погруженный в "Уолл-стрит джорнел". Губы его шевелились, словно он читал вслух. Они ждали, когда же он уйдет, но старик словно прилип к скамейке. Прошло полчаса, прежде чем к воротам подошла женщина, опрятная старушка в сером твидовом костюме. На кожаном поводке она зела шотландского терьера. Ворота старушки открыла своим ключом, вошла в парк, и ворота захлопнулись.

В парке женщина провела двадцать минут, прогуливая терьера от одного дерева к другому. Маленькая собачка отмечалась у каждого. К воротам старушка и Дэйв с Джилл отправились одновременно, там и встретились. Старушка открыла замок, и Дэйв распахнул ворота, любезно предлагая ей пройти. Джилл не замедлила восхититься собачкой. Терьер завилял хвостом. Старушка и собачка вышли на улицу, а Джилл прошмыгнула в парк. Дэйв уже последовал за ней, когда его остановил голос старушки.

- У вас, конечно, есть свой ключ.

- Я забыла его дома, - обворожительно улыбнулась Джилл. - Мы живем напротив, - она указала в сторону дома Уошбурна.

Старушка посмотрела на них, покачала головой.

- Нет, вы там не живете.

Терьер дергал поводок, как бы говоря, что пора идти, но старушка не сдвинулась с места.

- Молодежь редко увидишь в этом парке. Это же просто варварство, огородить такое чудесное место, не правда ли? В мире так много заборов и так мало парков. Иной раз я думаю, что только Дункан, - она кивнула на терьера, - использует этот забор по назначению. Вы же живете в этом районе, не правда ли?

- Ну...

- Судя по вашему выговору, вы не коренные нью-йоркцы. Посидеть в таком парке, немножко отдохнуть - одно удовольствие. Вы, разумеется, женаты. Носите обручальные кольца, причем одинаковые. Да и без колец видно, что вы женаты. Приехали в Нью-Йорк, решили посидеть вместе в парке... - старушка улыбнулась. - Наверное, у вас медовый месяц. Через год или два совместной жизни парки вам надоедят, будьте уверены. А может, и общество друг друга.

- Надеюсь, что нет, - подала голос Джилл.

Улыбка старушки стала шире.

— Я тоже надеюсь, дорогая. Добро пожаловать в парк. Когда мой муж ухаживал за мной, мы ходили на Вашингтон-сквер. Но это было очень давно. Я ведь древняя старуха, не так ли?

— Совсем нет, — заверила ее Джилл.

— Спасибо за доброе слово, милочка. Но я действительно старуха. И ухаживали за мной в стародавние времена. Как я понимаю, с тех пор Вашингтон-сквер сильно изменился. Молодые бородатые люди в кожаных куртках, с гитарами. Может, это аргумент в пользу заборов и ворот. У любой медали есть две стороны. Я глупая старуха, не так ли?

— Отнюдь.

— Наслаждайтесь парком. И общением друг с другом. И не старайте очень уж быстро, если позволите дать вам совет. Давать непрописанные советы — одна из немногих привилегий, оставшихся у стариков. Не старайте слишком быстро. Лучше, конечно, быть старым, чем мертвым, но больше сказать в пользу старости нечего.

Железные ворота захлопнулись. Женщина засеменила к перекрестьку, дождалась, пока не вспыхнет зеленый свет, и вместе с терьером перешла улицу.

— Мы обманули ее, — нарушила молчание Джилл.

— Это точно.

Они зашагали к скамье по тропинке, проложенной юдоль забора. Вот и дом Уошбурна. Швейцар у двери.

— Мы обманули ее, — повторила Джилл.

— Старушку? Как же?

— Она принесла нас за милую молодую пару. Наверно, мы таковой и были, — Джилл отвернулась. — А вот сейчас наверняка — нет, — добавила она.

Глава 12

Скамья стояла в тени двух больших вязов. В парке воздух был чище и прохладнее, чем на улицах города. Они сидели, прижавшись друг к другу, у их ног начиналась зеленая лужайка. Через пруты забора виднелись роскошные жилые дома. Вокруг царила идиллия. Тишина и спокойствие заставляли забыть, зачем они здесь. Словно старушка оказалась кругом права. Молодожены, решившие уединиться на несколько мгновений в жаркой и душной суете Нью-Йорка.

И лишь другие образы позволили ему собраться. Пять пуль, осланные одна за другой в голову Джо Корелли. Профессиональные удары, свалившие его с ног. Бесстрастное изнасилование Джилл. Холодная ярость, пригнавшая их в Нью-Йорк. Карл, телохранитель Лублина, сначала поверженный на пол, потом убитый.

Вести наблюдение всегда нелегко. Куда проще действовать. А тут сидишь и ждешь, чтобы что-то произошло. Но беда в том, что ничего не происходило.

Никто не выходил из дома Уошбурна, никто не входил. Швейцар застыл на боевом посту. В какой-то момент закурил сигару, двадцать минут спустя швырнул окурок в канаву. Мимо проезжали машины. Иногда кто-то входил в парк, открывал ворота своим ключом. Выгулять собаку, почтить книгу, просмотреть газету. Даже при раздво-

утых шторах они не могли видеть, что происходит в квартире: окна на четвертом этаже, они — на уровне земли. Свет, правда, горел, так что в квартире кто-то был.

Внимание рассеивалось. Тянуло в сон. Они пытались подбодрить друг друга. Хотя бы не дать задремать. Задавали какие-то вопросы, просили сигарету, не допускали длительных пауз.

— Я уже видела этот автомобиль, — внезапно произнесла Джилл.

Дэйв встрепенулся. Она кинула в сторону темно-серого "понтиака", поворачивающегося на запад на пересечении с Двадцатой улицей. Он практически не успел разглядеть его, потому что поле зрения перекрыла другая машина.

— Ты уверена?

— Да. Пять минут назад. В этот раз они проехали медленно, словно кого-то искали.

— Нас?

— Возможно.

— Ты думаешь...

— Я думаю, в машине сидели двое. Мне так показалось. Первый раз я не обратила на нее особого внимания. Чего приглядываться к автомобилям? А вот во второй раз, когда они проехали мимо, я вспомнила, что уже видела эту машину. У них фара на капоте. Таких моделей немного.

— А мужчины?

— Я не знаю, оба ли мужчины. Водитель — да. Когда я поняла, что уже видела эту машину, они проехали мимо, так что увидела я лишь их затылки.

Рука Дэйва инстинктивно нырнула под пиджак, нашупала револьвер, заткнутый за ремень брюк.

— Жаль, что ты их не разглядела.

— Может они еще вернутся.

— Да.

Дэйв полез за сигаретами, передумал. Надо сматываться. Они могут заглянуть в парк. Вдруг в следующий раз им повезет, и они обнаружат его и Джилл? Тогда...

Нет, надо оставаться на месте. Если они увидят, что сидит в "понтиаке", то будут на шаг впереди. Бегство для них недопустимая роскошь.

— Должно быть, их послал Лублин, — предположил Дэйв.

— Скорее всего.

— Вывод напрашивается один. Он не хочет, чтобы Уошбури узнал о прошедшей ночи. О том, что он проговорился. А потому постарается сделать все, чтобы эта информация не дошла до Уошбурина, вот и решил взять под наблюдение дом Уошбурина, чтобы перехватить нас. На это потребовалось время. Нам повезло, иначе они перехватили бы нас на улице и тогда... Ты куда?

Джилл шагнула к ограде.

— Хочу получше разглядеть. Если они проедут еще раз.

Он схватил ее за руку, потянул назад.

— Не дури. Отсюда мы их увидим. А нам незачем попадаться им на глаза.

Дэйв повел ее по асфальтовой дорожке к другой скамейке, отделенной от улицы декоративным кустом. Сквозь листву они все виде-

ли, а вот рассмотреть их из проезжающего автомобиля не представлялось возможным.

— Может, ты напрасно встревожилась, — заметил он.

— Ты о "понтиаке"?

— Кто-то мог объезжать квартал в поисках места для парковки. Сама видишь, в Нью-Йорке это проблема.

— Возможно, но...

— Что?

— Не знаю, но чувствую, что искали они не пустой кусок тротуара.

Дэйв, кстати, чувствовал то же самое. Ему хотелось, чтобы кто-то начал их розыски. Если их кто-то ищет, значит Уошбурн ничего не знает. Это во-первых. А во-вторых — Лублин сказал им правду.

Несколько минут спустя они увидели "понтиак". Джилл ткнула его локтем, указала на автомобиль, но он и сам уже не отрывал от него глаз. На этот раз они ехали в противоположном направлении, в сторону Двадцать первой улицы. Четырехдверный автомобиль с опущенными стеклами. Скорость не превышала двадцати миль в час.

На переднем сиденье сидели двое мужчин. Поначалу Дэйв не смог хорошоенько их разглядеть. Прищурился, когда автомобиль поравнялся с ними, шумно вдохнул и почувствовал, как пальцы Джилл впились ему в руку. Автомобиль проследовал дальше.

Пассажирское сиденье занимал широкоплечий крепыш с очень короткой шеей, мясистым лицом и сломанным носом. За рулем сидел мужчина с густыми бровями и тонкогубым ртом. На переносице белели полоски шрамов.

"Понтиак" свернул на Двадцать первую улицу. Они проводили его взглядом, и Дэйв повернулся к Джилл. Она отпустила его руку, положила свои на колени, пальцы сжалась в кулаки. На лице отражались ненависть и ужас.

Ли и его напарник. Убийцы Корелли. Их цель.

Они поднялись, вышли из парка, зашагали к Третьей авеню. Поймали проходящее такси и попросили отвезти их к "Ройялтону".

— А если им известно об отеле? — спросила Джилл.

— Откуда?

— Не знаю. Наверное, я паникую, ничего больше.

— Может, и знают, — Дэйв наклонился вперед. — Высадите нас на углу Тридцать четвертой.

— Не у "Ройялтона"? — переспросил водитель.

— Нет, на углу.

— Тридцать четвертой и какой?

— И Третьей авеню.

На Третьей авеню они заметили бар. Вылезли из такси и зашагали к нему. Напряжение не покидало их, пока они не зашли в бар и не заняли кабинку у дальней стены. Дэйв понимал, что это недено. "Понтиак" далеко, "хвоста" за ними нет. Но на улице он не мог отдельться от ощущения, что кто-то не спускает с них глаз.

Официантки в баре не было. Дэйв прогулялся к стойке, взял две бутылки "будвайзера" и стаканы, заплатил за пиво, вернулся в кабинку. Налил себе пива, выпил.

— Я этого не понимаю, — вырвалось у Джилл.

— Чего?

— Лублин не знал, кто убийцы. Он так нам и сказал.

- Да.

- Значит, он солгал. В машине сидели Ли и его напарник. Они выматривали нас. Кто, кроме Лублина, знает о том, что мы в городе?

- Никто. Если, конечно, кто-то не узнал тебя в доме Лублина.

- Кто? Я всех видела впервые. Значит, Лублин натравил их на нас. Выходит, что убийство Корелли оплатил он, а Уошбурна привлек, чтобы сбить нас с толку.

- Он не лгал.

- Получается, что лгал.

- Нет. Лублин сказал правду. После нашего ухода ему пришлось скрыть ответ на два вопроса. Как удержать нас от встречи с Уошбурном и как дать знать Ли и его напарнику о нашем приезде. Вот он и решил убить двух зайцев одним выстрелом. И пустил их по нашему следу. Во-первых, они нас уже видели, во-вторых, лично заинтересованы в том, чтобы мы отправились в мир иной. Опять же ему не надо ничего объяснять. Достаточно сказать этой парочке, что в город приехали мужчина и женщина, которые разыскивают убийц Корелли, а уж с остальным Ли и его напарник разберутся сами. Если они убьют нас, у Уошбурна не возникнет к Лублину никаких претензий. Если мы убьем их, опять же он будет чист перед Уошбурном. Потому что мы тут же уедем, не нанося Уошбурну визита вежливости.

- Он действительно боится Уошбурна?

- Уошбурн распорядился убить Корелли только потому, что тот пытался обдурить его. Не обдурил, а лишь попытался. Лублин позвонил себе серьезный проступок. Он выдал нам Уошбурна. Думаю, Лублину есть чего бояться.

Джилл покачала головой.

- Не сходится. Прошлой ночью Лублин не знал, кто убийцы. Если бы знал, то назвал бы их нам, не так ли? Если исходить из того, что он говорил правду. Почему же он направил именно их по нашему следу?

- Это просто. От него потребовалось лишь одно — позвонить Уошбурну. — Дэйв хлопнул себя по лбу. — Господи, ну до чего же я глуп. Он позвонил Уошбурну, спросил, кто убил Корелли, Уошбурн назвал ему имена, не зная, что стоит за этим вопросом. Лублин тут же связался с Ли и его дружком. Мы изображаем детективов, следим за квартирой Уошбурна, короче, маемся дурью. А самый короткий путь к цели проморгали.

- И что нам теперь делать?

- Позвоним Уошбурну.

Они позвонили из телефонной будки в баре. Поначалу попытались отыскать номер Уошбурна по справочнику, но там он не значился. Тогда Дэйв вспомнил, что переписал номер и адрес из записной книжки Лублина. Раскрыл блокнот, бросил в щель десятицентовик и набрал номер.

- Резиденция мистера Уошбурна, — ответил ему мелодичный женский голос.

Твердым, решительным голосом Дэйв попросил позвать мистера Уошбурна. Она пожелала знать, кто говорит. Джерри Манна, последовал ответ.

- Уошбури слушает, — взял трубку мужчина. — Кто это?

— Джерри Манна, мистер Уошбури. Мистер Лублин сказал, что я могу вам позвонить.

— Мори?

— Да. Я...

— Подожди, — говорил Уошбури резко, рубя слова. — Не нравится мне этот телефон. Назови мне свой номер, я тебе перезвоню. Записываю.

Сможет ли Уошбури выследить их? Едва ли. Дэйв быстро продиктовал номер, выбитый на телефоне-автомате.

— Жди звонка, — и Уошбури бросил трубку на рычаг.

Дэйв сидел в телефонной будке, вытирая со лба пот. Вспотели в ладони. Сейчас Уошбури может звонить Лублину. Лублин скажет ему, что никогда не слышал о Джерри Манне. И тогда...

Но с чего у Уошбури возникнут подозрения? Если Лублин ничего ему не рассказал, а рассказывать не в его интересах, то Уошбури не надо ничего проверять. Для того, чтобы узнать, где находится конкретный телефон-автомат, потребуется много времени. Полиция узнает это легко, а с другими телефонная компания делиться этой информацией не будет. Но Уошбури имеет немалый вес в преступном мире. У него наверняка есть связи в полиции. Так что нужные сведения ему предоставят быстро. Он поглянет со звонком, а в бар пошли двух громил.

Они не могут задерживаться в баре. Если Уошбури позвонит прямо сейчас, все отлично. Если нет, значит, им расставлена западня.

Джилл подошла к телефонной будке, ее брови вопросительно поднялись. Дэйв покачал головой, рукой указал на столик. Она вернулась на место, села, налила в стакан пива.

Зазвонил телефон.

Дэйв схватил трубку.

— Алло, Манна слушает.

— Теперь мы можем говорить, — голос Уошбури. — В чем дело?

— Мистер Лублин сказал, что я могу позвонить вам, мистер Уошбури.

— Я это уже слышал. В чем дело?

— Я насчет строителя из Хиксвилла. Его зовут Джо. Мори говорил...

— Что, опять?

У Дэйва перехватило дыхание. Что должен означать этот вопрос?

— Ты хочешь узнать имена двух людей, которые этим занимались, так?

— Совершенно верно, мистер Уошбури. Я...

— Черт побери, Мори уже звонил мне по этому поводу. Когда ты разговаривал с ним?

— Вчера вечером.

— Мне он позвонил утром. Рано. Разбудил меня, черт побери. Я ему все сказал. Ты больше с ним не говорил?

— Не могу с ним связаться, мистер Уошбури. Пытался несколько раз. Возможно, он и звонил, но я отъезжал, а он не знает, где меня искать. Вот я и решился позвонить вам, мистер Уошбури. Только потому, что не смог связаться с Мори.

Последовала долгая пауза.

— Ладно, черт побери, — раздался, наконец, голос Уошбурна, — но я просто иенавижу такие звонки. Эти два парня работают, главным образом, в восточном Нью-Йорке и Куинс. Одного зовут Ли Рутер, говорить надо с ним, второго — Даго Краузе. Цена зависит от работы, от того, что они должны сделать. Они берут хорошие деньги, но я трудится на совесть. Парни надежные. Тебе такие и нужны, верно?

— Вас не затруднит дать мне их адреса, мистер Уошбурн? Я...

— Господи, да я уже дал их Мори. Ради этого он вытащил меня из постели, а теперь все надо повторять сначала. Меня от этого тошнит, знаешь ли.

— Буду вам очень признателен, мистер Уошбурн.

— Ладно, подожди минуту. — Дэйв ждал, пока в трубке вновь не раздался голос Уошбурна. — Не могу найти этот чертов телефонный номер. Адреса Краузе у меня нет и никогда не было. Все равно говорить надо с Рутером. Дом семьсот двадцать три по Лоринг-авеню. Телефонный номер найдешь сам. Мори...

— Премного вам благодарен, мистер Уошбурн.

Но Уошбурн еще не договорил.

— Мори — безмозглый идиот. Мой номер ты узнал от Мори, так?

— Ну, он...

— У него что-то не в порядке с головой. Он что, сам дал его тебе?

— Разумеется, мистер Уошбурн.

— Передай ему, что он слишком много говорит, понятно? Или я сам поговорю с ним. Как тебя зовут, Манна?

— Манна, — ответил Дэйв. А когда Уошбурн положил трубку, добавил. — С небес.

Глава 13

В "Роялтоне", возможно, им ничего не грозило, но в отель они не вернулись. Джилл боялась возвращаться туда, и эту причину сочли убедительной. Первые полчаса после убийства Корелли прошли слишком быстро, чтобы полностью восстановить цепь событий. Что-то они вспомнили, что-то как отрезало, так что наемные убийцы вполне могли знать их имена. В "Роялтоне" они зарегистрировались как мистер и миссис Уэйд. Если эти двое решат проверить отели...

Но им требовался отдых. Они прошли полквартала по Тридцатьчетвертой улице. В магазине кожаных изделий купили дешевый чемодан. В соседней "Галанттерее" Дэйв приобрел носки, трусы, майки, две рубашки, уложил покупки в чемодан. В "Женской одежде", в том же квартале, Джилл купила белье и колготки.

Такси доставило их к "Морхеду", третьесортному отелю на Тридцать восьмой улице. Взяли номер на втором этаже, за пять с половиной долларов в сутки, с предоплатой, зарегистрировались как мистер и миссис Ральф Кэсси迪 из Олбани, штат Джорджия. Портные проводил их к номеру, открыл дверь. Часовых дожидаться не стал.

Дэйв постоял, прикидывая, куда бы поставить чемодан, наконец положил его на кровать. Джилл подошла к окну, открыла его.

— Ну и дыра, — бросил Дэйв.

- Нормальный отель.
- Мы можем найти что-нибудь получше. Сможешь ты тут спать?
- Кровать жуткая.
- Ничего страшного. По-моему, я смогу спать где угодно.
- Он подошел к ней, обнял.
- Бедняжка. Ты, наверное, смертельно устала.
- Это точно, — зевнула Джилл. — Не такое уж плохое место. Главное — есть кровать, а больше мне ничего не нужно. Который час?
- Время обеда.
- Я не голодна. А ты?
- Я тоже.
- Поедим, когда проснемся. Сейчас я не знаю, что заказывать, завтрак или обед, так что давай просто поспим. В лучшем отеле нам не остановиться, дорогой. Мы так ужасно выглядим, что нас туда просто не пустят. Чемодан не распаковывай.
- Почему?
- Потому что я не хочу класть белье в этот шкаф. Потом не смогу заставить себя надеть его. Какие у нас теперь имена? Я не видела, что ты записал.
- Мистер и миссис Ральф Кэссиди.
- Кэссиди, — повторила Джилл. — Столько новых имен и фамилий. Как бы не перепутать. Когда ты возил других женщин в отель, ты тоже регистрировался под вымышленной фамилией?
- Что?
- Готова спорить, что возил. Какой фамилии ты отдавал предпочтение?
- Господи!

Джилл внезапно улыбнулась, отошла от окна и начала готовиться ко сну. Заснула она мгновенно, а Дэйв лег рядом с ней на узкую кровать, закрыл глаза, пытаясь расслабиться. Какое-то время лежал без сна, потом провалился в небытие.

Глава 14

Ему снился сон. Он представлял истца, обвинившего администрацию большого универмага в халатности при исполнении служебных обязанностей. Истец упал на эскалаторе и оценил понесенный ущерб в шестьдесят пять тысяч долларов. Сотрудник универмага только что показал, что клиент Дэйва не упал, а его толкнул другой покупатель, личность которого установить еще не удалось. Дэйв вел перекрестный допрос. Старался изо всех сил, но свидетель находил удачные ответы да еще самодовольно подмигивал Дэйву. Одними вопросами истину не установишь, раздраженно подумал Дэйв, выхватил револьвер и наставил его на свидетеля. Теперь он выкрикивал вопросы и бил свидетеля рукояткой револьвера по плечам и голове. Кровь текла из ран, свидетель начал сползать со стула. Судья стукнул молотком по столу. Дэйв повернулся и пристрелил его. Пристав поспешил к Дэйву, на ходу доставая оружие. Пришлося пристрелить и его. Затем он открыл огонь по сидящим в зале. Люди исчезали, как только в них попадали пули.

Проснулся Дэйв весь в поту. Джилл сидела на краешке кровати рядом с ним, тряслась за плечо и спрашивала, все ли в порядке. Она уже оделась, подкрасилась. Горела лампа под потолком. Он трахнул головой, окончательно прогоняя сон.

- Что с тобой? - спросила Джилл.
- Сон.
- Кошмар?
- Станный какой-то. Сюрреалистичный.
- Дэйв...
- Ерунда, - он вновь трахнул головой и перебросил ноги через край кровати. - Ты давно встала?
- Несколько минут назад.
- Который час?
- Половина пятого.
- Глубокая ночь. - Дэйв оделся, пошел в ванную, чтобы умыться. Во рту стояла горечь, на щеках и подбородке выросла щетина, а он не купил ни зубной щетки, ни бритвы. Он вернулся в комнату, тщательно завязал галстук. - Я ужасно выгляжу.
- Тебе просто надо побриться. Ничего больше.

За дверью отеля их встретила темная и пустая улица. Аптека на углу закрылась. Дэйв купил безопасную бритву и пачку лезвий в маленьком магазинчике, работавшем круглосуточно. Нашли они и открытый кафетерий, заказали кофе, рогалики. Дэйв поднялся на второй этаж, в мужской туалет. Побрился, намыливши кусочком мыла. Один раз порезался, но не сильно. Бросил бритву и лезвия в мусорное ведро, спустился к Джилл. Кофе остыл, но он все равно выпил всю чашку.

- Знаешь, о чем я думаю?
- О чем?
- О возвращении в Бингхэмтон. Просто другой мир. Жить в квартире, ходить на работу.
- После всего этого?
- Да. - Дэйв взял чашки, отнес к прилавку, попросил наполнить вновь. Вернулся к столику. Сел, медленно помешивая ложечкой кофе. - Не привыкли мы к такому. Вставать ночью. Носить при себе оружие.

Джилл промолчала.

- Ты станешь домохозяйкой.
- И буду раз в неделю играть в бридж.
- Скорее всего.
- Это плохо?
- Ты о бридже? Да, в бридж ты пока играть не умеешь.
- Я не об этом. Вернемся назад. И какая у нас будет жизнь?
- Обычная. А что?
- По твоему тону непохоже.
- Не обращай внимания. Просто сейчас она сильно уж необычная.

Какой у нас день?

- Кажется, четверг.
- Мне же надо забрать в киоске скретонские газеты. Впрочем, зачем они нам? Ты уверена, что не пятница?
- Нет, еще четверг.

— А кажется, давно уже пятница. Не прошло и недели, как мы во-
женились... Можешь ты в это поверить?

— Действительно, такое ощущение, что мы вместе с незапамят-
ных времен.

— Вчера я убил человека. — Дэйв произнес эту фразу очень буднич-
но, совсем как "хороший выдался день" или "наверное, пойдет
дождь". — Вчера я убил человека. Хочешь еще кофе?

— Не думай об этом.

— Наверное, это мне и снилось. Никто не знает, что я убийца. Ты,
я да Лублин, а больше никто. Дома такая мысль никому не придет в
голову. Если им скажут, они не поверят.

— И что?

— Я просто размышляю вслух.

Они вернулись в "Морхед". Револьвер лежал под матрацем. Ко-
робка с патронами осталась в "Ройялтоне", и Дэйв тревожился, как
бы горничная, прибираясь в номере, не нашла ее. Да и управляюще-
го "Ройялтона" могло удивить их долгое отсутствие. Он решил, что
днем позвонит в отель.

Они заперли дверь номера и раскрыли карманный атлас, стараясь
определить, как быстрее добраться до Лорринг-авеню. Неподалеку
проходили две линии подземки. Дэйв выбрал одну, с конечной стан-
цией на Ливония-авеню, в двенадцати кварталах от Лорринг.

Ключ от номера они оставили у портье, заплатили пять с полови-
ной долларов за следующие сутки. Деньги гарантировали, что номер
останется за ними. Как знать, вдруг он еще понадобится.

На нужную линию подземки они попали около семи. К станции
на Тридцать четвертой улице поезд пришел наполовину пустой.
Много народа вышло на Уолл-стрит, а когда въехали в Бруклин, в
вагоне осталось пять пассажиров. В Бруклине поезд останавливался
раз двадцать. Несколько человек вошли в вагон, пока поезд проез-
жал под Флэтбаш-авеню. Практически все вышли на Истери-Парку-
эй. Револьвер лежал в кармане брюк. Дэйв сидел, расстегнув пид-
жак, и не хотел, чтобы кто-нибудь увидел рукоятку засунутого за по-
яс револьвера. Револьвер, конечно, высыпал из кармана, и Дэйву все
время хотелось погладить его. Внимания на оттопыренный карман
никто не обращал.

Ехали они целую вечность. Один раз поезд вырвался на поверх-
ность и четыре перегона несся над землей, чтобы вновь исчезнуть в
туннеле. В четверть девятого они прибыли на конечную станцию,
вышли на платформу и зашагали к Эшфорд-стрит.

Двух- и трехэтажные обшарпанные дома стояли вплотную друг к
другу. Ни подъездных дорожек, ни лужаек. Чувствовалось, что на-
род тут живет небогатый. Начали открываться магазины, стайки
подростков спешили в школу, треть из них составляли негры.

На бульваре Линдена картина изменилась к лучшему. Дома боль-
ше напоминали те, что уже встречались в Хиксвилле, где жил Корел-
ли. Только лужайки были поменьше, и траву на них заменила уточ-
танская глина. Изредка попадались и деревья.

У Фонтейн-авеню бульвар Линдена поворачивал на сорок пять
градусов влево. А еще через квартал началась Лорринг-авеню, ухо-
дящая на восток. Вдоль улицы выстроились кирпичные дома. На

первом этаже во многих размещался магазинчик или закусочная. Автомобили стояли как на подъездных дорожках, так и у тротуаров. "Форды", "плимуты", "рамблеры" и "шеви". "Фольксвагены" попадались редко.

Они пересекли Грант-стрит и попали в более старую часть улицы. Дома стали больше, увеличились и размеры лужаек. Плакат в окне одного из домов приглашал туристов в увлекательное путешествие.

Дом Ругера, номер 723 по Лорринг-авеню, находился в квартале между Элдерс-лейн и Форбелл-авеню. Трехэтажный, как и нескольких соседних домов. На лужайке стояла деревянная табличка с надписью "КОМНАТЫ". Другая табличка, металлическая, гласила: "МЕБЛИРОВАННЫЕ КОМНАТЫ".

Они прошли мимо дома до конца квартала. "Понтиак" на глаза им не попался. Ни у тротуара, ни рядом с домом. Впрочем, он мог стоять за домом или в гараже.

— Не знаю, дома он или нет. — Дэйв пожал плечами. — Автомобиля я не заметил. Разумеется, вполне возможно, что они ехали на автомобиле Краузе.

— Они не живут вместе?

— Думаю, что нет. Вместе они могли бы снимать квартиру, но не меблированную комнату. В комнате вдвоем не живут. Правда, они могут занимать две комнаты в одном доме. Мы еще многое не знаем. Надо выяснить, есть ли кто дома. — Револьвер все еще оттягивал карман. Дэйв огляделся, убедился, что никто на него не смотрит, достал револьвер из кармана и засунул его за пояс брюк. — Это безумие.

— О чём ты?

— О том, что мы сейчас делаем. Стоим на углу и ждем, чтобы он подъехал на машине и вышиб нам мозги. Сами подставляемся под пули.

— Мы можем позвонить и...

— К черту. Не хочу я ему звонить. Телефонный звонок заставит его насторожиться. Надоело звонить этим людям. Слушай, вариантов только два. Или он дома, или его нет. Если его нет, я хочу знать об этом. Опять же я хочу подняться к нему и обыскать его комнату. Или снять другую комнату, чтобы мы могли огнём его мешком по голове, когда он появится.

— Каким мешком?

— Внезапно напасть. Так говорят по телевизору. Если же он дома, нет смысла прятаться по углам. Самое разумное — подняться наверх и убить его.

Джилл вздрогнула.

— За этим мы и пришли, — напомнил Дэйв.

— Знаю. Ты застрелишь его в постели?

— Если представится случай. Послушай, мы не на спортивной площадке. Они не играли ни с Корелли, ни с нами. Теперь не играем мы. Я не буду дожидаться, пока этот мерзавец достанет оружие. Я скорее убью его выстрелом в спину или во сне. Понимаешь?

— Да. Только...

— Что, только?

— Ничего, — Джилл внезапно схватила его за руку.

Дэйв резко обернулся. По Лорринг катился автомобиль, того же цвета, что они видели у Греймерси-Парк днем раньше. Он закрыл со-

бой Джилл, упал на колено. Рука вырнула за револьвером. Мушка зацепилась за пояс. Наконец он вытащил револьвер. Автомобиль приближался.

С откидным верхом, и не "понтоник". "Додж", за рулём женщина. На заднем сиденье — двое детей и три сумки с продуктами. Автомобиль проехал мимо, Дэйв посмотрел на револьвер в руке, чувствуя себя круглым идиотом. Засунул его за пояс, встал.

— Мне показалось...

— Мне тоже.

Он подтолкнул жену на Форбэлл-авеню.

— Иди туда. Походи по магазинам.

— Зачем?

— Чтобы не путаться под ногами. Я должен войти в дом, и войти один.

— Сейчас?

— Сейчас. Ждать незачем. Это не их машина, но они могут приехать на следующей и расстрелять нас, как мишени в тире.

Поколебавшись, Джилл повернулась и зашагала по Форбэлл-авеню. Дэйв подождал, пока она пройдет несколько домов, затем направился к дому 723 и подошел к входной двери. Увидел наклейку на оконной раме со словами: "Мы сдаем". Занавески задернуты. Внутри ничего не видно. Он попытался открыть дверь, но она была заперта. Позвонил. Никакой реакции. Позвонил снова. Наконец послышался сердитый голос, не понятно, мужской или женский: "Иду!" Дэйв ждал. Шаги все ближе. Он сунул руку под пиджак, обхватил пальцами теплую рукоятку.

Дверь приоткрылась. Дэйв увидел лицо, и на мгновение ему показалось, что перед ним Ли. Но дверь раскрылась шире, и он понял, что перед ним старуха.

— Здесь живет Ли Ругер?

— Ругер? Здесь. А что?

— Он дома?

— Тут восемь комнат, — раздраженно ответила старуха, отступив на шаг. — Восемь комнат и семь сданы. Думаете, я хозяйка? Я здесь работаю, прибираюсь, собираю плату. Только мне и забот, что смотреть, кто дома, а кто нет. И без этого дел хватает.

Дэйв переступил порог и заглянул через ее плечо. Лестница, из площадки второго этажа столик, на нем ваза с засохшими цветами, пахло сигаретным дымом и старой мебелью.

— Ругер...

— Комната номер шесть. Если он дома, вы его там найдете. Если нет, значит нет. Верхний этаж.

Старуха не стала дожидаться, пока он поблагодарит ее, повернулась и скрылась на кухне. Дэйв направился к лестнице. Ступени мягко поскрипывали у него под ногами. Поначалу он старался ставить ногу на краешек или сбоку, чтобы скрипа было поменьше, потом решил, что предосторожности ни к чему. Мало ли кто поднимается по лестнице.

В вазочке на столике стояли розы. Почти все лепестки уже осмыклились. Женщина может стать свидетельницей, думал Дэйв. Она опознает его. Впрочем, толку от этого не будет. Едва ли по ее описанию полиция выйдет на него. А если его арестуют, то свидетели не пон-

добится. Дэйв не сомневался, что после ареста они с Джилл во всем признаются сами.

Еще один лестничный пролет. Коридор третьего этажа с четырьмя дверьми. Шестая комната — одна из дальних. Дверь закрыта. Он подкрался к двери, прислушался. Вроде бы за дверью полная тишина.

Дэйв вытащил пистолет, нацелился на точку чуть выше дверной ручки. Указательный палец лег на спусковой крючок. Он глубоко вдохнул и потянулся к дверной ручке.

Глава 15

Дверь подалась сразу. Дэйв распахнул ее, выставив перед собой револьвер. Комната была пуста. Незастланная постель, сигарные окурки в пепельнице на прикроватном столике, пепел на полу. Ругер отсутствовал, но это его комната, и он придет, рано или поздно. А Дэйв его дождется. Он убьет Ругера и выберется из дома. Найдет Джилл, и они вернутся в Манхэттен.

Отпечатки пальцев! Полиция обязательно будет искать отпечатки пальцев в комнате убитого. А его отпечатки в архиве имелись. Во-первых, их брали при призыве в армию, во-вторых, когда он поступал на работу в службу социального обеспечения округа Брум. Дэйв прошелся по комнате, протирая вещи, к которым прикасался: дверная ручка, пепельница, подоконник, окно. Справившись с этим, он пододвинул стул к окну, сбросил на пол лежавшую на сиденье кучу грязного белья, сел лицом к окну и подготовился ждать.

Время ползло, как улитка. Выкурил три сигареты, Дэйв поднялся, решив обыскать комнату Ругера. Вдруг здесь есть что-то такое, о чем полиции знать не следует. Записка с упоминанием фамилий Корелли, Лублина или Уошбурна, какая-то мелочь, позволяющая перекинуть мостик от Ругера к ним. Ничего такого он, естественно, не обнаружил. Две-три книги в бумажной обложке, ксерокопия богато иллюстрированного порнографического журнала, одежда, нож с выкидным лезвием и дубинка: кусок свинцовой трубы, обмотанной нескользкими слоями черной изолационной ленты, с резиновой рукояткой.

Ни записей, ни телефонных номеров, ни адресов. Ключ, вероятно, от сейфа в банке. Дэйв сунул его в карман: мало ли что лежит в этом сейфе, незачем полиции совать туда нос.

Он тщательно протер поверхности, к которым прикасался, опять сел на стул и закурил.

Они подъехали, когда от сигареты остался окурок. Дэйв увидел их автомобиль, медленно движущийся по Лорриинг к дому Ругера, бросил окурок на пол, растоптал ногой. Схватил револьвер, повернул барабан так, чтобы под боек встал патрон. Да, "понтиак" тот самый. Вот он остановился на другой стороне улицы, напротив дома. Ругер сидел на месте пассажира, Краузе — за рулем. Они о чем-то говорили, не собираясь вылезать из машины.

Давайте же, выходите, мысленно приказал им Дэйв. Оба. Да выходите же!

Дверца со стороны Ругера открылась. Один из них что-то сказал, и оба рассмеялись. Значит, Ругер идет домой, а Краузе уезжает, решил Дэйв. Его это и радовало, и печалило. С одной стороны, хотелось сразу уложить обоих. С другой, один лучше, чем ни одного.

Скорее, черт побери...

Ругер вылез из "понтиака", повернулся к автомобилю, одну руку положил на крышу, другую — на дверцу, наклонился и что-то сказал Краузе. Затем выпрямился и захлопнул дверцу. "Понтиак" тронулся с места, прокатил по Лорринг, а Ругер провожал автомобиль взглядом. Переходить улицу он вроде бы не собирался.

Дэйв прицелился. Потом опустил револьвер, пристально всмотрелся в стоящего внизу мужчину. И тут понял, что не знает, сможет ли застрелить его. Не знает, и все тут.

Ему вспомнились его же слова: "Это нечестно. Вот и хорошо. Мы не на спортивной площадке. Они не играли ни с Корелли, ни с нами. Теперь не играем мы. Я не буду дожидаться, пока этот мерзавец достанет оружие. Я скорее убью его выстрелом в спину или во сне".

Но одно дело говорить, и совсем другое — смотреть на человека сквозь прорезь прицела.

Он не отрывал глаз от Ругера. Наёмный убийца словно прилип к месту. Сунул руку в карман, достал сигару. Не торопясь, развернул ее, бросил на асфальт целлофановую обертку. Ее тут же подхватил ветер. Ругер откусил кончик сигары, выплюнул, вытащил зажигалку, вертанил колесико, всмыкнул язычок пламени. Он раскурил сигару, убрал зажигалку в карман, глубоко затянулся и посмотрел на другую сторону улицы.

Затем Дэйв увидел, как его взгляд сместился направо, увидел, как сигара выпала из руки на тротуар. У Ругера округлились глаза. Дэйв отдернул занавески в окне.

ДЖИЛЛ

Она как раз обогнула угол и шагала к дому Ругера, гляди прямо перед собой. Дэйв посмотрел на Ругера. Тот уже достал револьвер, несомненно, узнал Джилл.

— Джилл, назад! — крикнул Дэйв.

Джилл вскинула голову, одна ее рука метнулась ко рту. Ругер выстрелил в Джилл, не попал, тут же обернулся, чтобы посмотреть из окна. Дэйв прицелился и выстрелил, крикнув ей: "Скорее за угол!" Ругер не стал стрелять вслед Джилл. Вместо этого он прицелился в окно третьего этажа и нажал на спусковой крючок.

Пуля Ругера прошла чуть левее. Вонзилась в стену в нескольких футах от окна, и весь дом тряхнуло, как при землетрясении. Дэйв отбросил стул, присел перед окном и выглянул. Присел и Ругер. Чего стоять в полный рост, подставляясь под пули. Он огляделся в поисках укрытия, но пока не сдвинулся с места. Деревья молоденькие, за них не спрячешься, ближайший припаркованный автомобиль — через три дома.

Дэйв выстрелил, но промахнулся: пуля ударила в мостовую перед Ругером. Ответный выстрел угодил в стекло, посыпалась осколки.

В двух десятках ярдов от Ругера в визге тормозов остановился автомобиль. Развернулся и помчался в противоположном направле-

ии. Ругер уже бежал по лужайке на противоположной стороне улицы. Внезапно обернулся, выстрелил и опять побежал зигзагом к углу дома. Взгляд Дэйва сквозь прорезь прицела следил за ним. Локти Дэйв уперся в подоконник, револьвер держал обеими руками. Ругер вновь остановился, начал поворачиваться, готовясь к выстрелу, и Дэйв плавно потянул спусковой крючок.

Он не ожидал, что попадет. Но пуля прошила руку Ругера повыше локтя, вышибла из пальцев револьвер. Силой удара Ругера развернуло, бросило на землю. Он попытался подняться, оперевшись на здоровую руку. Встал, оглядываясь по сторонам, словно близорукий человек в поисках потерявшимися очков.

Дэйв опять прицелился и выстрелил. Пуля попала в спину Ругера. Тот пронзительно вскрикнул, упал лицом вниз и застыл.

Грохот выстрелов разбудил весь дом. Дэйв вышиб дверь ногой, выбежал в коридор. Женщина выглядывала из своей комнаты. Он зиркнул на нее, и она в страхе отпрянула, захлопнув дверь. Он побежал к лестнице. На площадке второго этажа плотный мужчина в майке перегородил ему путь. Дэйв ударил его револьвером по лицу, и мужчину отнесло в сторону. На нижнем этаже кричала женщина.

Дэйв выскочил на улицу. На другой стороне истекал кровью Ругер. Дэйв подбежал к нему, присел, приложил дуло револьвера к затылку и последним патроном вышиб Ругеру мозги.

Теперь засуетилась вся округа. Хлопали двери, открывались окна, издалека донесся вой полицейской сирены. Дэйв помчался со всех ног, ни о чем не думая. Вот и угол Форбелл-авеню. Джилл, застывшая с открытым ртом.

— Дэйв, как ты? С тобой все в порядке?

Он не ответил. Схватил ее за руку, развернул и увлек за собой.

275

Глава 16

В такси Дэйв переложил револьвер из одного кармана в другой. Руки пахли пороховой копотью. Ему казалось, что ею пропахла вся кабина, и водитель не может не уловить этого запаха. Их никто не преследовал, но Дэйв настороженно прислушивался, а не завывает ли вдали полицейская сирена.

Вот и Манхэттен. Он все ждал, когда же на него обрушится чувство вины, но оно не приходило, наоборот, Дэйва захлестывала радость — все-таки удалось, месть не заставила себя долго ждать.

На Сорок второй улице они вышли из такси, нырнули в бар. Дэйв заказал стопку водки и кружку пива. Джилл пить не стала.

— Я такая глупая, едва все не испортила. Как идиотка...

— Что привело тебя на Лоринг?

— Не знаю. Я ждала, ждала, а ты все не приходил. Я не могла понять, что происходит, не выдержала ожидания и решила пойти...

— Кончилось все хорошо.

— И слава Богу, — на мгновение она закрыла глаза. — Ожидание так действует на нервы. Я считала себя очень смелой. Когда пошла к Дублину...

- Тогда ты проявила излишнюю смелость.
- Да нет. Я знала, что делаю, представляла себе возможный исход. А в этот раз мне пришлось в неведении торчать за углом и наблюдать. Я представляла себе черт знает что. Решила посмотреть, что же творится на самом деле, и выбрала самый удачный момент, не так ли?
- Просто я предложил неудачный план. Забудем об этом.
- Извини.
- Не за что извиняться. Мы выкрутились.
- Ты уверен, что он...
- Да, он мертв, мертвее не бывает.
- Тебя никто не видел?
- Видели многие.
- Они нас найдут?
- Не думаю. Им сообщают наши приметы, но они не знают, кого искать и где. Если б они схватили нас сразу, мы бы никуда не делись. Меня могут опознать десяток людей, но сейчас мы в полной безопасности.
- И что теперь?
- Теперь выписываемся из "Роялтона". Я собирался позвонить им и сказать, чтобы они оставили за нами номер. Глупость какая-то. Раз мы не собираемся там оставаться, надо забирать вещи, не так ли? Тем более без некоторых нам не обойтись.
- О чём ты?
- Об одежде. И о патронах.
- Я о них забыла.
- Они нам понадобятся, чтобы разобраться с Краузе.
- В "Роялтоне" никаких проблем не возникло. Они поднялись в свой номер, собрали вещи, позвонили портье и попросили подготовить счет и их автомобиль. С чемоданами спустились вниз. Чек у него взяли без разговоров. Швейцар подогнал "форд" к подъезду. Дэйв дал ему доллар и уложил чемоданы на заднее сиденье. Они ездили по округе, пока не нашли гараж на Тридцать шестой улице, там оставили "форд" и с чемоданами в руках запагали к "Морхеду".
- Около четырех часов дня Дэйв покинул отель, чтобы вернуться с колодой карт, шестью банками пива и бутылкой виски. Они сыграли несколько партий в кункин. Виски и пиво пили из стаканов для воды, обходясь без льда. В шесть Дэйв прогулялся в кулинарию, привнес сэндвичи. Они поели в номере, запивая сэндвичи пивом. Купил он и газету, но упоминания о Ругере в ней не нашел.
- Ты так и не сходил за скретонскими газетами, — напомнила она.
- Да, считай выбросили целый доллар.
- Потом ему захотелось поговорить о перестрелке. Он рассказал же не, как сидел у окна, наблюдая за Ругером, возящимся с сигарой, как целился, что при этом чувствовал.
- Не думал, что смогу в него выстрелить, — признался он.
- Но ты же выстрелил.
- Потому что изменилась ситуация. Когда в тебя стреляют, некогда рассуждать о нормах морали.
- Ты бы все равно его убил.

- Не знаю, но чувства вины не испытываю. Мне его совершенно не коль.

- А что ты испытываешь?

- Пустоту.

- А вот я - облегчение.

- Облегчение?

- Мы оба живы, а он - нет. Мы приехали сюда, чтобы рассчитаться с ними, с одним рассчитались, сами вышли сухими из воды, и мне сразу стало легче.

Спать они легли рано. Вероятно, подействовало спиртное. Разделись, легли в кровать и сразу заснули.

Утром Джилл спросила, что же делать дальше, когда выходить на Краузе.

- На какое-то время нам надо затаиться, - ответил Дэйв.

- Побудем в отеле?

- Почему нет? Подождем, пока страсти поутигнутся. Нельзя забывать про копов. Сейчас, после смерти Ругера, они начеку. А через день-другой спишут убийство на гангстерские разборки. Едва ли будут лезть из кожи вон, разыскивая нас или оберегая Краузе. Ты помнишь, после убийства Корелли они не шевельнули и пальца. Наоборот, радовались, что ничего не надо делать. И здесь появят себя точно так же. Заинят, что разделался с Ругером профессионал, и отправят дело в архив. Надо дать успокоиться и Краузе. Сейчас он настороже. Полиции он ничего не скажет, но знает, что мы охотимся за ним, поэтому будет оглядываться на каждый шаг. А через три дня убедит себя, что одного убийства нам хватило с лихвой, мы запаниковали и смотались из города. Пусть расслабится.

- А как мы его найдем?

- Найдем, можешь не беспокоиться.

- Телефонный справочник нам не поможет. Даже если у него есть телефон, в справочнике миллион Краузе.

- Все равно найдем.

- Как?

- Так или иначе, но найдем.

Они провели в номере весь день. В поддень Дэйв сходил в аптеку, купил журналы, утренние газеты. Об убийстве Ругера написали все, но без подробностей. Отмечалось, что в перестрелке не пострадал никто из прохожих. Появление Джилл на Лорриинг-авеню с происходящим не увязали, так что версий, связанных с ревностью, не выдвигалось. Газеты сходились в том, что Ругера убил нанятый кем-то профессионал. Подчеркивали, что в преступной среде такая смерть - обычное дело. Описания очевидцев во многом противоречили друг другу. С их слов получалось, что Дэйву никак не меньше тридцати двух лет, он невысокий, плотный. Разошлись очевидцы и в числе убийц. Один утверждал, что стреляли двое: из окна дома и из-за стоящей у тротуара машины. Старуха, что пустила Дэйва в комнату Ругера, заявила репортерам, что убийца предъявил ей удостоверение Федерального бюро расследований.

В заметках были кое-какие сведения о криминальном прошлом Ругера и намеки на проведение полицейского расследования. Но последний абзац одной заметки вознаградил Дэйва за дотошность:

"Среди прочих допрашивался и Филипп Краузе, по утверждению полиции, давний друг и напарник убитого. Краузе, который живет в доме 2792 на Двадцать третьей авеню в районе Астория, начиная с 1948 года, неоднократно арестовывался. После допроса его отпустили..."

С газетой в руке Дэйв вышел в коридор, чтобы показать ее Джилл.

— Посмотри, — радостно воскликнул он. — Я говорил тебе, что мы его найдем. Эти идиоты сами вывели нас на него.

В семь утра они вышли из отеля и зашагали к гаражу. Чемоданы уложили в багажник, Дэйв запер его на ключ. Сел за руль, Джилл рядом.

Сначала они дважды объехали квартал, где жил Краузе, прежде чем заметили просвет у тротуара. Дэйву с трудом удалось втиснуть в него "форд".

Он заглушил двигатель, вылез из автомобиля. Подъезд дома Краузе был как на ладони: они стояли у тротуара на той же стороне улицы, на расстоянии в полквартала.

Краузе был дома. Темно-серый "понтриак" дожидался хозяина, оставалось только ждать, когда же он выйдет из подъезда.

Дэйв повернулся к жене.

— На этот раз мы все сделаем, как надо.

Она кивнула.

Ждать труднее всего, думал Дэйв. Действовать — проще. Многое, если не все, выполняешь автоматически. Не надо копаться в себе, волноваться, оправдываться перед самим собой. А ожидание требует внутренней дисциплины. Надо заставить себя смыкнуться с мыслью, что время это не потеряно зря, иначе на месте не усидишь.

Несколько человек вышли из дома Краузе. Двое или трое вошли. Один человек из выходящих очень напоминал Краузе, и Дэйв понял, что перед ним другой мужчина, лишь присмотревшись к нему. Ему уже начало казаться, что со стороны они выглядят подозрительно, но он тут же одернул себя.

Утро выдалось прохладным, и он решил погреться в машине, заодно проверить сумочку, где лежал револьвер, ожидая своего часа.

В двадцать пять минут одиннадцатого Краузе вышел из дома. Остановился, затянулся сигарой, которую держал в руке, щелчком отбросил ее. Был в длинном, темно-коричневом пальто, начищенные туфли блестели. Он направился к мостовой, пересекая тротуар. Джилл повернула ключ зажигания, "форд" тронулся с места. Дэйв достал револьвер и держал его у самой дверцы, понизе окна.

Перед домом Краузе у тротуара стояли два автомобиля. Краузе оказался между ними. Он хотел перейти улицу, "понтриак" ждал его на противоположной стороне, но увидел катящийся "форд" и решил его пропустить. "Форд" поравнялся с Краузе. Дэйв положил ствол револьвера на дверцу. Джилл плавно затормозила.

Краузе даже не успел посмотреть в их сторону, как загрохотали выстрелы.

Первая пуля прошла мимо и разбила стекло во входной двери. Остальные четыре попали в цель — одна в живот, две в грудь, четвертая в селезенку. Краузе подняло в воздух и отбросило на тротуар.

Нога Джилл переместилась с педали тормоза на педаль газа. "Форд" рванулся вперед и промчался два квартала. На втором перекрестке перед ним зажегся красный сигнал светофора. Джилл приостановила, а потом вывернула руль, резко повернув налево. Вновь промчалась два квартала, опять повернула и сбросила скорость до нормальной. В кабине сильно пахло порохом, так что Дэйн чуть опустил стекло, чтобы запах выветрился.

Глава 17

Небо темнело. По шоссе проезжали редкие машины. Солнце только что закатилось за горизонт, и запад полыхал багрянцем. С автострады они свернули в Согертисе, доехали до мотеля и решили, что пора отдохнуть. Вторую половину дня провели у бассейна, пообедали в близлежащем ресторане.

— Знаешь, я не могу в это поверить, — вырвалось у Джилл.
— Что все закончилось?
— Что такое вообще могло произойти. Всего-то прошло восемь дней, и я не могу поверить, что действительно прожила их.
Дэйн обнял жену за талию. Она прижалась к нему, и он вдохнул сладкий запах ее волос.
— Через год, — продолжала Джилл, — мы тем более не поверим, что это была реальность, а не наша фантазия. Ты станешь очень перспективным молодым адвокатом, я — твоей очаровательной супругой, принимающей активное участие во всех общественных мероприятиях. А Нью-Йорк... Нью-Йорк канет в небытие.

В мотеле они провели четыре дня, практически не выходя из номера, не вставая с кровати. Они смеялись, говорили, что превратились в сексуальных маньяков.

— Я хороша в постели? — как-то спросила Джилл.
— Только очень уж скромна.
— Но хороша, — она зевнула. — Лучше меня у тебя не было?
— Кроме тебя у меня вообще никого не было.
— Рассказывай, — она вновь зевнула, потянулась. — Я на других не в обиде, даже не ревную.

В другой раз она положила голову ему на грудь и расплакалась. Он гладил ее по волосам, спрашивал, что случилось. Несколько минут они пролежали в тишине, потом Джилл подняла голову. Огромные глаза, катящиеся по щекам слезы.

— Я так хотела...
— Что?
— Я так хотела достаться тебе девственницей.
— Но ты и досталась.
Она обдумала его слова, потом медленно кивнула.
— Да. Действительно досталась, не так ли?

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

121. Н. КОНДРАТЮК

с. Плехом, Украина

ШАХМАТНАЯ

280

ЭПИГРАММА

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию оригинальных композиций, присланных на VI международный конкурс со-ставления шахматных задач-миниа-тор, а также подводим итоги про-шлогоднего конкурса многоходо-вок. В конкурсе 1996 года участ-вовало 127 задач 41 автора (опуб-ликовано 43). Из конкурса исключены из-за предшественников: №№ 44, 55, 57, 68, 71, 79; из-за дуб-лей: №№ 15, 32; из-за побочного решения: № 106.

Присуждение предварительное. Замечания принимаются в течение двух месяцев после публикации ито-гов.

Мат в 2 хода

122. С. НИКОЛАЕВ
Иваново

Мат в 2 хода

123. В. ЧЕРНОУС
Одесса,
Украина

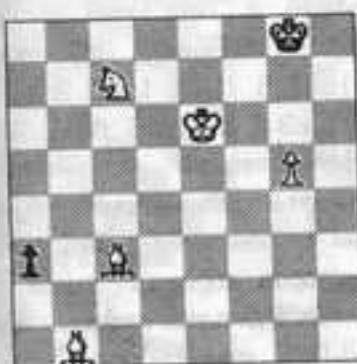
Мат в 3 хода

б) п. c3-c4; в) п. c3-c7

124. В. НОЖАКИН, Л. ЛЕБЕДЕВ

Россия

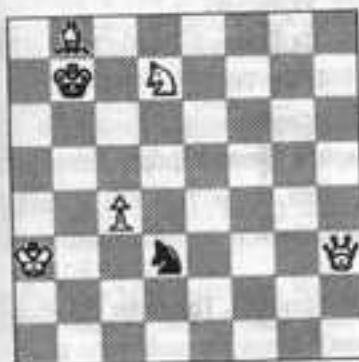
Беларусь

Мат в 3 хода

125. В. МЕЛЬНИЧЕНКО

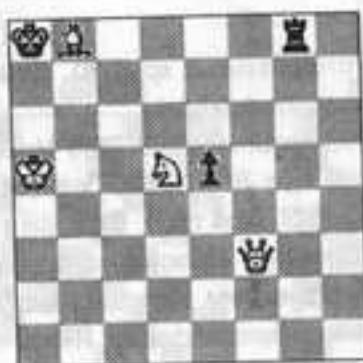
г. Котовск, Украина

Мат в 3 хода

126. Х. ФРЕБЕРГ

Швеция

Мат в 3 хода

127. Н. РЕЗВОВ

Одесса,

Украина

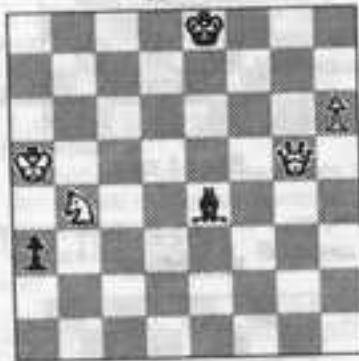

Мат в 4 хода

128. В. НАЛАНДАДЗЕ

Тбилиси,

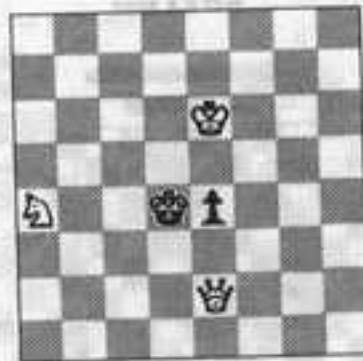
Грузия

Мат в 4 хода

129. П. ЛОУРИДАС

Германия

Мат в 5 ходов

МНОГОХОДОВКА-98

I приз

Ю. СУШКОВ

Мат в 5 ходов

II приз
М. МАРАНДЮК

Мат в 4 хода

III приз
Ю. ГОРДИАН

Мат в 4 хода

Специальный приз
Ю. СУШКОВ

Мат в 4 хода

I приз. **Ю. СУШКОВ** (Санкт-Петербург)

1. Cg4!! Hd5 2. Ld3 Kpe4 3. Krc4 e6 4. Ld2 Kpe3 5. Le2x 1...e6 2. Ce6 Kpe4 3. La3! Hd4 4. Cf5 Hd5 5. Ld3x, 1...e5 2. Cf5 e4 3. Ce6 e3 4. Cf5 e2 5. Ld3x

Великолепный вступительный ход ведет к трем полноценным вариантам с правильными матами, два из которых образуют точное эхо! Приятны отдельные нюансы: темп-ход 3.Ла3!, маневры слона в третьем варианте, "полупинкенинги". Прекрасное достижение!

II приз. **М. Марандюк** (г. Новоселлица, Украина)

1. Fd5 Kpe1 2. Fd3 e2 3. Fd5 Kpf1 4. Fh1x!

Оригинальная трансформация темы возврата. Белый ферзь попадает на d3 через d5 и тем же маршрутом возвращается на h1 с матом.

III приз. **Ю. Гордиан** (Одесса, Украина)

1. Hd3 Kpc2 2. Lb6 Kpd1 3. Cf3 Kpc2 4. Lb2x, 1...f2 2. Cf1 Kpa2 3. Cc2 f1F 4. La6x, 1...Kpa2 2. Cf7 Kpb1 3. Le6 f2 4. Lc1x Три варианта с правильными матами.

Специальный приз. **Ю. Сушиков** (Санкт-Петербург)

1. Kpg8! Krb6 2. Fb5 Kpe7 3. Ff5 Kpe8 4. Ff7x, 1...Kpe5 2. Fc4 d5 3. Fg4 d4 4. Ff5x

Отличная малютка с хорошим геометрическим мотивом: два эхо-маневра белого ферзя! Нельзя сказать, что только один вариант заканчивается правильным матом!

1-й почетн. отз.
М. МАРАНДЮК

Мат в 6 ходов

2-й почетн. отз.
В. ЖЕЛТОНОЖКО, В. КОВАЛЕНКО

Мат в 4 хода

3-й почетн. отз.
Ю. СУШКОВ

Мат в 4 хода

1-й почетный отзыв. **М. Марандюк** (г. Бровары, Украина)

1. Неб Нрб8 2. Нв8 Нрб8 3. Сн7 Нрб8 4. Нр7 гб5 5. Сг8 г5 6. Нгбх 6) бел. п. гб 1. Кд5 Нрб8 2. Нг6 г3 Нр7 15 4. г7 Нрб7 5. г8Ф Нрб6 6. Фгбх

И в этой малотне есть интересный нюанс: оба шестикордовых варианта заканчиваются матами на поле гб [на этом же поле образуются блоны]. И здесь только один мат – правильный. Место этой задачи [по сравнению с предыдущей] определяется тем, что залогом реализации в близнецах.

2-й почетный отзыв. **В. Желтоножко** (Екатеринбург) и **В. Коваленко** (г. Большой Камень, Приморский кр.)

1. Кре2 а2 2. Нрд3 а1Н 3. Фа2 с5 4. Фа1х 1... с5 2. Фа2 с4 3. Нре3 Нрд1 4. Фа1х 3... с2 4. Фа1х

Подобные ах-хамелеонные правильные маты многократно встречались. Задача отмечена за элегантность и хороший понятный след:

1. Фа2? с5 2. Нре2 с4 3. Нре3 Нрд1, с2 4. Фб1, Фа1х, но 1... а2! 2. Нре2 с5 3. Нре3 с4!

3-й почетный отзыв. **Ю. Сушков** (Санкт-Петербург)

1. Нрб6? – пат! 1. Нрб7!! б5 2. Нрб8 б4 3. Нрб5 в3 4. Фд4х, 1... Нс5 2. Фе4 Нрб5

3. Сд6 Нра5 4. Фб4х, 2... б5 3. Се5 б4 4. Фс6х

Остроумная идея, белый король, как расчетливый стайер, пропускает вперед черную пешку.

Почетный отзыв. **В. Антипов** (г. Боровичи Новгородской обл.)

1. б4 2. Фб2х 1. Фс2 Нрб4 2. Нре2 Нра5 3. Фс8 Нрб4 4. Фс1 Нра5 5. Фз3х

В подобных одновариантных псевдодвухходовых непальтыны правильные маты.

Почетный отзыв. **М. Нормильцев** и **Ю. Лялюшкин** (оба – Екатеринбург)

1. сб Нра7 2. вб Нраб8 3. вб Нрс8 4. е7 Нрб8 5. е8Фх

Интересная пешечная миниатюра с точной (без дублей) последовательностью ходов в главном варианте.

Почетный отзыв. **П. Пуридас** (Литва)

1. Фе8! Нрб5 2. Фб6 Нрд4 3. Фf5 Нре3 4. Сс5 Нре2 5. Фг2х, 2... Нре5 3. Нрд3 Нрд4 4. Сd6 Нрд3 5. Фg3х

Симпатичная четырехфигурная задача с длинным, через всю доску, вступительным ходом ферзем и двумя ах-матами. Задача стала бы выше, если бы не многочисленные дубли в других вариантах.

В. Четверонный
междунациональный арбитр

В. АНТИПОВ

М. НОРМИЛЬЦЕВ,
Ю. ЛЯЛЮШКИН

П. ПУРИДАС

Мат в 5 ходов

Мат в 5 ходов

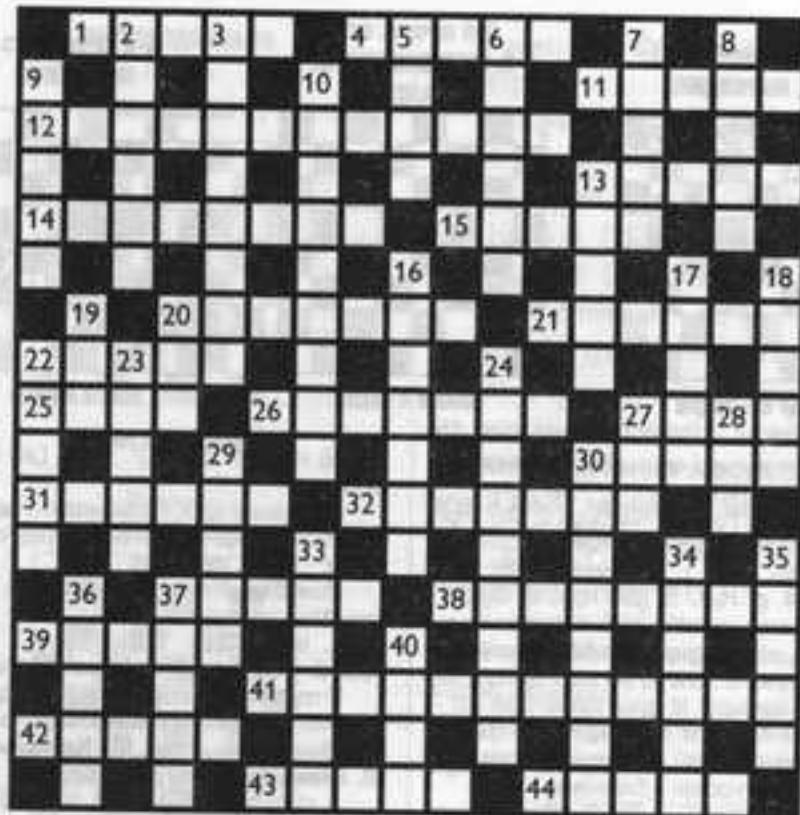
Мат в 5 ходов

Мат в 5 ходов

Мат в 5 ходов

284 ЭРУДИТ

По горизонтали.

1. Рыба, дающая сигнал родичам о найденном норме. 4. Немецкий художник, в 1833 году за картину "Крещение Господне" получивший в Петербурге звание академика. 11. И Мегра, и Пурво. 12. Номинатное эхо. 13. Французский писатель и философ, пытавшийся объяснить, что Дос Пассос - лучший писатель до середины XX века. 14. Человек, достигший больших успехов, упраняясь в безумии. 15. Морщина на теле земли. 20. Язык коров и алноголовиков. 21. Мечта пушкинского Евгения, но не Татьяна. 22. Нечисть, боязняющаяся рыбины. 25. Обычный сын вилы в сербском эпосе. 26. Один из семи холмов Рима. 27. Древнее племя, предки эстонцев. 30. Сказочная восточная деваушка, созданная из амбры, камфоры, мускуса и шаффрана. 31. Юнная птица, в чьем "словаре" девятнадцать иронов. 32. Вечный сниталац за оскорблении Христа в дороге на Голгофу. 37. Фига без оскорблений. 38. Птица счастья нынешнего дня у Алены Свиридовой. 39. Старинная игра в ности на деньги. 41. Адмирал, директор ЦРУ в 1949 году, когда оно прошляпило ядерный взрыв в Назахстане. 42. Длинный женский платон, чьи концы и очелья унизывали немчугом. 43. "Лиззэй - пелся облин" В. Хлебникова по форме и по сути. 44. Нольбель для курящего сына.

По вертикали.

2. Многоножка, порой просто нишащая на опавших фруктах. 3. Личный почтальон. 5. Самый "патриотический" напиток в России. 6. "...Иннама" - принцип, по которому в науке не должно быть понятий, не сводимых к интуитивному и опытному знанию. 7. Орудие, на котором Архимед готов был сдвинуть Землю. 8. Граф, которого А. Керенский считал самым величайшим государственным деятелем России. 9. Вредное насекомое с бахромчатыми крыльями. 10. Лишняя, по мнению фонвизинского Митрофанушки, наука, поскольку есть нучер. 13. Французская писательница, "поприветствовавшая" грусть. 16. Нимфа, погибшая по вине Пана. 17. Представитель канадского народа, у которого овцы доили и стригли мужчины. 18. Шапочка, плотно занызывающая манушку монаха. 19. Самопровозглашенный в письмах к Лиле Брин. 20. Герой Н. Гумилева, отчасти похоний на Маугли. 22. Бальзамин. 23. Объект для хондения в дамни. 24. Столица Олимпийских игр 1992 года. 27. Граница, меана, рубеж (по В. Далю). 28. Витязь, убитый низязем Олегом вместе с Аскольдом. 29. Единственное, что одновременно и удлиняется, и укорачивается. 30. Дочь Елены и Менелая, после цели трагедий вышедшая замуж за Ореста. 33. Предмет, на который Рентген преподавал в Гиссене, Страсбурге и Вюрцбурге. 34. Шуба, в которой щеголял Н. Чернышевский. 35. Греческий аналог парни. 36. Самые крупные в сезоне соревнования для четырехлетних рысаков. 37. Почитатель священных коров. 40. Древнее государство на Иранском нагорье, завоеванное Мидией.

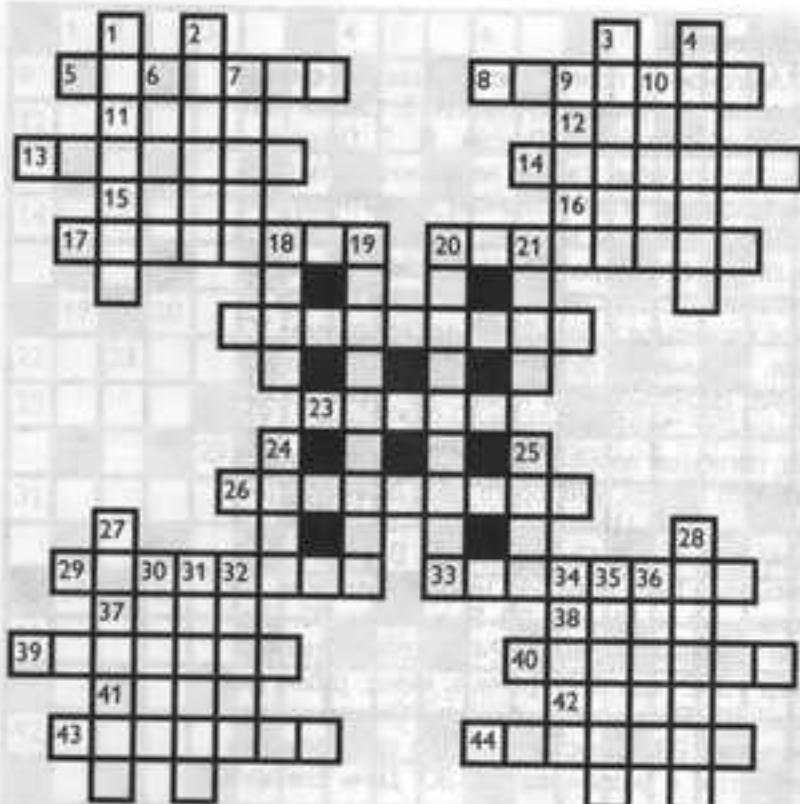
**ОТВЕТЫ
НА «ЗРУДИТ».
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 9**

По горизонтали.

1. Щипцы. 4. Виллем. 12. Аснет. 13. Праправнук. 14. Исира. 15. Олья. 16. Франклин. 17. Пря. 18. Тюрг. 20. Бриг. 25. Ропс. 26. Обсидиан. 27. Ши. 29. Зуев. 31. Труд. 32. Ян. 34. Движение. 36. «Едут». 37. Рван. 40. Авров. 43. Вал. 44. Шарлатан. 45. Улей. 46. Таффи. 48. Несменяемость. 49. Поиск. 50. Аннета. 51. Стынь.

По вертикали.

2. Ивальди. 3. Цирк. 5. Иннанна. 6. ...Ланкло. 7. Макинтош. 8. Энскурс. 9. Страхов. 10. Алломб. 11. Спиря. 16. Фрост. 19. Юпитер. 21. Раун. 22. Гоядо. 23. Вдова. 24. Хадсон. 28. Шуба. 30. Унван. 33. Нушина. 35. Заступа. 36. Ерофеич. 38. Вильсон. 39. Чайтыя. 41. Бросон. 42. Надейт. 43. Веяя. 47. Омут.

КРОССВОРД
Составил
А. Ядыкин,
Климовский
Московской
области

По горизонтали.

- Декабрист, поручик Черниговского полка, погибший в бою с царскими войсками.
- Цветок, символ друнобы в корейской мифологии.
- Воинское подразделение.
- Древний город, стоявший на реке Десне.
- Рабочая профессия отца А. Платонова.
- Американская негритянская воинская группа.
- Тридцать египетских стадий.
- Бернард Шоу по происхождению.
- "Собачий" рассказ А. Чехова.
- Приданое злой царицы в "Сказке о мертвом царевне..." А. Пушкина.
- Мелодия.
- Весьма щепетильная особа.
- Ореховое дерево, выдерживающее сильную засуху.
- Любитель пускать пыль в глаза.
- Еда из "Азиатского орнамента" Остапа Бендеря.
- Арабская страна, на чьих монетах можно увидеть ракообразных животных.
- "Седой" тополь амударинских тугайных лесов.
- Русский философ, чьи знаменитые письма адресованы даме.
- "Таинственные предметы" как новогодний сюрприз в Боливии.
- Музя истории (одно из наименений).
- Подношение.
- Французский физик, первым описавший слепое пятно на сетчатке глаза.

По вертикали.

- Металл из нопей в Гаврии, которым Фемистокл оплатил постройку афинского флота.
- Испанка цыганка.
- "Миролюбивый и очень прилежный грызун". Характер его — смесь любопытства и боязливости" (А. Брем).
- Нительница города, где в лицее учился Н. Гоголь.
- Высший дипломатический класс.
- Семилетия отца Ольги и Татьяны.
- Стрелковое оружие морского нота.
- Норотная тарна или мебельная доска.
- Небольшой якорь на гребных судах.
- Глубоноводная рыба, накуп "Нингга рекордов Гиннесса" называет самой распространенной.
- Обладатель красивого почерка.
- Рязанский город с двумя снопами ржи на гербе.
- Блондин родственник судака.
- Историко-русское название стручкового красного перца.
- Нитель острова на Средиземном море, подаренном Антонием Неполатре.
- Древнеиндийское материалистическое учение, целью жизни считающее наслаждение.
- Диалозитив.
- Поджарый, подбористый человек [по В. Далю].
- Гадатель в Древнем Риме.
- Наёмный экипаж в Западной Европе.
- Дальний восточный чертово дерево, из чьих корней делают лекарственные настои.
- За морем птичка поёт, сюда голос подает (загадка).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали.

- Алофема.
- Гаврош.
- Ювелир.
- Бодино.
- "Руслан".
- Мешхед.
- Гималаи.
- Губин.
- Дибич.
- Сен.
- Щенон.
- Литий.
- Чен.
- Роден.
- Область.
- ...эгоисты.
- Гемма.
- Сарафан.
- Ареолог.
- Лиана.
- Удачник.
- Робость.
- Энсор.
- Сенст.
- Венин.
- Инцест.
- Яремча.
- Нуравель.
- Тореро.
- Звание.
- Добрня.

По вертикали.

- Огарь.
- Хвастун.
- Товарищ.
- Провизор.
- Феддан.
- Мандарин.
- В. Евгений.
- Шляхтич.
- Бридж.
- Рембрандт.
- Нейтралитет.
- Дисгармония.
- Честность.
- Номедиант.
- Пермонтов.
- Каланча.
- Пирогов.
- Эскудо.
- Раглан.
- Циста.
- "Мцыри".
- Скора.
- Нровъ.
- "Аминь".
- Шафер.
- Зайр.

ОЛЬГА ВОЛТА

Ее картины очень красивы. И очень жизнерадостны. Они свежи и чисты по цвету. В них сочность и буйство красок, трепетность и красота самой жизни. Основные темы – натюрморт, пленительные женские образы и цветы. Ногда переступаешь порог ее мастерской – первое впечатление, что попадаешь в какой-то сказочный мир, в котором царит вечное лето. Море цветов: и скромные полевые, и роскошные бунты, и все они словно наполнены лучистым струящимся светом. "Я никогда долго не размышляю над тем, что буду изображать, – говорит художница. – Для меня главное эмоции, мое внутреннее состояние. Чувства, которые переполняют меня, "выплескиваю" на холст. Во всех моих работах – мое душевное состояние, настроение... Любопытно, но Ольга никогда не пишет с натуры. Просто долго любуется, запоминает, а затем уже по памяти изображает. Причем, цветы пишет зимой или в скудные ненастные осенние дни. Как она уверяет, это ей помогает перенять непривычные времена года. А когда наступает лето, Ольга рисует молодых, красивых девушек. Изысканных, чувственных, необыкновенно милых и женственных. "У меня много красивых подруг, я часто любуюсь ими. И к тому же, на выставках красивые цветы и красивые девушки дополняют друг друга".

Да и сама Ольга обладает яркой, броской внешностью. Несколько лет она проработала манекенщицей и входила в десятку лучших топ-моделей у нас в стране. Участвовала в показах однажды Зайцева и Юдашина, ездила во Францию и Италию с демонстрационным показом. Все прочили ей блестящую карьеру на подиуме. Но... Ольга выбрала для себя другой путь.

Родилась и выросла Ольга в Ниеве, в семье, где любили искусство, где царил культ прекрасного. Рисовать начала очень рано. В пять лет, занимаясь в детской художественной студии, она участвовала в международном конкурсе и стала лауреатом конкурса детского рисунка в Японии. Позже семья переехала в Сухуми. И здесь Ольга вначале занялась художественную школу, а затем и художественное училище. Ее студенческие годы – годы самоизучения, профессионального становления и поиска своего места в искусстве. У нее были замечательные учителя: академик Асташинский, скульптор Вахолина, художник Инна Майборода... До сих пор помнит выезды на пленэр, а попросту – путешествие по Навказу с его горными перевалами, водопадами, альпийскими пугами. Не отходя ли у нее такая любовь к природе, такое обостренное восприятие ее...

С 1993 года Ольга начала выставлять свои работы. Первая ее выставка прошла в Ниеве, в галереях "Плеяды" и "Лавра". А затем и в Москве. Особый интерес ее работы вызывают у японцев, тонких ценителей природы. В прошлом году Ольга побывала в Америке, где прошли ее выставки в галерее Гарвардского университета, в Нью-Йорке, в Вашингтоне и Нью-Йоркском центре Филадельфии. Картины "Дары осени" и "Розовое настроение" приобрел для своей коллекции известный американский покровитель искусства Хамент, а Филипп Бруно – директор одной из самых престижных галерей на Манхэттене – предложил ей организовать персональную выставку.

Ольге всего 25 лет. И хотя она находится только в начале творческого пути, она уже многое достигла. В этом году она стала членом Международного художественного фонда, в Центральном доме художника в Москве прошла ее персональная выставка. А впереди у нее – участие в художественной ярмарке Артманена. И еще долгие, долгие годы творчества. Ибо ее предназначение – дарить людям красоту и радость...

Ольга ВОЛГА. Букет для нее.

Запад.

Букет.

Aznya